
ИСТОРИЧЕСКІЙ
ВѢСТНИКЪ
ИСТОРИКО-
ЛИТЕРАТУРНЫЙ
ЖУРНАЛЪ.
ГОДЪ ВТОРОЙ.
СЕНТЯБРЬ, 1881.

СОДЕРЖАНІЕ.

СЕНТЯВРЬ, 1881 г.

Стр.

I. РУССКІЙ ПУТЕШЕСТВЕННИКЪ ЗА ГРАНИЦЕИ ВЪ ПРОШЛОМЪ ВѢКѢ. (1771—1773 г.г.). **А. П. Милюкова** 5

II. ОЧЕРКИ ИЗЪ УКРАИНСКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ. III. Романтико-художественная украинская литература нынѣшняго вѣка. **Н. И. Петрова** 28

III. МАЛОРОССІЯНЕ ВЪ ПОЛЬШѢ XVII ВѢКА. **Ѳ. М. Уманца.** 55

IV. КНЯЗЬ КУРБСКІЙ НА ВОЛЫНИ. **Ю. Бартошевича** . . . 65

V. РАСКОПКИ НА ОСТРОВѢ КИПРѢ. 86

VI. УМСТВЕННЫЙ И НРАВСТВЕННЫЙ ПРОГРЕССЪ ЕВРОПЕЙСКАГО ОБЩЕСТВА ВЪ ТЕЧЕНІЕ ПОСЛѢДНИХЪ ТРИДЦАТИ ЛѢТЪ. (1848—1878 г.г.). **Ц. Канту.** Переводъ съ французскаго съ очеркомъ жизни Канту **Д. П. Лебедева.** 97

VII. ПРУССКОЕ ПОСОЛЬСТВО ВЪ КРЫМЪ ВЪ СЕМИЛѢТНЮЮ ВОЙНУ 125

VIII. ИНОСТРАННАЯ ПУТЕШЕСТВЕННИЦА ПО РОССІИ. **Д. А.** . 137

IX. ТАЛЕЙРАНЪ НА ВѢНСКОМЪ КОНГРЕССѢ. **Ѳ. Б.** 148

X. ВОСПОМИНАНІЯ О РОССІИ АРМАНА ДОМЕРГА. (1805—1813). Продолженіе. Главы VIII—IX 158

XI. КРИТИКА И БИБЛІОГРАФІЯ: 1) Князь Н. Н. Голицынъ. Матеріалы для полной родословной росписи князей Голицыныхъ. Корректурное изданіе, не предназначенное для продажи. Кіевъ. 1880 г. I т. in 4°. V+224 стр. — А. П. Барсуковъ. Родъ Шереметевыхъ. Книга 1-я. Спб., 1881 г., in 4°. VIII+545 стр., съ приложеніемъ герба Шереметевыхъ и 33 литограф. и хромолитограф. снимковъ съ рисунковъ изъ лѣтописныхъ сборниковъ XVI вѣка и съ грамотъ и актовъ того же вѣка. **Д. К—ова.**—2) Духовныя школы въ Россіи до реформы 1808 года. Сочиненіе П. Знаменскаго. Казань, 1881 года. **Д. П. Лебедева** 185

XII. ИЗЪ ПРОШЛАГО: Именные указы императора Павла I. Сообщ. **Г. В. Есиповымъ.** 203

XIII. СМѢСЬ: Трехсотлѣтній юбилей Сибири. — Память о Ермакѣ въ Пермскомъ краѣ. — Столѣтіе Пермской губерніи. — Рукописное четвероевангеліе XVII вѣка.—Кавказскій музей 208

XIV. ОТЪ РЕДАКЦІИ. 216

ПРИЛОЖЕНІЯ: 1) Въ золотомъ вѣкѣ. Историческій романъ **К. Фрепцеля.** Продолженіе. Часть I. Главы: III (окончаніе), IV, V, VI (начало).— 2) Портретъ **Н. А. Демидова.** — 3) Объявленіе о подпискѣ на сочиненіе „**Нашъ вѣкъ**“ и два пробныхъ листа этого изданія.

НИКИТА АКИНФІЕВИЧЬ ДЕМИДОВЪ.

Съ гравированнаго портрета, изданнаго въ 1786 году, рѣзалъ на деревѣ Панеманкеръ въ Парижѣ.

Дозволено цензурою. С-Петербургъ, 18 августа 1881 г.

Типографія А. С. Суворина. Ѳртоловъ пер., д. 11—3.

ИСТОРИЧЕСКІЙ

ВѢСТНИКЪ

ГОДЪ ВТОРОЙ

ТОМЪ VI

ИСТОРИЧЕСКІЙ

ВѢСТНИКЪ

ИСТОРИКО-ЛИТЕРАТУРНЫЙ ЖУРНАЛЪ

ТОМЪ VI

1881

С.-ПЕТЕРБУРГЪ
ТИПОГРАФІЯ А. С. СУВОРИНА, ЭРТЕЛЕВЪ ПЕР., Д. № 11—2
1881

РУССКІЙ ПУТЕШЕСТВЕННИКЪ ЗА ГРАНИЦЕЙ ВЪ ПРОШЛОМЪ ВѢКѢ.

(1771—1773 гг.).

ДО ПОЯВЛЕНІЯ путевыхъ писемъ Фонвизина и Карамзина, всѣ записки и разсказы русскихъ путешественниковъ, волей или неволей выѣзжавшихъ за предѣлы отечества, нестолько знакомятъ насъ съ тѣми землями, которыя они посѣщали, сколько съ собственными ихъ нравами и понятіями. Это прежде всего можно видѣть въ сказаніяхъ нашихъ паломниковъ, или богомольцевъ, и въ такъ называемыхъ „хожденіяхъ“ за рубежъ и за море. Вы составите изъ нихъ весьма слабое понятіе о странѣ, видѣнной путешественникомъ, но вамъ хорошо представится его личность. Онъ почти не обращаетъ вниманія на природу, на исторію и бытъ народовъ, и немногія указанія на какія-нибудь особенно поразившія его черты въ этомъ отношеніи, рисуютъ намъ только его собственныя воззрѣнія. Если бы нашъ пилигримъ, игуменъ Даніилъ, посѣтившій Іерусалимъ вскорѣ послѣ перваго крестоваго похода, не упомянулъ въ своихъ запискахъ о томъ, какъ онъ лично просилъ у короля Бальдуина позволенія поклониться гробу Господню, мы не знали бы, въ какое время паломникъ былъ въ Палестинѣ; но зато мы ясно видимъ, съ какимъ полнымъ отрѣшеніемъ отъ всякихъ мірскихъ цѣлей, съ какою вѣрою и благоговѣніемъ вступалъ этотъ человѣкъ въ святую землю и какъ онъ любилъ свое отечество, принося въ храмъ лампаду съ молитвою за князей и всю русскую землю. Въ пятнадцатомъ вѣкѣ, тверской купецъ Аѳанасій Никитинъ пробрался въ недоступную въ то время Индію, но по его запискамъ нельзя составить и поверхностнаго понятія о странѣ, которая должна была поразить пришельца своеобразными особенностями природы и быта. Онъ упоминаетъ только коротко о произведеніяхъ Индостана и говоритъ, что тамъ „перецъ

да краски дешевы", а въ народѣ много вѣръ и „вѣра съ вѣрою ни пьетъ, ни ѣстъ". Между тѣмъ, не смотря на всю сухость разсказа, можно составить понятіе о самомъ путешественникѣ, который стосковался въ басурманской землѣ, въ особенности оттого, что не зналъ „когда постъ, когда свѣтлое воскресенье". Такимъ же характеромъ отличаются „статейные списки", или отчеты о поѣздкахъ пословъ, которые отправлялись русскими государями съ различными порученіями къ иностраннымъ дворамъ. Обыкновенно кто-нибудь изъ бывшихъ при посольствѣ лицъ велъ дневникъ и записывалъ въ немъ не только то, что касалось государственнаго дѣла, но и всякаго рода замѣчанія о видѣнномъ на пути. Въ этихъ разсказахъ наблюдательность путешественниковъ останавливается на такихъ предметахъ, которые нестолько рисуютъ нравы страны, сколько мелкія особенности быта, чуждаго нашимъ соотечественникамъ; а изъ того, что̀ привлекаетъ ихъ вниманіе и возбуждаетъ любопытство, мы ясно видимъ ихъ собственный взглядъ. Приведемъ нѣсколько примѣровъ. Въ статейномъ спискѣ стольника Чемоданова, посланнаго въ 1656 г. въ Венецію, разсказано, что посла везли по водянымъ улицамъ „въ баркахъ, сдѣланныхъ по каретному, а нѣмецкіе люди съ женами и съ дѣтьми посланнику кланялись, и посланникъ вручилъ князю веницейскому царскую любительную грамоту, и князь его усердное хотѣніе къ любительному совѣту принялъ добрымъ афектомъ". Послу показывали городъ, и онъ „смотрѣлъ мощей святыхъ и казны, ножъ, которымъ Петръ апостолъ отрѣзалъ у Малха ухо, да камень, которымъ убитъ архидіаконъ Стефанъ, да шапку княжую, въ которой садится князь на княженіе, два кадила золотыя, да двѣнадцать вѣнцовъ съ корунами золотые, да два рога инроговыхъ". Вотъ что въ особенности замѣтили наши пришельцы въ великолѣпномъ и своеобразномъ городѣ дожей. Въ 1659 г., дворянинъ Лихачевъ ѣздилъ посломъ во Флоренцію. Въ отчетѣ о его поѣздкѣ находимъ нѣсколько больше подробностей. „Когда гранъдюкъ съ посланникомъ витался, стояли многіе служилые люди съ протазаны и съ алебарды, а во дворѣ княжомъ палаты о восьми жильяхъ, во всѣхъ запоны дорогіе и столы аспидные, а чернильница, изъ чего писали, золотая, фунтовъ въ тридцать, а вмѣсто песка руда серебряная, а отходы крыты бархатомъ флоренскимъ, выгружаютъ ихъ по вся дни. На дворѣ садъ рыбный, вода вверхъ взведена и устроенъ іорданъ, и выше іордана сажени двѣ безпрестанно вода прыгаетъ на дробныя капли, а къ солнцу, что камень хрусталь". Въ спискѣ встрѣчаются и замѣтки о мѣстныхъ обычаяхъ, которые въ особенности поразили русскихъ. „Извычай у жителей таковъ—говорится въ дневникѣ: мужи и жены честные ходятъ всѣ въ скуратахъ, сирѣчь въ личинахъ всякихъ цвѣтовъ, а у женъ сосцы голы и на головахъ нѣтъ ничего". На обѣдѣ у великаго герцога „яствы были дѣланы съ вымысломъ мастерскимъ: орелъ сдѣланъ на сахарѣ, устроенъ жемчугомъ большимъ и каменіемъ драгимъ, въ серединѣ же онаго

изображенъ великій государь нашъ на аргамакѣ, въ рукѣ скипетръ держитъ; пили учтиво, въ то же время играли по музыкѣ и кимвалы и въ органы". Русскихъ забавляли, какъ дѣтей: „князь принесъ на золотой мисѣ шелкъ и бумагу и велѣлъ жечь огнемъ, и шелкъ и бумага отъ огня не сгорѣли; а говорилъ князь: вамъ то мнится, что-де я волшебствомъ дѣлаю, а есть-де у меня камень, тѣмъ-де камнемъ шелкъ и бумагу потру, и огонь не зажжетъ". Посла со свитою возили въ театръ, и вотъ какъ въ отчетѣ описывается спектакль: „Объявилися палаты, и бывъ палаты и внизъ уйдутъ, и того было шесть перемѣнъ; да въ тѣхъ же палатахъ объявилося море, колеблемо волнами, а въ морѣ рыбы, а на рыбахъ люди ѣздятъ, а вверху палаты небо, а на облакахъ сидятъ люди; и почали облака и съ людьми на низъ опущаться, подхватя съ земли человѣка подъ руки, опять вверхъ же пошли; а тѣ люди, которые сидѣли на рыбахъ, туда же поднялися въ верхъ за тѣми на небо. Да спущался съ неба же на облакѣ сѣдъ человѣкъ въ каретѣ, да противъ его въ другой каретѣ прекрасная дѣвица, а аргамачки подъ каретами какъ быть живы, ногами подрягиваютъ; а князь сказалъ, что одно солнце, а другое мѣсяцъ". Не смотря на наблюдательность составителя этаго списка, можно ли вынести изъ него какое-нибудь понятіе о величественной столицѣ Медичисовъ, которая блистала тогда всѣми сокровищами искусства и общественной жизни? Гораздо полнѣе статейный списокъ посольства стольника Потемкина въ Испанію и Францію въ 1667 году. Тутъ записаны уже и дорожныя впечатлѣнія, и свѣдѣнія о посѣщенныхъ странахъ, и замѣчанія о чужихъ обычаяхъ и образѣ жизни, но и въ этомъ мы меньше знакомимся съ иноземнымъ бытомъ, чѣмъ съ нравами и взглядомъ русскихъ людей той эпохи. Съ той минуты, какъ посланники „ударили челомъ и были у руки государя" до возвращенія ихъ въ Россію, мы слѣдимъ за ними изо дня въ день. Главною заботою пословъ было поддерживать честь и достоинство царя, требовать, чтобы нетолько при переговорахъ о дѣлѣ, но и при питьѣ за его здоровье на обѣдахъ, произносился полный титулъ, и наблюдать, стоя-ли и безъ шапки выслушивается иноземнымъ королемъ имя государя московскаго. Въ замѣткахъ о разныхъ случайностяхъ за границей и о томъ, что̀ больше всего бросалось въ глаза нашимъ путникамъ, ярко выступаютъ черты тогдашней русской жизни. Въ бытность посольства въ Мадридѣ, у Потемкина украли яхонтъ съ иконы Казанской Божіей Матери и другія цѣнныя вещи, а у посольскаго священника обрѣзали на кафтанѣ серебряныя пуговицы. Воръ былъ пойманъ и приговоренъ къ казни, но посланникъ не пожелалъ этого и ходатайствовалъ о смягченіи ему наказанія. Русскихъ видимо поразило то, что „въ испанскомъ государствѣ люди во нравахъ своеобычны, высоки, неупьянчивы, хмѣльнаго питья пьютъ мало и ѣдятъ по малу... Посланники и всѣ посольскіе люди въ шесть мѣсяцевъ не видали пьяныхъ людей, чтобъ по улицамъ валялись, или идучи по улицѣ, напився

пьяны, кричали". При переѣздѣ изъ Испаніи во Францію, на границѣ произошла характерная сцена. Таможенный откупщикъ, видя у пословъ иконы въ окладахъ съ жемчугомъ и дорогими камнями, потребовалъ съ нихъ пошлину. Потемкина поразило это. „Врагъ креста Христова! „сказалъ онъ", какъ ты не устрашился такъ говорить, что съ образа Спасителя нашего и Господа Іисуса Христа, Сына Божія, и Пречистыя Его Матери, Пресвятыя Богородицы, что на тѣхъ святыхъ и честныхъ иконахъ утварь устроена по нашей благочестивой христіанской вѣрѣ, и ты съ того хочешь пошлину, скверный песъ, взять? Видя твое безстыдство и нравъ звѣрскій, какъ неугладному или волку несыту, имущу гортань восхищати отъ пастырей овцы, такъ тебѣ бросаемъ золото, какъ прахъ!" И послѣ этой рѣчи, стольникъ бросилъ на землю сто двойныхъ золотыхъ дублоновъ. Какъ сильно высказался въ этомъ русскій человѣкъ! Широкая натура Потемкина развернулась и въ Парижѣ. Желая выразить благодарность маршалу де-Бельфону за радушный пріемъ посольства, онъ надѣлъ на него свою соболью шапку съ жемчужными петлями и запоной изъ дорогихъ камней, и когда французъ взамѣнъ подалъ ему свою простую шляпу, посолъ принялъ ее и сказалъ: „На твоихъ, пріятеля моего, дарахъ кланяюсь усердно и за великое пріятство пріемлю". Замѣтки о Франціи тоже очень характерны. Правда, путешественники наши интересуются больше внѣшностью и часто обращаютъ вниманіе на мелочи, но въ статейномъ спискѣ встрѣчаются и такого рода отзывы: „Люди во французскомъ государствѣ человѣчны и ко всякимъ наукамъ, къ философскимъ и къ рыцарскимъ, тщательны... Изъ иныхъ государствъ во французскую землю, въ городъ Парисъ и въ иные города, пріѣзжаютъ для науки философской и для ученья ратнаго строя королевичи, и великородные, и всякихъ чиновъ люди, потому что городъ Парисъ великій, и многолюдный, и богатый, и школъ въ немъ безмѣрно много". Вообще, хотя въ старинныхъ описаніяхъ путешествія русскихъ людей по чужимъ землямъ встрѣчаются довольно мѣткія наблюденія и дѣльныя замѣчанія, но во всемъ этомъ выражаются больше наши собственные нравы и понятія. Постоянная забота пушественниковъ о томъ, чтобы не уронить достоинства своей страны, и вмѣстѣ съ тѣмъ готовность признать все хорошее въ чужой землѣ, умѣнье приноровиться къ иноземнымъ порядкамъ и стойкость въ своихъ собственныхъ народныхъ убѣжденіяхъ и обычаяхъ, наивное удивленіе передъ чуждыми нравами и отсутствіе всякаго глумленія надъ ними, способность переносить лишенія и въ то же время широко распоряжаться своими средствами — все это очень живо рисуетъ нашихъ соотечественниковъ.

Какъ ни сильно было вліяніе петровской реформы на русское общество, какъ ни измѣнились съ тѣхъ поръ наши обычаи, понятія и взгляды, но характерныя особенности нашихъ путешественниковъ не скоро изгладились. Послѣ того, какъ Петръ Великій своими поѣзд-

ками по Европѣ широко распахнулъ двери за-границу, русскіе вельможи и богатые люди устремились на западъ, кто съ желаніемъ познакомиться короче съ жизнью цивилизованнаго общества, кто съ надеждой поправить здоровье въ мягкомъ климатѣ и на прославленныхъ цѣлебныхъ водахъ, кто съ цѣлью пріобрѣсть какія-нибудь заморскія рѣдкости, или, наконецъ, просто для того, чтобы не отстать отъ моды. Въ половинѣ прошлаго столѣтія, въ рѣдкомъ изъ большихъ городовъ Европы не проживали русскіе туристы изъ болѣе или менѣе аристократическихъ и богатыхъ фамилій. Хотя эти чающіе движенія люди имѣли уже очень мало общаго не только съ нашими древними паломниками, но и съ послами московскихъ царей, однако и въ нихъ сохранились нѣкоторыя черты нашихъ старинныхъ путешественниковъ. Правда, это уже люди болѣе или менѣе образованные, знакомые съ условіями европейскаго быта, съ плодами наукъ и искусствъ, но въ запискахъ о ихъ странствіяхъ по Европѣ, даже во второй половинѣ XVIII вѣка, не столько мы можемъ почерпнуть точныхъ свѣдѣній и положительныхъ фактовъ о тѣхъ краяхъ, которые они посѣщали, и о томъ, что они видѣли, сколько видимъ характерныхъ подробностей, рисующихъ потребности и взгляды тогдашней русской интеллигенціи. Такихъ записокъ не мало. Можно указать, напримѣръ, на „Путевыя замѣтки князя Андрея Ивановича Вяземскаго“, въ изданномъ недавно графомъ С. Д. Шереметевымъ „Архивѣ князя Вяземскаго“. Но обращаемся прямо къ предмету настоящей статьи. Въ рукахъ нашихъ довольно рѣдкая въ настоящее время книга, напечатанная въ Москвѣ, въ 1786 году: „Журналъ путешествія его высокородія господина статскаго совѣтника и ордена святаго Станислава кавалера Никиты Акинфіевича Демидова по иностраннымъ государствамъ“. Книга напечатана въ четвертую долю листа, и къ ней приложенъ гравированный портретъ нашего путешественника, точная копія съ котораго прилагается къ настоящей книжкѣ „Историческаго Вѣстника“. Кто писалъ этотъ подробный поденный журналъ, изъ самаго сочиненія не видно, и въ другихъ источникахъ мы не нашли на это никакихъ указаній; во всякомъ случаѣ, роль составителя записокъ при Демидовѣ напоминаетъ тѣхъ посольскихъ людей, которые вели наши старинные статейные списки. Путешествіе это представляетъ особенный интересъ въ томъ отношеніи, что оно только четырьмя годами предшествовало первой заграничной поѣздѣ Фонвизина и было только съ небольшимъ пятнадцать лѣтъ раньше путешествія Карамзина. Считаемъ нелишнимъ сказать нѣсколько словъ о личности самого Демидова.

Родоначальникомъ Демидовыхъ былъ, какъ извѣстно, крестьянинъ Тульской губерніи, кузнечный мастеръ Демидъ Григорьевичъ Антуфьевъ. Сынъ его Никита Демидовичъ, также оружейникъ, успѣлъ своимъ искусствомъ и дѣятельностью обратить на себя вниманіе Петра Великаго, положилъ основаніе горнымъ заводамъ на Уралѣ и нажилъ

большое состояніе, а его сынъ Акинфій Никитичъ увеличеніемъ и распространеніемъ уральскаго горнаго дѣла, постройкою колыванскихъ и алтайскихъ заводовъ, открытіемъ мѣдныхъ и серебряныхъ рудъ и золотыхъ пріисковъ въ Сибири, пріобрѣлъ такое колоссальное богатство, что и послѣ его смерти, при раздѣлѣ имѣнія и огромныхъ пожертвованіяхъ на дѣло просвѣщенія и благотворительности, каждый изъ трехъ сыновей его могъ считаться въ числѣ самыхъ крупныхъ богачей въ Россіи. Меньшой сынъ его Никита Акинфіевичъ родился въ 1724 г., на рѣкѣ Чусовой, во время поѣздки родителей въ Сибирь. О воспитаніи его нѣтъ свѣдѣній, но, судя потому, что онъ любилъ искусство и былъ почетнымъ членомъ Академіи Художествъ и Вольнаго Экономическаго общества, нельзя сомнѣваться въ его образованіи. Именнымъ указамъ императрицы Екатерины I онъ освобожденъ былъ отъ обязательной службы, а за различныя крупныя пожертвованія Екатерина II пожаловала ему чинъ статскаго совѣтника и орденъ св. Станислава. Никита Акинфіевичъ былъ женатъ три раза, но имѣлъ дѣтей только отъ послѣдняго брака съ Александрой Евтихіевной Сафоновой. Въ 1771 г., болѣзнь жены заставила Демидова, по совѣту врачей, ѣхать на минеральныя воды въ Спа, и больная вскорѣ поправилась, но они остались за-границей и больше двухъ лѣтъ путешествовали по Франціи, Англіи и Италіи. Подробности, которыя мы находимъ объ этихъ поѣздкахъ въ журналѣ, даютъ полное понятіе о томъ, какъ путешествовалъ русскій богачъ въ концѣ прошлаго вѣка, что было у него общаго съ старыми русскими боярами и какіе новые взгляды и потребности возникли у насъ послѣ реформы Петра Великаго.

Откланявшись императрицѣ Екатеринѣ, причемъ „удостоены были къ рукѣ“, Демидовы 17-го марта 1771 г. выѣхали изъ Петербурга на Красное Село и Нарву и наканунѣ пасхи прибыли въ Ригу. Кромѣ замѣчаній о наружномъ видѣ города и его торговлѣ, въ журналѣ видно, что путешественники обратили вниманіе на благотворительныя заведенія, особенно на домъ „для исправленія развращеннаго житія людей“. Болѣзнь Демидовой не позволяла скорой ѣзды, требовала болѣе или менѣе продолжительныхъ остановокъ и отдыховъ, но не мѣшала ни визитамъ, ни осмотру замѣчательныхъ мѣстъ и памятниковъ. Въ Митавѣ путешественники посѣтили свѣтлѣйшую герцогиню и приглашены были къ ея столу. Въ Кёнигсбергѣ Никита Акинфіевичъ купилъ разныя „янтарныя вещи съ насѣкомыми для своего натуральной исторіи кабинета“. Въ дневникѣ замѣчено при этомъ, гдѣ и въ какомъ видѣ добывается янтарь. Черезъ Данцигъ, Демидовы 1-го мая пріѣхали въ Берлинъ. Городъ понравился имъ, но пруссаки показались грубыми. Это отчасти, можетъ быть, зависѣло отъ того, что при самомъ въѣздѣ они должны были выдти изъ экипажа, который взяли въ пакгаузъ для таможеннаго осмотра. Путешественники съѣздили въ Потсдамъ, осмотрѣли дворцы Sans-Soucis и Mon-Bijou, гал-

лереи и фонтаны, и особенно понравился имъ гротъ, „выкладенный раковинами и кусками хрустальными изрядным рисункомъ“. Съ Берлина начинаются частыя встрѣчи съ русскими аристократами, которыхъ въ то время много проживало за границей. Между прочимъ, на обѣдѣ у нашего посланника Долгорукова, Демидовы познакомились съ Салтыковыми и вмѣстѣ съ ними черезъ нѣсколько дней выѣхали въ Ганноверъ. Въ Вольфенбюттелѣ обратила вниманіе нашихъ путешественниковъ „славная библіотека, въ коей всѣ книги переплетены въ сафьянъ и по обрѣзу вызолочены; на одно сіе дѣло больше двадцати тысячъ ефимковъ издержано“. Какъ эта замѣтка напоминаетъ наши статейные списки! Въ Ганноверѣ Демидовы вмѣстѣ съ Салтыковыми ѣздили смотрѣть загородный королевскій садъ и въ оранжереѣ „между прочими деревьями видѣли и арборъ дракониса, вышиною двадцать футовъ“. Впрочемъ, въ Вестфаліи наши путники не нашли ничего замѣчательнаго, кромѣ дуба „преудивительной величины близь Оснабрюка“. 4-го іюня Демидовы пріѣхали въ Ахенъ, и прожили здѣсь полтора мѣсяца. Въ журналѣ подробно описано, какъ они проводили время. Въ первые же дни по пріѣздѣ, были они на балу въ редутѣ, гдѣ съ ними „немалое время ласково и обходительно“ разговаривала курфирстина, ѣздили въ театръ смотрѣть комедію „Любовныя дурачества“, видѣли совершеніе миропомазанія при участіи „бишофа Фрезинскаго“ и посѣщали ассамблеи, концерты и маскерады. На обѣдѣ у епископа, въ день тезоименитства курфирстины, „при питіи за ея здоровье производилась пальба изъ пушекъ, а потомъ былъ маскерадъ“. Нѣсколько разъ наши гости прогуливались за городомъ и, между прочимъ, осматривали кабинетъ одного аптекаря, гдѣ имъ показывали „довольно хорошихъ вещей, а особенно окаменѣлыя штуки, раковины и агаты нарочитые“. 19-го іюля, Никита Акинфіевичъ и Александра Евтихіевна отправились въ Спа и, сдѣлавъ визиты „всѣмъ россійскимъ господамъ, тамъ находившимся“, начали „париться въ теплыхъ ключахъ“ и кататься по окрестностямъ въ обществѣ „милордовъ съ ихъ супругами“. Въ числѣ русскихъ гостей въ то время, кромѣ Салтыкова, была и княгиня Е. Р. Дашкова. Почетные городскіе жители давали путешественникамъ обѣдъ. Здоровье Демидовой, сколько можно судить по образу жизни ея въ Германіи, не внушало никакихъ серьезныхъ опасеній: она ѣздила съ визитами, бывала часто на обѣдахъ и вечерахъ, участвовала почти въ ежедневныхъ прогулкахъ, а послѣ леченія минеральными водами, не смотря на приближавшуюся осень, рѣшилась ѣхать въ Голландію. Кажется, предлогомъ къ этой поѣздкѣ было желаніе посовѣтоваться о состояніи здоровья съ извѣстнымъ тогда лейденскимъ врачемъ Гобіусомъ.

Проведя почти полгода въ Германіи, Демидовы отправились въ началѣ сентября въ Антверпенъ. Они пробыли въ Голландіи слишкомъ два мѣсяца и во все это время дѣлали постоянные переѣзды, осматривали разныя мѣстности и памятники и почти въ каждомъ

городѣ, куда только заѣзжали, покупали какія нибудь „нужныя“ вещи, которыя потомъ отправляли черезъ комиссіонеровъ въ Россію. Въ журналѣ подробно записаны всѣ эти пріобрѣтенія. Деньги разсыпались щедрой рукою. Въ Антверпенѣ путешественники осмотрѣли соборъ, украшенный „самою лучшею и пресовершенною Рубенсовою работою, а потомъ цѣлый день ѣздили къ продавцамъ рѣдкостей и художественныхъ произведеній. Никита Акинфіевичъ былъ у семнадцати торговцевъ и купилъ двѣ картины, „одна плоды, а другая зайца изображающія, славнаго живописца Снаерса“. Любопытно, что нашъ богачъ, разсыпая обильно золото, любилъ иногда и поторговаться. При наймѣ яхты для переѣзда въ Роттердамъ, шкиперъ потребовалъ двѣнадцать червонцевъ; Демидову показалось это дорого, и онъ началъ спорить, но упрямый голландецъ, приподнявъ шляпу, сказалъ: „господа! сто словъ и одно слово—все равно!“ Надобно было согласиться. Въ Роттердамѣ наши путешественники видѣли на мосту бронзовую статую „славнаго и весьма ученаго мужа Еразма, который почти столько же голландцами почтенъ, какъ Конфуцій китайцами“. Въ Амстердамѣ Демидовы нѣсколько дней посвятили на осмотръ города и на пріобрѣтеніе „нужныхъ вещей—индѣйскихъ матерій, японскихъ большихъ горшковъ, вазовъ разной величины и гротескихъ раковинъ“. Въ Гарлемѣ наши туристы восхищались органами, „разные голоса живо изображающими, а особливо человѣческій голосъ столь естественно подведенъ, что обмануться можно, точно какъ бы пѣли многіе хорошіе пѣвцы и соло“. Памятный для всѣхъ русскихъ Саардамъ не былъ забытъ и Демидовыми: они осмотрѣли домъ Петра Великаго и „ѣли славное тутошное кушанье, ватеръ-соутъ называемое, для котораго нарочно изъ Амстердама ѣздятъ“. По пріѣздѣ въ Лейденъ, прежде всего, конечно, обратились къ доктору Гобіусу совѣтоваться о здоровьѣ Александры Евтихіевны, и онъ „велѣлъ ей пить ишачье молоко для наведенія тѣла“ и далъ, кромѣ того, рецепты и письменное наставленіе. Въ журналѣ замѣчено, что онъ очень помогъ больной, за что и получилъ „достойное награжденіе“. Возвратясь въ Антверпенъ, Демидовъ опять принялся искать продажныхъ картинъ и, между прочимъ, пріобрѣлъ „Франциска Морисову прекрасную картину весьма дешево, за 35 луидировъ“, и въ то же время отдали купленный въ Голландіи бархатъ перешить въ платье, „чтобы не безпокоиться отъ таможни, везя въ кускѣ“. Въ Брюсселѣ купили картину „раззореніе Трои, писанную съ великою окончательностью Брегелемъ де-Велуромъ“, и осматривали дворецъ, гдѣ „въ погребѣ есть такая съ ямою горница, что если закричишь, то эхо тридцать два раза повторяетъ“. Наши путешественники „награждали служанокъ и слугъ, выѣзжая изъ каждаго мѣста“. Понятно, что поѣздки такихъ людей, какъ Демидовъ, должны были распространить заграницей мнѣніе о неистощимыхъ сокровищахъ русскихъ „бояръ“ и, конечно, иностранцы,

гдѣ только могли, извлекали изъ этого свою пользу. Изъ Голландіи путешественники отправились во Францію.

Въ концѣ ноября, Демидовы пріѣхали въ Парижъ и остановились въ заранѣе нанятомъ помѣщеніи въ Сенъ-Жерменѣ. Разумѣется, въ журналѣ съ особенной подробностью описывается этотъ „наивеликолѣпный и славный городъ, гдѣ что ни родится, ни производится—все найти можно“, и который „знатенъ людьми проницательными и великій вкусъ имѣющими“. Едва успѣли пріѣзжіе пообѣдать, какъ явились торговцы съ разными товарами, „что они обыкновенно дѣлаютъ для всѣхъ новопріѣзжихъ, желая продать, покуда не узнаютъ настоящихъ цѣнъ, гораздо дороже“. Никита Акинфіевичъ зналъ это, и „проницательнымъ людямъ“ на этотъ разъ не удалось его эксплуатировать. Первымъ дѣломъ нашихъ путешественниковъ было помолиться въ русской церкви и сдѣлать визиты какъ своимъ соотечественникамъ, проживавшимъ въ Парижѣ, такъ и иностраннымъ семействамъ, съ которыми желали познакомиться. Затѣмъ начались прогулки по городу, обозрѣніе замѣчательныхъ мѣстностей и памятниковъ, посѣщеніе театровъ, поѣздки въ окрестности и покупки „нужныхъ вещей“, которыхъ здѣсь было, конечно, больше, чѣмъ въ Германіи и Голландіи. Въ первые дни осматривали соборъ Богоматери, академію S. Luc, Лувръ, Тюльери, Елисейскія Поля, Палэ-Рояль, потомъ ѣздили въ Версаль, гдѣ въ звѣринцѣ „чуднѣе всѣхъ звѣрей показался имъ рыноцеросъ, у котораго кожа какъ бы въ запасъ сдѣлана претолстая и безъ шерсти, а на самомъ рылѣ и наверху головы по рогу“, а изъ звѣринца попали на какой-то аукціонъ и купили тамъ картину Діетрика за 25 луидоровъ. „Можно сказать—записано въ журналѣ,—что штука сего малера совершенно оконченная“. Зиму Демидовы проводили очень весело, часто бывали на званыхъ обѣдахъ и вечерахъ и сами принимали гостей. Между прочимъ, они приглашены были къ князьямъ Сангушко на ужинъ и концертъ, „составленный изъ лучшихъ музыкантовъ, по большей части изъ польскихъ дворянъ, охотниковъ до музыки, и первую скрипку игралъ отъ ихъ двора министръ, господинъ Велеурской, Бѣлаго Орла кавалеръ“. За ужиномъ гостей удивилъ необыкновенный сюрпризъ. „Незадолго передъ тѣмъ, какъ вставать, зажгли иллюминацію такъ искусно, что никто не могъ примѣтить; только увидѣли вдругъ весь столъ въ огнѣ, и всѣ десертныя фигуры обратилися въ прекрасный и хорошо расположенный фейерверкъ, и изъ всѣхъ свѣчъ, подлѣ княжны Урусовой нарочно поставленныхъ, изъ однѣхъ полетѣли ракеты, а изъ другихъ начали высоко бить огненные фонтаны“. Съ началомъ новаго года, Никиту Акинфіевича ожидала семейная радость: у него до сихъ поръ не было дѣтей, и теперь Александра Евтихіевна оказалась въ интересномъ положеніи. Объ этомъ немедленно сообщили доктору Гобіусу, и онъ прислалъ „наставленіе, какимъ образомъ надлежитъ ей себя беречь“. Вѣроятно, это наставленіе не запрещало никакихъ свѣтскихъ

удовольствій, такъ какъ Демидова продолжала вести прежній образъ жизни. Наши путешественники часто бывали въ театрахъ. Прежде всего поѣхали они въ итальянскую комедію. Тамъ „представлена была сперва итальянская пьеса, въ которой игралъ арлекинъ, Карлейнъ называемый, нельзя смѣшнѣе; другая дана была опера комическая „Лосиль“, въ ней лучшая актриса была Ларуэтъ, славный Каіо и прочія играли чрезвычайно хорошо“. Въ другой разъ на этомъ театрѣ давали пьесу „Дезертиръ“, и она еще больше понравилась Демидову какъ содержаніемъ, такъ и игрою артистовъ. Въ журналѣ съ особеннымъ паѳосомъ говорится о томъ, какъ блистательно исполнила свою роль г-жа Тріяль: „когда, получивъ отъ короля прощеніе своему любовнику, выбѣжала она на театръ отъ радости внѣ себя съ растрепанными волосами и блѣднымъ лицемъ и, выговоривъ только: Алексѣй (имя своего любовника)! упала въ обморокѣ ему почти въ руки; она здѣсь столь натурально съиграла, что лучше желать невозможно“. Ѣздили и въ другіе театры, „пользовались представленіемъ оперы-комикъ“, а въ большой оперѣ понравилась имъ „пьеса „Касторъ и Поллуксъ“ называемая, въ которой декораціями и танцами отмѣнно хорошо представлены были адъ и рай“. Въ то же время путешественники продолжали осматривать городъ и окрестности: были въ королевской библіотекѣ, инвалидномъ домѣ, въ коллегіи Мазарина, смотрѣли Гобеленову фабрику, Севрскую фарфоровую фабрику, ѣздили въ Сенъ-Клу и въ „королевское игуменство“ Сенъ-Дени, гдѣ „всѣхъ погребенныхъ тѣлъ, какъ государскихъ, такъ принцевыхъ и принцессъ считаютъ 46“, и наконецъ въ Булонскомъ лѣсу „гуляли въ рощѣ, на подобіе великаго звѣринца искусно расположенной; въ ней напущены дикія козы и олени для короля, который здѣсь забавляется охотою“. Съ самаго пріѣзда въ Парижъ, Демидовъ покупалъ разныя болѣе или менѣе цѣнныя вещи, часы, табакерки, картины. „Купцы,— говорится въ журналѣ—провѣдавъ о склонности Никиты Акинфіевича ко всѣмъ любительства достойнымъ вещамъ, касающимся до наукъ и художествъ, всякое утро приносили ихъ премножество; изъ всѣхъ получше были ящичекъ изъ окаменѣлаго дерева и рыноцеросовъ рогъ, кои и куплены“. Кромѣ этихъ рѣдкостей, куплены были подсвѣчники, мѣдная курительница, „собачка мѣдная для накладки на книжки“. Были покупки очень цѣнныя: за „порцелиновыя“ вазы заплачено 120 луидоровъ, а за картиты „Снятіе со креста“ Вандерверта и „Цвѣты“ Миньона—600 луидоровъ. Кромѣ того, Никита Акинфіевичъ и Александра Евтихіевна заказали свои портреты живописцу Рослейну и часто ѣздили къ нему на сеансы. На страстной недѣлѣ, вмѣстѣ съ другими русскими, они каждый день отправлялись въ церковь, а въ свѣтлое воскресенье, 15-го апрѣля 1772 г., въ часъ ночи были у заутрени, потомъ у обѣдни, которую „всѣ пѣли сами“, и дома разговѣлись. На святой недѣлѣ обѣдали они у графа Строгонова и сами давали обѣдъ „всѣмъ русскимъ“. Между тѣмъ, Демидовы желали по-

сѣтить Англію, но сочли необходимымъ спросить доктора Гобіуса, не повредитъ ли это путешествіе здоровью Александры Евтихіевны. На запросъ объ этомъ голландскій врачъ отвѣчалъ, что находитъ опаснымъ для нея переѣздъ черезъ проливъ Калэ. Поэтому Никита Акинфіевичъ рѣшился ѣхать одинъ. Въ дорогу взялъ онъ самое необходимое, опасаясь строгости англійской таможни, на которой „съ парчевыхъ кафтановъ, камзоловъ и другихъ многихъ вещей не токмо берутъ большую пошлину, но тутъ же на мѣстѣ у кого бы то ни было передъ его глазами сжигаютъ“. Послѣ большаго парада, на которомъ присутствовалъ король, принцы и „дофинша съ другими принцессами крови“, Демидовъ съ княземъ Сергѣемъ Сергѣевичемъ Гагаринымъ 12-го мая выѣхалъ изъ Парижа, нанявъ предварительно для жены болѣе удобную квартиру, недалеко отъ Палэ-Рояля.

Изъ Калэ путешественники переправились черезъ „морской перешеекъ“ въ Дувръ и поѣхали дальше по направленію къ Кентербери. Ихъ поразила и привела въ восхищеніе невиданная до тѣхъ поръ дорога. „Она не вымощена—пишетъ составитель журнала—а насыпана пескомъ съ мелкими камешками, гравье называемыми, и столь хорошо убита, что ни въ какое ненастное время грязна не бываетъ. Къ тому же всѣмъ телѣгамъ, для тягости употребляемымъ, запрещено имѣть возы узкіе для того, что широкіе ее убиваютъ и сглаживаютъ, а не портятъ и не дѣлаютъ колей, которыя обыкновенно на немощеныхъ камнемъ дорогахъ видимы бываютъ; къ тому же положенъ и указной вѣсъ, сколько должно класть на телѣгу; для наблюденія сего въ воротахъ сдѣланы вѣсы, коими въ одну минуту узнать можно, сколько кто везетъ вѣсомъ; отъ сего происходитъ, что дорога никогда не портится, да и лошади не надсаживаются“. Понятно, что такіе порядки должны показаться русскому человѣку удивительными нетолько въ прошломъ столѣтіи, но и въ наше время. На четвертый день по выѣздѣ изъ Парижа, путешественники наши пріѣхали въ Лондонъ и остановились въ приготовленной для нихъ квартирѣ въ Кондитъ-стритѣ. Прежде всего ихъ поразили здѣсь двѣ особенности, которыхъ, очевидно, они нигдѣ еще не встрѣчали, именно то, что городскія улицы освѣщаются по ночамъ „поставленными на столбахъ фонарями“ и что за письма городскіе и иногородные платится около двухъ копѣекъ на русскія деньги. Это показалось имъ особенно замѣчательнымъ. Съ первыхъ же дней Демидовъ началъ вести въ Лондонѣ жизнь знатнаго и богатаго барина, любознательнаго человѣка и празднаго туриста: дѣлалъ визиты, заводилъ знакомства, осматривалъ достопримѣчательности города, ѣздилъ по театрамъ и разнымъ мѣстамъ общественныхъ собраній и увеселеній и часто обѣдалъ у англичанъ, гдѣ „былъ подчиванъ всѣми англійскими кушаньями“. Путешественники наши осмотрѣли церковь св. Павла, арсеналъ, морской госпиталь, „Вестминстерское игуменство“, гдѣ вниманіе ихъ обратили гробницы Ньютона, Мильтона и „посвящен-

ная безсмертному стихотворцу Шакеспиру, сооруженная на счетъ публики, хорошаго вымышленія". Британскій музей описанъ въ журналѣ коротко и сухо, но зато много подробностей посвящено „башнѣ", т. е. лондонскому Тоуэру. Авторъ замѣчаетъ, что тамъ находится „великое число государскихъ коронъ, скипетровъ, державъ; орелъ, гдѣ содержится масло для миропомазанія государей, штатская корона, которую король надѣваетъ, присутствуя въ парламентѣ; на ней изумрудъ въ семь дюймовъ въ окружности и красный неоцѣненный яхонтъ, подаренный императоромъ Петромъ I. Въ оружейной палатѣ государи представлены на лошадяхъ, одѣтые въ самыя богатыя латы, чѣмъ дѣлаютъ хорошій видъ". Не забытъ и топоръ, „коимъ отрублена голова „Аннѣ Болонской". Разумѣется, Демидовъ посѣтилъ академію художествъ, но тамъ ничто особенно не обратило его вниманія, и онъ замѣтилъ только, что англійскіе художники никакъ не могутъ соперничать съ французами. Гораздо болѣе занялъ его одинъ частный музей, въ которомъ „весьма искусно и удивительно сдѣланныя механическія штуки, автоматы, играющіе на флейтраверсахъ, птички на деревьяхъ поющія, гнѣзда съ маленькими птичками, питаемыми матерьми, и кормъ, состоящій въ одной жемчужинѣ, такъ скоро оборачивается, будто онаго великое количество". Понравился нашимъ пріѣзжимъ и Гайдъ-Паркъ, „привлекающій множество господъ обоего пола прогуливаться верхомъ и въ каретахъ". Они разъѣзжали по разнымъ увеселительнымъ мѣстамъ—были въ Кенсинстонскомъ саду „съ китайской бесѣдкой, обвѣшанной колокольчиками, отъ которыхъ во время вѣтровъ бываетъ звонъ"; въ Воксалѣ „съ наипрекраснѣйшимъ садомъ, гдѣ поютъ пѣвцы и пѣвицы и даютъ концертъ, а какъ станетъ смеркаться, иллюминуется весь фонарями, развѣшанными на деревьяхъ и въ аллеяхъ гирляндами, изъ жести сдѣланный каскадъ, гдѣ все такъ живо уподоблено, что почти съ натурою распознать нельзя, что за рѣдкость почесть можно". Съ большимъ удовольствіемъ провели они время „въ домѣ, гдѣ ѣздятъ стоя на лошадяхъ разными образами, то есть скача на нихъ перепрыгиваютъ, становятся внизъ на сѣдло головою, заставляютъ иныхъ лошадей отгадывать карты, другія подаютъ бичъ, иная сердится на портнаго и не хочетъ везть его въ парламентъ и проч." Передъ отъѣздомъ изъ Лондона, путешественники наши были во дворцѣ и удостоились видѣть короля и королевскую фамилію. Разсчитывая еще быть въ Англіи, Демидовъ на этотъ разъ почти ничего не покупалъ тамъ. 17-го іюня онъ выѣхалъ вмѣстѣ съ нашимъ лондонскимъ священникомъ обратно во Францію.

По возвращеніи въ Парижъ, Никита Акинфіевичъ вскорѣ обрадованъ былъ рожденіемъ дочери Екатерины, которую немедленно и крестили „при смотрѣніи многихъ французовъ, любопытствующихъ видѣть образъ нашего совершенія сего таинства". Александра Евтихіевна, какъ только здоровье ея поправилось, начала сопровождать

мужа въ прогулкахъ по городу и окрестностямъ. Они снова ѣздили въ Версаль и осматривали его уже гораздо подробнѣе. Составитель журнала восхищается садомъ, дворцомъ, фонтанами, статуями, „живописью анфреско“, и подобно тѣмъ посольскимъ людямъ, которые писали наши статейные списки, говоритъ, что все это „легче видѣть, нежели описать можно“. Осенью съѣхалось въ Парижъ много русскихъ и англичанъ, въ разныхъ аристократическихъ домахъ постоянно давались обѣды и вечера, и Демидовы вели самую разсѣянную жизнь. Столица Франціи, обильная „людьми проницательными и великій вкусъ имѣющими“, увлекала въ свой кипучій водоворотъ своихъ сѣверныхъ гостей. Въ постоянныхъ выѣздахъ и пріемахъ прошло время до половины зимы. Не смотря на такую разсѣянную жизнь, нашъ сѣверный гость, повидимому, наблюдалъ парижскіе нравы, и въ журналѣ начали появляться по этому предмету разныя замѣтки, напоминающія иногда наивный взглядъ нашихъ старинныхъ путешественниковъ, иногда саркастическій умъ Фонвизина. Вотъ какого рода отзывы находимъ мы въ книгѣ: „Хотя французскій государь запретилъ своимъ подданнымъ дуэли, но человѣкъ, повинующійся государеву приказанію, почитается за труса, и его убѣгаютъ... У книгопродавцевъ есть сочиненія полезныя и безнравственныя, и послѣднія продаются дорогою цѣною и съ великою тайностью... Люди, которые хотятъ прослыть нѣжно воспитанными, выключая аббеевъ, питаются супомъ алоаньеномъ, оливками, зеленымъ горохомъ, произрастеніями и другимъ полуяденіемъ, дабы не получить индижестіи... Народъ по бо̀льшей части занимается операми и другими позорищами... Красота женскаго пола здѣсь подобно цвѣту рождается и умираетъ въ одинъ день. Все сіе дѣлается притираніемъ, окропленіемъ, убѣленіемъ, промываніемъ; надлежитъ сдѣлать бѣлую кожу, придать себѣ хорошую тѣнь, загладить морщины на лбу, въ порядокъ привесть брови, дать блескъ глазамъ, розовыми учинить губы, словомъ, надобно до основанія переиначить лицо“. Между тѣмъ, у Демидова поселился пріѣхавшій изъ Рима русскій скульпторъ Шубинъ. Разсказы его о римскихъ древностяхъ и памятникахъ искусства породили у Никиты Акинфіевича желаніе видѣть Италію, „которая изобильна была всѣми произведеніями и притомъ великими людьми, героями, чиноначальниками, гражданами, учеными и художниками“. Оставивъ новорожденную дочь съ кормилицей подъ надежнымъ присмотромъ въ Парижѣ, Демидовы съ Шубинымъ и еще нѣсколькими русскими, 4-го декабря выѣхали по дорогѣ въ Туринъ. На пути, конечно, въ нѣсколькихъ мѣстахъ останавливались и отдыхали.

При переѣздѣ черезъ Монсенисъ, путешественниковъ поразила величественная природа Альповъ. „Сіи горы, замѣчаетъ журналъ, представляютъ тысячу удивительныхъ разновидныхъ предметовъ, совсѣмъ отмѣнныхъ отъ долинъ, такъ что, не проѣзжая ими, и вообразить себѣ не можно, чтобъ они занимали съ такою пріятностью и

восхищеніемъ путешествующихъ". Особенно замѣчательнымъ показалось имъ въ Савойѣ то, что „жители имѣютъ превеликіе зобы, висящіе отъ подбородка до груди; говорятъ, будто у нихъ почитаются за красавцевъ, которые имѣютъ оные болѣе другихъ, наипаче щеголяютъ симъ женщины". Черезъ монсенискій перевалъ одни ѣхали на мулахъ, „а другіе, также и Александра Евтиховна, несены были на носилкахъ". Въ Италіи нашихъ путниковъ поразило множество монастырей; имъ сказали, что въ однихъ владѣніяхъ сардинскаго короля насчитываютъ ихъ до четырехсотъ. Въ Туринѣ Демидовы пробыли четыре дня и, между прочимъ, были въ оперѣ, „изображающей побѣду Александра Великаго надъ Даріемъ", гдѣ привела ихъ въ восхищеніе пѣвица Бастарделли. „Голосъ ея столь высокъ, замѣчено въ запискахъ, что она тремя нотами брала выше всякаго инструмента и уподоблялась чрезъ то птицѣ, нѣжно поющей". Осмотрѣвъ въ Миланѣ соборъ и амброзіанскую библіотеку, путешественники черезъ Парму и Болонью, 1-го января 1773 года, пріѣхали во Флоренцію. Здѣсь Демидовы немедленно представлены были нашимъ посломъ герцогу и герцогинѣ тосканскимъ и получили отъ нихъ приглашеніе на балъ. Въ оперѣ были наши путешественники въ маскерадномъ костюмѣ, „ибо во всей Италіи, кромѣ папскаго владѣнія, съ самаго Рождества по первую недѣлю великаго поста, ходятъ даже и по улицамъ и по всѣмъ позорищамъ въ маскерадномъ платьѣ". Знаменитая флорентинская галлерея описана въ журналѣ подробно, и, конечно, больше всего обратила вниманіе нашего любителя искусствъ статуя Венеры Медицейской. Вотъ какъ онъ описываетъ ее: „Она представлена вся нагая; голова поворочена на лѣвое плечо; правую руку держитъ не дотрагиваясь надъ грудьми, а лѣвою въ нѣкоторомъ разстояніи закрываетъ то, что благопристойность запрещаетъ показывать. Не можно лучше и совершеннѣе выдумать ни атитуды, ниже выбора въ натурѣ". Но въ журналѣ еще съ большими подробностями описываются шкапы съ собраніями камней и камеевъ, фарфора и этрускихъ вазъ. Въ палаццо Питти вниманіе русскихъ туристовъ привлекла картина „изображая Богородицу съ предвѣчнымъ младенцемъ, у коего глаза въ толикій пунктъ приведены, что съ которой стороны ни посмотрѣть, кажется всюду проницательно взирающимъ. Не можно ни нарисовать, ни придать совершеннѣе израженія". Самый городъ понравился нашимъ соотечественникамъ, и составитель журнала говоритъ, что „вообще герцогство тосканское можетъ почесться наиблагополучнѣйшимъ, ибо земля его плодоносна, а жители самые добрые и честные люди и къ воровству совсѣмъ несклонны, ибо ограбленныхъ, а наипаче убитыхъ, рѣдко находятъ". 17-го января путешественники пріѣхали въ Римъ.

Вѣчный городъ занялъ нашихъ путниковъ не меньше Парижа. Не говоря уже о томъ, что Никита Акинфіевичъ, какъ любитель искусствъ, находилъ здѣсь удовлетвореніе для своей любознательности, онъ про-

водилъ здѣсь карнавалъ, который въ то время отличался въ Римѣ особеннымъ обиліемъ разнообразныхъ зрѣлищъ и удовольствій и, наконецъ, тутъ представлялась возможность удовлетворить страсти къ покупкамъ художественныхъ произведеній и „нужныхъ вещей“. Если менѣе достаточные и вліятельные туристы считали въ тѣ времена несчастіемъ быть въ Римѣ и не видать папы, то, конечно, Демидовы не могли опасаться этого. Вскорѣ по пріѣздѣ, они представлены были И. И. Шуваловымъ „святѣйшему папѣ Ганганеллію, который „принялъ ихъ благосклонно и ласково, разговаривалъ немалое время о дальнемъ разстояніи Россіи, о дорогѣ и о славно гремящемъ побѣдами отечества нашего оружіи, и при прощаніи надѣлилъ своимъ благословеніемъ и желалъ, чтобъ веселы и здоровы были“. Вообще, папа Климентъ XIV произвелъ на русскихъ гостей хорошее впечатлѣніе, и они нашли, что „въ сей духовной особѣ находились весьма хорошія качества и отмѣнныя свойства разума и души“. Римъ наши путешественники осмотрѣли подробно. Прежде всего отправились они въ храмъ Св. Петра и пришли въ восторгъ, видя „повсюду зрѣнію встрѣчающуюся перспективу великолѣпной и огромной соразмѣрности во вкусѣ и въ драгоцѣнности сокровищъ“. О Ватиканѣ и Сикстинской капеллѣ, „для избѣжанія излишней подробности“, въ журналѣ упомянуто только слегка; о статуѣ Аполлона бельведерскаго сказано коротко, а о группѣ Лаокоона замѣчено только, что это „преславный групъ, сдѣланный въ натуральную величину и почитаемый за первый плодъ дарованій древности“. Нѣсколько подробнѣе описывается Колизей, „великолѣпный амфитеатръ, издревле опредѣленный для сраженія гладіаторовъ, или поединщиковъ“, и Капитолій со статуями „естественной атитуды и хорошаго вымышленія“. Осматривали различныя церкви и палаццо: Пантеонъ, Scala Santa, дворецъ Барбарини, Palazzo Colonna, Palazzo Croce, Троянову коллону, на которой барельефы „увеличены по мѣрѣ ихъ возвышенія и удаленія изъ вида съ наблюденіемъ оптики, дабы всѣ означались наилучшимъ образомъ“. Изъ ближайшихъ окрестностей наши путешественники прежде всего посѣтили Фраскати и villa Panfili, потомъ ѣздили въ Тиволи и видѣли „преславный каскадъ, который наводитъ страхъ и содроганіе“, а на villa Ludovisi обратили особенное вниманіе на „превратившіяся въ петрификацію, или окаменѣлость, человѣческія кости“. Больше всего восхищались наши гости карнаваломъ и удивлялись „множественному стеченію народа“ на эти увеселенія. Вотъ какъ разсказано это въ журналѣ: „Всѣ окна и балконы домовъ увѣшаны богатыми коврами и наполнены знатнѣйшими зрителями обоего пола; для пѣшеходовъ же сдѣланы по обѣимъ сторонамъ возвышенныя дороги, на коихъ для сего зрѣлища дѣлаютъ изъ досокъ подмостки; вездѣ видны сотнями полишинели, арлекины и другія странныя фигуры, говорящія народу и бросающія пряничные орѣхи въ мимоходящихъ. Кареты и разныя колесницы наполнены маскированныхъ господъ; а по прочимъ

улицамъ только и видны кукольныя комедіи, толпы людей, стекающіяся какъ для смотрѣнія оныхъ, такъ и плясокъ, подъ выбиваніемъ пальцами по маленькому барабану, трескони называющемуся". Разсказъ заключается описаніемъ скачки лошадей на Корсо. Разумѣется, Никита Акинфіевичъ не забывалъ ѣздить и по магазинамъ художественныхъ произведеній и накупилъ много картинъ, мозаикъ и разнаго рода антиковъ. Въ заключеніе составитель журнала говоритъ, что для описанія всего замѣчательнаго въ Римѣ нужно прожить въ немъ больше года.

Съ окончаніемъ карнавала, Демидовы рѣшились съѣздить въ Неаполь. 18 февраля они выѣхали съ тѣмъ, чтобы воротиться въ Римъ къ страстной недѣлѣ и присутствовать на папскомъ богослуженіи. На неаполитанской границѣ, въ Террачинѣ, видѣли они на мраморной доскѣ любопытную надпись на латинскомъ и итальянскомъ языкахъ: „Чужестранецъ! здѣсь положены границы неаполитанскаго государства; если ты въ него ѣдешь какъ другъ, то всѣ вещи найдешь въ тишинѣ, а государство управляемо добрыми законами по изгнаніи изъ него худыхъ обыкновеній, лѣта Христова 1563". На третій день путешественники пріѣхали въ Неаполь и тотчасъ же разослали рекомендательныя письма. Кромѣ того, что они нашли здѣсь много русскихъ, у нихъ завязалось знакомство съ мѣстными аристократами и знаменитыми иностранцами. Каждый день Демидовы или принимали у себя гостей, или сами ѣздили на званые обѣды и вечера. Между прочимъ, они приглашены были „на конверзацію" къ принцессѣ Бельмонте, были на вечерѣ у принцессы Франконвилле и у милорда Толнея, гдѣ были испуганы необыкновенной грозою. „Во время карточной игры, около полуночи, ударилъ громъ, „и въ передней оказался огненный шаръ, прошелъ по комнатамъ, даже и надъ головами всѣхъ гостей и едва посѣщеніемъ своимъ у многихъ не отнялъ дыханія". У себя Демидовы принимали Шувалова, Бороздина, милордовъ Росси и Расборо, англійскаго посланника Гамильтона и нѣсколько знатныхъ итальянцевъ. Неаполь очень понравился нашимъ путешественникамъ; они часто гуляли по городу и любовались картиною моря и дымящагося Везувія и „прозрачностью его огненныхъ колеровъ", осматривали королевскій дворецъ „съ аппартаментами" и многочисленныя церкви, а по утрамъ „ходили въ лавку ѣсть устрицы, такъ какъ это дѣлаютъ всѣ знатные люди". Разумѣется, окрестности Неаполя не были забыты. Прежде всего туристы наши поѣхали смотрѣть Помпею и Геркуланумъ и замѣтили, что послѣдній „засыпанъ не скоропостижно, ибо въ немъ найдено не много скелетовъ". Оттуда отправились, конечно, на Везувій и поднимались къ кратеру сначала на мулахъ, а потомъ съ проводниками, „ухватившись за перевязки". На вершинѣ горы наши туристы „преужаснымъ поражены были стукомъ, громкимъ, какъ выстрѣлъ изъ множества вдругъ пушекъ, съ коимъ повсеминутно выбрасывалось превеликое

пламя съ дымомъ". Составитель записокъ прибавляетъ, что они изъ любопытства „совали въ трещины лавы палку, которая съ минуту тлѣвши загоралась... По сей землѣ шедши, чувствовали, что ноги въ ней вязли, и тѣмъ болѣе приходили въ несказанный страхъ". Черезъ нѣсколько дней послѣ этого, Демидовы ѣздили въ Пуццолы и осматривали такъ называемый собачій гротъ, гдѣ при нихъ и сдѣлали опытъ надъ собакой—привели ее въ безчувственное состояніе и потомъ оживили опять, бросивъ въ озеро. Проводникъ разсказывалъ имъ, что подобные опыты дѣлались и съ преступниками, приговоренными къ смерти. Затѣмъ наши путешественники осматривали бани Нерона и спустились къ рѣчкѣ, „горячесть воды до такой степени имѣющей, что лишь только спустили въ нее принесенныя провожатыми нарочно куриныя яицы, то въ мгновеніе ока оныя сварились". Послѣдній вечеръ въ Неаполѣ Демидовы провели у Гамильтона; тамъ былъ концертъ, „и супруга его на клавикордахъ играла весьма искусно". Распорядясь отправкою въ Петербургъ накупленныхъ деревьевъ и сдѣлавъ прощальные визиты, Никита Акинфіевичъ 19 марта выѣхалъ обратно въ Римъ.

На этотъ разъ наши путешественники оставались въ Римѣ не долго, такъ какъ имъ хотѣлось видѣть только папскую службу, которая бываетъ особенно торжественна въ страстную недѣлю и въ первые дни пасхи. Дѣйствительно, все это время они проводили въ церквахъ, и составитель журнала подробно описываетъ всѣ религіозныя процессіи, какими въ эти дни столица католицизма привлекаетъ богомольцевъ и любопытныхъ туристовъ изъ всей Европы. Демидовы присутствовали при церемони перенесеніи св. таинъ, на омовеніи ногъ и обѣдѣ бѣдныхъ священниковъ, которымъ служитъ при этомъ папа и кардиналы, и были при кардинальскомъ столѣ въ ватиканской залѣ и на вечернѣ въ великую пятницу въ капеллѣ, гдѣ „пѣли кастраты, а музыка была Перголезіева, сочиненная столь важно, что каждаго чувства трогаетъ до восхищенія". Въ свѣтлое воскресенье, 1 апрѣля, послѣ заутрени и обѣдни въ греческой церкви, не смотря на то, что по старому стилю пасха еще не наступила, Демидовы разговѣлись и поспѣшили въ храмъ св. Петра къ парадному папскому выходу. Въ журналѣ описывается, какъ, по совершеніи литургіи, папа въ присутствіи кардиналовъ и избранной публики „несенъ былъ въ креслахъ на балконъ, или, какъ здѣсь именуютъ, ложу, обращенную на площадь, обставленную пѣшимъ и коннымъ войскомъ и наводненную многочисленною массою народа. Имѣя на головѣ тіару, сѣлъ онъ на сдѣланный подъ малиновымъ балдахиномъ престолъ, окруженный кардиналами, одѣтыми въ богатую одежду. По прочтеніи молитвы, привставъ, онъ благословилъ наклонившійся народъ троекратно, послѣ чего во мгновеніе ока слышна была стрѣльба изъ пушекъ съ крѣпости св. Ангела въ соотвѣтствіе здѣшняго сигнала". Черезъ день послѣ этой церемоніи, путешественники выѣхали изъ

Рима въ сѣверную Италію. По дорогѣ въ Каррару случилось обстоятельство, которое могло имѣть прискорбныя послѣдствія. Карета, въ которой ѣхали Никита Акинфіевичъ и Александра Евтихіевна, по неосторожности кучеровъ, опрокинулась въ канаву, но, къ счастію, наши путники отдѣлались только сильнымъ испугомъ. Изъ Леричи переправились они на фелюкахъ въ Геную, и выйдя на берегъ, взяли портшезы, на которыхъ и перенесли ихъ на почтовый дворъ. Путники любовались положеніемъ города, „поселеннаго амфитеатромъ". Отсюда составитель журнала отправился съ Бороздинымъ въ Марсель, а Демидовы поѣхали черезъ Туринъ во Францію. Съѣхавшись снова въ Ліонѣ, вздумали всѣ вмѣстѣ прокатиться въ Женеву. Кажется, причиной этой поѣздки не столько было желаніе видѣть Швейцарію, сколько намѣреніе осмотрѣть знаменитыя часовыя фабрики; покрайнѣй мѣрѣ, Никита Акинфіевичъ усердно объѣздилъ ихъ и накупилъ много часовъ. Посмотрѣвъ городъ и полюбовавшись Женевскимъ озеромъ, путешественники возвратились опять во Францію и 10 мая пріѣхали въ Парижъ. По прежнему началась разсѣянная жизнь „въ городѣ, гдѣ царствуютъ разнаго рода веселости". Не проходило дня, чтобы Демидовы не побывали „въ спектакляхъ, на гульбищахъ или въ загородныхъ увеселительныхъ домахъ". Вмѣстѣ съ ними ѣздили графъ и графиня Строгоновы. Между прочимъ, они были „на ярмаркѣ, подлѣ Тюллери бываемой, гдѣ въ одномъ мѣстѣ видны комедіи, балансеры, всякаго рода музыка, ташенъ-шпилеры, кукольныя, обезьянныя и собачьи представленія; въ другомъ мѣстѣ механическія искусствомъ сдѣланныя фигуры къ удивленію публики исправляютъ человѣческія посредствомъ магнита дѣйствія". Все это видимо занимало нашихъ путешественниковъ. Между-тѣмъ, Александра Евтихіевна получила изъ Англіи письма отъ тѣхъ лэди, съ которыми познакомилась въ Спа. Ее приглашали въ Лондонъ. Она въ это время была снова беременна, но не обратилась уже за совѣтомъ къ Гобіусу и рѣшилась ѣхать, пригласивъ со собою парижскаго доктора Пуасонье.

Въ половинѣ мая, Демидовы выѣхали въ Калэ. Здѣсь случилось обстоятельство, которое составитель журнала отмѣтилъ съ особеннымъ юморомъ. При переѣздѣ черезъ проливъ, „господинъ медикъ, вмѣсто того чтобы помогать на морѣ Александрѣ Евтихіевнѣ, самъ напротивъ того чуть было, замучившись рвотою, на тотъ свѣтъ не отошелъ". По прибытіи въ Лондонъ 22 мая, Демидова послала извѣстить о своемъ пріѣздѣ лэди Керри и Суссексъ, извиняясь, что отъ сильной усталости не можетъ быть у нихъ раньше слѣдующаго дня, но англичанки предупредили ее и въ тотъ же вечеръ ее навѣстили до двадцати знатныхъ дамъ. Первое время посвящено было, конечно, визитамъ. Русскій министръ при лондонскомъ дворѣ Мусинъ-Пушкинъ представилъ Демидовыхъ королю и королевѣ. Гости наши приняты были очень внимательно, приглашены на придворный балъ и удостоились бесѣдовать съ высокими хозяевами. Особенно королева показала боль-

шое вниманіе къ Александрѣ Евтихіевнѣ и много говорила съ нею. Послѣ того Демидовы получили множество приглашеній и каждый день ѣздили на завтраки, обѣды или вечера къ знатнымъ англичанамъ или бывали въ воксалахъ и ренела, а иногда въ театрахъ и общественныхъ садахъ. Никита Акинфіевичъ не пренебрегалъ и такими зрѣлищами, какъ кулачные бои и пѣтушьи драки. Въ циркѣ наши путешественники „смотрѣли ѣздящихъ на лошадяхъ, и какъ скачутъ стоя на оныхъ верхомъ, помѣстивъ на сѣдло оловянную кружку, ничѣмъ не привязанную, на которой ѣздящій становится головою, держа ноги на воздухѣ, и скачетъ довольно прытко". Въ журналѣ нашего путешественника находимъ нѣсколько любопытныхъ замѣчаній объ особенностяхъ лондонской жизни и нравовъ. „Госпожи здѣсь,—говорится въ дневникѣ,—носятся въ портшезахъ по сдѣланнымъ съ возвышенностью для пѣшеходовъ площадкамъ, которыя по вечерамъ освѣщаютъ поставленными на столбахъ фонарями, что дѣлаетъ улицы весьма свѣтлыми и какъ бы иллюминованными... Мущины ходятъ со двора по утру во фракахъ, иногда ѣздятъ верхомъ; убираться же надлежитъ только тогда, когда ѣдешь въ оперу или званъ будешь къ знатнымъ персонамъ обѣдать... Женщины здѣшнія не бѣлятся и не румянются, не перенимая ни мало отъ размалеванныхъ французскихъ дамъ... Супруги перовъ имѣютъ почести отмѣнныя въ церемоніальныхъ собраніяхъ". Дворъ уѣзжалъ въ Портсмутъ на смотръ флота, и королева пригласила Демидовыхъ „видѣть маневры, чинимыя двадцатью линейными кораблями, не считая фрегатовъ и другихъ судовъ". Они поспѣшили воспользоваться любезнымъ приглашеніемъ. Но зрѣлище это привлекло такое множество народа, что въ Винчестерѣ наши путешественники не могли достать лошадей, принуждены были идти пѣшкомъ до мѣстечка Саузбикъ и кое-какъ добрались въ Портсмутъ. Тамъ однако жъ адмиралъ Эльфистонъ озаботился приготовить для нихъ квартиру и яхту, на которой они отплыли на рейдъ и хорошо видѣли всѣ эволюціи англійскаго флота. По возвращеніи въ Лондонъ, они присутствовали въ верхней палатѣ при торжественномъ закрытіи парламента, и церемонія эта подробно записана въ журналѣ. Съ окончаніемъ сезона, когда большинство англійской аристократіи разъѣзжается изъ столицы, Демидовъ предпринялъ поѣздку во внутренность страны. Прежде всего посѣтили они помѣстье лорда Гамильтона, въ двадцати миляхъ отъ Лондона, гдѣ въ особенности поразилъ ихъ огромный паркъ съ гротами и каскадами, „обсаженный не ординарными деревьями, лаврусъ-тинусомъ, цыпресами, арборвите и множествомъ большихъ тюлепифорныхъ". Въ Батѣ наши путники встрѣтились съ Пушкиными, которые пользовались тамъ водами, и вмѣстѣ съ ними ѣздили въ Мальмсбери. Въ Оксфордѣ осмотрѣли они университетъ, потомъ ѣздили въ замокъ герцога Мальборуга и видѣли большой паркъ, который „столь натурѣ уподобленъ, что всѣ части прелестныхъ видовъ за множествомъ описать трудно". Поѣздка

кончилась посѣщеніемъ помѣстья, „названнаго кабанъ“, принадлежавшаго лорду Кембелю. Послѣдніе дни въ Лондонѣ Демидовы посвятили на прощальные визиты оставшимся въ городѣ знакомымъ, и Никита Акинфіевичъ озаботился отправкою купленныхъ въ Ботаническомъ саду деревьевъ, въ числѣ которыхъ было, между прочимъ, „невиданное кокусовое пребольшаго рода молодое деревцо, которое изобильно выростаетъ въ имперіи Сіамской“.

По возвращеніи во Францію, Демидовы прожили еще около шести недѣль въ Парижѣ. Состояніе здоровья Александры Евтихіевны не позволяло ей часто выѣзжать и она изрѣдка только бывала въ оперѣ съ графинею Строгоновою, „дабы видѣть дофиншу“, и обѣдала у г-жи Жофренъ, „всѣми учеными людьми признаваемой за разумнѣйшую особу“, и у нея „съ нѣсколькими знатными учеными и искусными художниками проводила время съ удовольствіемъ, разсуждая о многихъ важныхъ матеріяхъ“. Готовясь къ отъѣзду въ Россію, Демидовы дѣлали прощальные визиты и принимали у себя посѣтителей, между прочимъ, Мармонтеля, „человѣка ученѣйшаго, котораго разумными разговорами довольно воспользовались“. По рекомендаціи знакомыхъ, наняли кухмистера Марсана и дѣвицу Фертонъ. Послѣдніе дни ѣздили по магазинамъ, дѣлали разныя закупки и занимались укладкою пріобрѣтенныхъ вещей. Чего нельзя было взять съ собою, то отправлялось моремъ въ Петербургъ: это были книги, картины, статуи, стѣнные часы, мебель, математическіе инструменты, „паникадилы“ и проч. Немало времени потребовали окончательные разсчеты съ „проницательными“ парижскими торговцами, которые, конечно, сумѣли воспользоваться любовью Никиты Акинфіевича къ „нужнымъ и достойнымъ примѣчанія вещамъ“. Наконецъ, 30-го августа наши путешественники выѣхали изъ „великолѣпнаго и славнаго города“, гдѣ, по отзыву путеваго дневника, провели время съ такимъ же удовольствіемъ, какъ и пользою.

Положеніе Александры Евтихіевны заставляло спѣшить возвращеніемъ въ Россію; но, хотя поэтому наши путешественники и не позволяли себѣ нигдѣ долго останавливаться, однако же не отказывались отъ возможности осмотрѣть то, что казалось имъ интереснымъ, или побывать тамъ, гдѣ надѣялись провести время съ удовольствіемъ. Остановясь на три дня во Франкфуртѣ, они поѣхали въ Лейпцигъ, гдѣ въ это время была извѣстная ярмарка, и пригласили къ обѣду русскихъ студентовъ, которые слушали тогда лекціи въ лейпцигскомъ университетѣ. 24-го сентября Демидовы пріѣхали въ Дрезденъ. Мать владѣтельнаго курфирста, съ которою они познакомились въ Ахенѣ, узнавъ о прибытіи гостей, прислала за ними „цугомъ заложенную пребогатую карету, и весьма милостиво принявши, приказала исправить всѣ ихъ надобности“. Путешественники осмотрѣли арсеналъ и посѣтили кабинетъ, „въ коемъ великое собраніе рѣдкихъ каменьевъ, коралей, окаменѣлыхъ вещей, въ томъ числѣ и пень, превратившійся

въ камень, также серебряный, искусно вылитый въ натуральную величину олень, у коего внутри вмѣщена аптека... Удостоились также видѣть изъ слоновой кости точеніе блаженныя и вѣчнодостойныя памяти императора Петра I-го, кое сохраняется и показывается за диковину". Что касается знаменитой дрезденской галлереи, въ которой тогда уже было много великихъ произведеній искусства, то наши русскіе гости отнеслись къ ней не съ большимъ вниманіемъ: въ журналѣ замѣчено только, что видѣли „въ картинной галлереѣ собраніе наилучшихъ пензелей картинъ". Зато Никита Акинфіевичъ подробно осматривалъ фрейбергскіе серебряные рудники, и вмѣстѣ съ провожавшимъ его офицеромъ, „надѣвъ данное отъ надзирателя горное платье, взяли по фонарю, повѣсили на груди, и по лѣстницѣ съ великою опасностію начали сходить въ преисподнюю и, держась за веревки, сошли пятнадцать лѣстницъ, но глубже спускаться не разсудили, посмотрѣвъ только, какъ выбиваютъ изъ твердаго камня жилу серебряной руды... Въ семъ мѣстѣ сырость, спершійся дымъ отъ свѣчи и какъ бы паръ въ угарной банѣ едва насъ отъ непривычки не задушилъ и столько обезпокоилъ, что мы поспѣшили вылѣзть вонъ". Здѣсь нашъ путешественникъ купилъ нѣсколько образчиковъ лучшихъ рудъ. Если Никита Акинфіевичъ былъ любителемъ искусствъ, то, очевидно, его еще больше интересовало горное дѣло. Какъ владѣтель богатыхъ заводовъ, онъ, безъ сомнѣнія, осматривалъ фрейбергскія рудокопни не изъ одного любопытства, но и въ видахъ практической пользы для своего дѣла. Это видно и изъ того, что, посѣщая разные кабинеты за-границей, онъ обращалъ всегда вниманіе на минералогическія коллекціи и покупалъ много образчиковъ минераловъ для своего собранія. Въ началѣ октября Демидовы пріѣхали въ Берлинъ. Здѣсь они сдѣлали визитъ нашему посланнику, князю Владиміру Сергѣевичу Долгорукову, обѣдали у него и потомъ вмѣстѣ съ нимъ осматривали фарфоровый заводъ, гдѣ „заказали за 320 червонныхъ десертный сервизъ". Въ Данцигѣ разбирали свои сундуки съ вещами, которыхъ набралось, повидимому, не мало; одни изъ нихъ взяли съ собою, а другіе отправили моремъ въ Петербургъ. На пути въ Кёнигсбергъ съ нашими путешественниками случилось такое же несчастіе, какъ по дорогѣ въ Каррару, и на этотъ разъ не обошлось безъ печальныхъ послѣдствій. „Карета, гдѣ находилось дитя съ нянъками, кормилицею и камердинеромъ, по оплошности извощика, опрокинулась въ ровъ, чѣмъ Александра Евтиховна, какъ мать, болѣе всѣхъ испугана была; но по счастію дочь Катерина Никитишна, бывъ въ рукахъ у расторопнаго человѣка, осталась невредима". Нѣкоторыя женщины, однако же, были ушиблены и ранены, почему принуждены были провести ночь въ ближней корчмѣ, а по пріѣздѣ въ Кёнигсбергъ, нужно было пригласить доктора. Вообще этотъ случай всѣхъ очень встревожилъ и, кажется, повліялъ на здоровье Демидовой, которая была въ послѣднемъ времени беременности. Въ Мемелѣ Ни-

кита Акинфіевичъ накупилъ опять много „янтарныхъ вещей съ насѣкомыми“. Съ пріѣзда въ Ригу, куда прибыли 1-го ноября, начинается рядъ непредвидѣнныхъ случайностей, которыя замедлили возвращеніе въ Петербургъ на цѣлыя три недѣли. Сперва, за недостаткомъ почтовыхъ лошадей, пришлось прожить три дня въ Ригѣ, потомъ три дня простояли передъ Нарвою изъ-за починки экипажей: очевидно, что тутъ были уже не такія „битыми камешками усыпанныя дороги“, по какимъ наши туристы катались въ Англіи. Наконецъ, не доѣзжая восмидесяти верстъ до Петербурга, Демидовы принуждены были остановиться на двѣнадцать дней вотъ по какому обстоятельству. Когда они пріѣхали въ село Чирковицы, утромъ 8-го ноября, Александра Евтихіевна почувствовала приближеніе родовъ и, при помощи жены почтмейстера, въ десятомъ часу, „къ неописанной радости супруга, даровала ему сына, какъ бы въ награжденіе за его столь дальнее и многотрудное путешествіе“. Больной приходилось провести нѣсколько дней при самыхъ неблагопріятныхъ условіяхъ: комнаты на станціяхъ были холодныя, безъ печей, а между тѣмъ стояла уже глубокая осень. Никакое богатство не въ состояніи было измѣнить этого печальнаго положенія; оставалось ждать первой возможности выбраться изъ Чирковицъ, не рискуя здоровьемъ матери и ребенка. Поэтому, какъ только больная начала нѣсколько поправляться, хотя и была еще слаба, ее вмѣстѣ съ новорожденнымъ повезли въ Петербургъ и, благодаря принятымъ мѣрамъ, они прибыли туда благополучно 22-го ноября 1773 года. Составитель журнала заключаетъ свой дневникъ тѣмъ, что Демидовы, „окончивъ счастливо свое путешествіе по иностраннымъ государствамъ, привезли въ отечество дочь и сына“.

Записки о заграничномъ путешествіи Никиты Акинфіевича Демидова представляютъ замѣчательный историческій и литературный памятникъ, любопытный во многихъ отношеніяхъ. Онѣ составляютъ какъ бы связующее звено между старинными „хожденіями“ и новѣйшими путешествіями, которыми наша литература обогатилась со времени писемъ Карамзина и Фонвизина. Записки эти объясняютъ многія черты въ характерѣ русскаго высшаго сословія во второй половинѣ прошлаго столѣтія и показываютъ, какъ въ нашихъ вельможахъ екатерининской эпохи слились характерныя особенности стараго русскаго боярства и заимствованныхъ изъ Европы пріемовъ цивилизаціи и образованія. Съ одной стороны, журналъ Демидова напоминаетъ статейные списки нашихъ пословъ до-петровскаго времени; какъ тамъ находимъ мы разсказъ о яичницѣ изъ строфокамилова яйца, такъ и здѣсь видимъ наивныя замѣтки о какомъ-то славномъ ватеръ-соутѣ и устрицахъ, которыми лакомятся по утрамъ ради мѣстнаго обычая. Спектакли, на которыхъ Демидовы были въ Парижѣ, описываются съ такимъ же простодушіемъ, какъ и комедія, видѣнная бояриномъ Лихачевымъ во Флоренціи. Въ замѣчаніяхъ о чужихъ нравахъ также

много общаго: подъячій семнадцатаго вѣка удивляется, что въ Италіи у женщинъ ничего нѣтъ на головахъ, а лѣтописецъ поѣздки Демидова смѣется надъ парижанками, которыя поддерживаютъ красоту убѣленіемъ и промываніемъ. Широкая натура нашихъ бояръ немного измѣнилась послѣ петровской реформы: послы наши вездѣ щедро одаряютъ соболями и лисицами, и Демидовы съ неменьшею щедростью награждаютъ служанокъ и слугъ, „выѣзжая изъ каждаго мѣста". Разница въ томъ только, что русскіе посланники, какъ видно изъ статейныхъ списковъ, возили съ собой за-границу мѣха не для однихъ подарковъ, но и для продажи, а Демидовъ бралъ только чистыя деньги для покупки японскихъ горшковъ, гротескихъ раковинъ и другихъ „нужныхъ вещей". Съ другой стороны, въ журналѣ путешествія Демидова мы видимъ, что его занимаютъ не одни мелочи и внѣшній блескъ европейской жизни: онъ интересуется плодами цивилизаціи, произведеніями искусствъ и предметами науки. Не пропуская случая побывать на гуляньяхъ и въ вокзалахъ, посмотрѣть пѣтушій бой и собачью комедію, онъ, однако же, больше обращаетъ вниманія на музеи и библіотеки, осматриваетъ фабрики, спускается въ рудники. Если и въ этомъ было, можетъ быть, больше любопытства празднаго богача, нежели серьезной пытливости образованнаго человѣка, то не должно забывать, что поѣздка эта происходила черезъ какія-нибудь семьдесятъ лѣтъ послѣ того, какъ русскіе бояре промѣняли свои охобни на европейскій костюмъ, и что нашъ путешественникъ былъ внукъ тульскаго кузнеца. Наконецъ, журналъ путешествія Никиты Акинфіевича ясно показываетъ намъ, какъ въ прошломъ вѣкѣ свозились въ Россію изъ-за границы дѣйствительно цѣнныя и сомнительныя произведенія искусства и природы, которыми наполнялись галлереи и оранжереи въ городскихъ и деревенскихъ домахъ нашихъ богатыхъ баръ. Къ сожалѣнію, въ дневникѣ показаны цѣны только нѣкоторыхъ отдѣльныхъ покупокъ и издержекъ, но нѣтъ указанія, на какую сумму пріобрѣтено множество разнообразныхъ вещей и во что обошлось все это трехлѣтнее путешествіе.

А. Милюковъ.

ОЧЕРКИ ИЗЪ УКРАИНСКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ [1].

III.

Романтико-художественная украинская литература нынѣшняго вѣка.

РОМАНТИЗМЪ—слово довольно неопредѣленное. Адамъ Мицкевичъ показываетъ существенныя черты романтизма путемъ историческимъ, сопоставляя его съ другими литературными явленіями. Во всемірной исторіи литературы онъ видитъ слѣдующія крупныя явленія: классицизмъ, средневѣковой романтизмъ новыхъ народовъ, французскій псевдоклассицизмъ и романтизмъ новоевропейскихъ литературъ. Творческій талантъ греческаго художника былъ слѣдствіемъ равновѣсія между воображеніемъ, чувствомъ и разсудкомъ; поэтому, художественныя произведенія грековъ имѣли изящную соотвѣтственную форму какъ въ построеніи, такъ и во внутреннемъ содержаніи,—и такое свойство и характеръ изящныхъ произведеній называется стилемъ греческимъ, или классическимъ. Новыя чувства и представленія, свойственныя только варварамъ, такъ называемый духъ рыцарскій и соединенныя съ нимъ уваженіе и любовь къ женщинѣ, чуждыя Греціи и Риму, строгое сохраненіе правилъ чести, религіозный экстазъ, миѳическіе вымыслы и представленія варварскихъ народовъ, прежде язычниковъ, а теперь христіанъ, перемѣшанныя между собою,—все это составляетъ въ средніе вѣка міръ романтическій, котораго поэзія называется тоже романтическою. Поэзія эта имѣла свой опредѣленный характеръ, видоизмѣняемый только мѣстнымъ вліяніемъ суровыхъ и восторженныхъ норманновъ, веселыхъ

[1] См. „Историч. Вѣстн.“, томъ V, стр. 697.

миннезенгеровъ, чувствительныхъ трубадуровъ. Французская псевдоклассическая поэзія, подавившая собою средневѣковой романтизмъ, только драпировалась въ классическую одежду, а въ сущности была поэзіею разсудочною и формальною. Въ ней не могли найти мѣста никакіе смѣлые замыслы, никакія народныя басни; скорѣй искали предметовъ историческихъ, но если брали изъ старины, или изъ среднихъ вѣковъ, то всегда принаровляли къ французской знати. Наконецъ, новая романтическая поэзія явилась на смѣну французскому псевдоклассицизму и отчасти вызвана была его злоупотребленіями. Починъ въ этомъ дѣлѣ принадлежитъ Великобританіи, менѣе другихъ подчиненной чужимъ вліяніямъ, гдѣ въ Шотландіи до сихъ поръ сохраняются древнія народныя пѣсни. Великій Шекспиръ воспитался единственно на взглядахъ народныхъ. Преемниками его въ позднѣйшее время являются два британскіе генія: Вальтеръ-Скоттъ и Байронъ. Первый посвятилъ свой талантъ народной исторіи, издавая народныя повѣсти изъ міра романтическаго, обработанныя классически; онъ создалъ народныя поэмы и сдѣлался для англичанъ Аріостомъ. Байронъ, оживляя образы чувствомъ, создалъ новый родъ поэзіи повѣствовательной и описательной, въ которомъ онъ—то же, что Шекспиръ въ драматической поэзіи. Въ Германіи ново-романтизмъ осложнился вліяніями греческимъ, итальянскимъ, англійскимъ и другими и имѣетъ представителями своими Шиллера, Гете и др. [1]). Сущность этого ново-романтизма, смѣшаннаго съ другими направленіями литературы и поэзіи, нѣкоторые новѣйшіе писатели понимаютъ какъ гармоническое сочетаніе въ новѣйшемъ художественномъ идеалѣ романтически глубокой жизни души и классической красоты формы. Поэтому, ново-романтизмъ вѣрнѣе слѣдуетъ назвать художественнымъ романтизмомъ. Нѣкоторые представители его вели борьбу противъ французскаго псевдоклассицизма, чтобы возстановить дѣйствительное классическое образованіе, какъ оно было въ Греціи. Греческая поэзія, греческая философія, въ дѣлѣ новоромантическаго движенія нерѣдко были руководительными началами.

Но гармоническое сочетаніе романтическаго содержанія съ классическою формою проявлялось не во всей ново-романтической литературѣ одинаково, смотря по различію національностей, сторонннхъ вліяній и личнаго настроенія поэтовъ. Въ Англіи романтизмъ, если представителями его признать Вальтеръ-Скотта, Борнса, Байрона, Мура, Вашингтона-Ирвинга, былъ прежде всего національнымъ и соотвѣтствовалъ какъ историческому развитію народа, такъ и кореннымъ началамъ, лежавшимъ въ основаніи его умственной, нравственной и религіозной жизни, и потому пришелъ къ отраднымъ явленіямъ, изъ которыхъ очень многія по справедливости носятъ на себѣ признаки

[1]) „O poezyi romantycznej“ А. Мицкевича, — предисловіе къ первому изданію его стихотвореній, 1822 года.

классицизма. Англійская романтика получала мотивы для поэтическихъ созданій изъ „древней романтической страны“, но вмѣстѣ съ тѣмъ служила орудіемъ для рѣшенія вопросовъ современной жизни. Въ Германіи, ново-романтика, въ лицѣ Гете и Шиллера, опиралась на классическую древность и тоже имѣла въ виду насущныя потребности настоящаго времени. Но возникшая затѣмъ въ собственномъ смыслѣ романтическая школа, со Шлегелями и Тикомъ во главѣ, вся погрузилась въ отжившую старину, тосковала по утраченной родинѣ и сдѣлалась даже орудіемъ политической реакціи и застоя. Нѣмецкіе романтики этого рода искали высшаго единства жизни и обратились къ романтизму среднихъ вѣковъ, въ которомъ, по ихъ понятіямъ, христіанство связывало въ единство—государство, церковь, народъ, науку, искусство и жизнь. Громко было возвѣщено, что въ средніе вѣка всѣ интересы и направленія сходились въ высшемъ пунктѣ религіи, и поэзія, вытекавшая изъ религіи, вездѣ сопровождала и проникала всю разнообразную, многоцвѣтную жизнь; что, поэтому, въ средніе вѣка, не смотря на рѣзкое разъединеніе сословій феодальнаго государства, всѣ явленія жизни пріобрѣли тѣсную связь съ народною жизнью, и такъ какъ эта народная жизнь есть единственный и неисчерпаемый источникъ поэзіи, то съ возстановленіемъ средневѣковаго романтическаго міра—въ церкви, государствѣ и народной жизни неминуемо должна обновиться также поэзія и наука [1]).

Хотя романтизмъ былъ, собственно, продуктомъ жизни западно-европейскихъ народовъ, но возобновленіе, или ново-романтизмъ, отразился и въ литературѣ славянскихъ народовъ, въ силу тѣснаго общенія ихъ съ западною Европою, и представителями этого ново-романтизма являются у поляковъ—Адамъ Мицкевичъ со школой украино-польскихъ поэтовъ, самъ отчислявшій себя къ разряду романтиковъ, а у русскихъ—Жуковскій, Батюшковъ, Пушкинъ и Лермонтовъ. Но у поляковъ и русскихъ ново-романтизмъ выразился нѣсколько различнымъ образомъ. Мицкевичъ, въ изданіи своихъ стихотвореній 1829 года—„Къ читателю о критикахъ и рецензентахъ варшавскихъ“, указывая на представителей ново-романтизма: Гёте, Мура, Байрона и др., ссылалается также на Шлегелей, Тика, Гизо, Вильмена и др., т. е. на авторитеты реакціоннаго романтизма, обращеннаго на давно-прошедшую жизнь и, слѣдовательно, является романтикомъ отчасти регрессивнымъ. Въ противоположность господствовавшему въ Варшавѣ псевдоклассицизму, онъ обратился къ народнымъ преданіямъ и баснямъ и открылъ для себя новую Шотландію, но нашелъ ее не между поляками, утратившими наивную прелесть первоначальной поэзіи, а въ русскомъ народѣ, который имѣлъ неизсякаемый источникъ народной поэзіи. Эти преданія онъ и разработывалъ съ романтической точки зрѣнія и образовалъ цѣлую школу польско-украинскихъ поэтовъ, къ

[1]) „Обзоръ англійской литературы XIX столѣтія“, Ю. Шмидта.

которой, между прочимъ, принадлежали—Мальчевскій, Богданъ Залѣсскій, Одынецъ, Северинъ Гощинскій, Занъ и др. Но такъ какъ Польши въ то время болѣе не существовало, то идеалы этихъ писателей обращены были къ прошлымъ временамъ самостоятельнаго существованія Польши и освящали собой многія ненормальныя явленія въ жизни этого безобразно-феодальнаго государства. Въ другомъ положеніи находилась Россія, могущественное и новое государство, которое, при своей молодости и сравнительномъ недостаткѣ образованія, было воспріимчивѣе ко всякимъ литературнымъ вліяніямъ вообще и въ частности къ ново-романтическому, быстро воспринимало ихъ и примѣняло не столько къ прошедшей своей жизни, сколько къ настоящей. Здѣсь мы видимъ чистѣйшій романтизмъ у Жуковскаго, мотивы классической поэзіи древнихъ у Батюшкова, и соединеніе обоихъ элементовъ у Пушкина и Лермонтова.

Что же касается собственно украинской литературы, то и она не чужда была этого ново-романтическаго движенія и знакомилась съ нимъ или непосредственно изъ первыхъ рукъ, или же при посредствѣ польской и русской литературъ. Одинъ изъ профессоровъ харьковскаго университета, Кронебергъ, еще въ двадцатыхъ годахъ нынѣшняго вѣка познакомилъ русскихъ съ важнѣйшимъ представителемъ новоромантической поэзіи—Шекспиромъ. Малорусскій писатель Кулишъ говоритъ за себя и за своихъ земляковъ, что, наравнѣ съ Пушкинымъ и Гоголемъ, они поначитывались Байрона и Шиллера. К. Думитрашковъ и П. П. Гулакъ-Артемовскій переводятъ нѣкоторыя стихотворенія изъ Гете. Н. А. Маркевичъ перевелъ на русскій языкъ „Еврейскія мелодіи“ Байрона и свои „Украинскія мелодіи“ написалъ по образцу „Ирландскихъ“ и „Еврейскихъ“ мелодій Томаса Мура и Байрона. Іеремія Галка (Н. И. Костомаровъ) написалъ нѣсколько стихотвореній въ подражаніе Байрону и съ эпилогами изъ него, какъ напр., „До жидивки“, „Журба еврейска“, „Місяцъ“, „Погибель Сеннахерибова“, „Дика коза“ и проч.; а въ своихъ историческихъ драмахъ, и отчасти историческихъ изслѣдованіяхъ, является послѣдователемъ Вальтеръ Скотта. Марфа Писаревская переводитъ сонеты Петрарка, а Кулишъ вдохновляется Дантомъ.

Но болѣе всего малороссы знакомились съ ново-романтизмомъ черезъ русскихъ и отчасти нольскихъ представителей его и воспроизводили ихъ мотивы въ своей литературѣ. Шереперя (С. Писаревскій) подражаетъ въ одной пѣснѣ Жуковскому. Нѣкоторые признаютъ даже, что первыя произведенія Т. Г. Шевченка—„Причинна“, „Утоплена“, „Тополя“, написаны въ формѣ баллады въ романтическомъ вкусѣ Козлова и Жуковскаго [1]). Классическіе мотивы Батюшкова отчасти воспроизводятся въ антологическихъ стихотвореніяхъ Я. Щоголева,

[1]) „Т. Г. Шевченко въ отзывахъ о немъ иностранной печати“, Одесса, 1879 г., стр. 6.

товарища поэта Щербины по университету. Но особенное вліяніе на украинскую литературу имѣли два наши великіе поэта—Пушкинъ и Лермонтовъ. „Больше всего мы полюбили изъ сосѣдней словесности Пушкина, говоритъ Кулишъ, и—негдѣ правды дѣть—поупивались его поэзіей, какъ будто тѣмъ старымъ медомъ, что называютъ пьяное чело. Онъ силой затащилъ насъ на пышный бенкетъ [1])". Мотивы пушкинской поэзіи мы видимъ у Шереперы, Макаровскаго, Н. А. Маркевича, Л. Боровиковскаго, П. Кореницкаго, Гребенки и др. Не меньшимъ почетомъ и уваженіемъ пользовался въ украинской литературѣ и нашъ Лермонтовъ. Въ своемъ мѣстѣ мы упоминали уже о пародированномъ переложеніи П. П. Гулакомъ-Артемовскимъ „Думы" Лермонтова на украинскую рѣчь. Кромѣ того, ясные слѣды подражанія Лермонтову мы находимъ у малорусскихъ стихотворцевъ М. Петренка и С. Родыны (псевдонимъ). Но, что̀ всего замѣчательнѣе, вліянію нашихъ двухъ знаменитыхъ поэтовъ русскихъ въ извѣстной мѣрѣ подчинился даже Т. Г. Шевченко. Кулишъ говоритъ, что Шевченко „Пушкина зналъ наизусть, даромъ что писалъ не его рѣчью, не его складомъ, а Шекспира возилъ съ собою, куда́ бы ни ѣхалъ [2])". Изъ дневника же самаго Шевченка мы знаемъ, что онъ зналъ наизусть и многія изъ стихотвореній Лермонтова и называлъ его великимъ поэтомъ, а стихи его—очаровательными. Конечно, вліяніе русскихъ ново-романтическихъ поэтовъ на украинскую литературу принимало мѣстный отпечатокъ и характеръ; но нельзя не замѣтить, что мѣстному колориту этихъ вліяній немало помогли басни Крылова, которыя часто переводились и передѣлывались на украинскую рѣчь и украинскіе нравы, и притомъ украинскими писателями въ романтическомъ духѣ.

Менѣе замѣтно на украинской литературѣ вліяніе польскаго новоромантизма, хотя оно все-таки есть, и притомъ иногда не маловажное. Харьковскій университетъ, на первыхъ порахъ своего существованія, былъ полу-русскимъ, полу-польскимъ; здѣсь даже профессорствовалъ братъ Адама Мицкевича, хотя и не раздѣлявшій убѣжденій своего знаменитаго брата. Въ харьковскомъ университетѣ преподовался польскій языкъ, и лекторъ этого языка П. П. Гулакъ-Артемовскій въ вступительной лекціи своей говорилъ, что „языкъ польскій есть столь новый и столь обильный для россійской словесности источникъ, котораго выразительность и сходство съ нашимъ россійскимъ языкомъ никакими другими языками замѣнена быть не можетъ", и что „отечественной нашей литературѣ... польскій языкъ съ прочими единобратними можетъ содѣйствовать болѣе, нежели какой-либо иностранный [3])". Въ виду этого, онъ переложилъ нѣкоторыя польскія

---

[1]) „Хата", Кулиша, 1860 г., стр. VIII.
[2]) „Основа", январь, 1862 г., библіографія, стр. 60—61.
[3]) Рѣчь эта—въ „Украинскомъ Вѣстникѣ", за февраль, 1819 года.

стихотворенія на малорусскій языкъ и, между прочимъ, „Пана Твардовскаго“ Мицкевича. Изъ послѣдующихъ украинскихъ писателей извѣстны своими переводами польскихъ романтическихъ образцовъ, или подражаніями имъ: Н. А. Маркевичъ, А. Метлинскій, Аѳанасьевъ-Чужбинскій, Іеремія Галка (Н. И. Костомаровъ), Кулишъ и Ломусъ, подъ которымъ скрывается, по всей вѣроятности, тотъ же Кулишъ. Между романтическими польскими писателями немаловажное значеніе имѣлъ для украинской литературы Богданъ Залѣсскій, избравшій спеціальностью для своей поэзіи малорусскія думы. Изъ его стихотвореній выбранъ эпилогъ къ „Русалкѣ Днѣстровой“, 1837 года, освѣщающій идею этого русинскаго сборника. Украинскіе критики находятъ, что Богданъ Залѣсскій и другіе украино-польскіе писатели имѣли въ свое время большое значеніе для правобережной Украины.

Нѣкоторые изъ украинскихъ романтическихъ писателей съ теченіемъ времени выросли изъ этого направленія и преслѣдовали другія цѣли и задачи,—и о нихъ рѣчь будетъ въ другомъ мѣстѣ. На этотъ разъ мы остановимся на такихъ украинскихъ писателяхъ, которые болѣе или менѣе оставались вѣрными романтико-художественному направленію. Это большею частію незначительные поэты, о которыхъ часто умалчиваютъ критики и историки украинской литературы, или отзываются о нихъ мимоходомъ и даже съ извѣстной долей пренебреженія. Таковы: Н. А. Маркевичъ, А. Метлинскій, А. Корсунъ, Я. Щоголевъ, Л. Боровиковскій, П. Кореницкій, В. Забѣлла, М. Петренко, С. Родына и А. Аѳанасьевъ-Чужбинскій [1]).

I.

Николай Андреевичъ Маркевичъ [2]).

Николай Андреевичъ Маркевичъ родился 26 января, 1804 года, въ Дунайцѣ, Черниговской губерніи, Глуховскаго уѣзда. Первоначальное воспитаніе онъ получилъ въ г. Прилукѣ, въ пансіонѣ извѣстнаго педагога по призванію и литератора Павла Павловича Белецкаго-Но-

[1]) Извѣстны еще сборники стихотвореній: 1) „До чумака“, Ф. С. Морачевскаго, 1855 г.; 2) „Украінська Квітка“, Шишацкаго-Иллича, 1856 — 7 г.; 3) „Хохлацьки співки Крутоярченка“, С.-Петербургъ, 1858 года; 4) „Прочинок, вистачиу М. Прибура“, Лейпцигъ, 1859 г., и 5) „Бандура. Думки и пісні, Думитрашка-Райча“, Кіевъ, 1858 г. Но, кромѣ стиховъ Крутоярченка, мы ихъ не видѣли. Судя по отзывамъ другихъ, они рѣшительно не стоятъ вниманія.

[2]) Кромѣ сочиненій самаго Н. А. Маркевича, источниками для его біографіи и обзора сочиненій, служатъ: „Основа“, за январь и февраль, 1861 г.; „Московскій Телеграфъ“, 1832 г.; ч. 46, стр. 65—76; „Указатель источниковъ для изученія малороссійскаго края“, А. М. Лазаревскаго, С.-Петербургъ, 1858 г.; см. 1876; „Полтавскія губернскія вѣдомости“ за 1861 г., № 16; „Русскій Архивъ“, 1864 г., 2 изд. стр, 1076; „Памятная книжка Полтавской губерніи на 1866 годъ“.

сенка, о которомъ вспоминалъ впослѣдствіи, въ своихъ „Украинскихъ мелодіяхъ“, съ большимъ уваженіемъ (стр. 133). Въ 1817 году, Н. А. Маркевичъ былъ помѣщенъ во вновь открывшійся въ то время пансіонъ при „Педагогическимъ институтѣ“ въ Петербургѣ. Одинъ изъ преподавателей этого пансіона, В. К. Кюхельбекеръ, очень полюбилъ даровитаго юношу и много способствовалъ развитію его поэтическаго таланта и литературнаго вкуса. Ему Николай Андреевичъ обязанъ и знакомствомъ своимъ съ А. С. Пушкинымъ, съ барономъ Дельвигомъ, Баратынскимъ и съ В. Л. Пушкинымъ. Въ этомъ обществѣ молодой писатель проводилъ свои досуги во все время пребыванія своего въ Петербургѣ, до 1820 года, и подъ вліяніемъ его началъ свое литературное поприще. Первыя стихотворныя попытки Николая Андреевича начались еще въ весьма молодые годы: стихотвореніе его „Гробъ“, написанное гекзаметромъ, было уже напечатано В. А. Жуковскимъ въ „Невскомъ Зрителѣ“, 1817 года, когда Николаю Андреевичу было только 13 лѣтъ. Въ 1821 году, онъ поступилъ на службу въ драгунскій армейскій полкъ, который однако-же, стоялъ тогда въ Малороссіи, что̀ много помогло ему въ изученіи родной стороны. „Объѣздивъ Малороссію изъ конца въ конецъ не въ одномъ направленіи, писалъ о себѣ Николай Андреевичъ,—стоявши съ полками не на одномъ мѣстѣ, родившись въ ней, имѣя въ ней всѣхъ родныхъ, собственность, и, наконецъ, зная здѣшній языкъ, кажется, я могъ узнать свое отечество, котораго пространство весьма ограниченно“ [1]). Вскорѣ, по желанію своего отца, жившаго въ своемъ малороссійскомъ селѣ и страстно любившаго сына, Николай Андреевичъ вышелъ въ отставку и поселился въ деревнѣ, гдѣ имѣлъ возможность еще ближе познакомиться съ малорусскою жизнью. Въ 1829 году, мы видимъ его опять въ столицѣ, въ Москвѣ, гдѣ Николай Андреевичъ велъ образъ жизни преимущественно свѣтскій, что̀, впрочемъ, не помѣшало ему пріобрѣсти много друзей въ кругу ученомъ и артистическомъ. Здѣсь, предавшись съ особенною страстью музыкѣ, онъ сдѣлался, подъ руководствомъ извѣстнаго Фильда, превосходнымъ пьанистомъ. „Въ его чуткой талантливой натурѣ,—говоритъ его біографъ,—поэзія и музыка сжились такъ дружно, какъ въ украинской народной пѣснѣ“. Въ томъ же 1829 году, Николай Андреевичъ издалъ въ Москѣ свои „Элегіи“, „Еврейскія мелодіи“ и „Стихотворенія эротическія“; потомъ, черезъ два года, тамъ же изданы „Украинскія мелодіи“. Въ 1830 году, Николай Андреевичъ женился въ Малороссіи и, наслѣдовавъ, по смерти отца, довольно значительное имѣніе, предался, съ свойственнымъ ему увлеченіемъ, сельскому хозяйству. Но заботы семейныя и хозяйственныя не помѣшали ему заниматься науками. Замѣчательнѣйшимъ трудомъ его деревенской дѣятельности была „Исторія Малороссіи“, изданная въ 5 томахъ, въ Москвѣ, 1842 года. Какъ

[1]) Предисловіе къ „Украинскимъ мелодіямъ“, 1831 г., стр. V.

исторія, какъ живое, критическое воспроизведеніе минувшаго, это сочиненіе не могло удовлетворить требованіямъ науки въ то время, но какъ собраніе и обнародованіе разныхъ историческихъ матеріаловъ, оно драгоцѣнно для всякаго, кто изучалъ южный край, и сохранило за Николаемъ Андреевичемъ имя полезнаго и трудолюбивѣйшаго дѣятеля. Ко времени окончанія этой „Исторіи“ относятся стихи Т. Г. Шевченка Н. А. Маркевичу, котораго онъ представляетъ здѣсь какъ бандуриста (пѣвца), любимца Украины.

Бандуристе, орле сизый!
Добре тоби, брате!
Маешь крыла, маешь силу;
Е коли литати.
Теперъ летишь въ Украину:
Тебе выглядають, и проч. [1]).

Кромѣ исторіи, Николай Андреевичъ оказалъ неоцѣненную услугу своей родинѣ еще собраніемъ старинныхъ рукописей, актовъ и дѣлъ, въ числѣ 6000, и составленіемъ подробнаго каталога этому архиву. На составленіе каталога, который самъ по себѣ, независимо отъ архива, чрезвычайно полезенъ и любопытенъ, Николай Андреевичъ посвятилъ нѣсколько лѣтъ. За нѣсколько мѣсяцевъ до своей кончины, сокрушаемый мучительнымъ и продолжительнымъ недугомъ, Николай Андреевичъ рѣшился разстаться съ своею драгоцѣнностью и продалъ ее помѣщику Полтавской губерніи Ивану Яковлевичу Лукашевичу [2]). Будучи членомъ многихъ ученыхъ обществъ и комитетовъ, Н. А. Маркевичъ въ послѣдніе годы своей жизни началъ прилежно заниматься статистикой и этнографіей и напечаталъ слѣдующіе труды: „О первыхъ гетманахъ малороссійскихъ“ и „Акты вновь открытые и поясняющіе исторію Малороссіи“, въ „Чтеніяхъ московскаго общества исторіи и древностей“ за 1848 годъ; „О полковникахъ прилуцкихъ“, въ „Москвитянинѣ“ за 1849 г.; „Достопримѣчательныя урочища въ Новгородъ-Сѣверскомъ уѣздѣ, Черниговской губерніи“, въ „Географ. Изв.“ за 1848 г.; „О табакѣ вообще и въ Малороссіи въ особенности“; „О климатѣ Полтавской губерніи“ въ „Журналѣ сельскаго хозяйства“ за 1850 годъ; „Овцеводство Полтавской губерніи“, М. 1851 г.; „Историческое и статистическое описаніе города Чернигова“, 1852 года; „О народонаселеніи Полтавской губерніи“, Кіевъ, 1855 года; „О многоземельности въ степяхъ“, въ „Журналѣ министерства государственныхъ имуществъ“ за 1855 г.; „Рѣки Полтавской губерніи“, въ запи-

[1]) Бандуристъ, орелъ сизый!
Хорошо тебе, братъ!
Имѣешь крылья, имѣешь силу,
Есть—когда летать,
Теперь летишь въ Украину,
Тебя ожидаютъ. (См. „Молодикъ“, 1843 г., ч. II, стр. 108—109).

[2]) О Маркевичевскомъ архивѣ см. „Современникъ“, 1859, IV, стр. 352—356.

скахъ „Русскаго географическаго общества“ за 1856 г.; „О козакахъ“, въ „Чтеніяхъ московскаго общества исторіи и древностей“ за 1859 г.; „Горкуша, украинскій разбойникъ“ въ „Русскомъ Словѣ“ за 1859 г. Николай Андреевичъ умеръ 9-го іюня 1860 года. Въ рукописяхъ, оставшихся послѣ его смерти, найдено множество неизданныхъ имъ работъ и сочиненій и между ними переводъ изъ Байрона первой пѣсни Донъ-Жуана въ стихахъ, переводы изъ разныхъ нѣмецкихъ поэтовъ и переводъ почти всего Шиллера, по которому Николай Андреевичъ учился нѣмецкому языку, начало энциклопедическаго словаря и множество мелкихъ стихотвореній, замѣтокъ, эпиграммъ, описаній и путешествій. Нѣкоторые изъ его переводовъ Шиллера помѣщены Н. В. Гербелемъ въ изданіи „Шиллеръ въ переводѣ русскихъ писателей“. По малорусской этнографіи, между посмертными трудами Н. А. Маркевича, остались: начало малорусскаго словаря и приготовленный къ изданію сборникъ пѣсенъ въ нотахъ, состоящій изъ 150 пѣсенъ, одной думы—„Савва Чалый“, „Вертепа“ съ аккомпаниментомъ изъ восьми нумеровъ, пяти свадебныхъ пѣсенъ и четырнадцати коровайныхъ. Этотъ сборникъ изданъ въ 1861 году въ Кіевѣ, подъ заглавіемъ: „Обычаи, повѣрья, кухня и напитки малороссіянъ“.

Въ исторіи украинской литературы Н. А. Маркевичъ имѣетъ немаловажное значеніе, какъ одинъ изъ первыхъ представителей новоромантизма, который онъ старался пересадить на малорусскую почву, и вмѣстѣ—какъ посредникъ между русскою и украинскою литературою. Въ этомъ отношеніи особеннаго вниманія заслуживаютъ его „Украинскія мелодіи“, 1831 года, гдѣ онъ выражаетъ свои теоретическіе взгляды на романтическую литературу и пытается осуществить ихъ на практикѣ. Въ предисловіи къ этому сборнику, онъ говоритъ о себѣ слѣдующее: „Ирландскія и еврейскія мелодіи Томаса Мура и лорда Байрона подали мнѣ первую мысль—приложить слова русскія къ прелестной музыкѣ пѣсенъ малороссійскихъ. Но я отдалился отъ того и отъ другаго, взявъ другую цѣль для пѣсенъ моихъ. Еврейскія мелодіи, изъ которыхъ я многія передалъ на нашъ языкъ и въ прошломъ году издалъ, суть ничто иное, кромѣ воспоминанія любви, или похвалы какой нибудь красавицѣ; иногда въ нихъ видна только философическая мысль, одѣтая въ одежду поэтическаго сравненія. Мелодіи Мура почти въ томъ же родѣ; различіе между ними происходитъ болѣе отъ различія геніевъ Байрона и Мура, нежели отъ различія предметовъ. У перваго и въ мелодіяхъ, какъ и во всѣхъ его сочиненіяхъ, видна глубокая печаль и мрачность, никогда съ нимъ не разлучавшаяся; у ирландскаго поэта блескъ воображенія несравненно разновиднѣе. Горесть Байрона сгустилась въ тучу мрачную, обложившую сердце поэта; у Мура она производитъ тихія слезы, которыя родили эту живую, пламенную поэзію, подобную весеннему дождю, идущему изъ мрака облаковъ, но рождающему на небѣ дугу разноцвѣтную, сверкающую и необъятную въ измѣненіяхъ безчислен-

ныхъ красокъ своихъ... Я не хотѣлъ подражать, я не могъ подражать творцу Лалла-Рукъ, или творцу Чайльда-Гарольда. Мицкевичъ никогда не достигнулъ бы высоты, которой достигли поэты Альбіона и Ерина, если бы вздумалъ идти рабски по слѣдамъ ихъ, не прокладывая пути новаго; онъ избралъ тропу тѣмъ двумъ незнакомую и сошелся съ ними только уже подъ самымъ небомъ. Не говорю, чтобъ я надѣялся особымъ путемъ сойтись съ ними также, но хочу показать, какъ подражанія не далеко заводятъ. Переводить произведенія великихъ творцовъ—дѣло прекрасное; подражать имъ—дѣло смѣшное, вѣчно неудачное и доказывающее немощность въ большой степени. Карамзинъ, Жуковскій, Пушкинъ—они шли своимъ путемъ, они новыя стези прокладывали, они заслужили славу, какъ большія рѣки заслуживаютъ извѣстность плавнымъ или бурнымъ теченіемъ въ руслѣ, имъ единственно принадлежащемъ. Но что случилось съ ихъ подражателями, которыхъ такое безчисленное множество!.. Они стали подобны застоявшимся и заплѣснѣвѣлымъ озерамъ, которыя, оставаясь по лугамъ послѣ разлитія рѣкъ, извѣстны своими зловредными испареніями. Боясь поступить въ число таковыхъ озеръ — у насъ въ Россіи и безъ меня ихъ много—я искалъ чего нибудь новаго. „Утопленникъ“ А. Пушкина, „Дзяды“ Мицкевича, „Erlkönig“ и „Fischer“ Гёте, „Свѣтлана“ Жуковскаго, „Иллирическія пѣсни“ Ипполита Магдановича, мнѣ подали мысль описать преданія, обычаи, обряды, историческія происшествія, повѣрья и красоты видовъ Малороссіи въ мелкихъ отрывочныхъ пьесахъ, принаравливая каждую изъ нихъ къ напѣву малороссійскихъ пѣсенъ. Здѣсь я не боялся быть подражателемъ. Я взялъ цѣлью описанія то, что никѣмъ еще не было описано; и если бы мнѣ сказали, что я подражаю кому нибудь изъ людей, названныхъ мною, я могъ бы отвѣчать: согласенъ; но столько, сколько они слѣдовали Овидію, описывавшему предразсудки своихъ соотечественниковъ; ибо „Metamorphoseon“ Овидія — тоже описаніе повѣрьевъ въ другой формѣ; „Erlkönig“ въ видѣ баллады описанъ; „Цеиксъ и Гальціона“ та же баллада въ отрывкѣ“.

Сколько, впрочемъ, ни открещивается Н. А. Маркевичъ отъ подражательности знаменитымъ романтическимъ поэтамъ,—новымъ у него является только малорусское содержаніе его мелодій, которое онъ, однако же, обработываетъ въ романтическомъ духѣ, стараясь воскресить украинскую миѳическую древность въ переплетеніи ея съ христіанскими понятіями. Въ другомъ мѣстѣ своего предисловія къ „Украинскимъ мелодіямъ“ онъ прямо почти причисляетъ себя къ романтическимъ писателямъ. „Если повѣрья Украйны—поэтическія,—говоритъ онъ,—если очевидно сходство ихъ съ древними миѳологическими преданіями; то почему жъ намъ не взять ихъ цѣлью стихотворныхъ нашихъ описаній? Различіе есть одно: оно происходитъ отъ различія основаній, которыя суть христіанство и идолопоклонство; но что̀ для идолопоклонника было написано, то не все понятно христіа-

нину. Мы постараемся въ бо̀льшемъ свѣтѣ показать эту истину для того, чтобъ она же намъ показала различіе классицизма и романтизма, чтобъ она открыла намъ, какого рода поэзія для насъ приличнѣе; ибо нѣтъ сомнѣнія, что, будучи главной пружиной всѣхъ дѣйствій и даже мыслей нашихъ, вѣра одинаково дѣйствуетъ и на поэзію, и на скульптуру, и на живопись".

Въ сборникѣ „Украинскія мелодіи" всего 36 стихотвореній. Хотя мысль написать ихъ подана „ирландскими" и „еврейскими" мелодіями Мура и Байрона, но нѣкоторыя изъ украинскихъ мелодій Н. А. Маркевича напоминаютъ заглавіемъ своимъ или содержаніемъ нѣкоторыя произведенія А. С. Пушкина и А. Мицкевича. Такъ напримѣръ, мелодіи „Примѣты по коню" и „Домовой" напоминаютъ собою соотвѣтствующія стихотворенія Пушкина „Примѣты" и „Молитва домовому". О послѣдней Н. А. Маркевичъ прямо замѣчаетъ, что онъ воспроизвелъ ее въ своей мелодіи „Домовой". „Я здѣсь описалъ—говоритъ онъ—фигуру, лицо и назначеніе домоваго, какъ оно есть въ преданіяхъ. А. С. Пушкинъ написалъ прелестную пьесу „Молитва домовому", и проч. Мелодія „Поминальный день" есть ничто иное, какъ поэма Мицкевича „Дзяды" въ миніатюрѣ, примѣненная къ украинскимъ нравамъ. По всей вѣроятности, выборъ содержанія для украинскихъ мелодій опредѣлялся у Н. А. Маркевича параллельными явленіями въ вѣрованіяхъ другихъ народовъ, получившими поэтическое выраженіе у лучшихъ романтическихъ писателей, особенно славянскихъ. Это, однако, не исключаетъ нѣкоторой доли самостоятельности и оригинальности „Украинскихъ мелодій" Маркевича, по крайней мѣрѣ относительно содержанія и внѣшняго колорита ихъ. Авторъ вездѣ старается воспроизводить въ своихъ мелодіяхъ дѣйствительно существующія народныя вѣрованія и понятія, или непосредственно изъ первоисточника народной поэзіи, или изъ сочиненій другихъ писателей о Малороссіи, напримѣръ Порфирія Байскаго, И. П. Котляревскаго, и др. Такъ напримѣръ, мелодія „Плостки на казачьихъ крестахъ" основана на дѣйствительно существовавшемъ казацкомъ обычаѣ; содержаніе баллады „Чума въ Кіевѣ" взято изъ преданія, „котораго истину утверждаютъ многіе кіевляне". Въ примѣчаніяхъ къ мелодіи „Чаровница" Николай Андреевичъ ссылается, въ оправданіе нѣкоторыхъ строфъ ея,—на Порфирія Байскаго, Подолинскаго и И. П. Котляревскаго; но въ то же время употребляетъ въ этой мелодіи выраженія, заимствованныя изъ народныхъ украинскихъ пѣсенъ. Чаровница—это волшебница, собирающая чудесныя зелья и созывающая къ себѣ духовъ на помощь. Мелодія Маркевича изображаетъ, какъ, по вызову волшебницы, явилась жаба на землѣ.

Та жаба въ очи ей глядитъ,
И крикомъ гадъ къ себѣ манитъ,
Къ той жабѣ змѣи собрались,
И ньявки скользкія сползлись,
Стогами вьются, вкругъ ползутъ,
И лучъ луны туманной пьютъ.

Вся эта строфа основана на повѣсти П. Байскаго (О. Сомова) „Русалка“ въ „Подснѣжникѣ“, за 1829 годъ; но въ ней есть нѣкоторые и чисто-народные мотивы. Въ объясненіе послѣднихъ двухъ стиховъ этой строфы, Н. А. Маркевичъ приводитъ изъ сборника „Малороссійскихъ пѣсенъ“ М. А. Максимовича, 1827 г., слѣдующіе народные стихи:

Ты не маты, чорна гадына
Зьила сонце, зьишь и мисяца,
Зьишь и зырочки (т. е. ты не мать, ты черная змѣя, ты съѣла солнце, съѣшь и мѣсяцъ и звѣзды).

Подобные народные мотивы встрѣчаются и въ другой мелодіи Маркевича—„Вороные кони“.

Конечно, эти народные мотивы въ „Украинскихъ мелодіяхъ“ Н. А. Маркевича были только слабыми попытками художественнаго воспроизведенія украинской народной поэзіи, теперь совершенно забытыми; но эти попытки все-таки служатъ необходимыми звѣньями въ цѣпи историческаго развитія украинской литературы нынѣшняго вѣка и, въ свое время, пролагали путь къ болѣе глубокому изученію малорусской народной поэзіи и воспроизведенію ея въ болѣе или менѣе художественной формѣ. Самъ Н. А. Маркевичъ впослѣдствіи серьезнѣе сталъ смотрѣть на украинскія народныя пѣсни и видѣлъ въ нихъ не только матеріалъ для стихотворныхъ своихъ передѣлокъ, но и самостоятельное достоинство ихъ. Ближайшимъ литературнымъ преемникомъ Н. А. Маркевича мы считаемъ А. Л. Метлинскаго, который и лучше знакомъ былъ съ народной украинской поэзіей, и вѣрнѣе воспроизводилъ ее въ своихъ стихотвореніямъ, чѣмъ Н. А. Маркевичъ. При томъ же, А. Л. Метлинскій въ литературныхъ трудахъ своихъ преимущественно употреблялъ малорусскую рѣчь, тогда какъ Н. А. Маркевичъ писалъ больше на русскомъ литературномъ языкѣ своего времени.

II.

Амвросій Лукьяновичъ Метлинскій [1]), извѣстный также подъ псевдонимомъ Амвросія Могилы, родился въ 1814 году, въ Гадячскомъ уѣздѣ, Полтавской губерніи. Первоначальное воспитаніе получилъ онъ въ гадячскомъ уѣздномъ училищѣ, подъ руководствомъ извѣстнаго уже намъ украинскаго писателя М. М. Макаровскаго. Отсюда перешелъ онъ въ харьковскую гимназію, а потомъ въ харьковскій уни-

[1]) Главные источники, кромѣ сочиненій самаго Метлинскаго, слѣдующіе: 1) „Обзоръ сочиненій, писанныхъ на малороссійскомъ языкѣ“, Іеремія Галки, въ „Молодикѣ“, за 1844 г., стр. 182—184; 2) „Поэзія славянъ“, Гербеля, 1871 г., стр. 193; 3) „Харьковскій университетъ и Д. Н. Качеповскій“, М. Де-Пуле, въ „Вѣстникѣ Европы“, за 1874 г., т. I, стр. 100—104.

верситетъ, въ которомъ окончилъ полный курсъ наукъ. Затѣмъ, онъ занималъ нѣкоторое время мѣсто библіотекаря университета, посвящая свободное отъ служебныхъ занятій время на приготовленіе къ магистерскому экзамену и сочиненію магистерской диссертаціи. Въ качествѣ этой диссертаціи явилась рѣчь его—„Объ истинномъ значеніи поэзіи“, 1843 года. Новый магистръ вошелъ въ среду профессоровъ харьковскаго университета и занялъ въ немъ каѳедру русской словесности. Въ 1849 году, А. Л. Метлинскій изъ адъюнктъ-профессоровъ былъ переведенъ ординарнымъ профессоромъ на ту же каѳедру въ университетъ Св. Владиміра въ Кіевѣ и въ 1850 году издалъ въ Харьковѣ свою докторскую диссертацію—„Взглядъ на историческое развитіе теоріи прозы и поэзіи“. Въ Кіевѣ Амвросій Лукьяновичъ оставался не долго (до 1854 года). По возвращеніи въ Харьковъ, онъ онъ занялъ прежнюю свою каѳедру и не оставлялъ ее до выхода въ отставку, въ 1858 г. Послѣдніе годы своей жизни онъ провелъ на берегахъ Женевскаго озера и на южномъ берегу Крыма, въ Ялтѣ, гдѣ и умеръ въ концѣ іюня мѣсяца 1870 года, отъ раны, нанесенной собственной рукой въ припадкѣ меланхоліи.

Метлинскій собственно ученымъ никогда не былъ и не могъ быть, ни по своей натурѣ, ни по состоянію своего здоровья, весьма хилаго, не допускавшаго возможности усидчивыхъ занятій. Даже его докторская диссертація есть только передѣлка „Теоріи поэзіи въ ея историческомъ развитіи“, Шевырева. Плохой, по слабости легкихъ, чтецъ, профессоръ—не болѣе, какъ только удовлетворительный, Метлинскій своими лекціями, въ особенности же требованіемъ отъ слушателей сочиненій, былъ весьма полезенъ всѣмъ студентамъ первыхъ курсовъ, потому что въ это время въ гимназіяхъ еще дѣйствовали педагоги изъ литературной школы 20-хъ годовъ, писавшіе и заставлявшіе учениковъ писать разныя пѣснопѣнія и не признававшіе еще права гражданства въ литературѣ не только Гоголя, но даже самаго Пушкина. Другой типъ педагоговъ-словесниковъ представляли дѣйствительно литераторы по натурѣ, но забубенные, строчившіе гладкіе и звучные стихи, писавшіе поэмы и восторгавшіеся Пушкинымъ, не понимая его, но болѣе обожавшіе Бенедиктова, Марлинскаго и Нестора Кукольника. Весь этотъ литературный сумбуръ Метлинскому предстояло регулировать: надобно было отучить молодежь отъ дикихъ понятій, вычурности въ изложеніи мыслей, отъ самонадѣяннаго и черезчуръ легкаго отношенія къ литературѣ, и пріучить ее къ простотѣ изложенія и трезвости взгляда,—и Метлинскій вполнѣ этого достигалъ не лекціями, а разборомъ студенческихъ сочиненій. Взгляды самого Метлинскаго на литературу немногимъ отличались отъ взглядовъ Бѣлинскаго; профессоръ былъ знатокъ и почитатель тогдашнихъ корифеевъ нѣмецкой литературы и эстетики. Но всего благотворнѣе было вліяніе Метлинскаго, какъ человѣка. Онъ былъ образцомъ труда, простоты, честности, добродушія, поистинѣ рѣдкаго. Дверь его квар-

тиры была всегда открыта для студентовъ. Близость его къ студентамъ,—смѣло можно сказать,—была идеальная, товарищеская. Пріобрѣсти дружеское, товарищеское расположеніе Метлинскаго легко было тому, кто писалъ недурно, кто имѣлъ страстишку пописывать стишки, кто собиралъ или любилъ народныя пѣсни, кто даже, по его украинскому мнѣнію, отличался чистотою великорусскаго говора. Самъ Метлинскій писалъ преимущественно стихи украинскіе, да и то изрѣдка, и стихотворства вообще не поощрялъ; но онъ поощрялъ всякаго рода литературное направленіе, а въ томъ числѣ и проблески несомнѣннаго поэтическаго дарованія. Оставивъ замѣтный слѣдъ въ южно-русской литературѣ своими „Думками и пѣснями“, 1839 г., и „Южнымъ русскимъ сборникомъ“ 1848 г., Метлинскій еще болѣе сдѣлалъ для русской этнографіи. Онъ записывалъ не только пѣсни южно-русскія, но и ихъ мелодіи, по примѣру Н. А. Маркевича. Нерѣдкіе тогда въ Харьковѣ, но теперь почти исчезнувшіе въ болѣе глубокой Малороссіи бандуристы, эти истые рапсоды казачества, были обычными гостями Метлинскаго. Студенты-малороссы, знатоки пѣнія и пѣсенъ украинскихъ, чаще другихъ навѣщали его квартиру, услаждая душу звуками родныхъ мелодій. Перебравшись въ Кіевъ, онъ издалъ здѣсь въ 1854 году „Народныя южно-русскія пѣсни“ и вмѣстѣ съ княземъ Дабижею составилъ „Программу для этнографическаго описанія губерній кіевскаго учебнаго округа“, изданную въ томъ же году. Такимъ образомъ, учено-литературная дѣятельность Метлинскаго распадается на два отдѣла: собственную его стихотворную дѣятельность и собираніе этнографическаго матеріала, и особенно южно-русскихъ народныхъ пѣсенъ [1]).

Стихотворенія Метлинскаго помѣщались въ „Молодикѣ“ Бецкаго за 1843 годъ („Розмова зъ покійными“ и „Ридна мова“) и въ двухъ изданныхъ имъ сборникахъ: „Думки и пѣсни та ще де-що Амвросія Могилы“, 1839 г., и „Южный русскій сборникъ“, 1848 года. Въ первый сборникъ, кромѣ оригинальныхъ произведеній, вошло собраніе его переводовъ изъ славянскихъ и нѣмецкихъ поэтовъ; во второмъ сборникѣ помѣщены сочиненія М. Петренка, С. Александрова, М. Макаровскаго и Г. Квитки и только четыре стихотворенія самого Метлинскаго, да и то не новыя, а лишь немного передѣланныя изъ перваго сборника.

Какъ поэтъ, Метлинскій пользовался въ свое время большою извѣстностью. Малорусскіе критики видѣли во всемъ имъ написанномъ

---

[1]) Извѣстны еще мелкія статьи и брошюры Метлинскаго: „Красногорскій монастырь“, въ „Очеркахъ Россіи“, Пассека, „Дополненіе къ статьѣ Сементовскаго—„Замѣчанія о праздникахъ у малороссіянъ“, въ „Москвитянинѣ“ за 1843 г., и „Извѣстіе объ изданіи „Южнаго русскаго сборника“, съ перечнемъ явленій украинской литературы, 1848 г., изъ „Харьк. Губ. Вѣд.“. Кромѣ того, въ 1852 г. онъ издалъ въ Кіевѣ „Байки“,—Л. Боровиковскаго, будто бы безъ согласія на то автора.

большую глубину чувства, прекрасное пониманіе казацкой старины и художественное выполненіе. По поводу его „Думокъ и пѣсенъ", Іеремія Галка (Н. И. Костомаровъ) писалъ слѣдующее: „Большая часть изъ его стихотвореній запечатлѣна истиннымъ дарованіемъ и отличается особенною художественностью. У Могилы нѣтъ того саморазвитія, какъ у Шевченка; онъ не создаетъ идеаловъ народной поэзіи, не выказываетъ чувствъ, которыя бы невольно лились изъ невѣдомаго источника: его чувство идетъ объ руку съ мыслью; онъ изучилъ сокровищницу поэтической стороны Малороссіи и является вездѣ, какъ талантъ, сознающій свой предметъ. Могила, по формѣ — поэтъ лирическій, но субъективность въ немъ прорывается незамѣтно; вы узнаете его личность, когда будете проникнуты тѣмъ, что онъ вамъ объективно выражаетъ. Возьмите, напримѣръ, первое его стихотвореніе „Бандура":

Про гетьмана, чи про гайдамаку,
Дидъ заспивае, въ бандуру заграе,—
Плаче бандура, мовъ оживае,
Жаль визьме дитину, визьме и бурлаку.
Его бандура, схоче винъ, завые;
Его бандура й ворономъ закряче;
Мовъ та дитина, жалибно плаче..
Слёзы польются, серденько ные... [1]).

„Собственныя чувства поэта высказываются тогда уже, когда явленіе, пробудившее ихъ, овладѣетъ вами, и вы сталкиваетесь съ его впечатлѣніями и признаете ихъ за свои. Онъ какъ будто не хочетъ высказать всего, что у него на душѣ, и дѣлится вмѣстѣ съ вами, не сознаваясь. Это—достоинство истиннаго художника, и нельзя не видѣть здѣсь малороссійскаго характера. Кто слѣдитъ за малороссіяниномъ въ минуты его сердечнаго восторга, въ тѣ минуты, когда онъ поднимается изъ сферы обыкновенной жизни, — тотъ можетъ повѣрить, какъ скупо малороссійское сердце на дѣлежъ своихъ движеній съ другими. Малороссіянинъ захочетъ васъ напередъ увлечь,—вы невольно выскажетесь, а онъ въ глубинѣ души будетъ дѣлиться съ вами и все-таки покажетъ на лицѣ улыбку равнодушія. Характеръ стихотвореній Могилы отличается глубокою грустью и вѣрными изображеніями древняго быта. Онъ прекрасно понялъ поэзію степной казацкой жизни; у него казакъ вездѣ является существомъ высокимъ,

---

[1]) Про гетмана, или про гайдамака
Дѣдъ запоетъ, въ бандуру заиграетъ,—
Плачетъ бандура, будто оживаетъ,
Жалость возьметъ дитя, возьметъ и взрослаго.
Его бандура, — захочетъ онъ, — завоетъ;
Его бандура и ворономъ закаркаетъ;
Жалобно плачетъ, какъ дитя...
Слезы польются, сердечушко ноетъ...

но вмѣстѣ буйнымъ и дикимъ; сцена дѣйствія его покрыта туманомъ и слезами. Изъ лучшихъ его произведеній въ этомъ родѣ: „Чарка“, отличающаяся горькою ироніею, „Казачья смерть“, гдѣ представлена страшно-поэтическая картина смерти отца съ сыномъ, „Козакъ та буря“, гдѣ поэтъ изображаетъ сходство человѣческой природы съ физическою, и „Смерть бандуриста“, прекрасная по своимъ блестящимъ описаніямъ и звучнымъ стихамъ. Два стихотворенія—„Старець“ и „Дитина-сиротина“ — изображенія другой стороны жизни малороссійской—горькаго сиротства, безнадежной грусти, мірскаго несчастія. Языкъ въ „Думкахъ и пѣсняхъ“ правиленъ, благороденъ и особенно оригиналенъ. Стихи истинно малороссійскіе. Могила пишетъ болѣе силлабическимъ размѣромъ, который иногда подходитъ подъ метрическій, часто перемѣняется въ одной и той же пьесѣ: въ каждой мысли своя форма. Поэтъ не стѣсняетъ себя опредѣленною мѣрою, и оттого у него все такъ вольно и непринужденно, и мысль выражена вполнѣ, и гармонія стиха соотвѣтствуетъ гармоніи чувства“.

Такая похвала Метлинскому, кажущаяся слишкомъ преувеличенною для нашего времени, показываетъ, какъ высоко смотрѣли на поэтическую дѣятельность Метлинскаго его современники, оцѣнивая его преимущественно съ художественной точки зрѣнія. Онъ былъ для южноруссовъ почти тѣмъ же, чѣмъ были Пушкинъ и Лермонтовъ для русской литературы вообще. „Гетьманъ“ Могилы, повидимому, есть вольное подражаніе балладѣ Лермонтова „Воздушный корабль“. Какъ и около Пушкина и Лермонтова, вокругъ Метлинскаго группируется цѣлая фаланга или равносильныхъ ему, или слабѣйшихъ талантовъ въ томъ же художественномъ направленіи и лирическомъ тонѣ, каковы, напримѣръ: Іеремія Галка въ своихъ лирическихъ произведеніяхъ, Петренко, Щоголевъ и др., бывшіе вмѣстѣ съ Метлинскимъ предтечами Шевченка.

Кромѣ художественнаго характера, стихотворенія А. Метлинскаго имѣютъ много и народнаго украинскаго элемента. Метлинскій воспиталъ свою музу на украинскихъ народныхъ преданіяхъ и пѣсняхъ которыя собиралъ почти цѣлую жизнь, и нерѣдко клалъ ихъ въ основу своихъ стихотвореній. Таковы, напр. его стихотворенія: „Кладовище“, „Пидземна церква“, „До гостей“, „Покотиполе“, послужившее также основою для повѣсти Квитки „Перекотиполе“, „Дитина-сиротина“ и др. Возьмемъ для примѣра послѣднее. Въ немъ изображается сиротка, не нашедшая для себя привѣта даже въ свѣтлый день Пасхи. Изъ церкви всѣ пошли по своимъ домамъ веселиться, но никто не пригласилъ сиротки. Она подошла къ играющимъ дѣтямъ, но и тѣ не отозвались къ ней ни однимъ словомъ. Сирота опять воротилась къ церкви, побрела дорогою къ кладбищу, поплакала надъ могилками, какъ будто нашла здѣсь родныхъ батька и матку и поговорила съ ними, и вечерней порой опять вошла въ цер-

ковь. Это стихотвореніе своимъ содержаніемъ и тономъ напоминаетъ намъ слѣдующую народную южнорусскую пѣсню о сиротѣ:

Сталася на світі повина,
Осталась отъ матери сирота едина.
Ой, згадала, якъ на світі жити,
Пішла сирітка по світі блудити.
Блукае сирітка, рочикъ минае,
А мамуні своеі нігде не видае.
Иде сирітка, здибавъ ii Господь,
Ставъ ii питати:
— Куди идешь, сирітко?
— „Мамуні шукати!“
— Вернися, сирітко, бо далеко зайдешь,
Мамуні не знайдешь!
Бо твоя мамуня на високій горі,
Спочивае въ гробі...
Пришла на той грібъ, стала рыдати,
Ажъ одзиваеця рідненькая мати [1]).

Мать не можетъ взять сиротки къ себѣ во гробъ и отсылаетъ ее къ мачихѣ, чтобы она вымыла ей голову и сшила сорочку. Но сиротка отвѣчаетъ, что мачиха ей сорочки не шила, а уже ее здоровья лишила; что мачиха еще не заплела ей косы; а уже ею — сироткой всю хату замела. Господь послалъ ангеловъ взять сиротку въ ясное небо, а злую мачиху бросить въ адъ.

Но, воспроизводя въ своихъ стихотвореніяхъ народныя преданія и пѣсни, Метлинскій почти исключительно выбираетъ грустные тоны. Можетъ быть, они соотвѣтствовали личному настроенію поэта, такъ трагически окончившаго свою жизнь, но отчасти вызываемы были и современнымъ ему положеніемъ украинскаго языка и быта, отжившаго или доживавшаго, какъ ему казалось, свою жизнь. Метлинскій — пѣвецъ могилъ или кургановъ, этихъ памятниковъ минувшей казацкой, будто-бы, славы, откуда заимствовалъ и свой псевдонимъ

---

[1]) Случилась на свѣтѣ новость,
Осталась послѣ матери сирота одна.
Она подумала, какъ жить на свѣтѣ.
Пошла сиротка по свѣту шататься;
Бродитъ сиротка, годикъ проходитъ,
А матери своей нигдѣ не находитъ.
Идетъ сиротка, встрѣтился съ ней Господь,
Сталъ ее спрашивать:
— Куда идешь, сиротка?
— „Искать матери“.
— Вернись, сиротка! п. ч. далеко зайдешь,
А матери не найдешь:
Твоя мать на высокой горѣ —
Почиваетъ въ гробѣ...
Пришла на тотъ гробъ, стала рыдать
Какъ отзывается къ ней родная мать.

„Могила". „Южно-русскій языкъ, — говоритъ онъ, — со дня на день забывается и молкнетъ и,—придетъ время,—забудется и смолкнетъ... Но можетъ быть и то, продолжаетъ онъ, что въ эпоху пренебреженія русскаго языка любовь къ нему проснется. Кто же соберетъ, какъ добрый сынъ прахъ отцовъ своихъ, исчезающіе останки южнорусскаго слова? Они разсѣяны отъ Вислы до Кубани". Метлинскій обращаетъ взоры на Россію, какъ на представительницу славянскихъ племенъ, и приглашаетъ ихъ слиться съ нею въ общенародномъ чувствѣ:

Гей вы, самотни спѣвци!
Що никчемніи для краю
Всѣ самотніи пѣсни!
Той пустився въ синье море,
Той на темный чужій край:
Мовъ не вчули (щобъ имъ горе!)
Що мовлявъ розумный царь...

Е въ насъ вѣра, царь и мова,
И чи мало насъ словенъ,
Все свое въ насъ..., ну, чого намъ
Ще шукати въ бусурменъ? [1]).

На этомъ пунктѣ Метлинскій является однимъ изъ первыхъ представителей украинскаго славянофильства. Онъ перевелъ также на русскій и мало-русскій языкъ нѣсколько стихотвореній славянскихъ поэтовъ—Челяковскаго, Коляра, Вѣтвицкаго, Суходольскаго, Одынца, и изъ Краледворской рукописи и др.

Важнѣйшимъ трудомъ Метлинскаго по части малорусской литературы, которому онъ отдавался весь, въ теченіи всей почти своей жизни, начиная съ 1836 года, было собираніе малорусскихъ народныхъ пѣсенъ, которыхъ онъ собралъ до 800 и издалъ въ 1854 году въ Кіевѣ, подъ заглавіемъ: „Народныя южнорусскія пѣсни". Въ предисловіи къ нимъ онъ пишетъ слѣдующее: „проведши большую часть моей жизни на югѣ Россіи, я могъ трудиться надъ разработкою народнаго слова русскаго, преимущественно только на одной изъ нивъ обширнаго поля царства русскаго, южнорусской, или украинской. Усердно воздѣлывая то, что досталось въ удѣлъ, по волѣ промысла

---

[1]) Эй вы, одинокіе пѣвцы,
Что ничтожны для края
Всѣ одинокія пѣсни!
Тотъ пустился въ сине море,
Тотъ на темный чужой край,
Будто не слышали (чтобъ имъ горе!),
Что сказалъ разумный царь...
Есть у насъ вѣра, царь, языкъ
И достаточно славянъ.
Все свое у насъ... ну, чего намъ
Еще искать у бусурманъ?

на мою долю, я утѣшался и одушевлялся мыслію, что всякое нарѣчіе, или отрасль языка русскаго, всякое слово и памятникъ слова, есть необходимая часть великаго цѣлаго, законное достояніе всего русскаго народа, и что изученіе и разъясненіе ихъ есть начало его общаго самопознанія, источникъ его словеснаго богатства, основаніе славы и самоуваженія, несомнѣнный признакъ кровнаго единства и залогъ святой братской любви между единовѣрными, единородными сынами и племенами. Языкъ русскій, какъ и всякій другой, образуется писателями; но силу свою и природное богатство беретъ изъ первоначальнѣйшихъ чистѣйшихъ родниковъ своихъ, изъ нарѣчій народныхъ, словно великая рѣка отовсюду, но болѣе всего изъ родной земли, почерпающая свои воды и восполняющая шумное море языковъ человѣческихъ. Такъ величіе цѣлаго зависитъ отъ правильнаго развитія частей. Словесныя произведенія каждаго русскаго племени заключаютъ въ себѣ и раскрываютъ часть богатства общаго, великаго народнаго духа... Передавая свѣту этотъ памятникъ народной поэзіи, составленный многолѣтними трудами, желаю отъ всей души и молю Бога, да послужитъ эта простая народная поэзія на пользу науки языка русскаго во всѣхъ его отрасляхъ, еще болѣе обогатитъ нашъ общій и богатый языкъ русскій и его словесность и возвыситъ взаимное познаніе и любовь между всѣми племенами и сословіями нашего великаго отечества“.

О выборѣ пѣсенъ издатель замѣчаетъ въ предисловіи: „при окончательномъ пересмотрѣ пѣсень, оказалось весьма много или уже напечатанныхъ, или весьма сходныхъ между собою, или несохранившихся въ первоначальной красотѣ и силѣ и потому болѣе или менѣе слабыхъ по содержанію и формѣ. При ограниченныхъ средствахъ для изданія, я предпочелъ при окончательномъ выборѣ только то, что̀ нигдѣ не напечатано (кромѣ немногихъ исключеній) и дѣйствительно достойно вниманія въ какомъ нибудь отношеніи. Не допуская произвола въ составленіи пѣсенъ изъ нѣсколькихъ варіантовъ (различій), я напечаталъ несходные стихи варіантовъ особо, указывая, куда, т. е. къ какимъ стихамъ главной пѣсни, они относятся. Если варіанты казались особенно замѣчательными почему либо (напр., весьма различаясь, или относясь къ любимѣйшимъ пѣснямъ), то и вполнѣ печатались, какъ образцы различной обработки одной первоначальной пѣсни“. Благодаря добросовѣстности и точности изданія и богатству содержанія сборника, онъ и доселѣ не утратилъ своего значенія.

III.

Александръ Корсунъ [1]).

Александръ Корсунъ, по всей вѣроятности, изъ помѣщиковъ Полтавской губерніи, получилъ образованіе въ харьковскомъ университетѣ. Изъ біографіи М. М. Макаровскаго, бывшаго воспитанника полтавской семинаріи, мы узнаемъ, что въ 1818 году онъ былъ нѣкоторое время домашнимъ учителемъ помѣщика Корсуна [2]); слѣдовательно, фамилія Корсуновъ имѣла связи не только съ университетомъ харьковскимъ, но и духовно-учебными заведеніями того времени. Можетъ быть, вслѣдствіе этого Александръ Корсунъ, задумавъ въ 1841 году издавать свой „Снопъ“ (снопъ), пригласилъ въ сотрудники себѣ какъ бывшихъ воспитанниковъ харьковскаго коллегіума, такъ и воспитанниковъ харьковскаго университета. Къ числу первыхъ относятся Порфирій Кореницкій и Степанъ и Петръ Писаревскіе, стихотворенія которыхъ были помѣщены въ „Снопѣ“. Изъ воспитанниковъ харьковскаго университета сообщили Корсуну свои произведенія для его „Снопа“ Іеремія Галка (Н. И. Костомаровъ) и Михаилъ Петренко. Кромѣ того, здѣсь помѣщенъ переводъ съ итальянскаго „Петраркиной пѣсни“ Маріи Писаревской. Къ этому, г. Корсунъ присоединилъ и свои собственныя призведенія.

Изъ собственныхъ сочиненій Александра Корсуна помѣщены въ его „Снопѣ“: 1) „Украинські повірья“ и 2) „Вирши“ (стихи), между коими четыре болѣе или менѣе самостоятельныя и семь переведенныхъ съ чешскаго.

Между оригинальными стихотвореніями А. Корсуна есть пародированныя, въ родѣ пародированныхъ Горацієвыхъ одъ у Гулака-Артемовскаго. Такъ, напримѣръ, „Писулька до кума“ содержаніемъ и тономъ своимъ напоминаетъ посланія Гулака-Артемовскаго „До Пархима“, съ такими же комически-философскими увѣщаніями забыть горе, плевать на судьбу и пить водку:

Писавъ ти, куме, що лучилось
Зъ тобою лихо: що й казать!
Чи можно-жъ лихомъ те назвать,
Що по приказу учинилось
Відъ Бога? Годі-жъ сумувать!
Бачь, „вмерла жинка“,—що-жъ тутъ дива!
„Палашка гарна, бачь, була“,
Зъ тобою тількі рікъ жила...
Гай, гай!.. Та въ мене здохла сива
Кобила...

---

[1]) Свѣдѣнія о немъ главнымъ образомъ почерпаются изъ его альманаха „Снопъ“, Харьковъ, 1841 года.

[2]) См. „Южный русскій сборникъ“, А. Метлинскаго, Харьковъ, 1848 г.

Въ заключеніе авторъ обращается къ куму съ такимъ совѣтомъ:

Такъ такъ-то, куме, не журися!
На долю плюй: нехай ій пекъ!
Въ мене хочь трохи поучися:
Якъ стане нудно—заразъ глекъ
Зъ вишнівкою на стілъ я ставлю,

Горілочки туди підбавлю,—
Тамъ глекъ у руки та й у ріть...
И заразъ веселіше стане—
Нудьга відъ серденька відстане:
На дворі—ничь, въ очицяхъ світъ... [1]).

Въ „Украинськихъ повірьяхъ“, изложенныхъ тоническими стихами, г. Корсунъ тоже допускаетъ много пародіи и даже цинизма, во вкусѣ „Энеиды“ Котляревскаго, такъ что нѣкоторые стихи, по этой причинѣ, не могли быть вполнѣ напечатаны. Но основа этихъ украинскихъ повѣрій имѣетъ народный украинскій характеръ, или, по крайней мѣрѣ, удачно поддѣлывается подъ него. Всѣ эти повѣрья пріурочены у г. Корсуна къ похожденіямъ Бѣлбога, въ котораго вѣрила тогдашняя русская наука о миѳологіи, и Юрка и Петра. Эти похожденія соотвѣтствуютъ извѣстнымъ обходамъ апостольскимъ, получившимъ начало свое еще въ Византіи. Здѣсь передаются въ обработанномъ видѣ повѣрья о томъ, почему жиды не ѣдятъ свинины, а также о происхожденіи медвѣдей, открытіи тютюна и табаку, происхожденіи черепахи, пугача, жабъ, чапуръ и проч. О нѣкоторыхъ изъ нихъ можно сомнѣваться, не присочинены ли они, или не передѣланы ли очень сильно самимъ г. Корсуномъ; но есть между ними и такія

---

[1]) Писалъ ты, кумъ, что случилось
Съ тобою горе: что и говорить!
Развѣ можно горемъ назвать то,
Что случилось по повелѣнію
Господа? Полно-жъ горевать!
Вишь, „умерла жена“, что-жъ тутъ удивительнаго?
„Полашка хороша, вишь, была“,
Съ тобою только годъ жила...
Ай, ай! Да у меня издохла сивая
Кобыла...

Такъ такъ-то, кумъ, не печалься!
Плюнь на судьбу: ну ее!
У меня хоть немного поучись:
Какъ станетъ тяжко, тогчасъ кувшинъ
Съ вишневкою на столъ я ставлю,
Водочки туда подбавлю,
Тамъ кувшинъ въ руки, да и въ ротъ
И тотчасъ веселѣе станетъ,
Тоска отъ сердечушка отстанетъ,
На дворѣ ночь, въ очахъ свѣтъ...

повѣрья, которыя несомнѣнно заимствованы изъ народныхъ устъ. Таково повѣрье о происхожденіи черепахи изъ двухъ мисокъ, которыми закрыла отъ своей матери неблагодарная дочь жареную курицу, одинаково встрѣчающееся и въ народныхъ южно-русскихъ разсказахъ, и въ западномъ сборникѣ „Gesta Romanorum“ [1]). Въ предисловіи къ послѣднему разсказу, г. Корсунъ высказываетъ свои патріотическія и славянофильскія убѣжденія. „И я, и вы, и всѣ мы, родились и выросли—говоритъ онъ—на Украинѣ. Она кормила насъ, дѣтей своихъ, и за то всѣ мы, сколько насъ ни есть, любимъ ее, какъ родную мать. Да только вотъ что: видите, она — мать, стало быть—женщина, а женское дѣло извѣстно: что̀ она? женщина, да и все!.. Такъ видите, нужно еще намъ и батька... Дакъ такъ-то: благодарите Господа милосерднаго, что онъ не оставилъ насъ сиротами, что онъ далъ намъ роднаго отца, царя православнаго! Такъ видите: мы не сироты, у насъ есть мать, есть и отецъ. А была и для насъ тяжелая пора. Да вы, вѣроятно, слышали, какъ насъ уродовалъ дьявольскій ляхъ со своимъ невѣрнымъ королемъ: то былъ-таки хорошій батько!! Нѣтъ, ребята, нѣтъ: то не былъ нашъ родной батько; ибо гдѣ-жъ таки видано, чтобъ у правовѣрныхъ былъ батько католикъ?! Спасибо гетману Хмельницкому, что хорошо присовѣтовалъ дѣдамъ нашимъ; спасибо и дѣдамъ, что послушали гетмана! Такъ вотъ какъ! Только это было давнымъ давно... А еще прежде нашего бѣдованья подъ ляхомъ, у насъ были свои князья, цари стало быть: и тѣ цари были тоже крещеные, какъ и мы; и тогда братья наши, червонороссы, сербы, чехи, и другіе, назывались, какъ и мы, славянами и жили вмѣстѣ. А потомъ, какъ нашъ народъ поддался ляху, то и они покорились нѣмцу; и съ того времени всѣ славяне поразползлись, какъ сверчки отъ чаду; ибо и у самихъ москвичей оказалась татарва межь пальцами... Но только москвичи, да мы, и вымолили себѣ у Господа счастія, и теперь благоденствуемъ за царемъ православнымъ; а тѣ сердешные, что у нѣмца... Иные бѣдуютъ отъ католиковъ, другіе и сами совратились въ католичество, а нѣкоторые сдѣлались истыми нѣмцами. Вотъ такъ-то это было и есть; а еще вотъ что: у сербовъ, у чеховъ, да и у червонороссовъ, всѣ простые люди говорятъ по старому, по-славянски; но такъ какъ и мы изъ славянъ, то и рѣчь ихняя очень смахиваетъ на нашу, и пѣсни и сказки тоже сходны съ украинскими“.

Въ этихъ словахъ высказывается идея возрожденія славянскихъ народностей, но въ связи съ русской народностью и даже въ нѣкоторой зависимости отъ нея. Вслѣдствіе этого, идея эта не была у Корсуна исключительною, не отзывалась сепаратизмомъ, но равно обнимала и россійскую литературу, и нарѣчія славянскихъ племенъ, на-

[1]) См. „Малорусскія народныя преданія и разсказы“, Кіевъ, 1876 г., стр. 190. и „Труды Кіев. Дух. Академіи“, за мартъ 1877 г., стр. 607—608.

ходившихся въ областяхъ Турціи и Австріи. Примѣняя эту идею къ Украинѣ, г. Корсунъ одинаково заимствовалъ и переносилъ въ украинскую литературу произведенія изъ литературы русской и западныхъ славянъ. Есть у него произведенія, писанныя въ духѣ Пушкина и Лермонтова, напримѣръ, „Блискавка“, „Відчого“, „Коханка“. Для примѣра приведемъ начало втораго изъ этихъ стихотвореній, написаннаго въ 1839 году:

Що се таке—відчого квітоньками
Гарнесенько та рожа розцвіта,
Й метеліківъ ураньці слізоньками
Заманює, мовъ би коханка та?

Що се таке—чи поцілунокъ, може,
У річці гоне филп гарно такъ;
И соловейко той по-бпля рожи
Звідчого такъ виспівуе, козакъ?

Що се таке, що серденько такъ бьеться,
И сняться сни такі-собі чудні:
То-мовъ морозъ по тілу розільється,
То-мовъ огонь—и я горю въ огні? [1]).

Съ чешскаго переведены или передѣланы Корсуномъ стихи: „Рожа“ (Роза) изъ Краледворской рукописи, „Велика Панихида“, „Горе“, „Серце“, „Про себе самого“ (Ганкѣ) и „Гарна дівчина“. Въ этихъ переводахъ Корсуна, какъ и вообще въ его взглядахъ на славянство, нельзя не видѣть сходства со взглядами и литературною дѣятельностью А. Метлинскаго, которое, по всей вѣроятности, произошло не безъ вліянія одного изъ этихъ писателей на другаго.

---

[1]) Что это такое—отчего цвѣточками
Хорошохонько та роза разцвѣла,
И мотыльковъ раненько слезками
Заманиваетъ, какъ будто любовница?

Что это такое—быть можетъ—поцѣлуй
Такъ хорошо вздымаетъ волны въ рѣчкѣ;
И этотъ соловейко коло розы
Зачѣмъ поетъ такъ,—(скажи) казакъ?

Что это такое, что такъ сердечко бьется
И снятся сны какіе-то чудные:
То будто морозъ по тѣлу разольется,
То будто огонь,—и я горю въ огнѣ.

IV.

Я. Щоголевъ [1]).

Я. Щоголевъ воспитывался въ харьковскомъ университетѣ въ началѣ 40-хъ годовъ нынѣшнаго вѣка. М. де-Пуле, поступившій въ этотъ университетъ въ 1842 году, въ своихъ воспоминаніяхъ о харьковскомъ университетѣ говоритъ о профессорѣ А. Л. Метлинскомъ, что „онъ поощрялъ всякаго рода литературное направленіе, а въ томъ числѣ и проблески несомнѣннаго поэтическаго дарованія. Между студентами нашего времени — продолжаетъ де-Пуле — было такихъ двое: Щоголевъ, изрѣдка и тогда появлявшійся въ „Отечественныхъ Запискахъ“, но потомъ неизвѣстно гдѣ исчезнувшій, и Н. Ѳ. Щербина, впослѣдствіи извѣстный лирикъ, одесситъ“. Дѣйствительно, о дальнѣйшей жизни Я. Щоголева мы не имѣемъ никакихъ свѣдѣній; но онъ не исчезъ безслѣдно для литературы. Въ „Молодикѣ“ Бецкаго, 1843—1844 годовъ, мы находимъ восемь его стихотвореній на русскомъ и малорусскомъ языкахъ. Это: „Мелодія“, „Яворъ“ (изъ греческой антологіи), „Чумацкія могилы“, „Мечты и пламень вдохновеній“, „Ноготокъ“, „Неволя“, „На згадуванье Климовскаго“ и „Могила“. Въ 1860 году, въ своей „Хатѣ“ г. Кулишъ издалъ еще пять малорусскихъ стихотвореній Я. Щоголева, а именно: „Гречкосій“, „Поминки“, „Безталанне“, „Безрідні“ и „Покірна“. Въ предисловіи къ нимъ, Кулишъ говоритъ слѣдующее: „Вотъ попалась мнѣ въ руки поэзія какого-то господина Щоголева (вѣрно, не того героя Щоголева, что стрѣлялъ изъ пушекъ подъ Одессою). Обрадовался я, прочитавъ ее. Прочиталъ землякамъ-пріятелямъ въ столицѣ, и они слушали ее съ похвалою. И обрадовались мы всѣ, что хоть одна струна прозвенѣла по-человѣчки на родной бандурѣ. Немного этихъ пѣсенъ, но это — чистый медъ, а не словесная шелуха. Правда, что нельзя ихъ равнять съ Шевченковыми, а все же и то настоящая родная поэзія. Это такъ, какъ иногда весною соловей въ саду громко да хорошо поетъ, а тутъ около тебя золотая пчелка вьется надъ цвѣточкомъ. Слушаешь соловья съ большимъ удовольствіемъ, но не скажешь и пчелкѣ: „лети себѣ прочь, не жужжи около меня“. Складъ у господина Щоголева истинно родной. Не Шевченковъ голосъ онъ перенимаетъ; перенимаетъ онъ голосъ народной пѣсни и изъ пѣсни беретъ основу своего произведенія. Между тѣмъ, какъ истинный поэтъ, а не подпѣвало, имѣетъ онъ въ голосѣ что-то свое особенное, какое-то собственное достоинство и красоту, которой

[1]) Источники: 1) „Харьковскій университетъ и Д. И. Качановскій“, М. де-Пуле, въ „Вѣстникѣ Европы“, 1874 г., т. 1, стр. 103; 2) „Хата“, Кулиша, 1860 г., стр. 2—3; 3) „Молодикъ“, Бецкаго, 1843—1844 г.; 4) „Свѣточъ“, 1860 г., кн. IV: „Критическое Обозрѣніе“, стр. 78; 5) „Поэзія славянъ“, Гербеля, 1871 г., стр. 196.

ни въ пѣснѣ народной не покажешь, ни въ Шевченковыхъ стихахъ не увидишь; потому что не чужое добро онъ себѣ присвоилъ, а своимъ собственнымъ даромъ насъ чаруетъ. Это все равно, какъ вотъ иногда поютъ дѣвицы надъ водою, и вьется по водѣ ихъ чистый голосъ, и отдается въ лѣсу, какъ чарующіе напѣвы самой народной музы, — отдается тихо, неясно, не такъ громко, а любо слушать, и слушаешь его съ удивленіемъ". Кулишъ принималъ эти произведенія Щоголева за пробу пера и ждалъ отъ него чего-то болѣе важнаго для Украины. „Свѣточъ", разбирая „Хату" Кулиша, говоритъ о помѣщенныхъ здѣсь стихотвореніяхъ Щоголева, что они носятъ слѣды явнаго подражанія Шевченку. Въ „Поэзіи славянъ" Гербеля, 1871 года, въ малорусскомъ отдѣлѣ, напечатана одна пѣсня Щоголева — „Гречкосій", въ русскомъ переводѣ Мея. О самомъ Щоголевѣ здѣсь сказано только, что подъ этимъ именемъ было напечатано нѣсколько стихотвореній въ 1859 — 1861 годахъ, въ журналахъ „Народное Чтеніе" и „Основа"; но въ „Основѣ" мы не нашли ни одного изъ стихотвореній Щоголева. Во второмъ изданіи „Исторіи славянскихъ литературъ" Пыпина и Спасовича, 1879 г., Щоголевъ едва только упомянутъ.

Зная о мѣстѣ воспитанія и первыхъ литературныхъ впечатлѣніяхъ г. Щоголева, мы нѣсколько иначе можемъ судить о его стихотвореніяхъ. „Въ основѣ харьковскаго университетскаго образованія, по словамъ де-Пуле, лежалъ идеализмъ, лучшая сторона котораго выразилась въ литературномъ направленіи науки и въ литературномъ настроеніи студентовъ. Но литературное направленіе, отучая отъ усидчиваго труда и не имѣя органа для выраженія, вырождалось въ идеальничанье и мечтательность. Въ сороковыхъ годахъ начинается противодѣйствіе, реакція противъ этихъ недостатковъ". Въ литературной сферѣ она выразилась въ бо́льшей реальности представленія и пластичности изображенія и въ обращеніи къ антологическимъ и художественнымъ русскимъ поэтамъ. Щоголевъ, вмѣстѣ съ Щербиною, начинаетъ свою поэтическую дѣятельность стихотвореніями антологическими и въ этомъ отношеніи является продолжателемъ дѣятельности нашего Батюшкова, а можетъ быть, и подражателемъ его. Первое извѣстное намъ стихотвореніе Щоголева есть „Яворъ" (изъ греческой антологіи), напоминающее намъ стихотвореніе Батюшкова „Яворъ къ прохожему". У Щоголева „Яворъ" тоже обращается къ прохожему, но, въ отличіе отъ явора Батюшкова, представляется въ полной красотѣ растительности и приглашаетъ путника подъ кровъ своихъ тѣнистыхъ вѣтвей:

Приди подъ сѣнь мою, пришелецъ запоздалый!
Когда наляжетъ мгла надъ доломъ и рѣкой,
И горы темныя освѣтитъ отблескъ алый зарницы золотой;
Когда надъ темными, нѣмыми берегами
Камышъ зашелеститъ зелеными листами,
Я, какъ вѣнцомъ, главу твою
Въ вечернемъ сумракѣ уныло обовью

Широкими, тѣнистыми вѣтвями;
При шумѣ вѣтерка ты будешь усыпленъ,
И Панова свирѣль нашепчетъ ясный сонъ [1]).

И въ остальныхъ стихотвореніяхъ Щоголева, болѣе или менѣе оригинальныхъ, вслѣдъ за Батюшковымъ, поэзія прикрѣплялась „къ землѣ и тѣлу, выказывая свою очаровательную прелесть осязаемой существенности". Господствующая форма въ стихотвореніяхъ Щоголева—элегія; но къ чувству грусти онъ не примѣшиваетъ ни меланхоліи, ни разсужденій, ни идеальнаго. Въ его элегіяхъ просто и ясно высказывается самая причина грусти, находящаяся въ дѣйствительной жизни. Все это у него—общія черты съ Батюшковымъ; но есть и большая разница въ содержаніи и складѣ стихотвореній Щоголева. Онъ воспитывался подъ руководствомъ и сильнымъ вліяніемъ Метлинскаго и приложилъ свои антологическія стремленія къ изображенію казацкой, преимущественно прошлой жизни, памятниками которой считались тогда могилы или курганы. Подобно Метлинскому, онъ не разъ воспѣваетъ казацкія могилы и преимущественно любитъ останавливаться на изображеніи казацкаго коня боеваго и казацкой удали. Исключеніе составляютъ развѣ только его стихотворенія „Безталанне" и „Покірна", изъ коихъ въ первомъ говорится о безталанномъ чумакѣ, который семь лѣтъ ходилъ въ Крымъ за солью и семь лѣтъ на Донъ за рыбою, но не нашелъ счастья ни дома, ни на чужой сторонѣ, а во второмъ—о молодой дивчинѣ, которая собирается умирать съ тоски отъ того, что мать хочетъ выдать ее за немилаго. Разумѣется, спускаясь изъ области антологіи въ сферу казацкой исторіи и украинской народной поэзіи, Щоголевъ долженъ былъ сдѣлать большую уступку народному украинскому элементу. Изъ 13-ти извѣстныхъ намъ его стихотвореній только пять написаны на русскомъ языкѣ, тогда какъ остальныя всѣ—на украинскомъ. По словамъ Кулиша, Щоголевъ перенимаетъ голосъ народной пѣсни и изъ пѣсни беретъ основу своего произведенія. Это особенно нужно сказать о казацкихъ пѣсняхъ Щоголева. По нашему мнѣнію, болѣе народнаго элемента въ бытовыхъ стихотвореніяхъ Щоголева „Безталанне" и „Покірна", въ которыхъ, можетъ быть, отразилось также и вліяніе Шевченка. Въ „Поэзіи славянъ" Гербеля приведено, въ русскомъ переводѣ Мея, стихотвореніе Щоголева „Гречкосій". Мы, съ своей стороны, приведемъ его украинское стихотвореніе „Покірна", какъ болѣе народное, по нашему мнѣнію, и нѣсколько напоминающее собою стихотвореніе Гребенки „Украинска мелодія":

Хоче мене мати
За нелюба 'ддати...
Ой изовянь, вінку,
Вінку изъ барвінку!

[1]) Это — переводъ изъ Гердера. Подобное стихотвореніе „Прекрасная сосна" (изъ антологіи), изъ Гердера, Н. Левицкаго помѣщено было еще въ 1817 году въ „Украинскомъ Вѣстникѣ", ч. VIII, стр. 55.

Каже мині мати:
— Йди, доню, гуляти;
Ой будь веселенька,
Бо ти молоденька!

— И вже, моя мати,
Мені не гуляти!
Треба мені, мати,
Про инше гадати...

Муспшь мені, мати,
Худібоньку дбати.
Не дбай мені, мати,
Ні якого краму;

Купи мені скриню,
Скриню — домовину:
Віщує серденько,
Що швидко загину [1]).

---

[1]) Хочетъ меня мать
Отдать за немилаго...
Ой, завянь вѣнокъ,
Вѣнокъ изъ барвинка!

Говоритъ мнѣ мать:
— Иди, дочь, гулять;
Ой, будь весела,—
Ты еще молода!

— Но уже, моя мать,
Мнѣ не гулять!
Нужно мнѣ, мать,
Про другое думать...

Придется для меня, мать,
Имѣнье готовить.
Не готовь мнѣ, мать,
Никакого товару;

Купи мнѣ сундукъ,
Сундукъ—домовину:
Вѣщуетъ сердечко,
Что скоро погибну.

(Окончаніе въ слѣдующей книжкѣ)

Н. Петровъ.

МАЛОРОССІЯНЕ ВЪ ПОЛЬШѢ XVII ВѢКА.

ЕСЛИ ПОЛЯКАМЪ, какъ исторической національности, только и остается жить въ прошломъ, то—надобно отдать имъ справедливость,—они „умѣютъ жить“. Въ 1836 г., графъ Рачинскій отыскалъ рукопись записокъ Яна Паска; теперь они выходятъ уже одиннадцатымъ изданіемъ [1]). Каковы бы ни были недостатки современной польской народности, мы глубоко уважаемъ это стремленіе потомства возстановить нравственную связь съ своимъ прошедшимъ.

Стремленіе это, въ настоящемъ случаѣ, тѣмъ болѣе заслуживаетъ уваженія, что въ немъ нѣтъ ничего тенденціознаго. Ни для ненависти къ Россіи, ни для теоріи польскаго мессіанизма, и, вообще, ни для одного изъ современныхъ польскихъ увлеченій, записки Паска не могутъ служить арсеналомъ. Онъ признаетъ военные достоинства московскихъ людей („каждый, говоритъ Пасекъ, кто имѣлъ дѣло съ Москвою, долженъ согласиться, что московскія войска такъ страшны, какъ ни одинъ народъ въ свѣтѣ; какъ посмотришъ на ихъ бороды, такъ и кажется, что идешь на святыхъ отцевъ [2])“ и не имѣетъ ни малѣйшаго понятія о польскомъ мессіанизмѣ. Слѣдовательно, если современный полякъ зачитывается надъ паномъ Паскомъ, то это дѣлается ради историческаго интереса его записокъ, а не въ тѣхъ видахъ, чтобы подлить масла въ жгучую ненависть къ Россіи или почерпнуть новый аргументъ въ пользу предъизбранія польскаго народа для какихъ то сверхъестественныхъ цѣлей.

Пасекъ принадлежалъ къ мелкой шляхтѣ равскаго воеводства и имѣлъ обширное родство между рядовой шляхтой по всей Польшѣ и

---

[1]) Pamiętniki Jana Chryzostoma z Goslawic Paska z czasow panowania Jana Kazimierza, Michala Koributa i Jana III przeirzal dr. Zigmunt Węclewski.

[2]) Idem. 116.

Литвѣ. Отзубривъ латынь въ какой нибудь іезуитской школѣ, люди этого сорта рано выходили на подножный кормъ или въ дворнѣ какого нибудь магната, или въ роли „товарища“ одной изъ хоругвей, на которые дѣлилось польское войско. Имъ случалось—и коня почистить, и бѣсѣдовать съ королями; смотря по обстоятельствамъ, они то принимались за ремесло мародера, то выступали въ политической роли.

Про этихъ людей, вообще, говорится, что они „плаваютъ мелко“. Но не надобно забывать, что при стеченіи благопріятныхъ обстоятельствъ и нѣкоторой наблюдательности, эти маленькіе люди стоятъ ближе къ корню событій, видятъ болѣе, чувствуютъ сильнѣй, лучше отражаютъ обстановку эпохи, чѣмъ многіе дипломаты, генералы и епископы.

Эти качества усугублялись въ Паскѣ тѣмъ, что значительную часть своей жизни онъ провелъ, такъ сказать, на самомъ бойкомъ мѣстѣ Польши, подъ командой Чарнецкаго, одного изъ наиболѣе типичныхъ польскихъ военачальниковъ этого времени. Про знаменитаго „русскаго воеводу“ (пожалованнаго этимъ званіемъ, вѣроятно, потому, что ни кто изъ его современниковъ не разорялъ такъ русскій народъ, какъ самъ русскій воевода) можно сказать то же, что сказалъ солдатъ о Валленштейнѣ:

Und ging's nur nicht aus seiner Kassen
Sein Spruch war leben und leben lassen. (Шиллеръ).

(если только ему не приходилось развязывать своего кошелька, онъ держался правила: живи и давай жить другимъ).

Помимо своего военнаго таланта, Чарнецкій былъ замѣчателенъ тѣмъ, что, не получая изъ казны ни копѣйки жалованья, ни для себя, ни для своей дивизіи, умѣлъ содержать ее въ блестящемъ видѣ... конечно, на счетъ враговъ и союзниковъ.

Понятно, что „товарищи“, служившіе подъ командой такого начальника, должны были въ высшей степени развить въ себѣ способность стеречь, высматривать и пользоваться минутой. И по тому, если каждый польскій шляхтичъ этого вѣка „видалъ виды“, то никто не могъ въ такой степени прочувствовать свой вѣкъ, какъ шляхтичъ, служившій подъ знаменами Чарнецкаго; если каждаго поляка этого времени несла волна общественной жизни, то дивизія Чарнецкаго стояла въ самомъ водоворотѣ. Отсюда—богатство содержанія записокъ Паска.

Въ особенности хороша ихъ первая половина. Здѣсь онъ почти не замѣчаетъ того, что пишетъ. На сценѣ постоянно добрый товарищъ, бутылка хорошаго вина, военная добыча, щелканье курковъ на пріятельской попойкѣ, Чарнецкій, король Янъ Альбрехтъ, ксендзъ, и случай подраться. Потомъ уже является болѣе разсужденій. Но все таки, до конца, не смотря на лѣта и іезуитское воспитаніе, Пасекъ остается „натурой не посредственной“. Въ сценѣ съ стихами въ честь Текели (непередаваемой въ цензурномъ отношеніи), Пасекъ такъ же

„молодъ“, какъ и въ тѣ дни, когда въ февралѣ, вплавь перешелъ морской проливъ, мокрый бросился на шведовъ и отбилъ у нихъ островъ Эльзенъ. Разсказъ очень часто ведется съ большимъ юморомъ. Если бы не польская рѣчь, можно бы иногда подумать, что какой нибудь Рудый Панько воспользовался перомъ Гоголя для того, чтобы описать старинное сватовство, „посполитое рушеніе“, свои хозяйственныя недуги и знаменитую „выдру“, плѣнившую Яна Собѣскаго. Нельзя не пожелать, чтобы записки Паска скорѣе нашли хорошаго переводчика и коментатора на русскомъ языкѣ.

Въ своемъ зеркальномъ отраженіи польской дѣйствительности, разсказъ Паска, между прочимъ, представляетъ намъ положеніе тѣхъ малороссіянъ, которые, болѣе или менѣе искренно, по разсчету, или по увлеченію, переходили въ это время на сторону Польши. Такихъ малороссіянъ было не мало. Ихъ переходъ въ польскій лагерь обусловливался почти непреодолимымъ стеченіемъ обстоятельствъ.

Правобережная Украйна, по отношенію къ остальной Малороссіи, представляла въ это время одну важную особенность. Въ то время, когда на лѣвомъ берегу Днѣпра, отъ предѣловъ Воронежской губерніи до устьевъ Ворсклы, нашествіе татаръ смело всѣ остатки древнерусской удѣльной цивилизаціи и разогнало на сѣверъ и западъ всѣхъ потомковъ княжескихъ дружинъ, въ дебряхъ Волыни сохранялись остатки стариннаго русскаго княжества и боярства; въ то время, когда лѣвобережная Украйна выходила на историческую сцену, какъ будто совершенно новая, только что образовавшаяся страна, воеводства русскія (теперешнія Кіевская, Подольская и Волынская губерніи) сохраняли непрерывную связь съ своимъ удѣльнымъ прошлымъ. Прямыхъ потомковъ древнихъ удѣльныхъ князей здѣсь нерѣдко окружали прямые потомки ихъ древнихъ бояръ; новая общественная жизнь не только занималась на развалинахъ старой, но и вытекала изъ старыхъ формъ. Отдавъ свою аристократію католицизму и польской народности, остатки русскаго боярства, все-таки, составляли въ Волыни XVI и XVII вѣка весьма видный общественный классъ.

Какую же политическую программу долженъ былъ выработать себѣ этотъ классъ? Онъ не имѣлъ подъ собою почвы для того, чтобы образовать самостоятельную политическую силу; въ то же время, матеріальный разсчетъ не позволялъ ему окончательно, всѣмъ сердцемъ и душой, примкнуть къ народному движенію. Не забудемъ, что въ эту минуту, по словамъ лѣтописца, „великая печаль одолѣвала всѣхъ людей высшаго сословія и было имъ большое наруганіе отъ черни, такъ что если какой добрый человѣкъ и не хотѣлъ приставать къ казацкому войску, то долженъ былъ это сдѣлать, чтобы избавиться отъ насмѣшекъ и нестерпимыхъ обидъ въ побояхъ и чрезвычайныхъ налогахъ [1]). Внутренняя рознь между общественными классами Мало-

[1]) Туга великая людямъ всякаго стану значнымъ была и наруганіе отъ поспо-

россіи, кромѣ матеріальныхъ причинъ, увеличивалась еще причинами нравственными. Какъ и всякій соціальный переворотъ, казацкое возстаніе на минуту выдвинуло подонки общества. Не могли же наслѣдники старинныхъ боярскихъ именъ сблизиться съ людьми, которые „склепы съ трупами откапывали, мертвыхъ тѣла съ гробовъ выкидали и въ томъ одѣяніи ходили [1])...“

Итакъ, тогдашнему малороссійскому дворянству оставалось выбирать изъ двухъ золъ меньшее — Россію, или Польшу. Но полутатарская Россія представляла слишкомъ мало привлекательнаго для людей, въ душѣ склонявшихся къ олигархіи; могучіе инстинкты клонили высшее сословіе тогдашней Малороссіи къ Польшѣ. Дѣйствительно, мы видимъ, что въ то самое время, когда Польша, вслѣдствіе своей политической косности, теряла Малороссію, въ самой Малороссіи, безъ всякихъ стараній польскаго правительства, образовалась значительная партія, готовая идти на всевозможныя уступки, для того только, чтобы сохранить за собою право считать Польшу съ ея шляхетскими порядками своимъ отечествомъ. Извѣстны минуты, когда Хмѣльницкій, даже къ явному ущербу своей популярности, медлилъ нанести Польшѣ рѣшительный ударъ; измѣна Выговскаго, Тетери, Юрія Хмѣльницкаго и другихъ были только отголосками этого чувства. При бездарности московской дипломатіи, при неопредѣленности влеченій въ малороссійскомъ простонародьѣ этого времени, при отсутствіи государственной организаціи въ самой Малороссіи, Польшѣ — если бы ея шляхта обладала хотя нѣкоторой проницательностью — стоило только эксплуатировать это готовое чувство для того, чтобы снова привести Малороссію въ союзъ съ Польшей. Какъ же поступала въ этомъ случаѣ Польша? Пасекъ описываетъ слѣдующій случай.

Въ ноябрѣ 1661 года, въ селѣ Зеленая Пуща, за столомъ у пана Станиславскаго, чашника варшавскаго и дворянина короля Яна Казиміра (нѣчто въ родѣ камеръ-юнкера), Пасекъ встрѣтился съ малороссіяниномъ, уроженцемъ Волыни, потомкомъ стариннаго русскаго рода, всегда бывшаго преданнымъ польской республикѣ. Въ образованіи и внѣшности этого малороссіянина было такъ много польскаго, что, десятки лѣтъ спустя, его называли польскимъ шляхтичемъ; умъ, способность войти въ душу, громадная житейская опытность, заставляли забыть въ немъ всякую національность, увлекали къ откровенной бесѣдѣ. Словомъ — это былъ былъ будущій гетманъ Малороссіи, Иванъ Степановичъ Мазепа, въ настоящую минуту владѣлецъ не-

---

литыхъ людей, а найбольше отъ гультяйства, то есть отъ броварниковъ, винниковъ, могильниковъ, будниковъ, наймитовъ, пастуховъ, же люба якій человѣкъ значный и не хотѣлъ привязываться до того казацкаго войска, тилько мусѣль за для позбытя того насмѣвиска и нестерпимыхъ бѣдъ въ побояхъ, на поляхъ и кормахъ чрезвычайныхъ. Лѣтопись самовидца, 11.

[1]) Ibid, 12.

большаго имѣнія на Волыни, недавно получившій польское шляхетство (нобилитацію) и небольшую придворную должность — королевскаго покоеваго.

Вопросомъ дня, въ это время, была конфедерація войска, отказывавшагося биться съ Россіей и, подъ предлогомъ неполученія жалованья, завладѣвшаго королевскими имѣніями. Дивизія Чарнецкаго, устроившая свои финансовыя дѣла въ датскомъ и другихъ походахъ, не пристала къ конфедераціи. Однако, была минута нерѣшительности, и изъ разсказа самого Пасека видно, что, одно время, онъ готовился играть роль между конфедератами. Даже рѣшившись порвать съ конфедераціей, Пасекъ не всѣмъ говорилъ объ этомъ, и не далѣе, какъ за нѣсколько дней до встрѣчи съ Мазепой, будучи въ гостяхъ у своихъ родственниковъ, служившихъ въ одной изъ хоругвей, приставшихъ къ конфедераціи, Пасекъ не сказалъ имъ, что ѣдетъ къ Чарнецкому для того, чтобы выступить противъ московскихъ войскъ, а увѣрялъ, что хочетъ посѣтить дядю, тыкоцинскаго коменданта. Понятно, что у пана Станиславскаго, камеръ-юнкера короля Яна Казиміра, Пасекъ держалъ себя совершенно иначе.

Но провести Мазепу было не легко. Онъ видѣлъ, что Пасекъ разыгрывалъ предъ нимъ какую-то роль. „Можетъ быть, онъ обманываетъ его точно такъ-же, какъ, за день передъ этимъ, обманулъ своихъ знакомыхъ въ хоругви Касаковскаго“. Разставшись съ Пасекомъ, Мазепа поспѣшилъ въ Гродно, къ королю, и донесъ въ томъ смыслѣ, что случайно встрѣтился съ человѣкомъ, который, по всѣмъ признакамъ, служитъ тайнымъ агентомъ конфедераціи, что, по всей вѣроятности, онъ ѣдетъ къ войскамъ, стоящимъ противъ Россіи; можетъ быть, ему поручено втянуть ихъ въ конфедерацію. По приказанію короля и находившихся при немъ сенаторовъ, Пасека на дорогѣ арестовали, отобрали бумаги и вещи и посадили подъ стражу.

Чтобы установить правильную точку зрѣнія на поступокъ Мазепы, не надобно забывать, что если малороссіяне этого времени ненавидѣли поляковъ, то всѣ они, начиная съ Хмѣльницкаго, были преданы польскому королю и, насколько отъ нихъ зависѣло, старались поддержать его въ борьбѣ съ польской анархіей.

Пасекъ блистательно оправдался и не только сдѣлался, благодаря своему аресту, лично извѣстнымъ Яну Казиміру, но и получилъ отъ него въ подарокъ значительное количество злотыхъ. Впереди предстояли другія выгоды.

Надобно замѣтить, что обязанности тогдашнихъ дипломатическихъ приставовъ не были такъ просты, какъ теперь, когда ихъ роль, очень часто, ограничивается однимъ только показываніемъ достопримѣчательностей города знатнымъ иностранцамъ, а ихъ доходы — полученіемъ болѣе или менѣе значительнаго иностраннаго ордена. Польскій и московскій приставъ XVII вѣка почти произвольно требовалъ подводы и съѣстные припасы отъ городовъ, черезъ которые проѣз-

жали послы, а если жители не давали, то бралъ насильно; мѣщане по мѣрѣ силъ откупались; и потому, послѣ каждаго посольства, въ карманѣ пристава оставалась довольно круглая сумма. Чтобы лучше вознаградить своего любимца за непріятности ареста, Чарнецкій поручилъ Паску проводить отъ границы до Варшавы русскихъ пословъ. Пасекъ чуть было не продалъ эту выгодную статью за сто талеровъ; но, разобравъ въ чемъ дѣло, притворился пьянымъ, напоилъ конкурента и, не ожидая пока тотъ проспится, уѣхалъ встрѣчать посольство.

Черезъ нѣсколько дней, Пасекъ привезъ въ Варшаву 17,000 злотыхъ, не считая той суммы, которую ему подарилъ король при освобожденіи изъ подъ ареста. Онъ зажилъ весело, сблизился съ придворными, въ томъ числѣ и съ Мазепою. Компанія кутила чуть-ли не ежедневно.

Такъ какъ глубокое уваженіе поляковъ къ королевскому сану существовало только въ теоріи, на практикѣ же они, при первомъ удобномъ случаѣ, обращались съ королемъ за-панибрата, то даже Паску случалось на-веселѣ приходить во дворецъ. Встрѣтившись здѣсь однажды съ Мазепой, ему пришло въ голову подразнить его. „Czolem panie asawulo!“ (здравствуйте, панъ есаулъ), сказалъ онъ Мазепѣ. Такъ какъ въ польской іерархіи не было есауловъ и это былъ чинъ исключительно казацкій, то обращеніе Паска заключало въ себѣ намекъ на малороссійское происхожденіе Мазепы. Если эти слова, сами по себѣ, не заключали ничего обиднаго, то тонъ, вѣроятно, соотвѣтствовалъ оскорбительному намѣренію Паска. Мазепа отвѣтилъ ему въ томъ же духѣ: „Czolem panie caporal“. Это имѣло такой смыслъ. Въ національномъ польскомъ войскѣ не было капраловъ. Но во время гродненскаго ареста, Паска стерегли нѣмцы, состоявшіе на службѣ короля, начальникомъ которыхъ былъ капралъ. Жалуя Паска нѣмецкимъ чиномъ, Мазепа напоминалъ ему время ареста. При другихъ обстоятельствахъ, такое напоминаніе было бы неумѣстно, но послѣ вызова, сдѣланнаго самимъ Паскомъ, отвѣтъ Мазепы былъ вполнѣ законной шуткой.

Пасекъ вспылилъ и ударилъ Мазепу въ лицо; хватились за сабли, но случившіеся здѣсь придворные поспѣшили ихъ разнять. За стѣной сидѣлъ король, а по польскимъ законамъ, кто прибѣгнетъ во дворцѣ къ оружію, наказывался смертью.

„Никто изъ придворныхъ, добавляетъ Пасекъ, не заступился за Мазепу, потому что не слишкомъ съ нимъ знались; онъ былъ немного пройдоха (szalbierz), а къ тому-жъ и казакъ, недавно получившій шляхетство; также всѣ принимали къ сердцу обиду, нанесенную мнѣ Мазепой, а я съ придворными подружился и на каждой вечеринкѣ не былъ для нихъ скупъ“ [1]).

[1]) Pam., 210.

Хотя самъ король принялъ участіе въ примиреніи Мазепы съ Паскомъ, хотя послѣ этой стычки имъ не разъ приходилось участвовать въ попойкахъ, но Мазепа все-таки не могъ удержаться при дворѣ. Черезъ годъ или два онъ выѣхалъ изъ Польши въ свое волынское имѣніе. Здѣсь случилась извѣстная любовная исторія съ пани Фальбовской, когда ревнивый мужъ привязалъ его къ лошади, которая полумертвымъ принесла его домой. Около этого времени, подъ предводительствомъ гетмана Дорошенко, слагалась національная партія, стремившаяся образовать изъ Малороссіи самостоятельное государство подъ верховной властью султана. Мы скоро увидимъ Мазепу въ рядахъ казаковъ Дорошенко.

Въ запискахъ Паска есть еще небольшая, но очень характеристическая сцена, рисующая, какъ трудно было казаку стоять въ рядахъ гоноровой шляхты. При томъ же королѣ Янѣ Казимірѣ возникъ рокошъ Любомірскаго. Казацкій полковникъ Чопъ, какъ всѣ вообще малороссіяне, всегда преданные польскимъ королямъ, держалъ сторону короля. Здѣсь же находился и Пасекъ. Ѣдутъ рокошане; „ты нашъ, или не нашъ?“ — кричатъ они Паску (такъ какъ обѣ стороны были одѣты одинаково, то невсегда можно было узнать, кто свои и кто чужіе). „Вашъ“, въ шутку отвѣчаетъ Пасекъ. „Нѣтъ, не нашъ; убирайся-жъ себѣ, когда не нашъ, или переходи къ намъ...“ Въ это время одинъ изъ рокошанъ подъѣхалъ къ Чопу. Малороссіянинъ, вѣроятно ожидая, что и съ нимъ будутъ такъ-же пріятельски бесѣдовать, какъ съ Паскомъ, не принялъ никакихъ мѣръ предосторожности; полякъ выстрѣлилъ въ упоръ и положилъ его на мѣстѣ [1]).

Если Мазепа, лично приближенный къ королю, уже втершійся въ придворную жизнь, повидимому, уже пріобрѣвшій нѣкоторыя связи въ польскомъ обществѣ, при всемъ его умѣ и тактѣ, не могъ завоевать себѣ положенія среди поляковъ и при первомъ случаѣ всѣ они напоминали ему, что онъ пришлецъ въ этой сферѣ; если даже Мазепу напыщенная польская шляхта, даже въ ту минуту, когда она болѣе всего нуждалась въ малороссіянахъ, не хотѣла ставить съ собою на равной ногѣ; если даже Мазепу, въ случаѣ обиды, они не хотѣли защищать отъ кореннаго поляка, то что же сказать о другихъ малороссіянахъ, которые, вслѣдствіе политическихъ превратностей того времени, были принуждены переходить на сторону Польши? Поляки эксплуатировали малороссіянъ, пока это было для нихъ выгодно, и бросались на нихъ же, когда въ малороссіянахъ прекращалась надобность. Безъ казаковъ не обходится ни одинъ походъ. Мы видимъ ихъ и въ вѣнскомъ походѣ Собѣсскаго и въ датской экспедиціи Чарнецкаго; и Пасекъ, и Собѣсскій, не нахвалятся ихъ службой; но, какъ только миновала надобность въ малороссѣ, и въ лагерѣ, и во дворцѣ ему тотчасъ напоминаютъ, что онъ только ка-

[1]) Pam., 261.

закъ. Въ критическую минуту, ни одинъ малороссіянинъ, каковы бы ни были его таланты, образованіе и заслуги, не смотря на единство нѣкоторыхъ интересовъ высшаго сословія Польши и Малороссіи, не могъ найти защитника въ польскомъ обществѣ. Заслуги Выговскаго Польшѣ очевидны; но ея общественное мнѣніе осталось равнодушно, когда ничтожный Маховскій совершенно произвольно разстрѣлялъ „сенатора Выговскаго“; то же случилось съ Тетерей, по всей вѣроятности—съ Гедеономъ Хмѣльницкимъ и со многими другими, менѣе извѣстными, малороссіянами. Если они не погибали въ польскихъ застѣнкахъ, то должны были уйти изъ Польши, благодаря тому нравственному отчужденію, въ которое ихъ ставило высокомѣріе поляковъ.

Послѣ этого нечего удивляться, почему поляки всегда ошибались въ своихъ разсчетахъ на малороссіянъ и почему тѣ малороссіяне, которые старались найти въ Польшѣ точку опоры для своей политики, всегда оказывались въ проигрышѣ.

Въ русской исторической литературѣ принято отзываться съ улыбкой о „Гадячской комиссіи“, „Чудновской комиссіи“ и вообще о всѣхъ договорахъ Малороссіи съ Польшей. Эта манера только вводитъ въ заблужденіе. „Гадячская комиссія“ (договоръ въ сентябрѣ 1658 года)—возвращавшая Польшѣ отторгнувшуюся страну и, на правахъ ягеллонской уніи, гарантировавшая „войску запорожскому“ полную автономію—сама по себѣ, не представляетъ ничего противнаго здравому смыслу и обоюднымъ интересамъ. Но то общество, отъ котораго зависѣло ея примѣненіе въ Польшѣ, тѣ люди, въ глазахъ которыхъ Мазепа и Чопъ были виноваты только потому, что они, казаки, дѣлали невозможнымъ исполненіе гадячскаго договора и выставили его автора Выговскаго—одного изъ умнѣйшихъ людей своего вѣка—какимъ-то мечтателемъ и фразеромъ. То же надо сказать и о „Чудновской комиссіи“ (7-го октября 1660 г.). Она оказалась непрактичной и неисполнимой потому, что въ польскомъ обществѣ не было элементовъ, дававшихъ возможность ее исполнить. Послѣ „Чудновской комиссіи“, малороссіяне до того извѣрились въ полякахъ, что, не смотря на новыя ухаживанія съ польской стороны, отказывались отъ всякихъ сколько нибудь серьезныхъ переговоровъ. Образчикомъ этихъ послѣднихъ отношеній служитъ „Острожская комиссія“ 1670 года, на которую малороссіяне, въ лицѣ гетмана Дорошенко, даже отказались послать своихъ уполномоченныхъ. Король Михаилъ, чтобы дать какой нибудь внѣшній видъ этому акту примиренія, крайне необходимаго для Польши, долженъ былъ, во-первыхъ, создать подставнаго гетмана (Ханека), съ которымъ, для виду, можно было заключить нѣчто въ родѣ договора, во-вторыхъ, по необходимости, долженъ былъ облечь этотъ документъ въ форму простого извѣщенія отъ имени верховной власти.

Понятно, какъ много подобныя отношенія къ Малороссіи вредили самой Польшѣ и какъ часто малороссіянинъ этого времени, не ради

симпатій къ Москвѣ, но изъ простой невозможности равноправно сойтись съ поляками, долженъ былъ обращаться къ Москвѣ. Намъ скажутъ, что и съ Москвой дѣла шли не лучше. Если Иванъ Выговскій былъ разстрѣлянъ въ Бѣлой Церкви, то его братъ Данило былъ замученъ въ Москвѣ; если поляки заточили одного гетмана въ Мальборгъ, то москвичи сослали двухъ гетмановъ въ Сибирь; если поляки не умѣли цѣнить заслугъ малороссіянъ, то гетманъ Дорошенко имѣлъ полное право, въ письмѣ къ Тяпкину, упрекать Москву въ огорченіяхъ, нанесеныхъ Богдану Хмѣльницкому, въ убійствѣ Самка и другихъ, „многотрудно и усердно его царскому пресвѣтлому величеству работавшихъ“ [1]). Но счеты Малороссіи съ Москвой были ведены на совершенно иныхъ основаніяхъ. Малороссія этого времени склонялась къ Москвѣ не ради ея добродѣтелей. а вслѣдствіе той же стихійной силы, которая заставляетъ шаръ катиться по наклонной плоскости, не смотря на то, нравится ли ему это, или нѣтъ. Здѣсь событія шли вопреки желаніямъ большинства. Судьба какъ будто сама вела все дѣло „на неизвѣстный конецъ“ (выраженіе Мазепы).

Отношенія Малороссіи къ Польшѣ были совершенно иныя. Она являлась малороссіянину во всемъ обаяніи ягеллонской уніи. „Вѣсть же его королевская милость—пишетъ Дорошенко—что предки наши и мы сами равные къ равнымъ, вольные къ вольнымъ, приступивъ во едино тѣло, сложився подъ единымъ государемъ, волею себѣ избраннымъ“ [2]). Она выступала во всемъ блескѣ западной цивилизаціи, предъ которой преклонялся даже ближайшій повѣренный царя—Ордынъ-Нащокинъ; наконецъ, за Польшу говорили цѣлые вѣка вмѣстѣ пережитой исторіи. Полякамъ надобенъ былъ особенный фанатизмъ и какое-то политическое топоуміе для того, чтобы, при этихъ условіяхъ, имѣя за собой всѣ шансы, вопреки могущественнѣйшимъ государственнымъ интересамъ самой Польши, вопреки всѣмъ разсчетамъ самихъ малороссіянъ, оттолкнуть Малороссію въ объятія сначала Москвы, потомъ Турціи.

Надобно замѣтить, что невсегда такъ было. Ягеллонскій періодъ польской исторіи отличается необыкновенной способностью ассимилированія чуждыхъ элементовъ путемъ распространенія правъ національности, послужившей основаніемъ государства, на національности присоединяемыя. Послѣ того какъ Польша рѣшила задачу сліянія съ литовско-русскимъ государствомъ, надобно было коренное измѣненіе въ инстинктахъ польской національности, для того чтобы сдѣлать ее неспособной рѣшить несравненно болѣе легкую задачу: сохранить въ союзѣ Малороссію, которая сама хотѣла этого союза.

Разсказъ Паска о знакомствѣ съ Мазепой даетъ поводъ для нѣкоторыхъ соображеній о лѣтахъ гетмана Мазепы. Адлерфельдъ [3]) го-

[1]) Бантышъ-Каменскій, „Исторія Малой Россіи“, II, прим. 60.
[2]) Ibid.
[3]) Histoire militaire de Charles XII, t. III, 364.

воритъ, что Мазепѣ было 64 года, когда онъ представлялся Карлу XII въ Горкахъ. Но въ такомъ случаѣ онъ родился въ 1644 году и 17-тилѣтнимъ юношей сидѣлъ въ гостяхъ у пана Станиславскаго, донесъ на Паска королю, кутилъ съ придворными и ссорился съ Паскомъ во дворцѣ. Общій тонъ разсказа и общій характеръ происшествія противорѣчитъ такому предположенію. Очевидно, что съ Паскомъ или ссорился другой Мазепа, а не тотъ, который впослѣдствіи былъ гетманомъ Малороссіи, или же Мазепа-гетманъ былъ уже въ это время сверстникомъ съ Паскомъ и по лѣтамъ, и по положенію. Перваго предположенія нельзя допустить потому, что подробности, сообщаемыя Паскомъ о своемъ знакомомъ Мазепѣ (служба при королѣ, любовная исторія, разгнѣванный мужъ, привязываніе къ лошади и переходъ къ казакамъ), какъ нельзя болѣе согласны со всѣмъ, что приписывается гетману Мазепѣ; слѣдовательно, остается только принять второе — гетманъ Мазепа былъ, приблизительно, однихъ лѣтъ съ авторомъ мемуаровъ. А такъ какъ Паску, въ 1661 году, было отъ 25 до 30 лѣтъ (издатель относитъ его рожденіе между 1630—1636 гг.), то, слѣдовательно, и Мазепа родился около этого времени. Въ такомъ случаѣ, есть основаніе повѣрить Стебельскому, который говоритъ, что Мазепа умеръ восьмидесяти одного года [1]).

Какимъ же образомъ Адлерфельдъ далъ восьмидесятилѣтнему старику только шестьдесятъ четыре года? Надо думать, что человѣкъ, только что влюбившійся въ Матрену Кочубей, не имѣлъ особеннаго интереса выставлять свои восемьдесятъ лѣтъ. Если въ глазахъ Петра Мазепа умѣлъ притвориться дряхлымъ и больнымъ, то ему было гораздо легче возвратить свою естественную бодрость въ глазахъ Карла.

Ѳ. Уманецъ.

---

[1]) Бантышъ-Каменскій. III, прим. 16.

КНЯЗЬ КУРБСКІЙ НА ВОЛЫНИ [1]).

ЧРЕЗВЫЧАЙНО важнымъ пріобрѣтеніемъ для польской исторической литературы являются изданные стараніемъ покойнаго профессора Иванишева, бывшаго члена временной комиссіи, учрежденной при генералъ-губернаторѣ кіевскомъ, волынскомъ и подольскомъ, оффиціальные акты, собранные въ судебныхъ архивахъ, въ городахъ Луцкѣ, Владимірѣ-Волынскомъ и Кременцѣ, — акты, представляющіе жизнь князя Андрея Михайловича Курбскаго въ Литвѣ и на Волини.

Курбскій былъ замѣчательною личностью въ московскомъ государствѣ въ то время, когда въ Польшѣ королевствовалъ Сигизмундъ-Августъ. Курбскій родился въ 1528 году и происходилъ отъ князей Ярославскихъ. Будучи храбрымъ воиномъ, онъ одержалъ блестящія побѣды подъ Казанью и въ Лифляндіи. Онъ пользовался особымъ расположеніемъ царя, и когда дѣла въ Инфлантахъ [2]) приняли однажды дурной оборотъ, царь сказалъ князю:

— Я долженъ или самъ поѣхать въ Инфланты, или послать тебя, моего любимца, чтобъ ободрить мое войско. Поѣзжай туда и служи мнѣ вѣрно.

Курбскій отправился и сталъ наносить пораженія меченосцамъ, но на Литвѣ его постигло несчастье, о которомъ такъ наглядно сооб-

---

[1]) Статья эта представляетъ переводъ изъ сочиненій извѣстнаго польскаго писателя г. Юліана Бартошевича. Для русскихъ читателей она любопытна въ томъ отношеніи, что содержитъ въ себѣ взглядъ польскаго историка на одну изъ замѣчательнѣйшихъ личностей въ нашей исторіи. Кромѣ того, статья эта дополняетъ до нѣкоторой степени изданное покойнымъ профессоромъ Иванишевымъ изслѣдованіе подъ заглавіемъ „Жизнь князя Курбскаго на Волыни“. Ред.

[2]) Старинное польское названіе Ливоніи. Ред.

щаетъ Бѣльскій, говоря, что на варшавскій сеймъ пришла очень радостная вѣсть о томъ, что князь Курбскій раненъ.

Впослѣдствіи, однако, между Курбскимъ и царемъ Иваномъ Грознымъ произошли нелады; князь уѣхалъ въ Литву и подъ знаменами послѣдняго изъ Ягеллоновъ, а также и Стефана Баторія, сражался противъ своего отечества. Нѣсколько лѣтъ тому назадъ, профессоръ Устряловъ издалъ въ Петербургѣ „Сказанія князя Курбскаго“, которыя раскрыли жизнь этого замѣчательнаго человѣка и опредѣленно указали его значеніе въ исторіи. Курбскій посылалъ изъ Литвы письма къ царю Ивану, наполненныя упреками, а иногда и угрозами. Письма эти и издалъ Устряловъ. Судя по нимъ, Курбскій убѣжалъ изъ Россіи, опасаясь царскаго гнѣва и мщенія со стороны Ивана Грознаго. Затѣмъ, освободясь на Литвѣ отъ его преслѣдованій, Курбскій свободно и смѣло заговорилъ съ царемъ о его политикѣ и правленіи; поэтому, каждое слово Курбскаго, каждый его укоръ, является слѣдомъ мысли, отголоскомъ общественнаго мнѣнія.

Въ польскихъ историческихъ источникахъ о Курбскомъ упоминается весьма глухо. Несѣцкій въ своемъ „Гербовникѣ“ не умѣлъ даже правильно написать его прозваніе и подъ фамиліею „Курпскихъ“ слегка упоминаетъ о немъ самомъ и объ его дѣтяхъ, жившихъ въ Польшѣ, такъ какъ ему, Несѣцкому, было извѣстно, что убѣжавшій изъ Москвы русскій князь поселился между поляками не временно только, но навсегда. Сыновья его были земскими представителями въ Литвѣ, дочери его повыходили замужъ за литовскихъ пановъ. Прошло сто лѣтъ, и родъ Курбскихъ совершенно ополячился, а потомъ совершенно угасъ, точно также какъ ополячились князья Шуйскіе, которые существовали на Литвѣ до нашихъ дней, между тѣмъ какъ въ Великой Россіи ихъ уже давно не было. Какъ Шуйскіе, такъ и Курбскіе, были выходцами изъ Москвы, но они окончательно осѣли въ Польшѣ и тамъ процвѣтали нѣкоторое время. Въ извѣстномъ сочиненіи „Старобытная Польша“ упоминается о Курбскомъ только по Карамзину, а именно лишь о томъ, что онъ отъ Сигизмунда-Августа получилъ Ковель (т. II, стр. 886). Изданные же въ Кіевѣ акты сообщаютъ множество важныхъ подробностей объ этомъ краснорѣчивомъ и ученомъ мужѣ, который такъ же хорошо владѣлъ саблею, какъ и перомъ. Лѣтъ двадцать прожилъ Курбскій на Волыни, женился тамъ два раза, громилъ татаръ, участвовалъ въ тамошнихъ сеймикахъ, короче сказать—былъ настоящимъ обывателемъ Рѣчи-Посполитой. Упомянутые акты обрисовываютъ передъ нами его домашнюю жизнь, касаются многихъ польскихъ фамилій и представляютъ бытъ, а также и событія около половины XVI столѣтія. Акты эти относятся не только къ Курбскому, но и къ Волыни. Мы еще такъ мало знаемъ о бытѣ старинной Руси во времена Ягеллоновъ, что съ большимъ сочувствіемъ должны привѣтствовать изданіе кіевскихъ актовъ. Панскіе роды Ярославскихъ, Кмитовъ, Шидловѣцкихъ,

Тарновскихъ, какъ жившіе вблизи Кракова, очень замѣтно отразились въ прошедшемъ Рѣчи-Посполитой. Но существовавшіе на Волыни такіе роды, какъ, напримѣръ, роды князей Острожскихъ, Гольшанскихъ, Четвертинскихъ, доставили еще очень мало вкладовъ въ сокровищницу польской исторіи. Помѣстныя права этихъ князей требуютъ еще окончательнаго разъясненія. Послѣ любельской уніи, именно въ царствованіе дома Ваза, въ особенности въ послѣдующія за тѣмъ времена, замѣтно выдаются особенности тогдашняго положенія этого края, такъ какъ въ ту пору Волынь и Подолія были воеводствами Рѣчи-Посполитой, но до 1569 года тамъ возникали княжества почти самостоятельныя, едва лишь подвластныя Литвѣ и Польшѣ. Когда же обрисовалось ясно положеніе этого края, то мы уже не встрѣчаемъ на Руси старыхъ княжескихъ родовъ. Послѣ Острожскихъ все угасло, все вымерло, все разлетѣлось въ прахъ, а потому жизнь Курбскаго и очеркъ Волыни во время Сигизмунда-Августа имѣютъ двоякую важность.

Курбскій является теперь совсѣмъ въ иномъ свѣтѣ, чѣмъ прежде. Онъ убѣжалъ изъ Москвы не изъ страха казни, но по собственнымъ своимъ разсчетамъ: онъ надѣялся найти для себя въ Польшѣ болѣе блестящую будущность.

Сигизмундъ-Августъ самъ началъ тайную переписку съ Курбскимъ. Быть можетъ, короля прельстила слава знаменитаго побѣдителя татаръ, а быть можетъ—онъ желалъ пріобрѣсть себѣ въ лицѣ Курбскаго сильнаго сторонника въ государствѣ московскомъ. Какъ бы то ни было, но Сигизмундъ-Августъ приглашалъ Курбскаго къ себѣ въ Литву. Въ то же самое время и съ тою же самою цѣлью писали къ нему гетманъ Николай Радзивиллъ и подканцлеръ Евстафій Воловичъ. По всей вѣроятности, отвѣтъ князя былъ благопріятный, такъ какъ король и Радзивиллъ, спустя нѣкоторое время, вторично просили Курбскаго пріѣхать въ Литву. Сигизмундъ обѣщалъ Курбскому свое расположеніе, а геманъ увѣрялъ, что Курбскій въ Польшѣ не будетъ чувствовать недостатка ни въ чемъ. Наконецъ, князь рѣшился покинуть свою родину и съ „желѣзнымъ“, т. е. охраннымъ листомъ, полученнымъ имъ отъ короля, убѣжалъ въ Литву.

Изъ всѣхъ этихъ подробностей можно заключить, что Курбскій долго колебался, но, наконецъ, немилость къ нему царя вынудила его на такой поступокъ, исходъ котораго онъ не предвидѣлъ заранѣе. Иванъ Грозный ненавидѣлъ Курбскаго, какъ сторонника Адашева, который правилъ нѣкогда московскимъ государствомъ, и царская непріязнь была такъ сильна, что Иванъ забылъ и о побѣдахъ, одержанныхъ Курбскимъ, и о полученныхъ имъ ранахъ. Узнавъ о гнѣвѣ и угрозахъ царя, Курбскій сказалъ своей женѣ:

— Хочешь ли ты видѣть меня мертвымъ, или же разстаться со мною навѣки?

Отвѣтъ на этотъ вопросъ былъ не труденъ и князь предугады-

ва́лъ его. Онъ простился съ женою и сыномъ и тайно уѣхалъ изъ Дерпта, гдѣ былъ царскимъ намѣстникомъ; городскіе ключи онъ бросилъ въ колодецъ и съ своимъ вѣрнымъ слугою Василіемъ Шибановымъ отправился въ путь, убѣгая отъ царской злобы. Дорога ему лежала на Вольмаръ, занятый тогда литовцами. Изъ Вольмара онъ написалъ царю свое первое угрожающее письмо, въ которомъ припоминалъ Ивану, что онъ, царь, предстанетъ когда нибудь передъ судомъ Божіимъ за свои прегрѣшенія и поступки. Несчастный Шибановъ долженъ былъ ѣхать съ этимъ письмомъ въ Москву, хотя и хорошо зналъ, что̀ тамъ его ожидаетъ, но въ государствѣ московскомъ установилась уже безусловная покорность. На Красномъ крыльцѣ встрѣтилъ вѣрный слуга царя, окруженнаго придворными, и подалъ ему письмо.

— Кто ты такой и кто прислалъ тебя?

— Я холопъ твоего измѣнника, князя Курбскаго, отвѣчалъ Шибановъ.

Иванъ задрожалъ отъ гнѣва, а Шибанова отвели на пытку, но и среди мученій онъ не отрекся ни отъ чего и хвалилъ своего господина.

Съ этого времени началась письменная полемика между царемъ и княземъ, въ которой оба противника не щадили другъ друга. Иванъ приказалъ въ отвѣтъ на письмо Курбскаго написать цѣлую книгу, въ которой обвинялъ его во лжи, въ богоотступничествѣ, въ святотатствѣ, за то, что Курбскій смѣлъ возстать противъ него. Царь Иванъ былъ хорошимъ богословомъ и весьма удачно подводилъ отрывки изъ священнаго писанія, а нѣкоторыя мѣста диктовалъ самъ. Курбскій на это широкое и надменное посланіе кратко отвѣчалъ, что споры на словахъ непристойны для великодушнаго человѣка. Достаточныя подробности относительно этой полемики находятся въ исторіи Карамзина. Для насъ же важны не письменныя пререканія между царемъ и княземъ, но важны тѣ свѣдѣнія о Волыни и тогдашнемъ общественномъ бытѣ Литвы, которыя сообщаетъ князь Курбскій.

То, о чемъ мы сейчасъ говорили, происходило въ 1564 году. Вмѣстѣ съ Курбскимъ пріѣхали къ полякамъ его сторонники и пріятели, съ юныхъ лѣтъ сражавшіеся подъ его предводительствомъ, или принадлежавшіе къ тѣмъ московскимъ родамъ, которые казались подозрительными царю Ивану. Спутниковъ у Курбскаго было не мало. Въ актахъ, изданныхъ Иванишевымъ, упоминаются они въ числѣ двухсотъ человѣкъ поименно, но сколько же могло быть при этомъ еще и другихъ дворянъ и слугъ [1]), которые не вошли въ этотъ перечень?

---

[1]) Дворянами назывались въ Польшѣ бѣдные шляхтичи, служившіе при дворахъ богатыхъ магнатовъ. Они не исполняли черныхъ работъ, но на нихъ возлагались разныя порученія и они входили въ составъ надворныхъ панскихъ войскъ. Ред.

Вскорѣ по прибытіи своемъ на Литву, Курбскій получилъ отъ короля привиллегію на королевскія имѣнія. Привиллегія эта была выдана 4 іюля 1564 г., въ Бѣльскѣ. Сигизмундъ-Августъ не отдавалъ эти имѣнія въ полную собственность князя, но пожаловалъ ихъ ему только въ видѣ „крулевщизны“ [1]). Поэтому Курбскій не имѣлъ права ни продать Ковеля, ни завѣщать его въ наслѣдство своимъ дѣтямъ. Для обращенія коронныхъ имѣній въ частныя, необходимо было добыть согласіе сейма, а привиллегія, полученная княземъ, была выдана только отъ королевскаго имени, а не отъ государственныхъ чиновъ, почему и пожалованное имѣніе не считалось собственностью, но такой разницы Курбскій, однако, не понималъ. Кромѣ Ковеля, Курбскій получилъ еще старо̀ство [2]) Кревское, въ Виленскомъ воеводствѣ. Щедро наградилъ король бѣглеца-князя, но этотъ послѣдній желалъ еще вступить въ королевскую службу. Въ это время возобновилась война въ Бѣлоруссіи и Курбскій принялъ въ ней участіе. Въ главѣ отряда, состоявшаго изъ двухсотъ пяти человѣкъ, и своихъ спутниковъ, выведенныхъ имъ изъ Москвы, Курбскій бился подъ стѣнами Полоцка, а когда возвратился изъ похода, то былъ введенъ установленнымъ порядкомъ во владѣніе имѣніями ковельскимъ и кревскимъ.

Ковель былъ нѣкогда главнымъ городомъ одного изъ самыхъ богатыхъ и самыхъ населенныхъ княжествъ, существовавшихъ въ Литвѣ, но, обмѣненный Сангушками на другое имѣніе, былъ обращенъ въ „крулевщизну“. Королева Бона устроила въ Ковелѣ хозяйство и улучшила этотъ городъ развитіемъ въ немъ торговли и промышленности. Курбскій имѣлъ тамъ замокъ; другой, принадлежавшій ему замокъ, находился въ мѣстечкѣ Выжвѣ, въ Милановичахъ былъ у него дворецъ и сверхъ того ему принадлежали двадцать восемь деревень. Изъ Ковеля лѣсъ и хлѣбъ сплавляли въ Данцигъ и Эльбингъ по рѣкамъ Бугу и Вислѣ. Въ Гойтырѣ копали желѣзную руду, и кромѣ того, въ пользу владѣтеля Ковеля поступали огромные доходы съ пчеловодства и охоты. Населеніе въ имѣніяхъ, пожалованныхъ Курбскому, было громадное. Объ этомъ можно заключить изъ того, что когда приходилось нападать на богатаго сосѣдняго пана, то ковеляне могли выставить слишкомъ трехтысячный отрядъ съ пушками, пищалями, рогатинами и т. д. Курбскій раздѣлилъ свое старо̀ство на три волости, соотвѣтственно числу мѣстечекъ, то есть, на волости: ковельскую, выжвовскую и милановичскую. Для управленія каждою волостью онъ назначилъ особаго урядника изъ своихъ земляковъ, при чемъ

[1]) Земли, принадлежавшія казнѣ Рѣчи-Посполитой, которыми распоряжался король и которыя онъ имѣлъ право отдавать во временное владѣніе или за заслуги, или по личному своему расположенію къ какому нибудь пану. Ред.

[2]) Староства были такія жалуемыя королемъ имѣнія, въ которыхъ владѣлецъ ихъ былъ правителемъ отъ имени короля и, кромѣ того, исполнялъ обязанности присвоенныя должности коменданта. Ред.

управитель самого Ковеля считался намѣстникомъ или представителемъ князя, собиралъ съ волости доходы и представлялъ князю общій отчетъ о приходѣ и расходѣ.

Курбскій, устроивъ такимъ образомъ пожалованное ему старо́ство, отправился зимою 1566 года снова на войну съ Москвою. Онъ сражался въ области Великолуцкой наряду съ королевскимъ войскомъ, состоявшимъ изъ 15,000 литовцевъ. Король Сигизмундъ изъявилъ ему похвалу за его мужество въ бояхъ, а также за вѣрную и полезную службу и, чтобы еще болѣе ободрить его, посылалъ къ нему особыя письма изъ канцеляріи великаго княжества Литовскаго и за печатью этого княжества. Когда Курбскій возвратился съ войны, то нашелъ свое ковельское имѣніе въ страшномъ разстройствѣ. Сосѣди, пользуясь его отсутствіемъ, захватили огромныя пространства пограничной земли, принадлежавшей къ ковельскому старо̀ству, и поселили на нихъ подвластныхъ имъ людей. Такимъ образомъ, Курбскому предстояли тяжбы съ сосѣдями, да и о самомъ Ковелѣ приходилось ему сильно безпокоиться. Въ помѣстьяхъ его, кромѣ крестьянъ, жила еще помѣстная шляхта и бояре [1]), мѣщане, а также и жиды. Шляхта и бояре пользовались правами помѣщиковъ; они владѣли участками земли и деревнями или на ленномъ — временномъ — правѣ, или на правѣ полной собственности, и права эти восходили ко временамъ королевы Боны и князей Сангушковъ.

Шляхта и бояре должны были вооружаться при объявленіи каждаго похода. Мѣщане пользовались магдебургскимъ правомъ и были свободны и лично, и по имуществу. Ремесленники составляли изъ себя цехи, изъ которыхъ каждый имѣлъ свои уставы, свое вооруженіе и свою казну. Жиды, на основаніи королевскихъ привиллегій, пользовались также свободою въ мѣстѣ ихъ жительства. Сигизмундъ-Августъ не могъ, ради Курбскаго, отмѣнить преимущества, пожалованныя его предшественниками-королями, и даже не имѣлъ права поступить такимъ образомъ. Поэтому, король предоставилъ ему такую власть, какая была присвоена прежнимъ старо̀стамъ—Богдану Симашко, или Франциску Фальчевскому. Однако, князь Курбскій считалъ себя наслѣдственнымъ владѣтелемъ Ковеля, и въ его глазахъ шляхтичъ, мѣщанинъ и жидъ, столь же мало значили, сколько и подвластный ему крестьянинъ, прикрѣпленный къ землѣ. Такъ, напримѣръ, въ Милановичахъ онъ запретилъ мѣщанамъ выбирать войта и самъ назначилъ его. Рѣшалъ Курбскій дѣла не на основаніи „Литовскаго Статута“, но на основаніи „Судебника“ царя Ивана. Отсюда происходили безпрестанныя пререканія, почему король, желая положить разомъ конецъ и тяжбамъ и жалобамъ, нашелъ нужнымъ дать Курбскому новую привиллегію, которая объясняла бы привиллегію перво-

[1]) Въ Литвѣ боярами назывались вольные люди, считавшіеся среднимъ сословіемъ между шляхтою и хлопствомъ. Ред.

начальную. Эта новая привиллегія помѣчена 24-мъ ноября 1567 года. Въ ней король заявляетъ, что онъ пожаловалъ Курбскому ковельское старо̀ство только пожизненно, какъ крулевщизну, а не въ наслѣдственное полное владѣніе. Отсюда слѣдовало, что князь не имѣлъ права нарушать привиллегіи, данныя ковелянамъ въ прежнее время, такъ какъ онъ только управлялъ коронными имѣніями, которыя даны ему какъ средство для его содержанія, но вмѣстѣ съ тѣмъ на него возложены были и обязанности и, между прочимъ, онъ обязанъ былъ являться для отправленія военной повинности, какъ и каждый боринъ, или шляхтичъ литовскій. Курбскій не имѣлъ права ни продать, ни заложить ковельскаго имѣнія. Въ случаѣ его смерти (король и здѣсь оказывалъ князю-бѣглецу особенную милость), старо̀ство прямо должно было перейти къ его сыну, а въ случаѣ еслибы сыновей не было, то оно возвращалось въ казну. Что же касается привиллегій, которыми пользовались жители ковельскаго старо̀ства, то Курбскій въ этомъ отношеніи былъ только представителемъ короля, съ тою верховною властью, какую имѣлъ король надъ всею Литвою. Но затѣмъ, если самъ Сигизмундъ не имѣлъ право отбирать привиллегіи, пожалованныя мѣщанамъ, напримѣръ, жидамъ, то, конечно, тѣмъ еще менѣе властенъ былъ сдѣлать это князь Курбскій.

Понятно, что князь не былъ доволенъ пожалованными ему на такихъ условіяхъ имѣніями, которыя должны были служить взамѣнъ принадлежавшихъ ему въ Московскомъ государствѣ громадныхъ помѣстій. Въ Литвѣ онъ сталъ только заурядным арендаторомъ. Король, однако, увеличивалъ имѣнія, пожалованныя Курбскому. Такъ, привиллегіею, данною 27-го іюня 1568 года, онъ утвердилъ за нимъ ленное право на имѣнія въ Унитской волости, состоявшей изъ 10 деревень и 4000 морговъ [1]) земли, а 23-го ноября того же года пожаловалъ Курбскому деревню Смедынскую.

Вскорѣ Сигизмундъ-Августъ убѣдился, что онъ нашелъ въ Курбскомъ подданнаго съ неуживчивымъ характеромъ, непослушнаго законамъ, надменнаго и безпокойнаго. Быть можетъ, король и раскаявался, но уже поздно, въ томъ, что онъ сманилъ его въ Литву. Курбскій самовольно сталъ именоваться княземъ Ковельскимъ и желалъ имѣть на Волыни такое же значеніе, какое имѣли тамъ князья Острожскіе и Корецкіе. Онъ началъ управлять своимъ старо̀ствомъ, словно родовымъ имѣніемъ, какъ будто онъ получилъ Ковель въ наслѣдство послѣ Гедеминовичей. Онъ раздавалъ своимъ землякамъ въ собственность деревни и земли безъ всякихъ съ ихъ стороны обязательствъ и, такимъ образомъ, отчуждилъ отъ старо̀ства Секунь, Шушки и Борки. Изъ подданцевъ своихъ онъ составлялъ свое надворное войско, которое посылалъ въ „наѣзды“ по окрестностямъ. Отъ этого происходили на Волыни постоянныя вооруженныя побоища. Паны

[1]) Моргъ—пространство земли, равняющееся почти десятинѣ.

оборонялись отъ Курбскаго, но бѣдная шляхта вынуждена была терпѣть, и Курбскій даже сталъ грозою для нее, а въ отношеніи къ королю оказался неблагодарнымъ. Еще въ 1566 году, царь Иванъ требовалъ отъ короля его выдачи, но благородный сердцемъ король отвѣчалъ, что онъ только тогда выдастъ одного Курбскаго, когда царь возвратитъ королю всѣхъ подобныхъ Курбскому бѣглецовъ изъ Литвы въ Москву, которые тамъ уже давно поселились, какъ, напримѣръ, князей Глинскихъ, Бѣльскихъ, Трубецкихъ, Одоевскихъ, Мосальскихъ и множество другихъ. Курбскій зналъ объ этихъ пререканіяхъ, но тѣмъ не менѣе порочилъ короля, не любилъ состоящихъ въ его дворѣ поляковъ и изъ ненависти къ нимъ порицалъ весь польскій народъ, будто бы выродившійся въ сравненіи съ его славными предками.

На сеймѣ, происходившемъ въ Люблинѣ въ 1569 году, послы обратились къ королю со множествомъ жалобъ на Курбскаго и даже просили, чтобы у него было отобрано старо̀ство Ковельское. При этомъ раздавались противъ короля голоса за то, что онъ отдалъ такую богатую крулевщизну бѣглому иноземцу—но послѣдній изъ Ягеловъ не поддался ни жалобамъ, ни просьбамъ. Хотя онъ и запретилъ Курбскому дѣйствовать самовольно, но при этомъ заявилъ посламъ, что онъ, король, отдалъ Ковель и Кревъ иноземцу только въ временное владѣніе, по весьма важнымъ государственнымъ соображеніямъ. Пользуясь снисходительностію короля, Курбскій невѣжливо, какъ пріѣзжихъ не въ пору гостей, принялъ посланцевъ, пріѣхавшихъ къ нему отъ Сигизмунда-Августа съ королевскими приказаніями.

Въ 1571 году, Курбскій вступилъ въ бракъ съ княжно̀ю Маріею Гольшанскою, послѣ того какъ узналъ о смерти первой своей жены, оставленной имъ въ Москвѣ. Вслѣдствіе этого, онъ породнился съ знаменитымъ домомъ Альгимунтовъ, изъ котораго происходилъ извѣстный Павелъ, епископъ волынскій, ревностный защитникъ католичества.

Отецъ Маріи, князь Юрій Гольшанскій, былъ въ супружествѣ съ Маріею, урожденною Сангушко. Кіевскіе акты не сообщаютъ о числѣ дѣтей, родившихся отъ этого брака, но зато мы въ нихъ находимъ очень любопытный и занимательный очеркъ жизни княжны Маріи, сдѣлавшейся впослѣдствіи княгиней Курбской. Этотъ очеркъ носитъ на себѣ отпечатокъ романа изъ временъ Сигизмунда-Августа. Извѣстія эти тѣмъ драгоцѣннѣе, что они явились совершенно неожиданно и относятся къ такой личности, которая прежде не была вовсе извѣстна въ исторіи.

Марія Гольшанская была въ первомъ бракѣ за Андреемъ Монтольтомъ и отъ этого брака родила двухъ сыновей, Андрея и Яна. Фамилія Монтольтовъ не встрѣчается въ средѣ волынскаго шляхетства и, по всей вѣроятности, она, какъ литовская, писалась не Монтольтъ, а Монтовтъ.

Послѣ смерти перваго мужа, Марія вступила въ супружество съ Михаиломъ Тышковичемъ-Козинскимъ, кастеляномъ луцкимъ, отъ котораго имѣла дочь Варвару, выданную впослѣдствіи за князя Юрія Збаражскаго. У Несѣцкаго эти родственныя связи изложены нѣсколько иначе, но кіевскіе акты представляютъ съ своей стороны несомнѣнныя доказательства, и потому имъ приходится вѣрить безусловно. Юрій Збаражскій, староста пинскій и сокальскій, былъ женатъ два раза: сперва на Неселовской, дочери воеводы витебскаго, а потомъ на княжнѣ Варварѣ Козинской, изъ рода Сангушковъ. По матери же своей Варвара происходила отъ Тышковичей-Козинскихъ. Козинскіе издавна поселились на Волыни и одинъ изъ нихъ былъ кастеляномъ волынскимъ [1]).

Марія Гольшанская, послѣ смерти своего втораго мужа, осталась богатою невѣстою. Отъ Монтольта она получила Жырмоны и Болтеники въ лидскомъ повѣтѣ и Орловкишки въ ошмянскомъ, а отъ Козинскаго — Осмиговичи, близъ Владиміра-Волынскаго. Такимъ образомъ, Марія принесла въ приданое третьему своему мужу, князю Курбскому, обширныя недвижимыя имѣнія, сверхъ богатой движимости, разныхъ драгоцѣностей, серебра и дорогихъ одеждъ. Въ ея имѣніяхъ — Дубровицахъ и Болтеникахъ, находились огромныя табуны лошадей, которыхъ считалось до 500 штукъ, и кромѣ того, безчисленное множество рогатаго скота и овецъ. Марія была уже не молода и Курбскій женился на ней не по любви, но по разсчету; можетъ быть—потому, что молодость уже миновала,—Марія была чрезвычайно набожна. Она всегда имѣла при себѣ евангеліе въ богатомъ, превосходно отдѣланномъ переплетѣ, а также псалтырь, какія нибудь проповѣди, октоихъ и книгу, которую называла „соборникомъ“. Она постоянно носила съ собою ковчежецъ изъ кипарисоваго дерева; въ ковчежцѣ этомъ хранились образки и частицы мощей. Предметы эти были наслѣдственною святынею князей Гольшанскихъ, которую они получили отъ патріарховъ іерусалимскихъ, пославъ имъ за это большія суммы денегъ, а князь Юрій, по духовному завѣщанію, отказалъ всю эту святыню дочери своей Маріи.

Вступая въ бракъ со вдовою кастеляна Козинскаго, Курбскій роднился съ множествомъ литовскихъ фамилій и такое родство было для него чрезвычайно важно. Онъ входилъ теперь въ близкія родственныя связи съ Сангушками, Збаражскими, Соколинскими, Сапѣгами, Монтольтами и Воловичами. Курбскій женился собственно для обезпеченія своей будущности, не предвидя, что онъ отяготитъ ее этимъ бракомъ. Онъ не разгадалъ своей жены, которая при своей набожности и богатствѣ была свѣтской женщиной и умѣла жить безъ мужа. Въ семействѣ Гольшанскихъ происходили постоянныя столкновенія и

[1]) Кастелянъ, владѣлецъ имѣнія, предводительствовалъ мѣстнымъ ополченіемъ; впослѣдствіи должность кастеляна обратилась въ почетное званіе. Ред.

нескончаемые споры объ имѣніяхъ. У Маріи была родная сестра Анна, съ которой она, послѣ смерти родителей, подѣлила пополамъ княжество Дубровицкое. Не могли, однако, сестры поладить между собою на счетъ окончательнаго раздѣла этого имѣнія и, вслѣдствіе этого, у нихъ происходили ссоры и тяжбы.

Понятно, что въ дѣла Анны вмѣшивался мужъ ея Олизаръ-Кирдей-Мыльскій. Непріятности возрастали все болѣе и болѣе и повлекли за собою судебное разбирательство по упомянутому имѣнію. Янъ и Андрей Монтольты, сыновья Маріи Гольшанской отъ перваго ея брака, имѣли также право на наслѣдство послѣ нея; они держали сторону своей матери, и такъ какъ были люди предпріимчивые и отважные, то не обращали никакого вниманія на тетку и очень часто дѣлали вооруженныя нападенія на ея имѣніе. Они нападали и на своихъ сосѣдей, отыскивая свои права посредствомъ „наѣздовъ“. Въ свою очередь и панъ Олизаръ „наѣзжалъ“ на деревни панны Козинской. Кромѣ того, обѣ родныя сестры вели между собою войну, предводительствуя сами вооруженными молодцами. Въ особенности часто предпринимала Анна нападенія на волости своей сестры. Однажды она встрѣтила ее на дорогѣ, напала на нее со своею вооруженною челядью и до-чиста ограбила.

Таково было семейство, съ которымъ теперь князь Курбскій входилъ въ самыя близкія связи. Онъ не предвидѣлъ, что съ 1571 года начнется для него жизнь, полная домашнихъ тревогъ, такъ какъ женитьба его на Маріи еще болѣе усилила раздоры въ семьѣ Гольшанскихъ.

Передъ свадьбою, Курбскій, соблюдая старинный обычай, записалъ въ пользу своей будущей супруги Милановичи и унитскія деревни взамѣнъ принесеннаго ему невѣстою приданаго. Запись эта въ 17,000 копъ литовскихъ грошей [1]). Съ своей стороны Марія записала въ въ пользу Курбскаго почти всѣ свои недвижимыя имѣнія, но сдѣлала она это уже послѣ свадьбы, потому что она—какъ сама говорила—убѣдилась въ любви и дружбѣ къ ней своего мужа. Записала она ему Осмиговичи, добровицкія имѣнія, шешельскую волость и Крошты; отдала даже ему всѣ прежнія дѣла и бумаги по этимъ имѣніямъ, что̀ должно было свидѣтельствовать о переходѣ этихъ имѣній въ собственность Курбскаго. Такимъ образомъ, онъ сдѣлался владѣтелемъ обширныхъ родовыхъ имѣній, часть которыхъ принадлежала къ составу наслѣдства послѣ Гольшанскихъ, а часть наслѣдникамъ Козинскаго. Съ этого времени начинается кровавый споръ между родственниками Маріи и Курбскимъ. Олизаръ и жена его Анна стали оказывать Курбскому полное пренебреженіе, нападали на его дворовую

[1]) Копою называется у поляковъ 60 штукъ однородныхъ предметовъ. Цѣнность литовскихъ грошей была не одинакова въ разное время. Около того времени цѣнность серебрянаго гроша полагалась въ 16 злотыхъ, т. е., въ 15 копѣекъ по нашему монетному счисленію. Ред.

челядь и на его земли, обращались къ нему съ угрозами, выдумывали множество нелѣпостей на него самого и на его жену и даже злоумышляли на его жизнь. Съ этой поры князь сталъ намѣченною жертвою, а имѣнія его сдѣлались мѣстомъ семейной войны.

Курбскій не сумѣлъ погасить начавшагося пожара. Своими поступками онъ не только усилилъ семейные раздоры, но и постоянно надоѣдалъ королю. Съ сосѣдями онъ жилъ не въ ладахъ. Однажды, неизвѣстно на какомъ основаніи, онъ учинилъ „наѣздъ“ на Туличевъ, имѣніе Красинскихъ, вѣроятно, изъ рода Борзобогатыхъ, которые были русскаго происхожденія и не имѣли ничего общаго съ существовавшею въ Мазовіи фамиліею Корвиновъ-Красинскихъ. Обиженные обратились съ жалобою къ королю и добились отъ него рѣшенія, въ силу котораго Курбскій обязанъ былъ немедленно возвратить Туличевъ Красинскимъ. Курбскій получилъ такое королевское повелѣніе въ ту именно пору, когда король Сигизмундъ-Августъ умеръ въ Кнышинѣ. Вольскій, королевскій посланецъ, долго разъѣзжалъ по Ковельскому староству съ королевскимъ указомъ. Онъ искалъ князя, слуги котораго посылали его изъ одной деревни въ другую, говоря, что князь находится то здѣсь, то тамъ. Въ Милановичахъ гонецъ наткнулся на толпу княжеской дворни, состоявшей изъ московскихъ бѣглецовъ, которые ни за что не хотѣли сказать, гдѣ находился Курбскій. Одинъ изъ этой толпы, Кирилъ Зубцовскій, даже кинулся съ яростью на Вольскаго и допытывался у него—по какому праву онъ разъѣзжаетъ по княжескому имѣнію и что̀ значатъ эти разъѣзды? При этомъ онъ даже грозилъ королевскому гонцу палкою. Только послѣ множества хлопотъ, Вольскій нашелъ, наконецъ, Курбскаго въ Турейскѣ и хотѣлъ ему вручить королевскій приказъ. Князь при этой встрѣчѣ не обнаружилъ, повидимому, никакого неудовольствія. При немъ въ эту пору былъ князь Константинъ (Василій) Острожскій, воевода кіевскій, и много другихъ знатныхъ лицъ изъ волынской шляхты. Курбскій въ присутствіи своихъ гостей сказалъ королевскому посланцу: „Ты, панъ Вольскій, являешься ко мнѣ съ мертвыми указами, потому что если самъ король умеръ, то и всѣ его указы умерли. Вотъ когда ты ко мнѣ пріѣдешь съ указами отъ живого еще короля, то я ихъ приму отъ тебя съ величайшимъ уваженіемъ, а этихъ мертвыхъ листовъ я отъ тебя не возьму. Впрочемъ, если бы ты даже и отъ живого короля пріѣхалъ ко мнѣ съ указами, то все же я ни тебѣ, никому другому, Туличева не уступлю“.

Такимъ образомъ, Курбскій въ короткое время научился въ Польшѣ имѣть собственную волю.

Въ то время, когда князь-изгнанникъ проводилъ жизнь среди семейныхъ хлопотъ, не было войны на восточныхъ предѣлахъ Польши. Мечъ Курбскаго покоился въ ножнахъ, да и самъ Курбскій съ своей стороны мало былъ занятъ дѣлами своего новаго отечества. Извѣстно только, что въ 1573 году онъ находился въ Брестѣ на сеймѣ, среди

многочисленнаго собранія волынскихъ пановъ, и что тамъ онъ былъ выбранъ посломъ на варшавскій сеймъ, собиравшійся для элекціи новаго короля. Не видно, однако, чтобы Курбскій ѣздилъ на берега Вислы, а также чьей стороны онъ въ это время держался. Спустя два года послѣ этого, онъ во главѣ отряда спѣшилъ на бой съ татарами, напавшими на Волынь.

Въ это время домашняя война начала принимать неблагопріятный оборотъ для Курбскаго. Янъ и Андрей Монтольты подъучили одного изъ княжескихъ слугъ (Гинейку) украсть и отдать имъ бланкеты съ печатью и за подписью князя, а также и его жены, матери Монтольтовъ. Они хотѣли устроить вотчиму какой нибудь подвохъ, такъ какъ совершенно потеряли надежду одолѣть его наѣздами или какою либо другою съ нимъ расправою. Ненависть съ обѣихъ сторонъ еще болѣе усилилась, когда въ 1576 году княгиня Курбская написала завѣщаніе, которымъ подтвердила всѣ свои прежнія распоряженія относительно своихъ имѣній и всѣ принадлежавшія ей на нихъ права перевела на мужа. Княгиня, такимъ образомъ, лишила наслѣдства и своихъ дѣтей, и своихъ родственниковъ, заявивъ въ завѣщаніи, что она никогда не записывала и никогда не запишетъ своихъ имѣній никому другому, какъ только своему мужу. Дѣтямъ она оставляла одну только деревеньку въ Литвѣ, передавъ ее своему сыну Андрею; она же оставляла также обоимъ сыновьямъ еще двѣ другіе деревни, Жирмоны и Орловкишки, бывшія, впрочемъ, въ закладѣ. Деревни эти она разрѣшила сыновьямъ выкупить и управлять ими, но не иначе, какъ сообща, безъ всякаго раздѣла между обоими братьями.

Такимъ образомъ, Курбская отдала во власть мужа не только всѣ свои имѣнія, но и самую себя, въ чемъ вскорѣ ей привелось раскаяться. Мужъ ея, какъ изгнанникъ, велъ на Волыни печальную жизнь, какъ онъ самъ выражался, среди людей тяжелыхъ и крайне негостепріимныхъ. Онъ никоимъ способомъ не могъ сжиться съ шляхтою и освоиться съ тѣмъ положеніемъ, какое ему теперь предстояло; онъ тосковалъ о родинѣ, оплакивалъ потерю матери и жены, которыхъ онъ оставилъ въ Москвѣ и которыя умерли изъ-за него въ заключеніи. Оплакивалъ онъ и единственнаго сына, умершаго также въ неволѣ. Не находя никакого развлеченія, Курбскій посвятилъ свою жизнь наукамъ. Онъ началъ обучаться латинскому языку, заниматься философіею Аристотеля и переводилъ на церковно-славянскій языкъ проповѣди Іоанна Златоуста. Сотрудникомъ своимъ онъ принялъ московскаго, какъ и онъ самъ, выходца, князя Михаила Оболенскаго, который обучался въ Краковской академіи; но и Оболенскій не сошелся съ Курбскимъ и, оставивъ домъ, жену и дѣтей, поѣхалъ въ Италію для дальнѣйшаго занятія науками.

Понятно, что образъ жизни Курбскаго скоро наскучилъ его женѣ Маріи, женщинѣ свѣтской. Чтобы освободить себя изъ подъ тяжкой неволи угрюмаго москаля, княгиня Курбская отважилась на рѣши-

тельный шагъ, и съ этою цѣлью ночью, взломавъ ящики, похитила документы на Дубровицкое имѣніе и отослала ихъ къ своему сыну Яну Монтольту. Это означало, что княгиня хотѣла уничтожить силу прежней записи, сдѣланной ею на имя мужа. Курбскій обшарилъ весь дворецъ, но нигдѣ не нашелъ пропавшихъ бумагъ. Онъ нашелъ только мѣшечекъ съ пескомъ, волосами и другими чародѣйскими снадобьями, которыя держала при себѣ княгиня для того, чтобы мужъ любилъ ее. Талисманъ этотъ она достала отъ какой-то старухи. Княгиня имѣла сношенія съ своими сыновьями, и поэтому Курбскаго ожидали новыя непріятности и потери. Князь посадилъ свою жену въ темницу, находившуюся въ ковельскомъ замкѣ, но это нисколько не помогло. Марія, которая уже окончательно сошлась со своими сыновьями, пріискала способъ, чтобы черезъ одного игумена изъ Вежбца (небольшой деревни, входившей въ составъ Ковельскаго старѣства) и черезъ нищихъ передать Андрею Монтольту свою просьбу, чтобы онъ освободилъ ее изъ темницы или хитростію, или силою. Сынъ, тронутый несчастіемъ матери, рѣшился убить вотчима въ открытомъ бою, но, тѣмъ не менѣе, опасался послѣдствій своего нападенія на Ковельскій замокъ. Поэтому онъ, собравъ толпу своихъ слугъ, разъѣзжалъ по всѣмъ окрестнымъ дорогамъ, отыскивая намѣченную имъ жертву. Но ему что-то не везло: или князь былъ слишкомъ остороженъ, или Монтольтъ былъ такъ несчастливъ, но онъ никакъ не могъ наткнуться на желанную добычу. Онъ, впрочемъ, сдѣлалъ наѣздъ на Скулинскую волость, принадлежавшую его вотчиму, ограбилъ деревни, сжегъ запасы лѣса, приготовленные для сплава въ Данцигъ, нахваталъ крестьянъ и мучилъ ихъ, допытываясь, гдѣ находится князь Курбскій. Въ то же время онъ потребовалъ своего вотчима къ суду, а владимірскому градскому суду заявилъ, что изъ дошедшимъ до него извѣстій узналъ, что Курбскій билъ свою жену, мучилъ ее и морилъ голодомъ въ ужасной темницѣ. Чтобы убѣдиться въ справедливости такого заявленія, судъ послалъ въ Милановичи вознаго съ свидѣтелями [1]). Курбскій былъ въ это время такъ нездоровъ, что даже лежалъ въ постели, а жена сидѣла близъ него на лавкѣ. Возный вошелъ къ князю и объявилъ причину своего пріѣзда.

— Вѣдь видишь ты, панъ возный,—отвѣчалъ ему Курбскій—что жена моя сидитъ въ добромъ здоровьѣ, а дѣти ея взводятъ на меня небывальщину. Затѣмъ, обращаясь къ женѣ, онъ сказалъ: — отвѣчай же сама, княгиня.

Марія, проговоря что-то, такъ отозвалась на слова мужа: „да что же мнѣ говорить, князь, вѣдь возный и самъ видитъ, что я сижу“.

Тогда Курбскій, въ свою очередь, добавилъ: „давно ужъ Мон-

---

[1]) Должность вознаго соотвѣтствуетъ должности нынѣшнихъ судебныхъ приставовъ. Ред.

тольты морятъ свою мать, а она все-таки жива, да и меня еще похоронитъ".

Когда сдѣланное суду заявленіе не помогло, то Янъ Монтольтъ принесъ жалобу королю. Онъ жаловался на то, что Курбскій жестоко обращается со своею женою, что неправильно овладѣлъ ея движимымъ и недвижимымъ имуществомъ, что принудилъ ее дать ему нѣсколько десятковъ бланкетовъ съ ея печатью и подписью и, освободивъ себя такимъ образомъ отъ всякой отвѣтственности, теперь самъ распоряжается ея имѣніями по собственному своему произволу. Курбскій былъ вызванъ къ королевскому суду и въ 1578 году долженъ былъ, вмѣстѣ съ женою, явиться во Львовъ. Въ то же самое время, княгиня Курбская вела съ сестрою своею Анною и Олизаромъ-Кирдеемъ-Мыльскимъ тяжбы по 200 выписямъ изъ актовъ, касавшихся Дубровицкаго княжества. Не дожидаясь по этимъ дѣламъ королевскаго рѣшенія, обѣ стороны покончили дѣло полюбовнымъ между собою соглашеніемъ.

Королевскій судъ высказалъ мнѣніе, что Курбскій долженъ развестись съ своею женою. Разводы въ ту пору въ Литвѣ были не затруднительны. Если мужъ и жена взаимно соглашались расторгнуть заключенный между ними брачный союзъ, то разводъ установлялся самъ собою. На этомъ основаніи, Курбскій безъ труда достигъ расторженія брака отъ владимірскаго епископа Ѳеодосія, хотя, собственно, по каноническому правилу, никакихъ причинъ къ разводу не существовало. Покончивъ такимъ образомъ семейный раздоръ, Курбскій очень учтиво выпроводилъ изъ дому Марію въ повозкѣ, запряженной четверкою ретивыхъ коней. Но разводъ не примирилъ Курбскаго съ женниною роднею и не прекратилъ споровъ, поводы къ которымъ возникали безпрестанно.

По каноническимъ правиламъ, Курбскій не могъ вступить въ новый бракъ до тѣхъ поръ, пока была жива его жена. Не смотря, однако, на это, Курбскій въ 1579 году обручился съ дочерью Петра Симашки, Александрою, а въ апрѣлѣ мѣсяцѣ того же года справилъ свою свадьбу во Владимірѣ. На другой день послѣ этого, онъ подарилъ женѣ половину одной изъ принадлежавшихъ ему волостей, такъ какъ онъ взялъ за нею въ приданое только 800 копъ грошей. Устарѣвшій уже Курбскій былъ очень доволенъ своею молодою женою. Въ завѣщаніи своемъ онъ постоянно называетъ ее „любезною супругою" и пишетъ, что Александра служила ему усердно, была вѣрна и вела себя честно. Дѣйствительно, во время болѣзни Курбскаго, молодая княгиня заботливо ухаживала за своимъ мужемъ и не жалѣла денегъ, чтобъ возстановить его здоровье.

Не долго, однако, привелось Курбскому пользоваться наступившимъ для него супружескимъ счастьемъ. Въ 1579 году, онъ сталъ готовиться къ походу на Москву. Курбскій долженъ былъ отправиться слѣдомъ за королемъ со своими боярами и московскими перебѣжчи-

ками. Въ апрѣлѣ онъ вѣнчался, а въ іюлѣ былъ уже готовъ идти на войну. Курбскій нанялъ 86 казаковъ и 14 гусаръ и этотъ вооруженный конвой онъ присоединилъ къ отряду, составленному изъ княжескихъ слугъ и бояръ. Предводительствуя этою дружиною, Курбскій, на ряду съ польскимъ войскомъ, сражался подъ Полоцкомъ и вмѣстѣ съ поляками праздновалъ побѣды Баторія. Радость, какую Курбскій чувствовалъ вслѣдствіе этихъ побѣдъ, онъ выразилъ въ двухъ письмахъ, отправленныхъ имъ къ царю Ивану послѣ взятія поляками Полоцка и Сокола. Письма эти были отвѣтомъ на новое, въ 1577 году, задирательство царемъ Курбскаго, которому Иванъ грозилъ гнѣвомъ Божіимъ.

Упомянутыя побѣды были для Курбскаго послѣднимъ торжествомъ. Съ этого времени и до самой смерти онъ испытывалъ горе и неудачи. Король приказалъ произвести воинскій наборъ въ старо́ствѣ Ковельскомъ. Князь увидѣлъ теперь ясно свои отношенія къ государю, такъ какъ оказалось, что въ Ковелѣ онъ былъ только старо̀стою, управителемъ, арендаторомъ, а собственникомъ этого имѣнія была Рѣчь-Посполитая. Курбскій былъ весьма чувствительно затронутъ упомянутымъ королевскимъ распоряженіемъ, которое ставило его въ уровень съ безпомѣстною шляхтою, такъ какъ ему не были предоставлены наслѣдственныя права на пожалованное имѣніе. Онъ оказалъ рѣшительное сопротивленіе королевской волѣ, не допустивъ отправленнаго въ Ковель ротмистра набирать въ старостѣ копейщиковъ. Онъ хотѣлъ быть наслѣдственнымъ господиномъ въ волости, данной ему Сигизмундомъ-Августомъ. Тогда король отправилъ, 20-го іюля 1580 года, къ Курбскому грозный приказъ безъ обычнаго въ то время вѣжливаго и ласкательнаго привѣтствія. Король называлъ князя „державцемъ“, а Ковель отчиною короны. Стефанъ Баторій требовалъ ослушника къ суду, грозилъ ему лишеніемъ всѣхъ правъ и отнятіемъ помѣстья за непокорность передъ закономъ и за умыселъ причинить ущербъ Рѣчи-Посполитой. Неизвѣстно, какимъ способомъ Курбскій успѣлъ умилостивить Баторія; извѣстно только, что въ 1581 году князь снова сражался съ русскими въ рядахъ королевскихъ войскъ. Онъ вооружилъ значительный отрядъ на свой собственный счетъ, а не на счетъ тѣхъ податей, которыя онъ вносилъ въ казну съ Ковельскаго старо́ства. Съ своей стороны, король отъ 20-го іюля 1581 года приказалъ судамъ пріостановить на время похода всѣ тяжебныя дѣла Курбскаго. Отправляясь на войну, князь, уже состарѣвшійся и удрученный ранами, написалъ свое первое завѣщаніе 5-го іюля 1581 года. Согласно съ разъясненіемъ привиллегій, сдѣланнымъ Сигизмундомъ Августомъ въ 1567 году, Ковель могъ перейти только по мужскому колѣну, т. е., отъ Курбскаго къ его сыну, но Курбскій имѣлъ въ ту пору только одну дочь Марину, родившуюся отъ княгини Александры въ 1580 году. Въ противность упомянутому королевскому распоряженію, Курбскій завѣщалъ Ковель дочери, хотя, послѣ смерти

его и при неимѣніи у него сыновей, старòство это должно было быть возвращено въ казну. Милановичи онъ отдалъ въ пожизненное владѣніе своей женѣ, также въ противность закону. Опекуномъ своей семьи Курбскій назначилъ князя Константина Острожскаго, который былъ великимъ кравчимъ литовскимъ, и отдавалъ ему по завѣщанію, въ знакъ дружбы, свое вооруженіе: панцырь, шишакъ и позолоченные наручники, а своему пріятелю и слугѣ Зубцовскому, перебѣжчику изъ Москвы, саблю, оправленную въ серебро. Распорядившись на случай своей смерти будущностью своей семьи, Курбскій, во главѣ своего отряда, поспѣшилъ къ Пскову, подъ которымъ стоялъ въ то время Баторій. Но, достигнувъ границы Руси, онъ тяжело захворалъ и принужденъ былъ слечь въ постель въ Криницахъ, своемъ литовскомъ помѣстьи; отрядъ свой онъ отправилъ впередъ подъ начальствомъ Кирилы Зубцовскаго, который долженъ былъ направиться къ Полоцку и принять участіе въ осадѣ этого города. Отрядъ Курбскаго бился мужественно подъ стѣнами этого города, но самъ Курбскій не могъ уже сражаться противъ царя Ивана.

Въ это время на Курбскаго обрушилась новая бѣда. Марія Гольшанская, воспользовавшись нерасположеніемъ короля къ ея бывшему мужу, привлекла его къ суду. Она подала Стефану Баторію жалобу, въ которой обвиняла Курбскаго въ неправильномъ разводѣ съ нею, требовала съ князя удовлетворенія за нанесенную ей обиду и возвращенія самовольно присвоеннаго имъ собственнаго ея имѣнія. Она представила подробную опись всего недвижимаго имущества, оставленнаго въ Ковелѣ, не позабывъ перечислить въ подробности даже горшковъ, рожновъ и сковородъ. По вопросу о разводѣ король направилъ Гольшанскую къ митрополиту на судъ духовный, а относительно суда по имущественному иску приказалъ воздержаться до рѣшенія дѣла о разводѣ, такъ какъ дѣло это зависѣло отъ мнѣнія, какое выскажетъ кіевскій владыко. Курбскій очутился теперь въ страшномъ положеніи: онъ развелся съ одною женою безъ всякой причины и вступилъ въ новый бракъ въ противность каноническихъ правилъ. Поэтому, рѣшеніе, постановленное митрополитомъ, могло имѣть для Курбскаго и для его дѣтей самыя плачевныя послѣдствія. Очевидно было, что Гольшанская домогалась не того, чтобы были возстановлены ея супружескія права, но хотѣла только досадить князю, разлучивъ его силою закона съ Александрою. Въ день, назначенный для явки на судъ митрополита, Курбскій заявилъ, что онъ боленъ и что, поэтому, въ судъ прибыть не можетъ. Возный, отправленный для освидѣтельствованія его, представилъ удостовѣреніе, что князь дѣйствительно лежитъ въ тяжкой болѣзни. Передъ возным Курбскій, находясь въ постели, заявилъ, что онъ на походѣ захворалъ въ Криничинѣ, что онъ съ трудомъ былъ привезенъ въ Милановичи и что до сихъ поръ онъ выздоровѣть не можетъ. Марія снова пожаловалась королю, а митрополитъ написалъ большой докладъ по

этому дѣлу и отправилъ его къ Стефану Баторію съ нарочнымъ гонцомъ. Въ то время митрополитомъ былъ Онисифоръ Дѣвочка, по гербу Сырокомля. Митрополитъ заявлялъ, что, по его мнѣнію, разводъ Курбскаго съ Маріею былъ незаконный, въ противность основаніямъ св. писанія и правиламъ отцовъ церкви, такъ какъ ни мужъ, ни жена не представили достаточныхъ, т. е. каноническихъ, причинъ для расторженія брака, и что Курбскій, во всякомъ случаѣ, не имѣлъ права жениться до тѣхъ поръ, пока была жива прежняя его жена Марія Гольшанская.

Подвластные Курбскому бояре заявили также противъ него свои давнишнія неудовольствія и обратились къ королю съ жалобами. Они говорили, что Курбскій не имѣетъ права отнимать у нихъ земли, но что онъ дѣлаетъ это и отнятыя земли роздаетъ своимъ боярамъ; они злобились на него за то, что онъ увеличилъ прежнія и налагаетъ еще новыя на нихъ повинности. Король, выслушавъ эти жалобы, постановилъ, чтобы безъ малѣйшаго промедленія послать Курбскому приказъ, уже въ послѣдній разъ пригрозивъ ему. Король Стефанъ не любилъ допускать какого либо беззаконія.

Королевскій указъ пришелъ къ Курбскому въ то время, когда даже дворяне, приведенные имъ изъ Москвы, начали измѣнять ему и покидать его. Курбскій уже чувствовалъ приближеніе смерти, и 24-го апрѣля 1583 года написалъ вторичное завѣщаніе. Въ этомъ завѣщаніи говорилось, прежде всего, о погребеніи и поминкахъ, а потомъ шла просьба къ королю Стефану. Курбскій, подавленный горемъ и предвидя тѣ несчастія, которыя угрожали въ будущемъ его семьѣ, оставшейся безъ опеки и защиты, упалъ духомъ. Онъ, нѣкогда до того гордый князь, что называлъ указы Сигизмунда Августа мертвыми листами, въ завѣщаніи своемъ подписался „нижайшимъ подножіемъ и слугою королевскимъ“. Въ это время князь Курбскій имѣлъ сына, родившагося въ 1582 году отъ княгини Александры. Все свое имѣніе онъ раздѣлилъ между женою и сыномъ и поручилъ ихъ, какъ сиротъ, опекѣ короля; при этомъ онъ напомнилъ Стефану, что получилъ Ковель и другія имѣнія не какъ бѣглецъ, выпросившій себѣ подаяніе, но вслѣдствіе предварительнаго условія съ королемъ и взамѣнъ наслѣдственныхъ волостей, которыя принадлежали ему въ Московскомъ государствѣ и къ оставленію которыхъ его склонили слова Сигизмунда-Августа и присяга литовскихъ сенаторовъ. Написавъ завѣщаніе, Курбскій отправился въ Ковель, гдѣ онъ и умеръ въ половинѣ мая мѣсяца 1583 года. Тѣло его было погребено въ Вежбцѣ, въ монастырѣ св. Троицы, гдѣ и былъ найденъ его надгробный памятникъ.

Закончимъ нашъ разсказъ о жизни князя Курбскаго на Волыни краткимъ извѣстіемъ о судьбѣ его дѣтей, рожденныхъ въ Польшѣ. При этомъ мы воспользуемся гербовникомъ Несѣцкаго, дополненнымъ Кояловичемъ.

Устрялову не было ничего извѣстно о двукратныхъ бракахъ Курбскаго на Волыни. Онъ зналъ только, что Курбскій жилъ неладно со своею женою-литвинкою и развелся съ нею. Онъ называетъ эту жену не княжною Гольшанскою, но княжною Дубровицкою, и говоритъ, что она была двоюродною сестрою Евстафія Воловича, знаменитаго канцлера въ королевствованіе Стефана Баторія. Мы не можемъ справиться объ этомъ по имѣющимся у насъ источникамъ, но самое показаніе Устрялова, что жена Курбскаго была княжна Дубровицкая и владѣла Дубровною, какъ наслѣдственною собственностью, дало намъ поводъ предполагать, что Гольшанскіе могли быть одного рода съ князьями Дубровицкими и получить послѣ нихъ наслѣдственныя имѣнія на Волыни. Впослѣдствіи догадка эта подтвердилась вполнѣ.

У Несѣцкаго о Дубровицкихъ находится только десять строкъ, а родословія ихъ онъ даже вовсе не касается. Такъ какъ обѣ фамиліи, и Гольшанскіе и Дубровицкіе, были одного происхожденія, то ничего нѣтъ удивительнаго, если князья Гольшанскіе называются въ хроникахъ князьями Дубровицкими. На такомъ основаніи и Марія Курбская называлась княжною Дубровицкою, по имени принадлежавшей ей наслѣдственной волости, хотя она и была дочь Юрія Гольшанскаго. У Несѣцкаго не встрѣчается князя Юрія, отца Маріи, и потому мы не можемъ указать съ достовѣрностью степень родства, существовавшаго между ними и епископомъ виленскимъ Павломъ, но въ родословной Дубровицкихъ, хотя и очень краткой, встрѣчаются два Юрія. Изъ нихъ одинъ былъ воеводою кіевскимъ, а потомъ трокскимъ, и назывался также Янушемъ. Онъ умеръ въ 1549 году. Другой былъ убитъ татарами въ 1503 году. Быть можетъ, одинъ изъ нихъ и былъ отцомъ Маріи [1]).

Устряловъ, слѣдуя Несѣцкому, говоритъ, что у князя Андрея Курбскаго было три сына и одна дочь; сыновья назывались Дмитрій, Андрей и Янъ, но имени дочери онъ привести не могъ. Въ кіевскихъ же актахъ упоминается только дочь Марина и сынъ Дмитрій; о двухъ же младшихъ сыновьяхъ Курбскаго, изъ которыхъ одинъ—Андрей-на-Краничинѣ, былъ маршалкомъ упитскимъ, а другой—Янъ судьею въ той же мѣстности, мы не можемъ сказать ничего достовѣрнаго. Дочь Курбскаго Марина, имени которой не знали ни Несѣцкій, ни Устряловъ, вышла замужъ за Михаила Кунцевича, по гербу Лабендзь, который былъ сынъ конюшаго литовскаго Якуба отъ брака съ Сапегою. Это свѣдѣніе встрѣчается у Несѣцкаго втѣстѣ съ родословіемъ Кунцевичей. Дмитрій былъ, по словамъ Нѣсецкаго и Устрялова, маршалкомъ упитскимъ. Кажется, что дѣти Курбскаго перемѣнили греческую вѣру на латинскую, но они, какъ и ихъ отецъ,

---

[1]) По всей вѣроятности, Марія была дочь перваго изъ упомянутыхъ князей, такъ какъ трудно допустить, что Марія была старше Курбскаго по крайней мѣрѣ 25 годами. Ред.

постоянно тосковали о Москвѣ и, вѣроятно, тоску о родной сторонѣ они усвоили себѣ вмѣстѣ съ воспитаніемъ, хотя и родились на Волыни, а по своимъ должностямъ и родственнымъ связямъ были литовцы. Хотя одинъ изъ сыновей Дмитрія носилъ латинское имя Каспара, но тѣмъ не менѣе, онъ 15 февраля 1687 года, писалъ къ князю Голицыну, любимцу царевны Софіи, отправляя къ нему двоихъ сыновей на царскую службу. Сыновья Каспара назывались Якубъ и Александръ. Оба они уѣхали въ Моску; тамъ они умерли, а съ ними угасъ знаменитый родъ князей Курбскихъ. Объ Александрѣ намъ извѣстно, что онъ принялъ снова вѣру своихъ праотцовъ и сталъ называться Яковомъ.

Что касается второй жены князя Курбскаго, Александры, то кіевскіе акты сообщаютъ на счетъ ея нѣкоторыя подробности. Молодая и красивая княгиня, по смерти мужа, предалась удовольствіямъ; она какъ будто желала вознаградить скучную и однообразную жизнь, проведенную ею у изголовья старца. Курбскій оставилъ послѣ себя долги. Вдова его не думала вовсе объ уплатѣ ихъ, и когда у нея оказался недостатокъ въ деньгахъ, то она умѣла отнимать у слугъ и дворянъ земли, данныя имъ ея мужемъ. Повидимому, со стороны Гольшанской Александра не испытывала никакихъ хлопотъ, такъ какъ Курбскій въ своемъ завѣщаніи заявилъ, что онъ окончательно примирился съ первою своею женою. Духовныя власти не поднимали вопроса о незаконности втораго брака Курбскаго, по той причинѣ, что князя не было уже на свѣтѣ.

Вдовѣ его жилось весело при Стефанѣ Баторіи. Но Сигизмундъ III нанесъ семьѣ Курбскаго жестокій ударъ. Въ 1588 году, онъ взялъ въ казну имѣніе Борки, входившее въ составъ Ковельскаго старѣства, а вскорѣ послѣ того объявилъ, что покойному Курбскому было предоставлено только ленное право на упомянутое старѣство, которое никоимъ образомъ не могло перейти къ его сыну, почему оно и было признано коронною собственностью.

О судьбѣ сотоварищей Курбскаго встрѣчается немало любопытныхъ подробностей, которыя представляютъ интересъ для польской шляхты и бросаютъ нѣкоторый свѣтъ на положеніе польско-русскихъ земель въ концѣ XVI столѣтія.

Первымъ товарищемъ и пріятелемъ Курбскаго былъ Иванъ Калыметъ. Курбскій въ своихъ письмахъ не разъ отзывался о немъ съ большими похвалами. Онъ далъ Калымету двѣ деревни и назначилъ его своимъ намѣстникомъ въ Ковелѣ. Калыметъ былъ богатъ; одѣвался щегольски и постоянно носилъ саблю въ позолоченой оправѣ. Саблю эту онъ купилъ въ Константинополѣ. Бархатъ, атласъ, дорогіе каменья, покрывали его съ головы до ногъ. Калыметъ былъ храбръ и вмѣстѣ съ Курбскимъ сражался подъ Полоцкомъ и Великими-Луками. Онъ не признавалъ надъ собою ничьей власти, кромѣ власти Курбскаго. Когда однажды возный привезъ ему королевскій указъ,

то Калыметъ закричалъ: „зачѣмъ ты привезъ мнѣ этотъ указъ? Я королю не служу, а служу князю, моему господину“. Этотъ вѣрный слуга очень часто ѣздилъ во Владиміръ по дѣламъ князя и по своимъ собственнымъ. Тамошніе горожане ненавидѣли его и одинъ разъ, въ 1571 году, всѣ они, съ войтомъ во главѣ, возстали противъ Калымета. Забили въ набатъ, заперли городскія ворота и хотѣли убить Калымета, который едва спасся отъ смерти. Затѣмъ, 9-го марта, напалъ на него князь Дмитрій Булыга и убилъ его. Курбскій очень горевалъ по этому случаю и привлекъ Булыгу къ суду. Дѣло это пошло въ ходъ обыкновеннымъ порядкомъ и, наконецъ, 5-го мая Курбскій лично явился во владимірскій судъ. Неявившійся же Булыга былъ заочно приговоренъ къ уплатѣ 1655 копъ, 50 грошей и 4 шелёнговъ за содѣянное имъ преступленіе и за ущербъ, понесенный вслѣдствіе этого родственниками убитаго. Кромѣ того, его отправили въ королевскій судъ, по приговору котораго Булыга могъ быть очень легко подвергнутъ смертной казни. Но обѣ стороны примирились между собою при посредничествѣ князя Константина Острожскаго, воеводы кіевскаго. Примиренію этому весьма много способствовали Василій Захаровскій, кастелянъ брацлавскій, и Николай Лысковскій, кастелянъ хельмскій. Булыга заплатилъ Курбскому 600 копъ литовскихъ грошей и вдобавокъ отсидѣлъ годъ и шесть мѣсяцевъ во владимірской тюрьмѣ.

Послѣ смерти Калымета, братъ его Михаилъ получилъ отъ Курбскаго привиллегію на имѣнія Секунь и Шушки. Михаилъ служилъ также подъ начальствомъ Курбскаго и сражался подъ Полоцкомъ и Великими Луками. Въ Литвѣ онъ былъ казначеемъ Курбскаго. Женатъ онъ былъ на Екатеринѣ, дочери ковельскаго войта Матыза Трушковскаго. Въ Секунѣ онъ построилъ церковь во имя Михаила Архангела и умеръ въ 1588 году. Въ завѣщаніи своемъ онъ просилъ князя Константина Острожскаго быть помощникомъ и опекуномъ его осиротѣлой семьи, въ награду за усердную и полезную службу Рѣчи-Посполитой. Умеръ Михаилъ Колыметъ въ нуждѣ. Онъ вынужденъ былъ заложить два свои серебряные пояса жидовкѣ Вихнѣ, а третій серебряный вызолоченый—какому-то жиду.

Не посчастливилось въ Польшѣ и Кирилу Зубцовскому. Пріѣхавъ на Волынь, онъ вступилъ въ бракъ съ княжною Маріею Полубенскою, и вслѣдствіе этого брака породнился съ княземъ Курбскимъ. Послѣ смерти Ивана Калымета, Зубцовскій управлялъ ковельскимъ старо́ствомъ. Въ завѣщаніи своемъ, Курбскій назначилъ его главнымъ управителемъ своихъ литовскихъ имѣній и завѣщалъ ему свою саблю. Въ то время Зубцовскій сражался подъ Псковомъ, предводительствуя отъ имени Курбскаго его дружиною. Стефанъ Баторій назначилъ Зубцовскаго за оказанное имъ мужество чуцкимъ городничимъ. Онъ оставался на этой должности до самой смерти и даже однажды предсѣдательствовалъ въ земскомъ судѣ по случаю отсутствія настоящаго

судьи. Умеръ онъ въ 1595 году и былъ погребенъ въ Вежбцѣ рядомъ съ Курбскимъ.

Петра Вороновецкаго убилъ Иванъ Посникъ-Туровицкій. Оба они были дворянами Курбскаго и убійца не избѣгнулъ кары. Однажды онъ вмѣстѣ съ женою Ѳедорою былъ въ гостяхъ у своего тестя, волынскаго шляхтича Яна Перевѣсскаго, и въ то время, когда онъ въ свѣтлицѣ спокойно бесѣдовалъ съ другими гостями, вдругъ съ толпою вооруженныхъ людей появился шляхтичъ Зенько Човгаръ Тупальскій и, какъ бѣшеный, бросился на Посника, который упалъ отъ сдѣланнаго въ него выстрѣла. Напрасно Ѳедора обороняла своего мужа: пуля пробила ему грудь на вылетъ, ему отрубили ноги, а голова у него была пробита въ двухъ мѣстахъ. Въ такомъ видѣ 12-го мая 1585 года нашелъ возный тѣло Посника.

Андрея Барановскаго, который жилъ въ Боркахъ, на самой сѣверной границѣ ковельскаго старо̀ства, подвластные ему крестьяне заперли въ клѣть и тамъ сожгли съ женою, дѣтьми и челядью, за что и были, по приговору суда, казнены смертью.

Прочіе московскіе выходцы окончили жизнь также неестественною смертью—одни изъ нихъ прекратили ее самоубійствомъ, а другіе умерли искалѣченными. О нѣкоторыхъ же изъ нихъ не имѣется никакихъ свѣдѣній.

Такимъ образомъ, съ 1564 и по 1588 годъ, слѣдовательно въ теченіе двадцати лѣтъ, Курбскіе владѣли ковельскимъ старо̀ствомъ. Это совершенно новый фактъ для мѣстной исторіи.

Интересны свѣдѣнія, сообщаемыя Несѣцкимъ о гербѣ Курбскаго. Въ гербѣ этомъ былъ изображенъ левъ, стоящій на заднихъ лапахъ съ поднятыми вверхъ передними лапами и обращенный головою и всѣмъ тѣломъ въ лѣвую сторону. Кояловичъ говоритъ, что Курбскіе были однородцами съ Огинскими и Пузинами [1]).

---

[1]) Въ томъ смыслѣ, что обѣ польскія фамиліи—Огинскіе и Пузины — происходятъ отъ Рюрика, замѣчаніе Кояловича вѣрно, но тѣмъ не менѣе, Курбскіе представляли собою отдѣльную самостоятельную отрасль Рюриковичей. Ред.

РАСКОПКИ НА ОСТРОВѢ КИПРѢ.

АМЕРИКАНСКОМУ консулу на островѣ Кипрѣ — Людвигу Пальмѣ, родомъ изъ Чеснолы (Cesnola), удалось собрать замѣчательную коллекцію предметовъ античнаго искусства и быта, найденныхъ имъ путемъ раскопокъ на Кипрѣ. Благодаря его неутомимой энергіи и трудолюбію, эти сокровища не остались погребенными для историко-археологической науки. Заслуги Чеснолы въ этой области оцѣнены глубокими знатоками. По словамъ Георга Эберса, „приведеніемъ въ извѣстность древностей Кипра наука обязана главнымъ образомъ Чеснолѣ. Что̀ сдѣлано Лэйардомъ для Вавилона и Ниневіи, Маріеттомъ для Египта, Шлиманомъ для Иліона и Микенъ, то Чеснола сдѣлалъ для Кипра. Въ дѣлѣ раскопокъ, его имени принадлежитъ почетное мѣсто“.

Вотъ нѣсколько біографическихъ свѣдѣній объ этомъ дѣятелѣ на поприщѣ исторической науки.

Людвигъ Пальма еще въ молодыхъ лѣтахъ переселился изъ своей родной деревеньки, Чеснолы, въ Соединенные Штаты. Онъ скоро успѣлъ достигнуть виднаго положенія. Во время войны за освобожденіе невольниковъ, онъ служилъ въ американскихъ войскахъ и получилъ чинъ генерала. Назначенный въ 1866 году, при Линкольнѣ, американскимъ консуломъ на островъ Кипръ — постъ незначитетьный, такъ какъ американцы имѣютъ очень мало дѣлъ на Кипрѣ — въ тиши и уединеніи, съ любимой и побуждавшей его къ дѣятельности женой, онъ долго не находилъ работы для своего предпріимчиваго ума, пока, наконецъ, не пристрастился къ изученію древностей. Десять лѣтъ сряду занимался онъ изслѣдованіями и роскопками. Первую, большую часть своихъ находокъ, онъ продалъ антикварному музею въ Нью-Іоркѣ, другая часть потонула во время пожара на австрійскомъ кораблѣ, третья пріобрѣтена раз-

личными музеями; лучшими золотыми вещами, насколько извѣстно, до сихъ поръ владѣетъ самъ Чеснола.

До какой степени онъ былъ самоучкой, видно изъ того, что во время десятилѣтняго пребыванія на Кипрѣ, онъ не зналъ ни одного изъ важнѣйшихъ сочиненій о древностяхъ острова и его природѣ, то есть, ни о книгѣ Энгеля, ни о книгахъ Унгера и Котчи. Такъ какъ добытыя имъ сокровища возбуждали громадный интересъ и еще больше зависти въ средѣ ученыхъ, то и не замедлили возникнуть подозрѣнія на счетъ того, что его раскопки велись наугадъ, безъ всякой системы и предосторожностей, безъ основательнаго изученія и снятія мѣстности, которыя дали бы какую нибудь точку отправленія для дальнѣйшихъ ученыхъ изысканій. На эти толки Чеснола отвѣчалъ книгой, въ которой многочисленные рисунки давали понятіе о лучшихъ образцахъ вырытыхъ имъ древностей; въ книгѣ заключалось подробное описаніе всѣхъ его разысканій и раскопокъ, такъ что она могла послужить основаніемъ для позднѣйшихъ изслѣдователей. Кромѣ того, въ книгѣ заключалось нѣсколько интересныхъ и поучительныхъ свѣдѣній о нынѣшнемъ состояніи острова Кипра, въ особенности въ эпоху турецкаго владычества. Далѣе помѣщено извѣстіе о городахъ, гробницахъ и храмахъ древняго Кипра, затѣмъ обстоятельная замѣтка о финикійскихъ, кипрскихъ и греческихъ надписяхъ; наконецъ, трактаты К. В. Кинга объ открытыхъ въ Куріумѣ перстняхъ и геммахъ, и А. С. Муррея о кипрскихъ глиняныхъ сосудахъ.

Людвигъ Штернъ издалъ недавно переводъ этой книги, дополнивъ его многими примѣчаніями. Другое преимущество нѣмецкаго изданія состоитъ въ томъ, что рисунки помѣщены не въ самомъ текстѣ, а на особомъ мѣстѣ, причемъ при каждомъ изъ нихъ имѣются пояснения. Работа Людвига Штерна, обличающая въ авторѣ основательное знакомство съ богатой литературой предмета, пересмотрѣна Георгомъ Эберсомъ и снабжена имъ дополненіями [1]).

Кипръ, по величинѣ не превосходящій Виртембергскаго королевства, напоминаетъ Индію въ миніатюрѣ, по своему плодородію и обилію на немъ строеваго лѣса, металловъ, хлѣба и топлива всякаго рода. По своему положенію, природѣ и народонаселенію, онъ принад-

[1]) Вотъ заглавіе нѣмецкаго изданія: „Cypern, seine alte Städte, Gräber und Tempel. Bericht über zehnjährige Forschungen und Ausgrabungen auf der Insel von Louis Palma di Cesnola. Tutorisirte deutsche Bearbeitung von Ludwig Stern. Mit einletiendem Vorwort von Georg Ebers. Mit mehr als fünfhunder in den Text und anf sechsundeunzig Tafeln gedruckten Holzschnittillustrationen, zwölf lithographirten Schrifttafeln und zwei Karten. Zwei Bände. Iena, Hermann Costenoble. 1879". (Кипръ, его древніе города, гробницы и храмы. Письма о десятилѣтнихъ изысканіяхъ и раскопкахъ на островѣ, Людвига Пальма ди-Чеснола. Одобренная авторомъ нѣмецкая обработка Людвига Штерна. Съ предисловіемъ Георга Эберса. Съ приложеніемъ болѣе шестисотъ рѣзанныхъ на деревѣ рисунковъ, размѣщенныхъ въ текстѣ и на девяносто шести таблицахъ, двѣнадцати литографій и двухъ картъ. Два тома. Іена, Германъ Костенобль. 1879).

лежитъ тремъ частямъ свѣта; онъ привлекалъ потокъ колонистовъ и владѣтелей, являвшихся попеременно то съ сирійскихъ, то съ египетскихъ, то съ греческихъ, то съ итальянскихъ береговъ. Только въ теченіи самаго незначительнаго счастливаго промежутка времени, Кипръ пользовался самостоятельностью, а затѣмъ шесть разъ подпадалъ подъ владычество восточныхъ народовъ и четыре раза управлялся европейцами. Нѣтъ на всемъ земномъ шарѣ другаго пункта, гдѣ бы въ такой степени сталкивались, сближались и смѣшивались духъ, нравы и искусство семитовъ, хамитовъ и арійцевъ.

Въ глубокой древности Кипръ, по всей вѣроятности, былъ населенъ арамейскимъ племенемъ. Противъ него лежитъ густонаселенный финикійскій берегъ съ знаменитыми во всемірной торговлѣ городами Тиромъ и Сидономъ. Такимъ образомъ, финикійцы, какъ думалъ и Страбонъ, „первые внесли на Кипръ культуру, воздѣлали поля и занялись разработкой металловъ“. Когда, послѣ паденія Трои, мелкіе морскіе владѣтели Греціи со своими дружинами разбрелись по всѣмъ направленіямъ и основали всюду свои колоніи, Кипръ въ то время тоже подпалъ подъ власть грековъ. Тогда-то именно и началась эпоха процвѣтанія острова; тутъ греки и финикіяне мирно обмѣнивались лучшими плодами своей образованности. Затѣмъ послѣдовали захваты богатаго острова то египетскими, то персидскими царями, во власть которыхъ онъ переходилъ поочередно. Персы внесли сюда ассирійскую культуру, а египтяне—свою, съ береговъ Нила. Когда возникла борьба грековъ съ восточными народами, она нерѣдко переносилась на равнины и на берега Кипра. Послѣ того, Кипръ вошелъ въ составъ владѣній Птоломеевъ, которые изъ чисто политическихъ видовъ, чтобы не дать сирійскимъ царямъ вырвать изъ своихъ рукъ важный островъ, старались его культивировать. Кипрскій культъ Адониса былъ перенесенъ въ Александрію и отправлялся тамъ съ величайшею пышностью. Въ то время, когда римляне овладѣли Кипромъ и вынесли послѣ перваго же похода на островъ такое количество звонкой монеты, какого до тѣхъ поръ и не видывали въ Римѣ, въ то время „изобилующій всякими драгоцѣнностями островъ“ переживалъ вторую эпоху своего процвѣтанія. Разнообразный и неисчерпаемый вывозъ съ острова достигъ своего полнаго развитія. Амміанъ Марцеллинъ говорилъ: „На кипрскихъ верфяхъ можно судно и построить, и снабдить всѣмъ, что только требуется при устройствѣ его, находя все необходимое тутъ же на самомъ островѣ“. Греко-римскія искусство и образованность пустили корни на всемъ протяженіи острова.

Въ такомъ порядкѣ слѣдовали въ исторіи Кипра одна культурная эпоха за другой. Эти эпохи и въ самой почвѣ острова оставили каждая свой слѣдъ и рѣзко обозначены въ ней особыми пластами. Заслуга Чеснолы прежде всего состоитъ въ томъ, что онъ изслѣдовалъ и изучалъ до тѣхъ поръ, пока не достигъ умѣнья почти безошибочно опредѣлять любое мѣсто на почвѣ Кипра, гдѣ глубоко, подъ слоями щебня

и камня, оказывались сокрытыми памятники искусства. Но чтобы достигнуть до нихъ, нужно было пробуравить переслоившіеся между собою самые разнообразные культурные пласты. Затѣмъ нужно было со всевозможными предосторожностями проложить шахту, а это требуетъ и кропотливаго труда, и стоитъ не дешево.

Лучше всего вознаграждался трудъ отъ гротовъ, которые въ теченіи тысячелѣтій служили мѣстомъ погребенія мертвыхъ и постепенно заполнялись землей. Снявши землю, находили здѣсь гробницы съ предметами домашней утвари, а въ иныхъ мѣстами и скелетами.

Такими средствами Чеснола добылъ безчисленное множество памятниковъ древняго искусства и промышленности, которые свидѣтельствовали: 1) что въ древности на Кипрѣ процвѣтали финикійское, ассирійское и египетское искусства; 2) что рядомъ съ ними существовали искусства: первобытное древне-греческое, греческое періода процвѣтанія и римско-греческое, и 3) что изъ смѣшенія этихъ отдѣльныхъ типовъ возникло самостоятельное кипрское искусство, достигшее развитія еще въ древнѣйшія времена и продолжавшее существовать до конца римскаго владычества.

Несомнѣнно, что Чеснола въ сущности—искатель кладовъ; онъ разыскиваетъ античныя серебряныя и золотыя вещи и предметы искусства, имѣющіе высокую цѣнность. Но несомнѣнно и то, что его одушевляетъ въ этихъ розыскахъ благородное побужденіе доставить наукѣ невѣдомыя ей сокровища, проливающія свѣтъ на самую глубокую древность искусства и образованности.

Чеснола, какъ и прочіе консулы, живетъ въ Марина Ларнака. На близь-лежащихъ холмахъ находятся статуи изъ терракотты, имѣющія какое-то странно ⁹ сходство со статуями Мадонны. (См. рис. 1, 2, 3).

Рис. 1, 2 и 3.

Эти изображенія были, несомнѣнно, греческаго происхожденія и относятся къ тому времени, когда финикійская Астарта, эта всеразрушающая богиня темныхъ силъ природы, превращалась подъ облагораживающимъ рѣзцомъ греческихъ художниковъ въ свѣтлую и непорочную прекрасную матерь Афродиту. (См. рис. 4, 5, 6, 7).

Рис. 4, 5, 6 и 7.

Подобныя находки побудили Чеснолу проникнуть въ полуоткрытыя могилы, которыхъ много встрѣчается около Ларнака. Окружный начальникъ, каймакамъ, запретилъ ему производить работы, потому что у него не было на это фирмана отъ Высокой Порты. Тогда Чеснола, чтобы досадить каймакаму, принялъ въ число своихъ кавасовъ (вооруженная консульская стража) одного турка, котораго каймакамъ за что-то преслѣдовалъ. Когда же каймакамъ вслѣдъ за тѣмъ арестовалъ этого турка, какъ дизертира, и посадилъ его въ тюрьму, Чеснола сумѣлъ такъ искусно накричать объ этомъ въ Константинополѣ и такъ кстати и своевременно вытребовать къ берегамъ Кипра два американскихъ военныхъ судна, что турки не замедлили дать ему полное удовлетвореніе и оставили его въ покоѣ съ его раскопками.

Лѣтомъ приходилось выѣзжать изъ душной Ларнаки, и семья Чеснолы находила пріютъ въ палаткѣ изъ ковровъ, раскинутой въ тѣни могучихъ платановъ. Случилось, что онъ расположился съ своимъ шатромъ около Дали, на мѣстѣ древняго Идаліона, гдѣ находился знаменитый храмъ Венеры. Здѣсь разстилалось обширное кладбище. Чеснола немедленно принялся за работу, осмотрѣлъ въ теченіи трехъ лѣтъ до десяти тысячъ могилъ и добылъ оттуда безчисленное множество вазъ, утвари и предметовъ искусства. Внутри этихъ, похожихъ на хлѣбопекарную печь, гробницъ, нижняя часть которыхъ сдѣлана изъ кирпича, а стѣны изъ глины, смѣшанной съ соломой, находится обыкновенно по три скелета въ каждой.

Въ одной изъ такихъ гробницъ было найдено старое, но хорошо сохранившееся мѣдное блюдо, украшенія котораго ясно показываютъ, до какихъ предѣловъ достигло на Кипрѣ смѣшеніе ассирійскаго и египетскаго элементовъ искусства. Здѣсь приносились богинѣ жертвы, сопровождаемыя музыкой и танцами. На лицахъ фигуръ рѣзко запечатлѣнъ семитическій типъ, а цвѣты лотоса напоминаютъ Египетъ. (См. рис. 8).

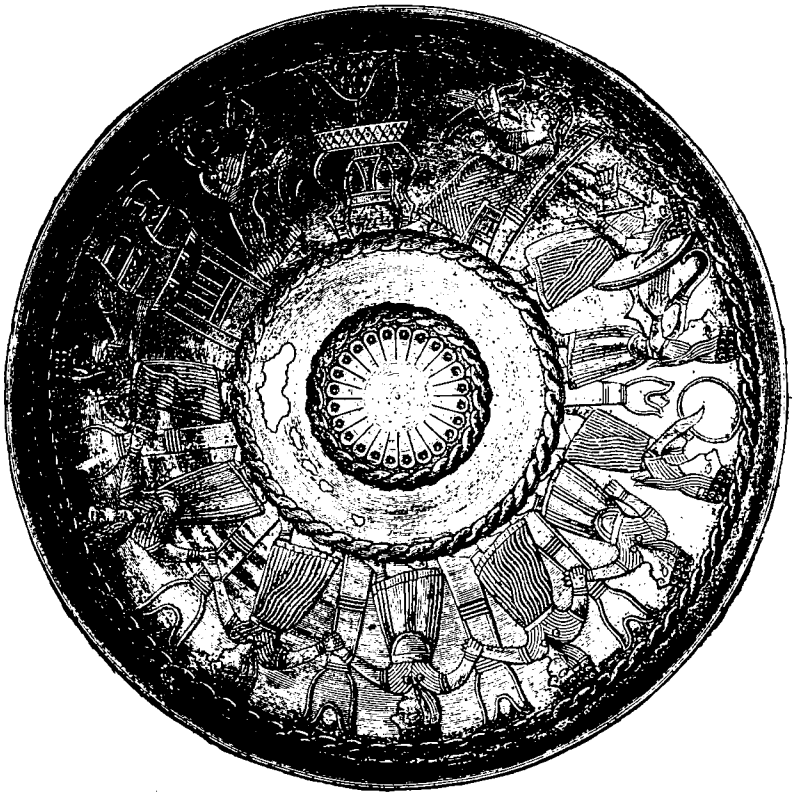

Рис. 8.

Вначалѣ гробницы оказывались постоянно на глубинѣ отъ пяти до восьми футовъ; но вдругъ напали на другія могилы, лежащія всего на три съ половиной фута въ землѣ; эти могилы содержали въ себѣ уже не финикійскія и не древне-кипрскія вещи, а греко-римскія, въ томъ числѣ различныя золотыя украшенія. Такимъ образомъ, случилось, что позднѣйшее поколѣніе, не имѣвшее привычки по своему легкомыслію зарывать своихъ покойниковъ на достаточную глубину, клало ихъ какъ разъ надъ прахомъ предъидущаго поколѣнія. За часъ ходьбы отъ Дали найдены были восемьдесятъ двѣ самыя древнія могилы, содержащія въ себѣ копья, топоры, ножи, какъ и въ другихъ случаяхъ, мѣдные, и множество мелкихъ статуетокъ,

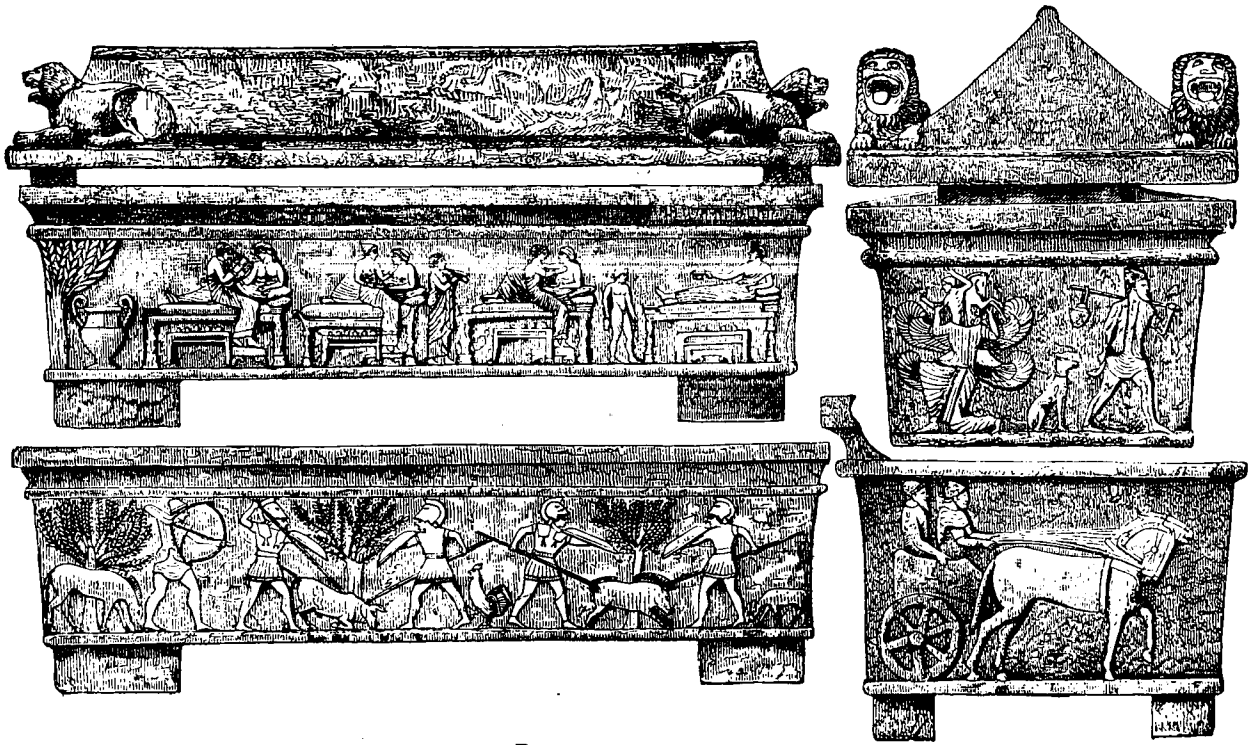

Рис. 9. 10, 11 и 12.

представлявшихъ собою самыя древнія и грубыя изображенія Астарты или кипрской Венеры.

Успѣхи Чеснолы заставили грековъ, турокъ и французовъ энергически заняться раскопками. Французскій консулъ не имѣлъ, впрочемъ, особенной удачи; тѣмъ важнѣе показалась находка директора англійскаго банка Ланга, который открылъ развалины древняго храма и на нихъ надпись, передававшую одни и тѣ же слова старо-кипрскими и греческими буквами. Теперь удалось, наконецъ, расшифровать такъ называемое эпихорійско-кипрское письмо, долго остававшееся непонятнымъ; оно оказалось памятникомъ первобытнаго греческаго нарѣчія, занесеннаго на Кипръ, вѣроятно, аркадскими выходцами.

Другое мѣсто находокъ составляли окрестности Аѳьену—городка, основаннаго, какъ полагаютъ, венеціанцами и промышляющаго въ настоящее время поставкою муловъ для торговли и для путешественниковъ. Особенно важнымъ оказывается найденный здѣсь саркофагъ, на боковыхъ стѣнахъ котораго изображены сцены охоты и пиршествъ, двуконный экипажъ и обезглавленіе Медузы Персеемъ, который уходитъ съ отрубленной головой, въ то время какъ у обезглавленной Медузы вырастаютъ въ мѣсто головы разныя другія фигуры. (См. рис. 9, 10, 11, 12).

Еще любопытнѣе статуи жрецовъ и богинь, съ которыхъ здѣсь прилагаются три снимка.

Первая фигура представляетъ собою, по всей вѣроятности, Венеру.

Богиня эта, по природѣ своей и тираническая, и льстящая чувствамъ въ одно и то же время, должна была соединять въ себѣ оба пола. Грудь и весь станъ закутаны, какъ у жреца; въ рукахъ богини держитъ своего священнаго голубя и раковину съ его кормомъ,—символъ умно придуманный. (См. рис. 13).

Другая статуя изображаетъ египетскаго Геркулеса съ палицей и львиной шкурой. (См. рис. 14).

Третья статуя—жрица Венеры, съ символомъ своего служенія въ одной рукѣ и орудіями жертвоприношенія въ другой. Символомъ служитъ щепотка соли, которую несли въ рукахъ всѣ входившіе въ храмы Венеры, или посвященныя ей рощи. (См. рис. 15).

Въ Амафусѣ, Чеснола открылъ на глубинѣ 40—55 футовъ прекрасно-построенныя гробницы. Онъ и тутъ не преминулъ пустить въ ходъ буровую скважину для изслѣдованій и затѣмъ шахту для выемки находокъ, и извлекъ на свѣтъ божій много золотыхъ, серебряныхъ и бронзовыхъ вещей, кружекъ, вазъ и великолѣпный мраморный саркофагъ.

Всего счастливѣе былъ американскій генералъ въ томъ мѣстѣ, гдѣ въ древности стоялъ греческій городъ Куріонъ. Здѣсь онъ открылъ мозаичный помостъ, подъ которымъ на семь футовъ глубже,

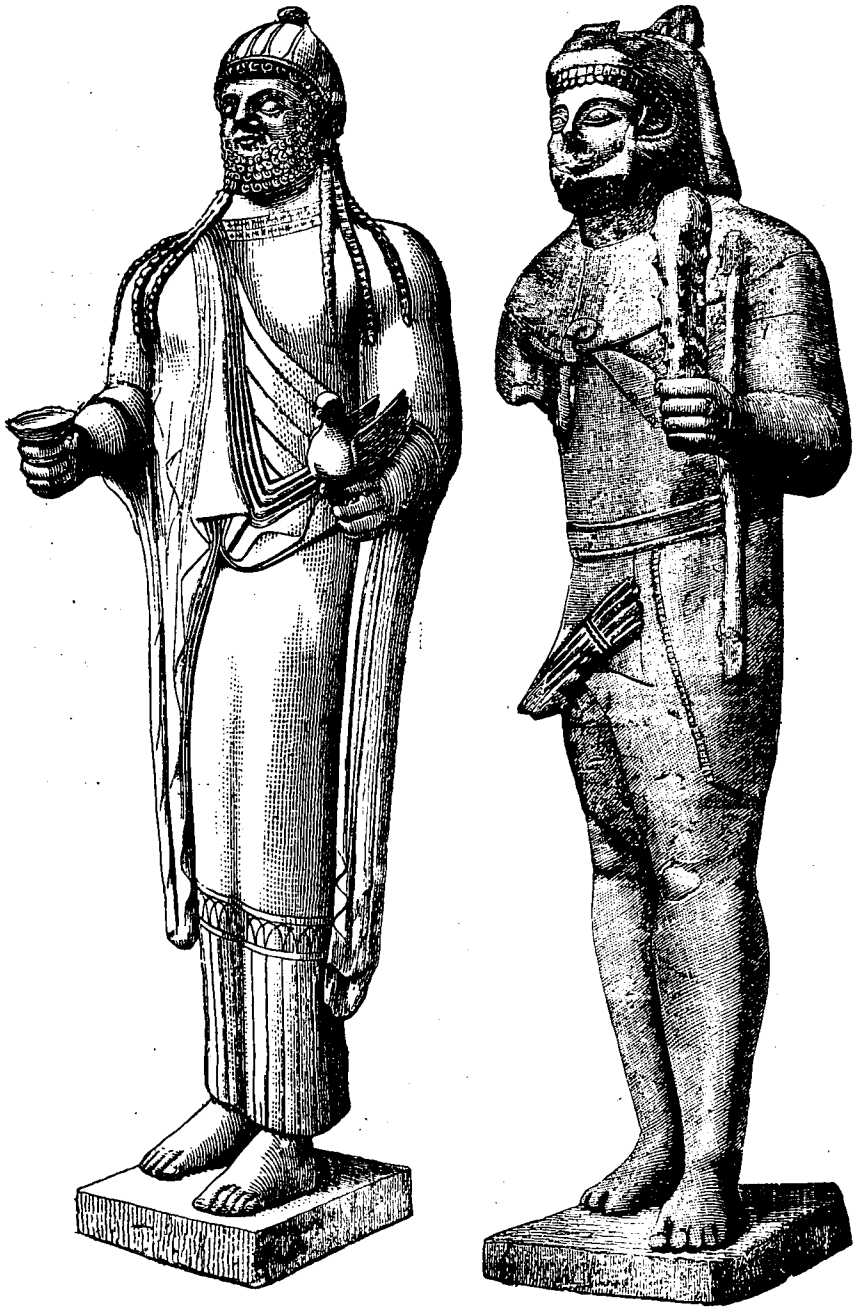

Рис. 13 и 14.

еще до него рылся какой-то искатель кладовъ. Чеснолѣ показалось, что въ одномъ мѣстѣ подъ помостомъ раздается звукъ, какъ отъ пустоты: онъ приказалъ прорыть еще на 27 футовъ въ глубину и дошелъ до пробитаго въ скалѣ хода, въ концѣ котораго каменная плита закрывала входъ въ сводъ, сдѣланный въ видѣ печнаго. Когда выкопали до трехъ тысячъ корзинъ земли, обнаружилась комната, въ которой найдены золотыя вещи; за этой комнатой другая, третья, четвертая комнаты. Оказалось, что напали на сокровищницу древняго храма! Всѣ комнаты были наполнены обвалившейся землей и въ ней находили цѣлыми массами золотыя и серебряныя вещи: діадемы, шейныя украшенія, серьги, кольца, амулеты, украшенныя горнымъ хрусталемъ или драгоцѣнными камнями, цѣнныя маленькія вазы и блюда, великолѣпныя геммы и множество другихъ подобнаго рода предметовъ. Одна пара браслетъ вѣсила около фунта и цѣна ея еще увеличивалась находившейся на ней надписью. Какъ роскошно убиралась въ древности женская красота, можно видѣть изъ прилагаемыхъ снимковъ шейныхъ и ушныхъ украшеній. (См. рис. 16, 17, 18).

Рис. 15.

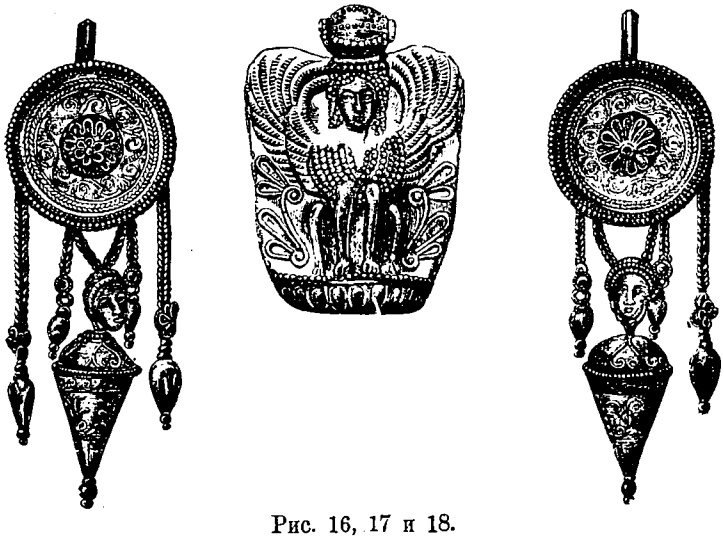

Рис. 16, 17 и 18.

Вѣроятно, этого рода украшенія были весьма распространены въ греко-римскомъ дамскомъ кругу.

Какимъ путемъ такая масса женскихъ украшеній попала въ храмы, трудно разгадать. Можетъ быть, во время нашествія непріятелей всѣ драгоцѣнности сдавались туда на сохраненіе, а можетъ быть, просто это объясняется тѣмъ, что древніе жрецы обладали умѣньемъ выманивать у добрыхъ женщинъ ихъ бездѣлушки въ видѣ жертвъ богамъ.

Турки были внѣ себя отъ злости, когда услыхали, какъ разбогатѣлъ Чеснола. Паша выхлопоталъ изъ Константинополя указъ, запрещающій американскому консулу вывозить съ острова предметы, добытые имъ при раскопкахъ. Турецкій корветъ пришелъ къ берегамъ и остановился какъ разъ у консульскаго дома. А кому же неизвѣстно, къ какимъ мѣрамъ способны прибѣгать турецкія власти? Чеснола, къ счастью, припомнилъ, что онъ исправляетъ должность русскаго консула. Разумѣется, русскій консулъ могъ вывести съ острова все то, чего нельзя было вывести консулу американскому.

Такимъ образомъ, за исключеніемъ тѣхъ вещей, которыя погибли на австрійскомъ суднѣ, при перевозкѣ въ Сирію, всѣ остальныя находки Чеснолы спасены и вывезены съ острова и, вмѣстѣ съ другими, найденными въ разныхъ мѣстахъ остатками древне-греческаго міра, будутъ способствовать наукѣ къ разсѣянію того мрака, который въ теченіи тысячелѣтій покрывалъ до-христіанскую древность, въ особенности прольютъ свѣтъ на передвиженія и смѣшенія культуры и искусства древнихъ народовъ.

УМСТВЕННЫЙ И НРАВСТВЕННЫЙ ПРОГРЕССЪ ЕВРОПЕЙСКАГО ОБЩЕСТВА ВЪ ТЕЧЕНІЕ ПОСЛѢДНИХЪ ТРИДЦАТИ ЛѢТЪ.

(1848—1878 г.).

ПРЕДЛАГАЕМАЯ читателямъ статья есть отрывокъ изъ послѣдняго сочиненія современнаго намъ итальянскаго историка Цезаря Канту—„Тридцать послѣднихъ лѣтъ“ (1848—1878 г.). Заглавіе статьѣ дано нами на основаніи содержанія отрывка. Нѣкоторыя свѣдѣнія о сочиненіи читатель найдетъ въ небольшомъ очеркѣ жизни и дѣятельности Канту, который мы предпосылаемъ нашему переводу.

Цезарь Канту—одинъ изъ плодовитѣйшихъ современныхъ итальянскихъ историковъ—родился 5-го декабря 1807 г., въ Бривіо, въ миланскомъ округѣ и получилъ гимназическое образованіе въ Миланѣ. Въ 1824 году, онъ сдѣлался преподавателемъ итальянскаго языка и литературы въ Зондріо, а въ 1832 году перешелъ въ Миланъ, гдѣ получилъ мѣсто директора архива. Еще въ молодости онъ пріобрѣлъ извѣстность какъ поэтъ и историкъ. Не останавливаясь на этихъ раннихъ литературныхъ и ученыхъ трудахъ его, я назову однако жъ сочиненіе, которое имѣло важное вліяніе на его судьбу. Это—„La Lombardia nel secolo XVI“,—комментаріи на „Обрученныхъ“ Манцони. Вотъ небольшой отрывокъ, который дастъ читателю понятіе о духѣ цѣлаго. „Когда же“, говоритъ авторъ, „софизмъ и штыки торжествовали надъ истиной, — самой неодолимой изъ всѣхъ возможныхъ

силъ? Молодые люди, дайте созрѣть плодамъ нашего вѣка; оставайтесь вѣрными нравственности, истинѣ, имѣя въ виду разстояніе между тѣмъ, что уже совершено, и что остается еще совершить. Какого прогресса нельзя ожидать, если религія и свобода, нравственность общественная и частная, право и политика, соединившись между собою и освободившись отъ всякаго рода путъ, перейдутъ изъ области отвлеченнаго знанія въ область совершившихся фактовъ! И если вы, досадуя на медленность, съ какой идетъ дѣло, будете приводить мнѣ новыя сожалѣнія, новыя обвиненія, новые упреки, дѣлаемыя цивилизаціи со стороны тѣхъ, которые закрываютъ глаза на успѣхи вѣка въ его прогрессивномъ движеніи,—я напомню вамъ то, что „обрученный“ Рензо, сдѣлавшись счастливымъ мужемъ, любилъ разсказывать,—исторію печальныхъ годовъ, когда совершенно исчезла надежда, когда все казалось потерянным, для того чтобы можно было снова бросить утѣшительный взглядъ на настоящее, и сохранить твердую вѣру въ будущее“.

Патріотическій духъ, въ которомъ написано сочиненіе, разумѣется, не понравился австрійскимъ властямъ. Президентъ спеціальной наблюдательной миланской комиссія, тиролецъ по рожденію, выразился по поводу сочиненія такъ: „Если Цезарь Канту сдѣлалъ одинъ шагъ къ славѣ, то онъ сдѣлалъ два къ галерамъ“. Разумѣется, президентъ позаботился объ исполненіи своего предсказанія. Въ концѣ концовъ, Канту долженъ былъ поплатиться за книгу тринадцатимѣсячнымъ заключеніемъ. Въ темницѣ онъ пишетъ историческій романъ,—„Margherita Pusterla“, предметъ котораго—тюремная жизнь. Но главное сочиненіе, доставившее Канту громкую извѣстность не только въ Италіи, но и за предѣлами ея, это его знаменитая „Всемірная исторія“ (35 томовъ), начавшая выходить въ 1838 и законченная въ 1847 году. Мы скажемъ ниже о научномъ значеніи этого труда, а теперь остановимся еще нѣсколько на внѣшнихъ фактахъ жизни Канту.

Когда въ Миланѣ, въ 1842 году, вспыхнула революція, Канту спасся отъ ареста поспѣшнымъ бѣгствомъ въ Туринъ, а по окончаніи революціи, возвратился снова въ Миланъ, и съ того времени отдался всецѣло научнымъ занятіямъ. Изъ приведенныхъ нами біографическихъ данныхъ не трудно замѣтить, что жизнь историка далеко не была чужда тревогъ и страданій. Особенно тяжело отозвались на немъ тринадцать мѣсяцевъ тюремнаго заключенія, о которомъ мы сейчасъ упомянули. „Надобно знать“, говоритъ его біографъ, „нервную натуру Канту, чтобы понять, что онъ долженъ былъ испытать во время продолжительныхъ допросовъ, на которыхъ имѣлъ причины бояться не только за свою свободу и свое будущее, но за самые священные интересы и личность дорогихъ ему людей“. Лучшее понятіе о выпесенныхъ имъ въ заключеніи страданіяхъ даетъ написанная имъ въ это время книга—упомянутый сейчасъ историческій романъ, къ ко-

торому онъ прибралъ слѣдующій эпиграфъ: „Читатель, ты страдалъ?“— Нѣтъ.—„Въ такомъ случаѣ эта книга написана не для тебя“. Романъ этотъ составляетъ исторію души самого автора въ теченіе тринадцати мѣсяцевъ его тюремнаго заключенія. Упомянемъ здѣсь о другомъ, неменьше, если не больше, интересномъ эпизодѣ изъ политической жизни Канту. Эпизодъ этотъ, впрочемъ, совершенно другого рода. Здѣсь мы видимъ нашего историка уже не какъ политическаго страдальца, гонимаго за убѣжденія, а какъ человѣка, который, въ силу своихъ патріотическихъ и ученыхъ заслугъ, завоевалъ себѣ право на всеобщее уваженіе и пріобрѣлъ довѣріе даже коронованныхъ лицъ. Я хочу говорить о свиданіи Канту въ 1859 году, во время итальянской войны, съ Наполеономъ III послѣ Сольферино. Вотъ какъ разсказываетъ объ этомъ свиданіи самъ Канту. „Императоръ черезъ одного изъ общихъ знакомыхъ выразилъ свое желаніе видѣть меня. Вслѣдствіе этого приглашенія, я отправился къ нему въ лагерь—въ Валеджіо. Въ разговорѣ со мною онъ показалъ, что знаетъ мою жизнь, также какъ и то, что я мало сочувствую личности Наполеона I. Онъ сказалъ мнѣ по этому случаю, что только недостатокъ времени помѣшалъ его дядѣ создать Италію. Естественно, что я сталъ увѣщевать его осуществить наполеоновскія идеи. Тогда онъ разсказалъ мнѣ подробно о томъ, что онъ уже сдѣлалъ, равно какъ и о томъ, что разсчитывалъ сдѣлать: его двоюродный братъ Іеронимъ (который только что прибылъ) долженъ былъ осадить Мантуу, король сардинскій—Пеціеру, самъ онъ долженъ былъ направиться къ Веронѣ, которая была, по его словамъ, un os bien dur à ronger; 40,000 человѣкъ должны были высадиться въ Венеціи. Въ этотъ же день императоръ приказалъ потребовать къ нему Кошута и вступилъ съ нимъ въ бесѣду по вопросу —можно ли разсчитывать на возбужденіе движенія въ Венгріи? Этотъ послѣдній, какъ обыкновенно поступаютъ въ подобныхъ случаяхъ эмигранты, началъ давать большія обѣщанія, но императоръ стоялъ насторожѣ. Легко можетъ статься, что единственною цѣлью его было вывѣдать тайны Кошута, но какъ бы то ни было, послѣднія, обращенныя къ нему слова императора были слѣдующія: „Если Австрія будетъ продолжать борьбу, я буду имѣть нужду въ вашемъ содѣйствіи; будьте готовы“. Во время разговора вошелъ Піетри, префектъ полиціи, прибывшій изъ Парижа. Онъ обмѣнялся съ императоромъ нѣсколькими словами. Изъ разговора можно было вывести заключеніе, что Франція въ то время не была совершенно спокойною, и что присутствіе императора можетъ быть будетъ необходимо. Я хотѣлъ сказать по этому поводу нѣсколько словъ, но императоръ объявилъ, что не покинетъ Италіи, прежде чѣмъ исполнитъ свою задачу.

„Затѣмъ мы говорили относительно будущности этой прекрасной страны... „Италія“, сказалъ Наполеонъ, „будетъ представлять союзъ государствъ съ римскимъ первосвященникомъ во главѣ“. Я указалъ

въ отвѣтъ на это на тѣ движенія въ противномъ смыслѣ, которыя уже начались. „Вотъ это-то мнѣ и не нравится“, возразилъ императоръ, и когда я напомнилъ ему о вѣтрахъ, освободившихся отъ цѣпей въ то время, когда Эолъ спалъ, то онъ возвысилъ голосъ и улыбаясь произнесъ: „Я скажу въ отвѣтъ на это: quos ego!“ — Вы не будете въ состояніи этого сдѣлать, возразилъ я. Извѣстно, что не дальше какъ на другой день послѣ этого разговора, Наполеонъ отказался отъ своего предпріятія, заключилъ перемиріе, оставилъ въ рукахъ Австріи Венецію и возвратился во Францію“.

Два приведенные эпизода изъ жизни Канту представляютъ намъ историка въ двѣ совершенно различныя по характеру эпохи его жизни. Въ молодости онъ терпитъ гоненіе за убѣжденія; въ зрѣлые годы ему довѣряетъ важнѣйшія политическія тайны вѣнценосецъ, располагавшій судьбами государствъ. Наполеонъ III въ изложенномъ разговорѣ не показалъ, конечно, искренности; въ словахъ его видимо звучитъ желаніе — успокоить ревнивыя подозрѣнія папскаго престола, замаскировавъ до времени свои настоящія намѣренія; но если онъ избралъ повѣреннымъ своихъ тайнъ—истинныхъ, или мнимыхъ, все равно—Канту, то это показываетъ степень того значенія въ политическихъ сферахъ, которымъ пользовался нашъ историкъ какъ въ Италіи, такъ и за предѣлами ея.

Разумѣется, что не одна ученая слава создала ему такое блестящее положеніе и такую громкую популярность. Мы видѣли, что Канту въ ранней молодости заявилъ себя на дѣлѣ, какъ истинный патріотъ, и сдѣлался страдальцемъ идеи. Нравственныя качества его, такимъ образомъ, естественно должны были поставить его въ общемъ мнѣніи такъ же высоко, какъ и его ученыя заслуги. Не будемъ говорить о другихъ, менѣе, такъ сказать, рельефныхъ событіяхъ жизни историка, чтобы имѣть возможность тѣмъ съ большею подробностью остановиться на его ученыхъ трудахъ. Я привелъ въ началѣ статьи небольшой отрывокъ изъ его комментарій на Манцони. Приведу другой изъ другого сочиненія, о которомъ также было упомянуто. Это—романъ „Маргарита Пустерла“. Молитва, вложенная авторомъ въ уста дитяти, котораго Маргарита качаетъ на колѣняхъ, сдѣлалась народною въ Италіи. Русскій читатель, конечно, раздѣлитъ въ этомъ случаѣ мнѣніе итальянца...

„Благой Іисусъ! Ты, который также былъ дитятей и началъ свои страданія съ этой поры, возрастая лѣтами и мудростью, покорный твоимъ родителямъ, пріобрѣтая каждый день бо̀льшую и бо̀льшую милость у Бога и людей,—будь хранителемъ моего дѣтства! Сдѣлай такъ, чтобы я не осквернилъ никогда одежды моей невинности, и дѣйствовалъ бы всегда сообразно съ твоею волею, для того, чтобы оставаться надеждою моихъ родителей и моихъ согражданъ.

„Благой Іисусъ! Ты, который такъ любилъ твоихъ родителей, поручаю тебѣ моихъ; благослови ихъ; дай имъ терпѣніе въ испыта-

ніяхъ, силу въ повиновеніи и утѣшеніе видѣть меня возрастающимъ согласно ихъ желаніямъ въ страхѣ твоемъ.

„Благой Іисусъ! Ты, который такъ любилъ свое отечество, не смотря на его неблагодарность, который изливался въ слезахъ, видя въ будущемъ несчастія, ему угрожавшія,—вдохни въ меня пламенную любовь къ моему отечеству; утѣшь его въ несчастіи, обрати сердца тѣхъ, которые дѣлаютъ ему зло обманомъ, или насиліемъ; умножь вѣру добродѣтельнаго человѣка и даруй, чтобы я сдѣлался нѣкогда гражданиномъ благороднымъ, уважаемымъ и преданнымъ".

А вотъ образчикъ философіи той же книги, образчикъ сужденій и взглядовъ автора:

„Зная въ совершенствѣ слабыя стороны общества, посѣщавъ салоны вельможъ, точно такъ же, какъ мастерскія рабочихъ и палатку солдата, монахъ (Буонвичино) умѣлъ найти лекарство. Другъ свободы страны, потерявъ нестолько по причинѣ торжества тирановъ, сколько по причинѣ испорченности порабощенныхъ подданныхъ, онъ не находилъ ничего лучше, какъ проповѣдывать евангеліе,—школу истинной свободы, истинный щитъ противъ тиранніи и узду противъ мятежа подданныхъ, книгу, которая содержитъ настоящее разрѣшеніе самой важной изъ соціальныхъ проблемъ, — дѣлать довольными неимущихъ и обезпечивать покой имущихъ".

Стѣсненное въ то время положеніе Милана подъ игомъ австрійскаго владычества дѣлало невозможнымъ существованіе литературнымъ трудомъ. Вдохновеніе, продиктовавшее нашему историку приведенную молитву, спасло его. По примѣру Фенелона, онъ начинаетъ писать для дѣтей и юношества. Не останавливаясь на другихъ сочиненіяхъ его въ этомъ родѣ, я назову небольшую книгу его—„Разсказы школьнаго учителя",—выдержавшую въ Миланѣ 35 изданій. Огромный, неожиданный для самого автора, успѣхъ послѣдняго сочиненія, разширилъ сферу стремленій Канту. Онъ начинаетъ писать для народа и издаетъ „Права и обязанности"—курсъ народной морали. О духѣ, въ какомъ написано послѣднее сочиненіе, можно судить по слѣдующему отрывку.

„Свобода! Это слово не значитъ: дѣлайте все, что вамъ приходитъ въ голову, но дѣлайте то, что вы должны дѣлать. Никто не имѣетъ права мѣшать намъ направлять наши способности къ той цѣли, для которой онѣ даны намъ; и человѣкъ не можетъ запрещать человѣку ничего, кромѣ дѣйствій, нарушающихъ равенство."

Среди всѣхъ этихъ второстепенныхъ работъ, Канту продолжалъ съ любовью занятіе сочиненіемъ, которое составило трудъ всей его жизни. Я разумѣю его всеобщую исторію. Какой громадный успѣхъ имѣло это сочиненіе въ Италіи и въ Европѣ, можно судить по слѣдующимъ цифрамъ. Издатель исторіи, Помба, въ предисловіи къ одинадцатому изданію ея говоритъ, что первыя десять разошлись въ

количествѣ 18,000 экземпляровъ, или 600,000 томовъ, только въ одной Италіи. Во всей же Европѣ это сочиненіе обращается въ количествѣ не меньше милліоновъ томовъ, такъ какъ оно переведено на англійскій, на нѣмецкій, на испанскій, на венгерскій и на польскій языки. Французскій переводъ его выдержалъ четыре изданія. Что касается оцѣнки научнаго достоинства труда Канту, то она должна принадлежать перу спеціалиста-историка и, конечно, никакимъ образомъ не можетъ быть заключена въ тѣсныя рамки бѣглаго очерка. Не принимая поэтому на себя труда, для котораго—сознаемся откровенно—не чувствуемъ въ себѣ достаточно силъ, мы представимъ нашему читателю общую характеристику произведенія Канту, которую даетъ намъ одинъ изъ французскихъ его критиковъ. „Историкъ", говоритъ онъ, „не излагаетъ только событія; онъ представляетъ и оцѣниваетъ самыя ученія; и такъ какъ онъ придаетъ религіознымъ вопросамъ ту важность, которая имъ, дѣйствительно, принадлежитъ, такъ какъ онъ имѣетъ твердыя начала и глубокія убѣжденія, онъ подходитъ къ этимъ вопросамъ съ уваженіемъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ и смѣлостію; онъ дѣлаетъ рѣшенія положительныя и опредѣленныя. Этотъ методъ, который, по нашему мнѣнію, составляетъ главное достоинство и оригинальность его сочиненій, естественно приводитъ его вмѣстѣ съ тѣмъ къ тому, что онъ не различаетъ оттѣнковъ и впадаетъ въ ошибки, неотдѣлимыя, впрочемъ, отъ каждаго человѣческаго труда." Вообще говоря, строгая религіозность и глубокое уваженіе къ католицизму составляетъ едва ли не самую характеристическую черту историческаго взгляда Канту. Скажу больше. Католическія увлеченія нашего историка доходятъ во многихъ случаяхъ до крайности, рѣшительно необъяснимой въ человѣкѣ съ такимъ свѣтлымъ, глубокимъ умомъ. Какъ лучшее доказательство этого, я приведу отрывокъ изъ рѣчи, говоренной Канту въ 1865 году, когда итальянское правительство задумало уничтоженіе религіозныхъ собраній и конфискацію церковныхъ имуществъ. „Мы должны", говорилъ ораторъ, „многому учиться у среднихъ вѣковъ и, быть можетъ, много у нихъ заимствовать. Какъ не желать, чтобы общество нашего времени было основано на вѣрованіяхъ, на уваженіи авторитета; чтобы безоружный первосвященникъ могъ и въ настоящее время призывать къ суду императора изъ глубины Германіи и требовать у него отчета въ нарушеніи конституціоннаго закона?" Идти дальше въ увлеченіи церковно-іерархической идеей, какъ видитъ читатель изъ послѣднихъ строкъ приведеннаго отрывка, невозможно...

Изъ другихъ сочиненій Канту, я назову его „Исторію еретиковъ въ Италіи"—трудъ оригинальный и отличающійся философскимъ безпристрастіемъ. Понятіе о церкви, какъ о хранительницѣ вѣчныхъ истинъ, проходитъ черезъ всю книгу и составляетъ основную ея идею.

Теперь я долженъ перейти къ сочиненію, изъ котораго заимствованъ настоящій отрывокъ, обнимающій нѣсколько главъ подлинника. Сочиненіе это, озаглавленное „Тридцать послѣднихъ лѣтъ“ (1848—1878 г.), представляетъ послѣднее произведеніе, вышедшее изъ подъ пера Канту. Не смотря на то, что оно явилось менѣе полутора года назадъ (въ декабрѣ 1879 года), оно достигло четвертаго изданія. Такой необыкновенный успѣхъ книги лучше нежели что нибудь свидѣтельствуетъ о ея достоинствѣ. Нѣтъ нужды говорить о томъ глубокомъ интересѣ, который она представляетъ для насъ, современниковъ изображенной историкомъ эпохи, своимъ содержаніемъ. Европа испытала громадные перевороты съ 1848 года. Паденіе старой французской монархіи и младшей линіи орлеанскаго дома, вторая республика и общее революціонное потрясеніе Европы въ 48 году, вторая имперія, восточная война и переходъ европейской гегемоніи отъ Россіи къ Франціи, объединеніе Италіи и паденіе свѣтской власти папы, уничтоженіе невольничества въ Америкѣ и крѣпостного права въ Россіи, наконецъ, разрушеніе въ потокахъ крови второй имперіи и возникновеніе въ центрѣ Европы могущественной имперіи германской—вотъ тѣ великія, міровыя событія, которыя совершились на нашихъ глазахъ, и которыхъ вліяніе такъ или иначе отзывалось на насъ самихъ. Появленіе этого сочиненія въ печати, помимо желанія историка изобразить современную намъ эпоху, обусловилось отчасти внѣшними обстоятельствами, какъ это объясняетъ авторъ въ предисловіи. Послѣ выхода въ свѣтъ и перевода на разные иностранные языки его „всеобщей исторіи“, нашлись непрошенные услужливые издатели и переводчики, которые, принявшись за продолженіе „исторіи“, позволяли себѣ видоизмѣнять сужденія автора по вопросамъ политики, эстетики, права и т. д. Такое черезчуръ неделикатное посягательство на нравственныя права человѣка и писателя вынудило Канту, не смотря на его глубокую старость, приняться снова за перо и завершить свою всеобщую исторію изображеніемъ событій послѣднихъ тридцати лѣтъ.

Въ предисловіи же, авторъ приводитъ обвиненія, которыя взводила на него критика и отвѣчаетъ на нихъ. „Критика благосклонная ко мнѣ“, говоритъ онъ, „отзывалась съ похвалою о моемъ умѣньи признавать заслуги даже въ моихъ противникахъ. Критика нерасположенная упрекала меня въ томъ, что я сужу о великихъ личностяхъ съ такимъ высокомѣріемъ, какъ будто бы я включалъ и себя въ число ихъ“. „Но я имѣю“, продолжаетъ онъ, „голову и сердце, и имѣю право судить на основаніи чувствъ моего сердца и выводовъ разсудка дѣйствія людей правой, такъ-же какъ и лѣвой стороны, монархистовъ, такъ же какъ республиканцевъ, соціалистовъ, такъ же какъ клерикаловъ.“

Этими немногими замѣчаніями мы оканчиваемъ нашъ бѣглый очеркъ жизни и сочиненій Канту. Читатель ближе уяснитъ себѣ воззрѣнія итальянскаго историка, прочитавъ предлагаемую нами его

статью объ умственномъ и нравственномъ прогрессѣ Европы за послѣднія тридцать лѣтъ.

Первая половина этого вѣка, безъ сомнѣнія, представляетъ одну изъ самыхъ замѣчательныхъ эпохъ по своему умственному движенію. Естественныя науки получили громадное развитіе; науки соціальныя всецѣло обновились; нѣкоторыя, повидимому второстепенныя и придаточныя, обратили на себя вниманіе и разработаны какъ самостоятельныя отрасли знанія. Всѣ вообще стремятся къ отысканію первыхъ началъ.

I.

Физика и астрономія.

Движеніе физики и астрономіи шло вдаль и разширялось, обогащая насъ массою новыхъ фактовъ и удивительныхъ открытій. Пространство увеличивалось по мѣрѣ того, какъ изслѣдовали все далѣе и далѣе небесную твердь. Съ помощью шестифутоваго телескопа Росса разложили двойныя звѣзды и даже туманный Оріонъ; съ помощью спектроскопа, физическій составъ солнца и другихъ небесныхъ свѣтилъ былъ подвергнутъ анализу Бунзеномъ, Кирхгофомъ, Секши (Secchi), которые изучили составъ 3000 звѣздъ, и подтвердили теорію единства космической матеріи: найдены новые металлы — цезій, рубидій, таллій, индій; открыли другихъ спутниковъ Урана, Марса, Сатурна съ новымъ кольцомъ и большую планету Нептунъ (1846 г.), не говоря уже о планетахъ за орбитой Меркурія (intramercurielles) и астероидахъ, серія которыхъ постоянно увеличивается; опредѣлили и подвели подъ извѣстные законы кометы и волосяныя звѣзды (Шіапарелли, Бабине, Литровъ); создали новую науку — физическую астрономію (Донати, Цёллнеръ, Гюйггенсъ, Янсенъ, Рейе, Таршини); Ле-Верье представилъ полный и окончательный сводъ астрономическихъ вычисленій, таблицы видимаго движенія солнца, теорію внутреннихъ и внѣшнихъ планетъ, и когда онъ дописалъ послѣднюю страницу своего сочиненія, то, сказавъ, подобно евангельскому старцу Симеону: „нынѣ отпущаеши раба твоего, владыко“ — nunc dimittis servum tuum, Domine, — умеръ. Въ настоящее время считаютъ 20,374,304 видимыхъ звѣздъ; есть между ними такія, свѣтъ отъ которыхъ доходитъ до насъ въ 24,192 года.

Затмѣніе 1860 года, которое было видимо въ Испаніи, было первое, въ которомъ солнечная физика изучала затмѣнія; за нимъ послѣдовали затмѣнія 1868 г. въ Индіяхъ, и другія въ 1870 и 1871 г. Прохожденіе Венеры черезъ дискъ солнца въ декабрѣ 1874 года помогло опредѣлить паралаксы и форму планетъ и земли. Фотографія, одно изъ самыхъ удивительныхъ изобрѣтеній нашего вѣка, хотя

находится въ общемъ употребленіи, не ограничивается, однако, тѣмъ, чтобы служить нашимъ привязанностямъ и помогать искусству рисованія; она имѣетъ примѣненіе въ искусствахъ и наукахъ; ею пользуются для того, чтобы переводить на бумагу внезапныя явленія неба, точно такъ же, какъ высоту и форму морскихъ волнъ.

Метеорологія стремится если не привести въ опредѣленную систему, то, по крайней мѣрѣ, предвидѣть атмосферическія перемѣны и даже установить законы для бурь (Мори, Дове, Паддингтонъ), которыя иногда обусловливаются солнечными измѣненіями (perturbations solaires). Анализъ не останавливается болѣе на трехъ измѣреніяхъ; для него самое высшее знаніе есть наука количествъ времени, пространства и силы. Ариѳметика, благодаря графическимъ методамъ, представляетъ трудныя числовыя проблемы и находитъ примѣненіе даже въ соціальныхъ явленіяхъ (ариѳметика политическая, ариѳмографія). Физика и химія согласились между собою относительно лучшей находки нашего вѣка—единства и обмѣна силъ (conversion). По этой теоріи, всякое явленіе міра матеріальнаго состоитъ въ движеніи; существуютъ только сообщенія и превращенія движенія, которыя мы обозначаемъ названіями свѣта, теплоты, электричества, магнетизма.

Это предполагаетъ дѣйствительное существованіе частицъ, которыя перемѣняютъ свое взаимное положеніе; для того чтобы ихъ познать, наблюденіе нуждается въ принятой уже напередъ идеѣ бытія. Но какое безконечное подраздѣленіе работъ необходимо для того, чтобы изучить неизмѣримое пространство небесной тверди и народную пѣсню или дѣтскія сказки, гіероглифы и колебанія земной оси, линіи солнечнаго спектра Фрауенгофера, и полиповъ (foraminiferes). Для каждаго изъ этихъ родовъ занятій мы имѣемъ помощь инструментовъ, изъ которыхъ одинъ совершеннѣе другого: хронографъ, клепсисометръ, эклинометры, счетный винтъ, метеорографъ, сифонографъ, барометръ-анероидъ.

II.

Изобрѣтенія.

Мы никогда не кончили бы, если бы задались задачею перечислить изобрѣтенія новаго времени и ихъ приложенія. Бреустеръ (Brewster, 1781 — 1858 г.) открылъ поляризацію свѣта; Фарэдей (Faraday), котораго называютъ le grand electricien — электрическій свѣтъ; Реньо (Regnault) — специфическую теплоту и ея механическій эквивалентъ; другія явленія были открыты Беккерелемъ, Пейеномъ, Авогадро, Поггендорфомъ, Румкорфомъ. Жераръ создалъ теорію типовъ, которой Вюрцъ противупоставилъ понятіе объ атомности (atomitiсé); химія пріобрѣла озонъ, феноловую или карболовую кислоту, сантонинъ, стеаринъ, нитроглицеринъ, гремучій хлопокъ,

алюминій, динамитъ; она проникла въ тайну частичныхъ сочетаній, надѣясь достичь открытія сущности той силы, которой повинуются простыя тѣла. Перренсъ открылъ средство дистиллировать морскую воду; Либихъ открылъ—хлоралъ, хлѣбъ и бульйонъ, приготовляемые экономическимъ образомъ. Изъ смолы извлекли нѣжныя эссенціи и блестящіе цвѣта индиго.

Электричество получило неслыханныя доселѣ примѣненія. Въ числѣ другихъ вещей, нужно отмѣтить телеграфы Казелли и д'Арленкуръ, дающіе около шестидесяти словъ въ секунду; приборы Коупера (Cowper), которые печатаютъ и воспроизводятъ рисунки на разстояніи 600—800 километровъ. Его примѣнили также къ агрикультурѣ и зоотоміи; имъ пробовали пользоваться для движенія кораблей и вообще употреблять его какъ силу; въ настоящее время его стараются подраздѣлять такъ, что оно приноситъ въ каждый домъ свѣтъ, теплоту и силу.

Сплошныя горнила Гоффмана и Сименса и барометръ этого послѣдняго начинаются съ нашего времени, такъ же, какъ гидравлическій цементъ, стекло радужное и стекло закаленное. Употребленіе желѣза получило широкое развитіе; его употребляютъ для того, чтобы строить дворцы, очень обширные своды, мосты; чтобы утвердить быки этихъ мостовъ, употребляютъ съ пользою сжатый воздухъ, который сдѣлался также источникомъ движенія. Бесемеръ нашелъ возможность при помощи воздушнаго тока собирать углеродъ при плавкѣ и потомъ возвращать его стали. Въ высокихъ горнахъ утилизируютъ горячій воздухъ, и тамъ, гдѣ нѣкогда получали отъ 3-хъ до 5,000 килограммовъ желѣза въ день, въ настоящее время получаютъ 50,000. Предполагаютъ примѣнить паръ для того, чтобы согрѣвать цѣлые города (Голли).

Кёнигъ изобрѣлъ стетоскопъ, Эдисонъ — телефонъ, электрическое перо и много другихъ приборовъ въ этомъ родѣ; Ленуаръ открылъ двигателя въ газѣ; Костъ упростилъ рыбоводство. Къ кораблямъ примѣнили архимедовъ винтъ и стальныя кирасы; оптика пріобрѣла стереоскопъ и телестеороскопъ; фонографъ, телефонъ Белля и Гроуера, микрофонъ Гюгеса и сонометръ пришли на помощь голосу; тысячи очень полезныхъ изобрѣтеній служатъ пользѣ людей. Эриксонъ (1805—1869 г.) сдѣлалъ открытія менѣе убійственныя, нежели его страшные мониторы. Въ то время, какъ искусная вязальщица чулокъ производитъ 80 стежекъ въ минуту, круглый ткацкій станокъ выводитъ ихъ 480,000; въ то время, когда швея дѣлаетъ ихъ отъ 25 до 30—швейная машина Гоуэ (Howe—1846) производитъ 800. Такимъ образомъ, свободныя силы природы облегчаютъ тяжелый трудъ человѣка. Чтобы достичь ручной работой того результата, котораго достигаетъ Англія съ помощью своихъ станковъ, вертящихъ заразъ тысячи веретенъ, потребовалось бы 91,000,000 человѣкъ. Еще въ недавнее время типографія, казалось, дѣлала много, печатая 6,000 листовъ въ

часъ, теперь она даетъ въ часъ 150,000 листовъ журнала. Для земледѣлія утилизируютъ фосфорно-кислыя соли, птичій пометъ (guano), копролиты, хлористые металлы. Чудныя приложенія сдѣланы въ кораблестроеніи, въ искусствѣ печатанія, въ земледѣліи, въ устройствѣ тюремъ, потому что другая черта нашего времени есть стремленіе распространять знанія и открытія, которыя переходятъ въ наше время чрезвычайно быстро изъ кабинета ученаго въ мастерскую ремесленника. Такимъ образомъ, промышленность, переставая быть эмпирическою для того, чтобы сдѣлаться раціональною, служитъ повѣркою годности теорій.

Медицинская діагностика достигла изумительной точности; самыя трудныя хирургическія операціи исполняются въ настоящее время съ полнымъ успѣхомъ (Гюнтеръ 1866 г., Пармантъ, Нелатонъ, Вирховъ, Пуччинотти). Въ физіологическихъ изслѣдованіяхъ узнали съ помощью микроскопа внутреннее строеніе клѣточекъ, живыя ячейки, элементарныя начала мозговой организаціи, наконецъ, сложность всего черезъ присутствіе во всемъ частицъ. Въ микроскопическихъ организмахъ (les microbes) искали причинъ заразительныхъ болѣзней. Бенжаменъ Ричардсонъ устранялъ боли приводящими въ безчувствіе средствами; упростили фармакопею, хотя въ одно время существуетъ мода на ослабляющія, а въ другое—на возстановляющія средства,—сегодня камфора, пепсинъ, мышьякъ; завтра—іодъ, смола, деготь. Занялись новыми изслѣдованіями болѣзней мозга, въ послѣднее время сильно развившихся, золотухи, тифа, отравленія табакомъ, наконецъ, общаго разслабленія, по поводу котораго стали прописывать кровопусканія.

Между натуралистами мы встрѣчаемъ имена Букланда, Бертолони († 1869 г.), Мурчисона, Седвига, Денотариса; Лисль поставилъ на мѣсто идеи геологическихъ переворотовъ идею развитія. Агазисъ утверждаетъ, что ледники Альпъ распространяются даже на равнинахъ верхней Италіи.

Въ Англіи, гдѣ всегда разрабатывали доктрину Бекона, Стюартъ Милль далъ свою систему логики, построенной съ помощью индуктивнаго и дедуктивнаго метода, а Уэвель (Whewell)—исторію и философію индуктивныхъ наукъ, и Novum organon renovatum, который поставилъ себѣ задачею сдѣлаться полнымъ кодексомъ естественныхъ наукъ.

Цивилизація пожелала представить доказательство своихъ успѣховъ во всемірныхъ выставкахъ — парижскихъ, (1855, 1867, 1878), лондонскихъ (1852, 1861), вѣнской (1873) филадельфійской (1877 г.). Это — мирныя торжества нашего времени, которыя служатъ въ одно и то же время данью удивленія, воздаваемой промышленности, и доказательствомъ солидарности народовъ, потому что на эти выставки являются даже японцы, обитатели Океаніи, бедуины, самоѣды. Каждая изъ нихъ оказывалась до того великолѣпною, что уничтожала желаніе организовать новую, а между тѣмъ, каждую изъ нихъ послѣдующая

всегда превосходила той гармоніей, съ которой каждая нація примыкала ко всеобщему прогрессу.

Возгордившись такими многочисленными и важными открытіями, съ помощью которыхъ человѣкъ подчинилъ себѣ природу, онъ хочетъ вызвать въ наукѣ наступательное движеніе противъ вѣры, и простираетъ въ этомъ случаѣ свою смѣлость до утвержденія того, что единственнымъ божествомъ будущаго сдѣлается наука.

Прилагая эти знанія къ наукамъ нравственнымъ, обновили научное изслѣдованіе человѣка, его прошедшаго, его дѣйствій личныхъ и производимыхъ сообща, его отношеній къ обществу и міру внѣшнему; установили лучше прежняго различіе расъ въ ихъ физическихъ склонностяхъ, также какъ и въ ихъ способностяхъ; опредѣлили механику мысли не при посредствѣ метафизическихъ отвлеченностей, но въ ея конкретныхъ проявленіяхъ и особенно въ словѣ, съ помощью котораго мысль проявляется, становится чѣмъ то существующимъ внѣ (s'extériorise), сообщается, и безъ котораго быть можетъ невозможны идеи, и ужъ конечно невозможенъ прогрессъ.

III.

Физіологія.

Жизнь изучали не только съ помощью анатоміи и сѣченія живыхъ организмовъ, но также съ помощью опытной психологіи (Фехнеръ, Дондерсъ, Гельмольцъ, Спенсеръ, Веберъ); физіолого-психологическія наблюденія простираютъ до самыхъ глубокихъ изгибовъ животнаго механизма, слѣдя тотъ скрытый и, слѣдовательно, безсознательный процессъ, съ помощью котораго грубая матерія приходитъ отъ чувства къ дѣйствіямъ сознающей мысли. Прежде всего подвергли анализу органы, которые представляютъ мостъ между мыслящимъ *я* и внѣшнимъ міромъ, особенно двѣ несимметрическія лопасти мозга; измѣрили быстроту ощущеній и продолжительность мозговыхъ дѣйствій. Въ союзѣ съ метафизикой физіологія анализировала мысль въ ея мѣстопребываніи, въ ея проявленіяхъ, въ ея колебаніяхъ. Субъективная психологія размышляетъ о феноменахъ, сознаваемыхъ нашимъ *я*, проникая въ глубь человѣческой природы, съ цѣлью познать наиболѣе существенныя ея особенности. Психологія объективная изучаетъ различныя состоянія души въ ихъ внѣшнемъ проявленіи, а не въ сознаніи,—видимое проявленіе страстей, языкъ, историческія событія, извѣстныя душевныя состоянія, какъ галлюцинація, безуміе, инстинктъ, сравненіе человѣка съ животными.

Психологія физіологическая наблюдаетъ физическія явленія въ ихъ соотношеніи съ соотвѣтствующими имъ явленіями физіологическими—движеніе, мысль. Она можетъ, такимъ образомъ, ихъ опредѣ-

лять и измѣрять ихъ продолжительность. Если каждая изъ этихъ вѣтвей физіологіи считаетъ свое существованіе единственно законнымъ, то психологія физіологическая предъявляетъ въ этомъ случаѣ притязанія болѣе другихъ. Она обращаетъ вниманіе исключительно на органическія условія, не задаваясь внутреннимъ анализомъ явленій. Этотъ родъ физіологіи предпочтительно любятъ нѣмцы, точно такъ, какъ французы психологію внутреннюю, а англичане—психологію внѣшнюю, хотя пока еще нѣтъ возможности соединить результаты опыта и анализа. Въ ожиданіи этого, разъяснили составные элементы ощущенія, на которое прежде смотрѣли, какъ на простое явленіе. Опредѣлили продолжительность физическихъ феноменовъ и нашли физіологическое объясненіе совѣсти (Вундтъ). Какъ бы всѣ тѣ, которые не далѣе нѣсколькихъ лѣтъ назадъ прославились въ области психологіи—Кузенъ, Мэнъ де-Биранъ, Жофруа, Адольфъ Гарнье, были изумлены и смущены, слыша живыхъ еще писателей нашего времени — Фехнера, Гельмольца, Герберта Спенсера, Бэна, Стюарта Милля, Вундта; глядя на эти методы, на предметы занятій и на результаты столь разнообразные, слыша, что психическіе феномены не только подвержены закону времени, но что они могутъ быть подводимы подъ формулы вычисленія, какъ всѣ вообще явленія движенія, такъ что германская школа измѣряетъ актъ мысли, какъ электрическій потокъ или свѣтовую волну, и произноситъ вслѣдствіе этого, согласно съ Фехнеромъ, слѣдующую формулу: „ощущеніе возрастаетъ болѣе медленно, чѣмъ возбужденіе; оно есть въ нѣкоторомъ смыслѣ логарифмъ возбужденія“. Русскій ученый Герценъ пошелъ далѣе. Онъ свелъ умственную дѣятельность къ измѣненіямъ въ нервной системѣ; тождество, такимъ образомъ, той или другой человѣческой личности превращается въ чисто собирательное единство психическихъ явленій; такимъ образомъ, исчезаетъ понятіе о личности, въ которой мы до того всѣ убѣждены, что софизмы школы не могутъ насъ смущать.

Физіологи съ помощью самыхъ утонченныхъ наблюденій стремятся показать, что всѣ вообще вещества образовались изъ атомовъ одной и той же природы, соединившихся между собою силою движенія, въ двухъ актахъ его — перемѣщенія и круженія, и пользуются послѣдними изысканіями относительно построенія микроскопическихъ элементовъ и органовъ для того, чтобы провозгласить борьбу за существованіе (struggle for lite), съ помощью которой клѣточка развивается до полнаго организма, при чемъ они принимаютъ одну присущую предметамъ механическую силу. Законы природы заключаютъ въ себѣ нѣчто роковое. Животныхъ приносили въ жертву мучительнымъ опытамъ для того, чтобы доискаться не способа дѣйствія извѣстнаго органа, но самой тайны и причины жизни. Пришли къ тому, что человѣкъ есть не что иное, какъ усовершенствованное животное, что онъ и начинаетъ и оканчиваетъ, какъ животное.

IV.

Матерія и разумъ.

Гордость, самая не философская изъ страстей, говоритъ: „какимъ образомъ тотъ или другой предметъ можетъ существовать, когда я его не понимаю?“ Въ силу этого, принимаютъ за дѣйствительное только то, что можно видѣть или ощущать, такъ что, слѣдовательно, нѣтъ другихъ наукъ, кромѣ физики и химіи. Въ популярныхъ книгахъ намъ сообщаютъ, что народы волнуются или бываютъ спокойны, сильны или физически слабы, мужественны или робки, умны или ограничены, смотря по тому, питаются ли они мясомъ или картофелемъ, что рука, языкъ, сердце, суть органы мысли, которая не могла бы проявляться безъ ѣды и питья, что фосфоръ есть сила, творящая все, что есть самаго благороднаго въ человѣкѣ — мысль, волю; что дѣйствія человѣка суть выраженіе состоянія его мозга, — продуктъ внѣшнихъ дѣятелей, дѣйствующихъ роковымъ образомъ. „Мысль есть движеніе“, сказалъ Молешотъ. Но какимъ образомъ возможно привести къ механикѣ дѣйствія сознанія: пониманіе, чувство, волю, вниманіе, которое вы мнѣ оказываете, стараніе, которое я прилагаю, чтобы соединить въ одно цѣлое эти разсужденія, одобреніе или неодобреніе, которое вы мнѣ дѣлаете? Движеніе ли обладаетъ способностью понимать само себя?

Не смотря на все значеніе истины, какъ бы она ни была мала, не смотря на достоинство науки, даже когда она представляется намъ неважною, можемъ ли мы отказаться отъ наблюденія внутренняго и непосредственнаго, которое происходитъ изъ сознанія? Можемъ ли мы свести нашъ умъ къ тому, чтобы сдѣлать его атрибутомъ животности, подвести подъ разрядъ наукъ физическихъ тѣ отрасли знанія, которыя, подъ названіемъ нравственныхъ наукъ, облагораживаютъ человѣка и создаютъ общество? Какъ не распознать подъ анатомическимъ ножемъ чего-то особеннаго, отличнаго отъ матеріи—жизненной динамики? Мыслящій человѣкъ замѣчаетъ дѣйствіе человѣка на окружающіе его предметы; онъ отсюда выводитъ понятія и желанія; онъ ихъ отличаетъ отъ инстинкта (Флоренсъ, Мильнъ Эдвардсъ, Пейнъ, Вирховъ, Фарне, Карю, Клодъ Бернаръ); онъ признаетъ эту первую причину всякой дѣятельности подчиненной, которая есть переходъ отъ случайнаго къ необходимому, отъ относительнаго къ абсолютному, отъ конечнаго къ безконечному, суживая поле таинственныхъ роковыхъ вліяній. Какъ скоро однажды остановились на первоначальной клѣточкѣ, начали изслѣдовать, какимъ образомъ совершается переходъ отъ однородности къ разнородности, отъ единства къ разнообразію, какимъ образомъ отъ монеръ (первичныхъ организмовъ, сохраняющихъ способность размножаться дѣленіемъ)

и вибріоновъ (растительныхъ монеръ) дошли до эмбріона (живительнаго вещества); когда за періодомъ изверженія матеріи наступаетъ періодъ покоя; когда интеграція заступаетъ мѣсто дифференцированія. Но идеи справедливаго, истиннаго, но принципы порядка нравственнаго, не могутъ быть даны чувствами, и выводить ихъ изъ преданія, изъ привычекъ—это значитъ отдалять рѣшеніе вопроса.

V.

Философія.

Тамъ, гдѣ мысль останавливается передъ этими идеями — начинается царство философіи. Какъ скоро предубѣжденія метафизики и трансцендентализма были отброшены — Бэконъ, Ньютонъ, Галилей, признали въ наблюденіи и индукціи, которая возводитъ факты къ общимъ идеямъ, единственно законный путь нашихъ познаній, предполагая, что вселенная существуетъ въ самой дѣйствительности, такъ какъ это представляется нашимъ чувствамъ; потому что очевидность этого не можетъ быть доказана. Но Кантъ и его подражатели, ловко владѣя искусствомъ разрѣзывать волосъ на четыре части, пробовали доказывать, что наблюденіе приводитъ къ нелѣпости, потому что оно допускаетъ объективную реальность вселенной, тогда какъ матерія имѣетъ бытіе только въ нашемъ сознаніи.

Отсюда — двѣ школы. Одна основывается на естественномъ порядкѣ явленій, изъ котораго вытекаютъ онтологическіе принципы, къ которымъ обращаются всѣ здравые умы, и законы, независимые отъ человѣческихъ умозрѣній; другая, которая наблюдаетъ только самое себя и приводитъ къ спорнымъ идеямъ, теряющимся въ облакахъ и потому безплодныхъ. Въ изслѣдованіяхъ этого рода теряютъ стремленіе къ идеалу, презираютъ слово божіе, также какъ слово человѣческое, и даже самый здравый смыслъ.

Философія въ Германіи отличалась по преимуществу метафизическимъ направленіемъ въ первую половину настоящаго столѣтія; но теперь она является послѣдовательницею реализма и эмпиризма, какъ во Франціи и въ Англіи, и знаменитые натуралисты (Дюбуа Реймонъ, Гельмгольцъ) занимались философіей, какъ Окенъ, Шеллингъ и Гегель занимались естественной исторіей, не имѣя большой помощи опыта и положительныхъ наукъ. Революція, непримиримый врагъ спокойнаго обсужденія, имѣетъ въ виду единственно благо политическое и экономическое. Точно такъ-же забываютъ Платона, Лейбница и святаго Ѳому, для того чтобы идти къ гегельянцамъ, провозглашая позитивизмъ, и не вводя между первоначальной клѣточкой и мыслящимъ, свободнымъ существомъ, другого посредствующаго начала, кромѣ силы, дѣйствующей въ теченіе безначальныхъ и безконечныхъ

вѣковъ. „Чѣмъ больше философіи, чѣмъ больше метафизики, тѣмъ больше всѣхъ этихъ утонченностей; тѣ, которые допускаютъ бытіе чего бы то ни было, кромѣ матеріи и силы—невѣжды и лицемѣры". Такимъ образомъ, отрицаніе доводятъ до отрицанія принципа причинности, который такъ-же очевиденъ въ логикѣ, какъ теорема тождества очевидна въ наукахъ математическихъ; утверждаютъ никогда не прекращающееся движеніе предметовъ; на мѣсто древняго положенія, принимавшаго за первую аксіому то, что извѣстный предметъ не можетъ въ одно и то же время быть и не быть—поставили новое положеніе, признающее тождественность утвержденія и отрицанія. Ученіе Фейербаха строго логически происходитъ отъ Гегеля, хотя современный пантеизмъ не есть гегельянскій идеализмъ, но грубый реализмъ. Гегель предполагаетъ единичную сущность, которая развивается въ природѣ и въ человѣчествѣ и доходитъ съ помощью ума до познанія самой себя. Итакъ, не существовало, слѣдовательно, ни безконечнаго ума, ни всесильной воли, раньше образованія міра; не существуетъ свободной причины бытія міра; нѣтъ провидѣнія, чтобы имъ управлять. Даже въ этой безконечной сущности отрицаютъ знаніе совершенное и равное ей самой. Изъ этихъ отрицаній вытекаетъ, что нѣтъ истины, независимой отъ того идеала, который развивается въ человѣчествѣ; что не существуетъ предмета ни опасеній, ни надеждъ; что нѣтъ другого закона, кромѣ человѣческой воли, другой религіи, кромѣ свободы, другого Бога, кромѣ человѣческаго ума.

Это — гуманизмъ.

Максиміліанъ Стирнеръ пошелъ еще далѣе. Онъ превратилъ человѣчество въ отвлеченность; если что нибудь существуетъ, то это—индивидуальный человѣкъ; въ силу этого, Стирнеръ творитъ индивидуализмъ, отрицаетъ общество, ставитъ на мѣсто филантропіи эгоизмъ, провозглашаетъ индивидуальное господство. Если человѣкъ существуетъ для себя, то онъ и зависитъ только отъ самого себя.

Главную изъ проблемъ: „существуетъ-ли что нибудь?" одинъ изъ этихъ философовъ объявилъ: „самою большею странностью, самою безсмысленною нелѣпостью, загадкою, которая дѣлала бы изъ божества нѣчто лишенное смысла и нравственнаго значенія, если бы существовало самосознающее божество". Отвергая эту идею, которая, по нашимъ понятіямъ, предшествуетъ всякому дѣйствію, происходящему изъ сознанія и воли, не стѣсняя себя ничѣмъ въ дѣйствіяхъ своей фантазіи, они отрицаютъ (какъ нѣкогда аверроисты) существованіе матеріи; но вмѣстѣ съ тѣмъ вселенная является у нихъ проникнутою извѣстными душами, которыя суть не что иное, какъ соединеніе силъ; они обмѣниваютъ силу на Бога, что однако же въ примѣненіи своемъ возвращается къ тому, что вмѣсто его снова является сила; они отождествляютъ физическую дѣятельность и жизненныя свойства; они устанавливаютъ самый строгій детерминизмъ (déterminisme) въ опредѣленіи непосредственныхъ причинъ жизни. Для того,

чтобы что-нибудь опредѣлить, нужно наблюдать; а они, напротивъ—принимаютъ факты, которыхъ они никогда не видѣли, напр. внутреннее возобновленіе — постоянное и всецѣлое, при посредствѣ мускульнаго всасыванія и выдѣленія остатка, въ то время, какъ жизненный потокъ проникаетъ организмъ, возобновляя субстанцію, всецѣло сохраняя форму частицъ.

VI.

Матеріализмъ.

Школа Огюста Конта, которой далъ широкое развитіе Литтрé, отрицаетъ все, что не есть опытъ и наблюденіе. Поставляя Бэкона на мѣсто Спинозы и Гегеля, она пришла путемъ позитивизма къ идеѣ пантеизма, которая исключаетъ Бога изъ управленія міромъ. Агностицизмъ хочетъ, чтобы все, заключающееся въ нашей мысли, было не другимъ чѣмъ, какъ простымъ впечатлѣніемъ, не имѣющимъ ничего соотвѣтствующаго себѣ въ самой дѣйствительности. Короче сказать, исторія и науки управляются въ наше время философіей скептической, которая не допускаетъ мыслей, не признаетъ ума какъ опредѣленнаго начала, парализуетъ волю, ищетъ нравственности, лишенной основы (indépendante), ищетъ религіи, состоящей въ томъ, чтобы не имѣть никакой религіи; наконецъ, смотритъ на небо и не видитъ въ немъ Бога.

На мѣсто философіи исторіи, которая опирается на метафизическія идеи, какъ періодическія революціи и постоянный прогрессъ, поставили соціологію, науку явленій, которая думаетъ объяснять жизнь рода человѣческаго, какъ объясняютъ всякое органическое сочетаніе, то есть, посредствомъ всеобщихъ условій жизни, и формулируя ближайшія причины и законы соціальныхъ явленій. Такимъ образомъ, къ наукамъ нравственнымъ, къ развитію духа человѣческаго, прилагаютъ систему естественныхъ наукъ не въ метафизическихъ или догматическихъ идеяхъ, но черезъ примѣненіе опыта, не ставя въ зависимость отъ идеи явленія, которое есть продуктъ превращенія силъ одного тѣла въ другое тѣло. Такъ объясняетъ наука явленіе, лучше сказать—она возводитъ его къ свойствамъ, или ко всеобщей дѣятельности тѣлъ, которыхъ оно есть продуктъ. Все во вселенной связано между собою, и общество, которое наиболѣе приближается къ обществу человѣческому, есть ассоціація животныхъ; но животныя лишены началъ гражданской жизни, которая выражается въ нравственности, въ правѣ, въ религіи, въ понятіяхъ объ изящномъ, въ наукѣ. Науку этой жизни составляетъ соціологія, которая видитъ въ ней совершенное развитіе, изслѣдуетъ не только акты физіологическіе, но также инстинкты и дѣйствія чисто рефлекторнаго

характера, умъ, волю, однимъ словомъ, общество, общество—способное имѣть исторію, нравственность, право; общество, у котораго находимъ преданія, религіозный культъ, государство, и которое, наконецъ, пост. вляетъ себѣ цѣлью извѣстный идеалъ, понятіе о которомъ ему присуще.

Кто отдается исключительно одной наукѣ, тотъ поглощается ею. Физіологъ все возводитъ къ мѣрнымъ сотрясеніямъ мозга; мысль есть выдѣленіе, точно такое же, какъ и каждое другое,—результатъ того или другаго физіологическаго процесса. Геометръ требуетъ математическихъ доказательствъ; теологъ повсюду находитъ чудо; политикъ вездѣ видитъ пользу; діалектикъ добивается достиженія истины, безъ помощи вѣры; матеріалистъ останавливается на объектѣ, не обращая вниманія на субъектъ, то есть на свойства; для него тѣло представляетъ только нѣчто химическое, физическое, физіологическое. Гэкель искалъ на днѣ морскомъ произвольнаго рожденія въ монерахъ — сочетанія углерода, лишенныя организма, которыя однако жъ питаются, движутся, и производятъ себѣ подобныхъ. Но Вирховъ, какъ раціоналистъ, утверждаетъ, что всѣ факты свидѣтельствуютъ противъ произвольнаго рожденія и развитія; онъ смѣется надъ батиліемъ (bathyliuś), открытымъ Гексли (Huxley) въ ряду предшественниковъ человѣка.

Въ сравнительной филологіи, Веберъ, Максъ Мюллеръ, Ренанъ, думали отыскать исторію міра, противорѣчащую памятникамъ; они превратили факты въ идеи, при которыхъ факты были бы только логическимъ развитіемъ; религіи сдѣлались бы въ такомъ случаѣ только продуктомъ этого развитія. Гумбольдтъ написалъ весь свой „Космосъ“, не произнося имени Бога, не находя въ мірѣ ничего, кромѣ безформенной матеріи, слѣпыхъ законовъ и силъ, которыми обладаетъ матерія въ себѣ и черезъ себя; жизнь является тамъ, гдѣ для ея рожденія образуются частичныя сочетанія. Чѣмъ больше разумъ обожаетъ самъ себя, тѣмъ глубже его упадокъ. Лучшіе умы негодуютъ на злоупотребленіе, которое дѣлаютъ изъ естественныхъ наукъ противъ высокихъ отраслей знанія, и требуютъ защиты этихъ послѣднихъ помощью доказательствъ, даваемыхъ науками спеціальными. Человѣкъ можетъ коснѣть въ своемъ сомнѣніи; но тотъ, кто является наставникомъ другихъ въ книгахъ или на каѳедрѣ, не имѣетъ на это права.

И пусть не говорятъ, что философскія умозрѣнія неумѣстны въ такую эпоху, характеръ которой составляетъ индефферентизмъ. Хорошо по меньшей мѣрѣ относиться съ сомнѣніемъ къ эмпирическимъ аксіомамъ, и какъ бы эти умозрѣнія ни являлись отвлеченными,—онѣ оказываютъ на общественную жизнь дѣйствіе, медленное, можетъ быть, и скрытое, но тѣмъ не менѣе дѣйствительное. Изъ этого отрицанія индивидуальности мыслящаго субъекта проистекаетъ всеобщее уменьшеніе нравственной свободы, уменьшеніе отвѣтственности, а въ слѣдствіе этого нашъ вѣкъ находитъ извиненія для всевозможныхъ

заблужденій и всевозможныхъ преступленій. Матеріализмъ прокрадывается даже въ такую науку, которая касается ближе всего человѣческихъ страданій, и здѣсь онъ производитъ разладъ, внося въ нее выводы, заимствованные изъ теорій развитія и пантеизма; съ независимой моралью онъ поставляетъ человѣка одного передъ человѣкомъ; чувство долга остается въ сторонѣ; понятіе нравственной свободы объявляется химерою; наслѣдственность и инстинктъ дѣлаютъ человѣка преступникомъ и героемъ. Далѣе, переходя отъ идей къ дѣйствіямъ, возводя фактъ въ принципъ, говорятъ, что единственный прогрессъ общества заключается въ прогрессѣ науки, что достоинство и право личности должны приноситься въ жертву требованіямъ рода, улучшенію расы, или расширенію царства; закрываютъ библію и надѣются утѣшать съ помощью книгъ и изящныхъ искусствъ страдающія души; хотятъ насытить неимущіе классы изобиліемъ программъ; смотрятъ на умъ, а не на чувство, на голову, а не на сердце; стремятся обновить человѣка и общество посредствомъ правилъ и законовъ, переродить совѣсть индивидуумовъ, отрѣшая ее отъ преданія, такимъ образомъ, чтобы самая совѣсть сдѣлалась единственнымъ закономъ, единственною моралью будущаго. На мѣсто древняго права, вѣчнаго, основаннаго на разумѣ, на справедливости, на договорахъ—поставили другое, которое полагаетъ въ основу время, пространство, матерію вмѣсто вѣчнаго, безпредѣльнаго, вмѣсто—ума. Это право имѣло адептовъ и проповѣдниковъ, но оно не имѣетъ еще теоріи, равно какъ не имѣетъ другой санкціи, кромѣ санкціи совершенія дѣла, въ силу чего все, что исполнено съ успѣхомъ, признается хорошимъ.

Если наука, изучая исключительно явленія, думаетъ, что она превратила матерію въ силу, тогда какъ она разсматривала только одинъ изъ элементовъ матеріи; съ другой стороны, когда она хочетъ уничтожить всякое различіе не только въ матеріи, но даже между формою органическою и формою неорганическою, то она отъ этихъ положеній приходитъ вмѣстѣ съ Гегелемъ къ утвержденію, что нравственныхъ погрѣшностей не существуетъ, что человѣкъ совершаетъ преступленіе точно такъ, какъ рвотное производитъ изверженіе. Нѣтъ, это не такъ. Пусть совѣсть подчинена законамъ органическаго механизма,—она тѣмъ не менѣе не исчезаетъ поэтому подъ вліяніемъ механическихъ дѣйствій, какъ будто бы она представляла не что иное, какъ сцену, на которой механическіе дѣятели разыгрываютъ свою роль; и если бы мозгъ нашъ представлялъ не что иное, какъ фисгармонію, то не нужна ли рука и дуновеніе для того, чтобы производить звукъ и видоизмѣнять его, смотря по степени ловкости того, кто сталъ бы на ней играть?

Нѣтъ, руководимые лучшею философіею—здравымъ смысломъ, призовемъ человѣка къ неизмѣнному вѣрованію въ его нравственную свободу. Свободная въ своихъ самоопредѣленіяхъ наша душа можетъ дѣлать выборъ между добромъ и зломъ, принимать истину, или увле-

каться заблужденіемъ, противиться божественному порядку, или примыкать къ нему, и тамъ, гдѣ прекращается могущество человѣка, признавать могущество безконечнаго. Истины существуютъ, даже если человѣкъ ихъ не понимаетъ.

Философія, которая есть разумная религія, и религія, которая есть сознаніе истины, имѣютъ одно и тоже начало и одну и ту же цѣль: чувство божественнаго и нравственное благо.

Предразсудокъ, что достоинство человѣка состоитъ между прочимъ въ умѣньи читать и писать, привелъ къ тому, что школа сдѣлалась обязательною, подобно курсу бумажныхъ денегъ. Азбукою и гимнастикою занимаются гораздо больше, чѣмъ душою народа; пожелали передать въ руки правительства монополію общественнаго образованія, которое получило значеніе господствующей силы, до того, что изъ него сдѣлали антитезу древнихъ вѣрованій.

VII.

Литература.

Литература, которая есть изученіе истины въ ея научныхъ и религіозныхъ проявленіяхъ, неисчерпаемый источникъ умственныхъ удовольствій, утѣшеніе, когда насъ сломила жизнь или разочаровала соціальная борьба, литература, которая сообщаетъ человѣку чувство его собственнаго достоинства и сознаніе его божественнаго происхожденія,—эта литература не можетъ существовать тамъ, гдѣ нѣтъ изящнаго чувства (délicatesse); ея нельзя надѣяться найти тамъ, гдѣ безвѣріе въ модѣ, гдѣ не существуетъ другого десятословія, какъ только производить и продавать, выигрывать и наслаждаться, все переносить трепеща и произнося хулы въ одно и то же время, отказаться отъ независимости мысли, торговать собственнымъ униженіемъ! Теперь уже не разсуждаютъ больше о классикахъ и романтикахъ, какъ обыкновенно бываетъ, когда задача разрѣшена; но пусть же, подъ вліяніемъ маніи къ новизнѣ, не сводятъ къ нулю преданій, не превращаютъ въ отвлеченность истины и достоинства. Вмѣсто великихъ образцовъ мысли и изящества изложенія, мы находимъ стремленіе проводить въ жизнь множество лишенныхъ основательности идей, которыя не представляютъ ни мѣры, ни порядка, и выказываютъ явное неуваженіе къ читателямъ и публикѣ.

Тьма нашего рабства разсѣевалась по мѣрѣ того, какъ являлись L'histoire d'Italie, Les Hymnes Sacrés, Les Fiancés, Les Lombards croisés, Le Primato d'Italia, l'Origine des idées, Mes Prisons и другія книги, которыя пробуждали чувство и заставляли размышлять. Вообще, до 1848 г. были имена, которыя потомство будетъ повторять, хотя въ настоящее время они въ презрѣніи или забыты. Въ настоящее же

время, хотя количество писателей возрастаетъ со дня на день, чрезвычайно трудно встрѣтить людей, за которыми можно было бы признать талантъ; и такъ какъ встрѣчается множество чтецовъ, а не читателей (des liseurs et non des lecteurs), то критика, лишенная прочныхъ эстетическихъ основаній, которая на нашихъ глазахъ превращается изъ трибунала въ магазинъ, заставляетъ всѣхъ плясать по своей дудкѣ; издаютъ въ свѣтъ прежде времени разрозненные отрывки, безъ связи съ прошедшимъ и безъ вліянія на будущее, гдѣ объявляютъ идеи зрѣлыми, взвѣшиваютъ и контролируютъ ихъ, или ослабляютъ ихъ значеніе посредствомъ возвышенныхъ созерцаній, необходимыхъ каждый разъ, какъ скоро приходится разбирать какой нибудь соціальный или религіозный вопросъ. Въ изслѣдованіе причинъ не входятъ съ должнымъ вниманіемъ, не идутъ отъ мелочно кропотливаго анализа къ могущественному синтезу. Отказавшись отъ изящества грековъ, отъ величія римлянъ, отвыкая отъ спокойствія искусства, отъ благородной тревоги мысли, отъ склонности къ предметамъ возвышеннымъ, поставили литературу остроумныхъ произведеній на мѣсто литературы, всецѣло отданной идеямъ, которая находится въ согласіи съ прошедшимъ, вдумывается вмѣстѣ съ настоящимъ, размышляетъ о будущемъ и осмѣливается имѣть мнѣніе, независимое отъ мнѣнія общепринятаго. Такимъ образомъ, арена остается открытою для посредственности, для промышленности, для состязаній самолюбія, для маневровъ партій. Прежде поприщемъ литературы были академіи; теперь она бросилась въ адвокатскія пренія и увлеклась рѣчами въ избирательныхъ собраніяхъ и парламентахъ; и тамъ, точно такъ же какъ и въ академіяхъ, реторика заступаетъ мѣсто анализа, слово замѣняетъ идею, наглое увѣреніе—солидное доказательство. Краснорѣчіе и исторія часто являлись орудіями политики; послѣдняя всегда вліяла на нихъ. Было бы несправедливо сказать, что новаго ничего нѣтъ, что всѣ идеи исчерпаны. Время предало забвенію много благородныхъ мыслей и благородныхъ трудовъ; и духъ человѣческій созданъ такимъ образомъ, что онъ можетъ повторять мысли и дѣла прошлаго времени, лишь бы только это прошлое представляло общее съ настоящимъ, и чтобы въ настоящемъ нашли ту благовременность, которой обстоятельства не представляли прежде, или которой проницательность автора не могла замѣтить.

Среди развращающихъ чувствъ и выходящихъ изъ границъ бредней, являются грязныя произведенія, кровавыя эпиграммы, оскорбительныя личности, скандалы, нескромности, съ нескрываемымъ намѣреніемъ сдѣлать зло, безъ уваженія и стыда; насмѣхаются надъ благородствомъ, геніемъ, даже надъ самымъ крестомъ; клевещутъ на прошедшее, развращаютъ настоящее и компрометируютъ будущее. Шуточная, пытливая, подозрительная и клевещущая полемика—оружіе убійственное въ рукахъ дѣтей — пустила въ ходъ абсолютизмъ, распутство, скандалъ, для того чтобы вербовать читателей среди

оглушительнаго шума мнѣній, формулированныхъ въ словѣ, олицетворенныхъ въ человѣкѣ, проповѣдуемыхъ въ обществѣ, въ которомъ царятъ пошлыя чувства и рабскія страсти. Полемика эта всегда показываетъ уваженіе къ человѣку, умѣющему ее обмануть.

Газеты сдѣлались единственнымъ интеллектуальнымъ элементомъ, единственнымъ вдохновеніемъ въ такое время, которое не хочетъ или не можетъ думать и рѣшать само за себя, и когда перомъ сороки или попугая замѣнено перо орла или лебедя. Новые Лазари, которые изъ-за крохъ грызутся съ собаками, обречены удовлетворять каждый день развращенному любопытству; они соперничаютъ между собою въ шпіонствѣ, въ выдумкахъ, въ постыдной мести; они презрѣнны въ ихъ панегирикахъ, они презрѣнны въ ихъ порицаніяхъ; они прокрадываются во всѣ семейства, даже въ походный лагерь; они присвоили себѣ привиллегію—создавать іерархію заслугъ по своему усмотрѣнію и замѣнять общественную совѣсть искусственно вызванными желаніями, съ цѣлью обмануть ближняго и представлять факты въ видѣ, несогласномъ съ истиной.

Добиваясь такимъ образомъ и достигая безграничнаго владычества надъ человѣкомъ, называемымъ, въ противоположность другимъ, животнымъ разумнымъ, газета потеряла свое достоинство, сдѣлавшись, въ концѣ концовъ, выразительницею личности или обычныхъ посѣтителей кафѣ; а коноводы народа разрушили ее своею многочисленностью и проистекающими отсюда противорѣчіями. Какою огромною заслугою обладаютъ тѣ, которые могутъ похвалиться, что они никогда не осмѣивали честнаго дѣла, никогда не приводили въ отчаяніе добродѣтели!

Какъ скоро свѣтлое настроеніе умовъ исчезло, начали искать ужаснаго, необыкновеннаго. Это уже не психологія, это — патологія; уже не хотятъ возбуждать интереса честностью, благородствомъ; простое и изящное представляется пошлымъ подлѣ преувеличенія и атлетическихъ позъ; Касти предпочитаютъ Парини, восковую Венеру—„Моисею“ Микель-Анджело, адамову голову—Жонкилю, клоаку—источнику. Романы, которые появляются каждый день, какъ грибы, представляютъ міръ чѣмъ-то въ родѣ госпиталя, темницы или развратнаго дома. Легкомысленно рисуя подробности, изображая страсти въ ихъ наготѣ, исключительные характеры, вздорныя ученія, планы всеобщаго уравненія состояній, клеветы, чувственныя влеченія, скандалы, вторя неизлечимой наклонности, влекущей насъ внизъ, — они стремятся льстить инстинктамъ разнузданнаго общества и наглости выскочекъ, давать возбуждающія средства ослабѣвшей чувственности, оскорблять женщину въ ея достоинствѣ, въ ея преимуществахъ, въ ея счастіи для того, чтобы эманципировать ее, говорятъ они, отъ подчиненія ея чувству вѣры и стыда, для того, чтобы сдѣлать міръ свободнымъ до коммунизма включительно. Если же кто нибудь, негодуя на то, что эти стоки оставляютъ безъ воздухоочистительныхъ

средствъ, жалуется на это публично, издатель отвѣчаетъ: „это продается".

Не здѣсь нужно искать средствъ имѣть людей, которые могли бы воззвать свое отечество къ новой жизни, когда оно умираетъ, оплакивать и любить его даже тогда, когда оно пало. Точно такъ же гибельно, что эти оскорбленія вѣрѣ и нравственности не могутъ происходить, не вредя языку и искусству. Созерцаніе прекраснаго возводитъ насъ къ познанію истины и осуществленію блага, и превращать прекрасное въ орудіе порчи, значитъ отводить его отъ его конечной цѣли и сущности и не стремиться къ тому, чтобы развивать путемъ изящной литературы въ душахъ человѣчность.

Выдѣляя себя изъ числа тѣхъ, которые разсматриваютъ эстетику со стороны матеріальной, со стороны полезнаго или пріятнаго, мы желаемъ видѣть въ ней стремленіе къ истинному, прекрасному, къ благу; мы желаемъ, чтобы она дѣлала народъ серьезнымъ, искреннимъ, трудолюбивымъ. Поэзія была прежде прелестью жизни, средствомъ возвышать чувства, школою нравственности и вѣжливости. Прекрасное, хотя оно отличается отъ истиннаго, представляетъ собою тѣмъ не менѣе нѣчто божественное. Его нужно принимать, не зная, какъ оно образуется. Одно истинное прекрасно, но не всякое истинное въ то же время прекрасно: его нужно одухотворить; не нужно надѣяться найти его въ общихъ мѣстахъ, въ изнѣженномъ сладострастіи, въ тривіальности положеній и языка.

Кто ищетъ только истиннаго, тотъ не болѣе какъ подражаетъ: тотъ, кто ищетъ одного прекраснаго, производитъ каррикатуры, или что нибудь фантастическое. Слишкомъ близкое подражаніе природѣ не могло бы производить совершенства въ искусствѣ; прекраснаго можно достигнуть только изучая пропорціональности и гармоніи истиннаго.

И такъ какъ Франція продолжаетъ давать тонъ—особенно потому, что во Франціи столько же стараются возвышать всѣхъ вообще писателей, сколько въ Италіи заботятся о томъ, чтобы ослаблять или уничтожать ихъ вліяніе,—необходимо охарактеризовать здѣсь патріарха этого рода литературы, потому что онъ безсмертенъ, и пережилъ всѣхъ своихъ учениковъ. Весь въ антитезахъ и блестящемъ исчисленіи качествъ, матеріализируя нематеріальное и спиритуализируя матерію, ища эффекта въ ущербъ истинѣ, желая не истины, не морали, не искусства, а силы, онъ поставляется въ необходимость, благодаря своимъ антитезамъ, искать постоянно необыкновеннаго. Изъ тысячи шутливыхъ заглавій, которыя ему представляются, онъ избираетъ Qui qu'en grogne; между тысячами героинь выбираетъ Борджію, между тысячами революціонеровъ—Гавроша, между тысячами людей безобразной наружности онъ выбираетъ человѣка, лицо котораго покрыто рубцомъ такимъ образомъ, что онъ представляется вѣчно смѣющимся; изъ числа столькихъ героическихъ словъ, онъ избираетъ слово Кам-

брона; между столькими карательными (coërcitives) законами, онъ увлекается закономъ, осуждающимъ на галеры несчастнаго, котораго голодъ заставляетъ красть кусокъ хлѣба.

По слѣдамъ Виктора Гюго шелъ Геранци. Мы находимъ у него большую несоразмѣрность между воображеніемъ и силою сужденія, декламацію, а не краснорѣчіе, образы, а не мысли. Онъ точно такъ же, при непрекращаемыхъ обвиненіяхъ противъ общества, изображаетъ человѣка, какъ существо по природѣ злое, неистовое, гнѣвное, отчаянное, въ войнѣ противъ достоинства человѣческой души, сардонически насмѣхаясь надъ лицемѣріемъ и низостью новѣйшихъ героевъ. И въ настоящее время другой искусный живописецъ народныхъ нравовъ, выставляя на показъ дрянность тѣла и души человѣка, производитъ въ насъ отвращеніе не къ порокамъ, которые изображаетъ, но къ той картинѣ, которую рисуетъ въ изображеніи ихъ, показывая, что онъ не признаетъ ни злобы, ни добродѣтели, ни возможности раскаянія или исправленія въ той клоакѣ, куда, какъ ему представляется, упали эти обездоленные судьбою классы.

Вслѣдъ за ними другіе писатели любятъ оскорблять стыдъ и вѣру, любятъ свидѣтельствовать о своей симпатіи не къ народу, но къ одной части народа, развращенной городами и мастерскими; любятъ хулить Бога, прославляя сатану, который никогда не любилъ; наконецъ, стараются отклонять отъ исповѣдальни и монастыря, для того чтобы толкать въ таверны и развратные дома.

VIII.

Театръ.

Театръ занимаетъ доселѣ главное мѣсто между искусствами, и когда газеты говорятъ объ искусствѣ и артистахъ, они разумѣютъ комиковъ, пѣвцовъ и коръ-де-балетъ. Драматическое искусство не вызываетъ такого же всеобщаго сочувствія, не представляетъ тѣхъ же значительныхъ выгодъ, ни такого количества трупнъ, которыя посвящали бы себя ему, ни тѣхъ рукоплесканій, которыя награждали бы актеровъ. Но оно сдѣлало успѣхъ, поставивъ себѣ цѣлью — изображать истинное. Тѣмъ не менѣе однако жъ оно даетъ намъ, и даже часто, каррикатуры воображаемаго общества, страсти и событія, выходящія изъ обыкновеннаго порядка вещей; оно гораздо менѣ неблагопристой по въ языкѣ, нежели въ чувствахъ, которыя выражаетъ, и въ положеніяхъ, которыя намъ даетъ.

Французамъ принадлежитъ пальма первенства въ драматическомъ родѣ. Александръ Дюма-сынъ проложилъ путь; анализъ его утонченъ; но его положенія слишкомъ смѣлы и ложны. Онъ часто вредитъ естественности своего діалога, желая блеснуть умомъ или оригиналь-

ностью мысли. Въ слѣдъ за нимъ явились Ожье, Фёйé (Feuillet), Сарду. Этотъ послѣдній плодовитъ въ изобрѣтеніи сложной интриги, которая всегда у него оживлена и подробности которой разнообразны. Нѣкоторые привели комедію къ тому, что она сдѣлалась выраженіемъ соціальныхъ положеній; другіе вслѣдъ за великимъ корифеемъ, вмѣстѣ съ неблагопристойностями извращаемой исторіи, вмѣстѣ съ чувствами, удалившимися отъ истины и дошедшими до послѣднихъ границъ крайности, предприняли возстановленіе нравственнаго авторитета Мессалины, Клеопатры. Нѣкоторые, въ небольшомъ впрочемъ числѣ, пробовали удержать комедію въ ея роли нравственнаго изображенія съ благоразумными положеніями и примѣрами обыкновенныхъ добродѣтелей, которыя слишкомъ презираются.

IX.

Музыка.

Музыка продолжаетъ владычествовать. Кромѣ театра, она имѣетъ общества хораловъ и орфеоновъ; вмѣсто того, чтобы утишать страсти, она возбуждаетъ ихъ при посредствѣ гимновъ и музыкальныхъ трубъ, и это еще счастіе, когда она оказываетъ помощь героизму и правому дѣлу, а не возбуждаетъ къ насилію и рѣзнѣ. Блескъ, который сообщили оперѣ внѣ Италіи, и огромныя употребленныя на нее издержки отняли у Аппенинскаго полуострова первенство, которое принадлежало ему въ этой области. Послѣ Бетховена и Баха и Lieder Мендельсона, Мейерберъ соединилъ гармонію и мелодію. Шуманъ, Литольфъ, Шопенъ († 1849 г.), Листъ, составили себѣ славу въ программной музыкѣ. Тальбергъ сдѣлался извѣстнымъ своими фантазіями; Вагнеръ ввелъ новую систему исключительной гармоніи. Составивъ себѣ извѣстность своимъ „Логенгриномъ“ и своимъ „Тангейзеромъ“, онъ хочетъ сдѣлать изъ музыки искусство, независимое отъ сцены, отъ mezzo termine, отъ обычаевъ, отъ путъ всякаго рода, установляя въ ней драму—симфонію, музыкальную декламацію, которая была бы далека отъ речитатива, какъ отъ аріи, и поставляя въ ней на мѣсто прекраснаго чувственнаго—высокое умственное. Естественно, что французы пренебрегаютъ этимъ родомъ, предпочитая ему драматическій (Обе, Гуно), равно какъ и итальянцы, предпочитающіе Верди, Риччи, Пончіелли, Пачини, Донизетти, Матцукато. Священная музыка, конечно, не позволяетъ себѣ заглушать слово потоками гармоніи.

X.

Изящныя искусства.

Что касается изящныхъ искусствъ, то архитектура, которая представляетъ самое замѣчательное соединеніе ихъ, неизбѣжно должна была обновиться, благодаря введенію матеріаловъ, прежде мало употреблявшихся, какъ желѣзо и стекло, а равно и потому, что нужно было служить новымъ нуждамъ — желѣзныхъ дорогъ, станцій, магазиновъ, зданій для выставокъ.

Но въ государствахъ вновь созданныхъ архитекторъ уступаетъ первенство инженеру, карандашъ уступаетъ компасу; мало умѣли соединять прекрасное съ полезнымъ. Нѣмецъ Земпе († 1879 г.), англичанинъ Барри († 1860 г.), французъ Віоле-ле-Дюкъ († 1879 г.), итальянцы Полетти († 1869 г.), Самбертоло († 1869 г.), принадлежатъ къ школѣ прошедшаго. Какъ обыкновенно случается въ эпохи перехода, пробуютъ или смѣшиваютъ всѣ стили.

Скульптура также можетъ указать на нѣсколько славныхъ именъ. Англичанинъ Гибсонъ († 1866 г.), французъ Давидъ д'Анжеръ. У италіанцевъ послѣ Бартолини, который искалъ воспроизведенія истиннаго, удивлялись Спартаку Вела, Авелю Дюпре, Дженнеру Монтеверде, Сократу Магни. Мода ищетъ между тѣмъ группъ дѣтей, масокъ, раздражающей чувственность наготы.

Въ живописи оставляютъ реторику и академическій родъ, объективность изображенія, позы школы. Теперь желаютъ перейти отъ пластическаго совершенства древнихъ и спиритуалистическаго пуризма XIV-го вѣка къ изображенію истиннаго. Но въ образцахъ истиннаго никогда не было недостатка, а особенно въ священныхъ картинахъ, гдѣ нужно было изображать дѣйствительныхъ людей и домашнія сцены. Въ свѣтской живописи достаточно указать на Бонапарта, посѣщающаго зачумленныхъ въ Яффѣ, гдѣ классически изображены лохмотья и облагорожены страданія. Во всякомъ случаѣ, нельзя допускать изображенія природы безъ мысли и чувства артиста, какъ это бываетъ въ фотографіи. Внимательнымъ изученіемъ истиннаго долженъ управлять критическій духъ нашей эпохи.

Съ нимъ могли первоначально сообразоваться въ изображеніи пейзажа, цвѣтовъ, раскаленной земли Неаполя, и вообще обыкновенной, повседневной жизни. Такъ какъ теперь не существуетъ уже большихъ заказовъ для церквей и дворцовъ и нужно приспособляться къ малости аппартаментовъ, то представляются рѣдко удобные случаи изображать предметы въ большихъ размѣрахъ, съ хорошо задуманной идеей, вѣрностью костюмовъ, серьезностью сценъ, величіемъ въ исполненіи рисовки, движеніемъ чувствъ въ дѣйствіяхъ благородно человѣческихъ.

Между тѣмъ, парижская выставка представила образцы этого рода — въ Австріи, въ Испаніи и особенно во Франціи. Между ними Давидъ, Гро, Делакруа, Дюваль, Мюле, Жерико, Энгръ (Ingres), который говорилъ: „рисунокъ—это душа искусства“,—имѣютъ достойныхъ преемниковъ въ лицѣ Лоранъ, Беккера, Сильвестра, Буланже, Делоне, Флери, Ролль, Глезъ. Это художники съ огромнымъ талантомъ въ изображеніи сценъ древней, или современной исторіи, или въ изображеніи предметовъ новыхъ, большею частію патріотическихъ, всегда серьезныхъ, иногда трагическихъ.

Значительное количество живописцевъ перешло отъ философскаго рода Деларошъ, д'Ари-Шефферъ, Фландренъ, къ идолопоклонству передъ формой, а потомъ, чтобы отрѣшиться отъ итальянцевъ, на которыхъ, однако-жъ, они воспитались, они предались напыщенности, перешедши къ изображенію страшныхъ событій или непріятной правдивости изображенія. Немногіе сохранили свою художественную самобытность и остались оригинальными, какъ напримѣръ, Реньо, Бугеро, которыхъ характеръ—сила, или какъ граціозный Коро.

Англичанинъ Рюскинъ увлекся любовью къ XIV вѣку и занялся отыскиваніемъ другихъ сюжетовъ, помимо собственно изящныхъ (delicat).

Въ Германіи также создаютъ глубоко обдуманныя картины, какъ напр. „Лютеръ“ Кольбаха и „Карлъ Пятый“ Макара.

Но вообще говоря, живопись не имѣетъ въ настоящее время характера оригинальности. Если она представляла суровый и строгій характеръ въ XIII вѣкѣ, правильный и спиритуалистическій въ XIV съ оттѣнкомъ мира и любви, свободный и изящный въ XV вѣкѣ, своеобразный и неправильный въ XVI, если она была сначала подражательною, а потомъ классическою въ теченіе послѣдняго столѣтія и въ началѣ нашего, то въ настоящее время она имѣетъ характеръ эклектическій, какъ это существуетъ теперь во всемъ. И даже въ Италіи знаменитыя имена Бертини, Де-Нитти, Пазини, Пагліано, де-Зона, д'Индуно и нѣкоторыя другія не представляютъ исключенія изъ этого общаго направленія. Гэйе (Hayez) развилъ любовь къ драматическому. Въ возвышенныхъ предметахъ, однако жъ, все еще чувствуется академическій родъ; нужно исключить jconoclastes Морелли и аѳинскаго правителя Усси. Маріани и Фракасини соперничали съ лучшими живописцами фрескъ. На выставкахъ находятъ въ бо̀льшомъ количествѣ пейзажи, портреты, шуточныя сцены, нежели сюжеты, которые обдумывались бы въ теченіе годовъ. Въ картинахъ религіознаго содержанія, чувствуется упадокъ вѣры: святые имѣютъ слишкомъ человѣческій характеръ.

Фотографія отняла много портретовъ у живописи, но она также помогла сильно распространенной модѣ къ иллюстраціямъ. Съ помощью литографіи и гравированія на деревѣ, иллюстрировали огромное количество книгъ. Назовемъ въ числѣ ихъ Данте и „библію“ Густава

Доре, „путешествіе вокругъ свѣта“ Картона, третье вторженіе Верона, съ рисунками Огюста Лансона. Мы могли бы прибавить къ этому, что всѣ историческія сочиненія и всѣ романы иллюстрировались.

Прекрасный карандашъ Шама († 1879 г.) никогда не будетъ забытъ.

Большое количество писателей занималось исторіею изящныхъ искусствъ, исправляя иногда съ помощью новыхъ документовъ то, что сообщали ихъ предшественники. Эту задачу исполнили по отношенію къ Вассари миланцы—Кроуэ и Кавалькасель, историки итальянской живописи, какъ Любке. Мюнцъ описалъ памятники Рима. Послѣ подробной біографіи, Пассаванъ, Гриммъ, Форстеръ, Спрингеръ, писали въ Германіи о Рафаэлѣ, а въ отечествѣ послѣдняго образовалось общество, носящее имя великаго художника. Новыя идеи легли въ основаніе критики; но онѣ отличаются иногда характеромъ положительнаго сумасбродства. Послѣ Ріо и Катремера, нужно назвать во Франціи Віардо, Лаборда, Куанде, Грюйе, Сире, Клеманъ, Веронъ. Нѣмецкая эстетика представляетъ отвлеченности, которыя не служатъ искусству.

Вообще, искусство вошло въ сдѣлку съ главнымъ порокомъ нашего вѣка: оно вульгаризировалось. Современный прогрессъ облегчилъ выполненіе, создавъ пріемы, дающіе возможность производить съ большею быстротою въ большемъ количествѣ и пріобрѣтать популярность. Но въ этомъ способѣ производства нѣтъ принципа для твореній оригинальныхъ, ни условій для прогресса. Кромѣ того, есть искусство, которое укрѣпляетъ, возвышаетъ, облагораживаетъ человѣческую природу; и есть другое, которое ее унижаетъ, низводитъ съ высоты, портитъ. Этотъ послѣдній родъ искусства имѣетъ своихъ адептовъ, также какъ и первый.

(Окончаніе въ слѣдующей книжкѣ).

ПРУССКОЕ ПОСОЛЬСТВО ВЪ КРЫМЪ ВЪ СЕМИЛѢТНЮЮ ВОЙНУ [1].

СЕМИЛѢТНЯЯ война, о которой навсегда остались лишь одни горькія воспоминанія и которая, возникнувъ изъ-за сѣверогерманской провинціи, распространилась до Африки, дол̀совъ Канады, и береговъ Ганга, была хорошо изучена и много разъ описана. Она поглотила богатства всей Европы; многія сотни тысячъ людей погибли въ ней. Фридрихъ II, вышедшій изъ этой войны побѣдителемъ, нѣсколько разъ въ теченіи ея находился на краю гибели, а Франція вынесла изъ борьбы ужасный трактатъ 1763 года.

Эти воспоминанія слишкомъ тяжки и на нихъ нѣтъ охоты останавливаться. Но въ ряду битвъ, опустошеній и рѣзни, наполнявшихъ собою эти годы, выдѣляется одинъ странный эпизодъ, который переноситъ насъ со скучныхъ равнинъ Силезіи на свѣтлыя поля Тавриды и является какой-то восточной сказкой, среди суровой прозы войны. Впрочемъ, этотъ эпизодъ совсѣмъ не сказка а страница истинной исторіи, только мало извѣстная. Мы попытаемся воспроизвести ее.

Это случилось въ 1761 году. Всякому извѣстно, какъ Фридрихъ II, заручившись англійской субсидіей и располагая лишь средствами своего маленькаго прусскаго королевства, въ которомъ въ то время считалось не болѣе пяти милліоновъ населенія, возъимѣлъ дерзость бороться съ европейской коалиціей, въ составъ которой входили Фринція, Австрія, Саксонія, Швеція и Россія. Всякому извѣстны блестящіе успѣхи его первыхъ кампаній, его вторженіе въ Саксонію, въ

[1]) Une ambassade prussienne pendant la guerre de sept ans. Nouveaux recits de voyage; par Xavier Marmier. Paris. 1879.

Богемію, капитуляція Пирны, битва при Прагѣ и несчастная для Франціи Росбахская битва, которую Вольтеръ такъ постыдно увѣковѣчилъ въ одной изъ своихъ льстивыхъ одъ.

Но счастливые дни быстро миновали и смѣнились днями неудачъ. Французы вторглись въ Вестфалію и Ганноверъ. Герцогъ Ришелье на берегахъ Эльбы разбилъ, преслѣдовалъ и заставилъ положить оружіе войска, которыя были посланы Георгомъ II на помощь Фридриху. Герцогъ де-Брольи, дѣдъ и отецъ котораго были маршалами Франціи, достигъ того же званія на поляхъ Бергена, имѣя сорокъ два года отъ рода. Русскіе завладѣли сѣверной частью Пруссіи, и въ то время какъ раззоренныя наслѣдственныя владѣнія Фридриха находились подъ управленіемъ непріятельскихъ отрядовъ, самъ онъ, неизмѣнно энергичный, неустрашимый и проворный, претерпѣвалъ въ другихъ мѣстахъ неудачу за неудачей.

Онъ былъ разбитъ австрійскимъ маршаломъ Дауномъ, русскимъ генераломъ Салтыковымъ, Лаудономъ, котораго онъ не принялъ въ свою армію, находя черезчуръ непривлекательными его рыжіе волосы и тщедушную фигуру.

Въ дѣлѣ при Коллекѣ онъ бѣгалъ, какъ помѣшанный, среди оробѣвшихъ солдатъ, стараясь собрать ихъ и крича имъ съ яростью: „Негодяи! Не думаете ли вы жить вѣчно!“

Послѣ битвы при Гохкирхенѣ, гдѣ непріятель отбилъ у него сто пушекъ и тридцать знаменъ, онъ узналъ о смерти нѣжно-любимой сестры своей, маркграфини Байрейтской. Въ тотъ же вечеръ его видѣли читающимъ проповѣди Бурдалу въ своей палаткѣ. Горе побѣдило въ немъ скептицизмъ; король-вольтерьянецъ искалъ утѣшенія въ книгѣ католическаго патера.

Жесточайшею изъ его неудачъ было дѣло подъ Кунесдорфомъ. Истощивъ всѣ усилія, чтобы ободрить къ новому бою своихъ солдатъ, падавшихъ отъ утомленія и разгромленныхъ австрійскими и русскими пушками, онъ въ отчаяніи бродилъ посреди мертвыхъ и умирающихъ. Кто-то изъ офицеровъ увелъ его съ поля битвы и пріютилъ въ крестьянской избушкѣ. Тутъ онъ занялся своимъ завѣщаніемъ и написалъ въ Берлинъ министру Финкенштейну слѣдующія слова: „Я думаю, что все потеряно. Я не переживу гибели моего королевства“.

И въ самомъ дѣлѣ, если бы непріятельскіе полководцы съумѣли какъ слѣдуетъ воспользоваться своей побѣдой, то можно было бы сказать, что для Фридриха все потеряно. Но раздоры и медлительность ихъ дали ему возможность вновь собрать остатки своей арміи и возобновить боевые запасы. Въ слѣдующемъ же году онъ бросился на австрійцевъ и одержалъ надъ ними блестящую побѣду. Но денежныя средства были истощены; большая часть его владѣній подверглась полному раззоренію; житницы были разграблены, деревни выжжены, поля и лѣса опустошены. Англія все еще продолжала выплачивать

ему 670,000 фунтовъ стерлинговъ ежегодной субсидіи. Въ этомъ и заключался основной источникъ его доходовъ. Съ помощью еврея Эфраима, директора монетнаго двора въ Берлинѣ, Фридрихъ, по словамъ Э. Фезе, чеканилъ изъ этихъ полновѣсныхъ англійскихъ фунтовъ около девяти милліоновъ низкопробныхъ талеровъ. Народъ вопилъ, но король невозмутимо продолжалъ свою, какъ онъ выражался „вынужденную продѣлку“. Эти фальшивые талеры давали ему возможность платить самымъ настойчивымъ изъ кредиторовъ и даже усиливать личный составъ своихъ батальоновъ. Вербовщики доставляли ему солдатъ по пятнадцати талеровъ съ души; правда, между этими новобранцами попадались бродяги и преступники, но суровая дисциплина живо исправляла ихъ.

Въ 1760 году Георгъ II умеръ. Энергичный заступникъ Пруссіи, Питъ, былъ замѣщенъ лордомъ Бьютомъ и субсидія въ 670,000 фунт. прекратилась. Фридрихъ продалъ свои наслѣдственные брилліанты. Онъ захотѣлъ мира. Могучіе противники его, считая его дѣло погибшимъ, не соглашались ни на какую уступку. Русскіе угрожали Берлину. Въ 1761 году, они завладѣли крѣпостью Кольбергомъ и расположились лагеремъ въ Помераніи. Австрійцы, подъ предводительствомъ неутомимаго Лаудона, взяли приступомъ укрѣпленія Глатца, крѣпостцу Швейдницъ и командовали оттуда цѣлой половиной Силезіи.

Для того, чтобы защищать до послѣдней возможности эту провинцію, Фридрихъ расположился въ ней на зимнія квартиры. Его лагерь находился въ Штреленѣ, на равномъ разстояніи отъ Бреславля и Швейдница; резиденціей своей онъ избралъ деревню Войсельвитцъ.

Въ то время какъ онъ жилъ тамъ, окруженный непріятелемъ и лишенный послѣдняго союзника, послѣ такой продолжительной борьбы. его военная слава подготовляла ему вдали новаго союзника.

Это былъ крымскій ханъ Керимъ-Гирей, татаринъ, обладавшій склонностью къ литературѣ и искусствамъ, природной хитростью и пониманіемъ возвышеннаго; храбрый солдатъ, который, благодаря своимъ блестящимъ подвигомъ, сдѣлался ханомъ, вассаломъ султана, то-есть, въ сущности, полнымъ властелиномъ поэтической страны.

Во время войны за австрійское наслѣдство, онъ отправилъ къ Фридриху посольство, чтобы выразить ему свое восхищеніе. Спустя нѣсколько лѣтъ, Фридрихъ пытался заключить торговый договоръ съ Турціей, и прусскій дипломатъ, Рексинъ, которому была ввѣрена эта миссія, получилъ въ то же время приказаніе разузнать, что̀ окажется возможнымъ, о характерѣ и положеніи татарскаго владѣтеля, питавшаго, повидимому, такой живой интересъ къ нѣмецкимъ войнамъ.

Въ Константинополѣ Рексинъ встрѣтился съ однимъ голландцемъ, по имени Боскампомъ, который, при всей своей молодости, успѣлъ уже испытать не мало приключеній. Сначала онъ былъ студентомъ богословскаго факультета и, казалось, ни о чемъ другомъ не меч-

талъ, какъ сдѣлаться скромнымъ пасторомъ въ какой нибудь деревенькѣ. Любовное приключеніе отклонило его отъ этого благого намѣренія. Вмѣсто мирной духовной дѣятельности, онъ избралъ военную, поступивъ въ австрійскій гусарскій полкъ. Въ одно прекрасное утро, утомленный военщиной, онъ отправился въ столицу султановъ и, облекшись въ турецкій костюмъ, былъ готовъ каждую минуту сдѣлаться настоящимъ туркомъ.

Рексинъ принялъ его къ себѣ на службу въ должность министерскаго курьера и поручилъ отвезти депеши въ Силезію.

Фридрихъ, побесѣдовавъ съ нимъ, счелъ его достойнымъ болѣе высокаго поста. Онъ послалъ Боскампа въ качествѣ дипломатическаго агента ко двору Керимъ-Гирея, и былъ обязанъ этому странному посреднику новымъ доказательствомъ почтенія со стороны могучаго властителя, выразившимся въ посольствѣ, которое въ 1761 году прибыло въ Штреленъ.

Любопытно было видѣть шествіе по бѣдной силезской деревушкѣ этихъ восточныхъ пословъ, въ ихъ роскошныхъ костюмахъ, шитыхъ золотомъ, въ шолковыхъ поясахъ, съ оружіемъ изъ дамасской стали.

Начальникъ этой блестящей толпы передалъ Фридриху, при посредствѣ переводчика, въ самыхъ цвѣтистыхъ выраженіяхъ, привѣтъ отъ своего властелина, великаго, мудраго Керимъ-Гирея, хана крымскаго и всѣхъ европейскихъ татаръ. Послѣ этого, онъ проговорилъ свои собственныя имена и титулы. Его звали Мустафа-Ага и онъ съ гордостью именовалъ себя брадобреемъ хана.

При этихъ словахъ, сардоническая улыбка, тотчасъ же подавленная, промелькнула на губахъ короля. Генералы, присутствовавшіе при этой аудіенціи, также улыбнулись. Фридрихъ съ важностью замѣтилъ имъ, что на востокѣ нѣтъ наслѣдственной знати, что тамъ простой ремесленникъ можетъ дойти до высшихъ должностей и всякій цирульникъ можетъ попасть въ дипломаты, если властелинъ питаетъ къ нему довѣріе.

Послѣ того, Мустафа, взявъ отъ одного изъ своихъ подчиненныхъ письмо, запечатанное большой печатью, опустился на колѣни и подалъ его королю. Въ этомъ письмѣ Керимъ-Гирей предлагалъ прусскому герою предоставить въ его распоряженіе шестнадцать тысячъ татаръ за особое денежное вознагражденіе, цифра котораго можетъ быть опредѣлена въ послѣдствіи по добровольному соглашенію.

Понятно, съ какой радостью принялъ Фридрихъ такое предложеніе, въ виду одолѣвавшихъ Пруссію противниковъ. Въ это мгновеніе тщеславный брадобрей вдругъ, совершенно неожиданно, заговорилъ на чистомъ нѣмецкомъ языкѣ.

— Какъ, вскричалъ съ изумленіемъ король, вы изучали нѣмецкій языкъ!

— Я ребенкомъ попалъ въ плѣнъ къ русскимъ, при осадѣ Очакова, сказалъ Мустафа. Меня отправили въ Голштинію, откуда я по

прошествіи нѣкотораго времени нашелъ возможность убѣжать и вернуться на родину.

Отвѣтъ казался благовиднымъ; однако же король выслушалъ его съ нѣкоторымъ недовѣріемъ. Надутыя, театральныя манеры цирульника сразу возбудили въ немъ подозрѣніе. Онъ спрашивалъ себя, не есть ли все это восточное посольство простая продѣлка со стороны его противниковъ, задуманная съ цѣлью глумиться надъ нимъ, или не кроется ли тутъ какой нибудь серьезной каверзы?

Рѣшившись не попадаться въ ловушку, онъ поручилъ двумъ своимъ офицерамъ приготовить помѣщеніе для Мустафы и принять всѣ мѣры, чтобы сдѣлать для него пребываніе въ лагерѣ возможно пріятнымъ; но въ то же время быть на сторожѣ и не терять его изъ виду ни на одну минуту, слѣдя за каждымъ его словомъ и шагомъ.

Въ тогдашнемъ затруднительномъ положеніи Фридриха никакая мѣра предосторожности не могла быть излишней. Убѣдившись, однако же, съ теченіемъ времени, что посольство изъ Тавриды, при всей его видимой странности, было дѣломъ серьезнымъ, онъ пустился въ соображенія о планахъ новыхъ кампаній, въ разсчетѣ на предлагаемую поддержку.

Онъ намѣревался уговорить храбраго татарина сдѣлать набѣгъ на русскихъ, увлечь въ то же движеніе Турцію и этимъ неожиданнымъ натискомъ принудить русскихъ очистить Померанію и покинуть Бранденбургъ.

Онъ надѣялся добиться отъ Керимъ-Гирея подкрѣпленія въ шесть или восемь тысячъ человѣкъ, которыхъ хотѣлъ присоединить къ своей арміи.

Для того, чтобы облегчить осуществленіе своихъ проектовъ, онъ избралъ молодаго, умнаго офицера, Гольтца, далъ ему словесныя и письменныя инструкціи и вѣрительныя грамоты къ хану и ко всему этому прибавилъ золотую, усыпанную брилліантами шкатулку.

Говорливый брадобрей пустился въ обратный путь, совершенно счастливый тѣмъ, что удостоился лицезрѣть великаго короля, а съ нимъ вмѣстѣ отправился и Гольтцъ, заранѣе восхищавшійся предстоящимъ путешествіемъ. Заманчивое, въ самомъ дѣлѣ, путешествіе для человѣка молодаго, впечатлительнаго, не видавшаго въ своей жизни ничего, кромѣ песчаныхъ равнинъ и мрачныхъ лѣсовъ сѣверной Германіи!

Медленно проѣхавши Польшу, Молдавію и Валахію, онъ достигъ, наконецъ, въ началѣ зимы, поэтическаго Крыма и его столицы Бахчисарая.

Не блестящихъ пословъ отправилъ прусскій король въ эту восточную столицу, ко двору наслѣдниковъ Чингисхана: сначала какого-то полуренегата, голландскаго студента, а потомъ простаго кавалерійскаго поручика! Но и при всей ихъ внѣшней незначительности, имъ приходилось еще соблюдать всевозможныя предосторож-

ности. Въ Бахчисараѣ находились въ это время русскіе агенты и французскій консулъ; нужно было старательно скрывать отъ нихъ замыслы Фридриха. Посовѣтовавшись съ Боскампомъ и Мустафою, особенно интересовавшимся прусскими дѣлами, Гольтцъ рѣшился объявить себя ремонтеромъ, которому поручено закупить въ Крыму лошадей и который, для облегченія своего дѣла, желалъ бы заручиться ханскимъ фирманомъ.

Съ этой именно цѣлью онъ и попросилъ аудіенціи у хана. Вѣрный ханскій брадобрей предупредилъ своего властелина объ уловкѣ прусскаго посла и послѣдній былъ приглашенъ во дворецъ.

Пройдя нѣсколько дворовъ, освѣжаемыхъ струями фонтановъ, нѣсколько садовъ, полныхъ цвѣтами, нѣсколько дверей, покрытыхъ поэтическими надписями, и рядъ покоевъ, разрисованныхъ и раззолоченныхъ, какъ дворцы калифовъ въ „Тысячѣ и Одной Ночи," онъ вступилъ въ залъ, разукрашенный роскошнѣе всѣхъ другихъ. Тутъ, посреди сановниковъ, одѣтыхъ въ самые пышные костюмы, возсѣдалъ самъ ханъ, бравый сорокалѣтній мужчина, съ умной и вмѣстѣ съ тѣмъ внушающей уваженіе физіономіей.

Выслушавъ съ величественнымъ видомъ привѣтственное слово молодого офицера, ханъ приказалъ подать ему кальянъ и кофе и пустился разговаривать съ нимъ, хотя и въ фамильярномъ тонѣ, но не безъ достоинства. Онъ говорилъ о Фридрихѣ, въ которомъ его восхищали не однѣ только военныя доблести и тактическія познанія, но и вкусъ къ музыкѣ и литературѣ. Чтобы блеснуть своими познаніями, ханъ упомянулъ въ разговорѣ имена кое-какихъ европейскихъ писателей, между прочимъ, Монтескье. Потомъ онъ сказалъ послу:

--- Приглашаю васъ на мои концерты. Вы увидите, что мой дворъ не забытъ музами, и когда вы будете писать вашему повелителю, не забудьте упомянуть, что его татарскій другъ и почитатель не совсѣмъ ужъ варваръ. У меня есть оркестръ музыкантовъ, играющихъ на разныхъ инструментахъ, и труппа актеровъ, разыгрывающая французскія пьесы; онѣ не всегда понятны для меня, но очень мнѣ нравятся.

На этотъ разъ, по условію съ Мустафой, одобренному и самимъ ханомъ, Гольтцъ ограничился просьбой о фирманѣ, разрѣшающемъ покупку лошадей. Но на другой день вечеромъ, онъ былъ тайно введенъ въ кабинетъ хана и опредѣленно высказалъ ему истинныя цѣли своего посольства. Онъ произнесъ великолѣпную рѣчь, въ которой ярко выставилъ всѣ преимущества союза между Турціей и Пруссіей. Такъ какъ большая часть войскъ русской царицы находилась въ это время въ Бранденбургѣ и Помераніи, то, по его словамъ, набѣгъ на Россію представлялся самымъ легкимъ дѣломъ. Фридрихъ убѣждалъ могучаго Керимъ-Гирея предпринять эту экспедицію, и просилъ его въ то же время прислать на помощь Пруссіи нѣсколько тысячъ человѣкъ, для осуществленія другаго многообѣщающаго предпріятія.

Ханъ, выслушавъ молча и съ видимымъ удовольствіемъ рѣчь молодого посланника, отвѣчалъ, что онъ искренно преданъ брату своему, королю прусскому, и съ большой охотой окажетъ ему содѣйствіе.

— Но прежде чѣмъ двинуть въ походъ мои войска, прибавилъ онъ, мнѣ придется принять нѣкоторыя предосторожности и добиться сначала одобренія со стороны Турціи.

Гольтцъ, изумленный такимъ уклончивымъ отвѣтомъ, спросилъ, что-же нужно сдѣлать, чтобы ускорить походъ.

— О, возразилъ Керимъ-Гирей, со свойственной ему хитрой и насмѣшливой миной,—тутъ возникаетъ одинъ вопросъ, очень непріятный и досадный, но требующій точнаго и опредѣленнаго рѣшенія—именно, денежный вопросъ. Мнѣ пришлось сдѣлать огромныя затраты на поправку этого стараго дворца моихъ предковъ и украшеніе его тѣми богатыми коврами и диванами, которые вы видѣли. Моя власть обязываетъ меня къ безпрестаннымъ и крупнымъ издержкамъ. Кромѣ того, надо вамъ признаться, что я былъ вовлеченъ въ нѣкоторое роковое и рискованное предпріятіе. Одинъ жившій здѣсь французъ увѣрилъ меня, что Таврическія горы содержатъ въ своихъ нѣдрахъ драгоцѣнные металлы. Я потерялъ немало піастровъ на раскопкахъ и развѣдкахъ, которыя не принесли мнѣ ни одной крупинки золота. Теперь моя казна пуста и я обремененъ долгами.

— Если бы добиться заключенія мира, сказалъ Гольтцъ, Европа въ скоромъ времени пришла бы въ состояніе благоденствія, которое, несомнѣнно, способствовало бы и обогащенію Крыма; а лучшее средство добиться мира—это напасть на Россію и побѣдить ее.

— Да, вскричалъ ханъ, поднимаясь во весь ростъ, я ненавижу русскихъ, ненавижу ихъ съ первыхъ дней моей жизни, съ того дня, когда я видѣлъ, какъ они подъ предводительствомъ Миниха вторглись въ нашъ славный Крымъ, разграбили наши города и опустошили деревни. Я поклялся, что заставлю ихъ искупить эти звѣрства, и сдержу свою клятву. Уговорите же вашего повелителя помочь мнѣ вооружиться, попросите его прислать ко мнѣ кого нибудь изъ его ученыхъ врачей, и вы увидите, какую войну поведу я противъ русскихъ!

Говоря такимъ образомъ, Керимъ-Гирей высказывалъ свою задушевную мысль. Онъ на самомъ дѣлѣ былъ очень храбръ и дѣйствительно восторгался прусскимъ королемъ. Но къ его храбрости примѣшивалась немалая доля любостяжанія, и энтузіазмъ его не былъ свободенъ отъ матеріальныхъ разсчетовъ.

— Денегъ, денегъ, твердилъ онъ.

Денегъ у Фридриха не было; къ тому же, провинціи, опустошенныя русскими и австрійцами, требовали немедленной помощи. Но такъ какъ онъ придавалъ огромное значеніе успѣху своихъ переговоровъ съ Керимъ-Гиреемъ, то и предоставилъ въ распоряженіе Гольтца очень крупную сумму денегъ,ославъ въ то же время по-

рядочное количество шелковыхъ тканей, бархата, превосходнаго оружія, табакерокъ, золотыхъ часовъ и другихъ блестящихъ бездѣлушекъ въ подарокъ татарскому вождю. Сверхъ того, онъ извѣщалъ, что одинъ изъ лучшихъ нѣмецкихъ медиковъ немедленно отправляется изъ Берлина въ Бахчисарай.

— О! воскликнулъ ханъ, услышавъ обо всемъ этомъ и съ восторгомъ любуясь присланными подарками,—теперь Фридрихъ увидитъ, что я умѣю быть другомъ его друзей и врагомъ его враговъ. Скоро я соберу свои войска въ Бессарабіи и оттуда мы нападемъ на русскихъ. Но я не могу ни къ чему приступить до рамазана.

Керимъ-Гирей былъ еще не вполнѣ доволенъ. На слѣдующій же день онъ попросилъ подарковъ для своихъ приближенныхъ, а потомъ для себя сто тысячъ піастровъ. Наконецъ, послѣ всевозможныхъ колебаній и отсрочекъ, дѣло было рѣшено. Ханъ занялся приготовленіями къ войнѣ. Онъ обѣщалъ въ самомъ непродолжительномъ времени двинуться въ походъ, а Гольтцъ долженъ былъ поджидать его въ Яссахъ.

Боскампъ остался въ Бахчисараѣ, совершенно довольный отъѣздомъ молодого офицера, старшинство котораго надъ собой онъ обязанъ былъ признавать, въ восторгѣ отъ мысли, что отнынѣ онъ остается единственнымъ представителемъ Пруссіи при ханѣ.

Такимъ образомъ, все, наконецъ, устроилось и Фридрихъ могъ поздравить себя съ тѣмъ, что не напрасно испытывалъ свое терпѣніе во время всѣхъ этихъ безконечныхъ переговоровъ, потому что ему удалось таки добиться весьма существенной поддержки. И вдругъ, какъ на счастье, совершенно неожиданное событіе даетъ ему и другую не менѣе существенную поддержку, и даже заставляетъ во многомъ измѣнить уже состав..енные планы.

Въ одно прекрасное утро, онъ самымъ веселымъ тономъ объявилъ своимъ офицерамъ:

— Господа, чортъ прибралъ, наконецъ, старую шельму.

Особа, которой онъ отчиталъ такую оригинальную заупокойную молитву, была никто иная, какъ императрица Елизавета, его непримиримый врагъ. Онъ оскорбилъ ее и г-жу Помпадуръ эпиграммами. И кто можетъ счесть, сколько крови стоили Европѣ эти двѣ эпиграммы?..

Елизавета умерла на пятьдесятъ третьемъ году, не простивъ Фридриху обиды, а ея племянникъ и преемникъ Петръ III питалъ къ тому же Фридриху безграничное уваженіе. Онъ называлъ его „король, мой учитель“. Онъ не могъ воспрепятствовать теткѣ посылать противъ короля безчисленные полки, но насколько могъ, какъ наслѣдникъ престола, онъ смягчалъ жестокость этой войны. Министры и генералы, повинуясь своей государынѣ, щадили въ то же время слабость ея наслѣдника. На другой день послѣ побѣды при Кунерсдорфѣ, Салтыковъ отвѣчалъ тѣмъ, которые совѣтовали ему воспользоваться вполнѣ плодами своей побѣды:

— Я вовсе не намѣренъ въ конецъ уничтожить короля.

По восшествіи на престолъ, Петръ III началъ съ того, что приказалъ заключить перемиріе между русскими и прусскими войсками. Потомъ онъ освободилъ прусскихъ офицеровъ и солдатъ, взятыхъ въ плѣнъ генералами Елизаветы. Онъ далъ имъ денегъ на возвращеніе въ отечество, роздалъ вспомоществованіе жителямъ Помераніи, приказалъ русскимъ войскамъ очистить Бранденбургъ, который они занимали уже три года сряду и, наконецъ, заключилъ съ Фридрихомъ оборонительный и наступательный союзъ.

Направляясь въ Бессарабію, Керимъ-Гирей получилъ увѣдомленіе, что ему придется драться уже не съ русскими, а съ австрійцами. Непріятно пораженный этой перемѣной, онъ сначала замедлилъ свой путь, а потомъ и вовсе пріостановился близъ Бендеръ въ своемъ пышно разукрашенномъ замкѣ. Боскампъ и берлинскій врачъ находились при немъ.

Скоро явился Гольтцъ съ новыми инструкціями. Ханъ дружескимъ тономъ сказалъ ему:

— Благодаря стараніямъ ученаго врача, котораго прислалъ ко мнѣ братъ, прусскій король, я возстановилъ свое здоровье и очень радуюсь этому. Одно меня непріятно и неожиданно поразило,—это то, что вы примирились съ русскими, моими исконными врагами, и что мнѣ приходится воевать съ австрійцами, которыхъ я считаю народомъ храбрымъ и честнымъ. Меня мучитъ мысль, что приходится сворачивать съ дороги, которая вела меня прямо къ цѣли, въ тотъ моментъ, когда я могъ бы нанести русскимъ страшный ударъ. Но я люблю вашего короля; я уступаю его желаніямъ. Если онъ приметъ мои условія, то я пошлю къ нему въ Силезію восемь тысячъ человѣкъ, а самъ поведу пятьдесятъ тысячъ въ Венгрію.

За предоставленіе въ распоряженіе Пруссіи этихъ двухъ отрядовъ, Керимъ-Гирей требовалъ прежде всего новую субсидію въ четыреста пятьдесятъ мѣшковъ золота. Сверхъ того, онъ требовалъ, чтобы Россія воздерживалась отъ всякой враждебной демонстраціи противъ Турціи и чтобы крѣпости, построенныя русскими на татарскихъ границахъ, были разрушены, а казаки, занявшіе татарскія земли, немедленно очистили бы ихъ.

— Я надѣюсь, отвѣчалъ Гольтцъ, что мой августѣйшій повелитель заключитъ съ вами въ скоромъ времени прочный договоръ.

— Да, возразилъ ѣдкимъ тономъ ханъ,—письменный договоръ, не правда ли? Мы, дѣти природы, не имѣемъ надобности записывать нашихъ обѣщаній. Наша религія предписываетъ намъ исполнять ихъ, и простаго нашего слова достаточно, чтобы объявить войну или заключить миръ. Но западные народы не вѣрятъ одинъ другому; имъ во всякомъ дѣлѣ нужно письменное условіе. Бумага не краснѣя принимаетъ на себя всякую ложь, тогда какъ съ устъ правовѣрнаго ложь сойти не можетъ. Вы будете вѣрить мнѣ на слово, а мнѣ при-

дется изучать ваши письмена день и ночь, при блескѣ солнца и при свѣтѣ луны.

Отвѣтъ Фридриха былъ доставленъ черезъ курьера. Во многихъ пунктахъ отвѣтъ этотъ былъ вполнѣ ясенъ, но въ другихъ темноватъ; что касается самой сути — уплаты четырехсотъ пятидесяти мѣшковъ золота, Фридрихъ обѣщалъ произвести ее только тогда, когда вооруженіе обѣщанныхъ отрядовъ будетъ окончено.

Ханъ остался недоволенъ.

Фридрихъ, этотъ могучій король, казавшійся ему идеаломъ всяческихъ доблестей, являлся вдругъ какимъ-то мелочнымъ и разсчетливымъ. Въ то время какъ ханъ предавался этимъ меланхолическимъ думамъ, онъ получилъ изъ Константинополя не очень утѣшительныя вѣсти; его увѣдомляли, что переговоры о союзѣ, начатыя Пруссіей съ султаномъ, были парализованы французскимъ посланникомъ.

Тогда онъ велѣлъ позвать къ себѣ обоихъ пословъ Фридриха и держалъ къ нимъ такую рѣчь:

— Пока я не дождусь опредѣленныхъ рѣшеній со стороны Высокой Порты, до тѣхъ поръ я принужденъ прекратить переговоры съ вашимъ повелителемъ и вы перестаете быть его офиціальными представителями. Вы остаетесь моими гостями, я приглашаю васъ по прежнему посѣщать мои концерты и спектакли.

У галантнаго татарскаго хана и въ Бессарабію взяты были съ собой музыканты и актеры. Впрочемъ, дипломатическіе вопросы не переставали занимать его по прежнему; но вдругъ одинъ неожиданный случай, уже совершенно не дипломатическаго характера, разжегъ его гнѣвъ.

У главнаго бахчисарайскаго толмача была дочь, дѣвушка необычайной красоты. Керимъ-Гирей любилъ ее и страстно желалъ привлечь ее въ свой гаремъ. Но на всѣ его пышные подарки и обѣщанія она отвѣчала рѣшительнымъ отказомъ. Кажется, еще не было случая, чтобы татарскій владыка когда нибудь потерпѣлъ такое фіаско въ любовныхъ дѣлахъ. Отыскивая причины своей неудачи, онъ не замедлилъ убѣдиться въ томъ, что очаровательная Сейнебъ, такая недоступная въ отношеніи его пресвѣтлаго величества, далеко не такъ безчувственна къ другимъ искушеніямъ. Боскампъ тоже, какъ оказалось, строилъ ей куры, и она весьма внимательно выслушивала изліянія бывалаго студента.

Коранъ формально осуждаетъ на смерть всякаго невѣрнаго, осмѣлившагося соблазнять мусульманку, если только онъ самъ не переходитъ въ исламъ. Но Керимъ-Гирей не захотѣлъ воспользоваться этимъ закономъ. Онъ только приказалъ пылкому голландцу оставить свои ухаживанья и далъ себѣ самому слово не искать болѣе любви той, которая предпочла ему подобное ничтожество. Не смотря на всю свою страсть къ ней, онъ ни разу не искалъ случая увидѣть ее

и былъ увѣренъ, что голландецъ съ своей стороны тоже держится даннаго обѣщанія.

Такъ прошло нѣсколько мѣсяцевъ.

У хана была привычка прогуливаться по ночамъ переодѣтымъ, на манеръ Гарунъ-Альрашида. Разъ ночью, когда онъ бродилъ вокругъ своего бессарабскаго замка, слухъ его пораженъ былъ мелодическими звуками женскаго голоса, напѣвавшаго татарскую пѣсенку. Онъ приблизился къ тому мѣсту и убѣдился, что находится передъ домомъ, въ которомъ жилъ Боскампъ. Въ одной изъ залъ этого дома, сквозь полуоткрытыя окна, онъ увидѣлъ—кого же?—прелестную, соблазнительную Сейнебъ, показавшуюся ему въ эту минуту еще болѣе прекрасной и соблазнительной, потому что онъ ни на одну миниту не переставалъ любить ее. Онъ заставилъ себя отказаться отъ обладанія ею, въ надеждѣ, что и его мизерный соперникъ сдѣлаетъ то же самое, и вдругъ онъ видитъ ее около этого злодѣя, кокетливо разодѣтую, веселую, поющую и танцующую!

При такомъ зрѣлищѣ страсть и ревность овладѣли имъ. Разъяренный спѣшитъ онъ къ себѣ въ замокъ, зоветъ своего вѣрнаго Мустафу и приказываетъ немедленно, волей или неволей, доставить Сейнебъ въ гаремъ, а обоихъ иностранцевъ завтра же представить во дворецъ.

На другой день, въ указанный часъ, Гольтцъ и Боскампъ предстали передъ ханомъ. Чтобы предупредить упреки, Боскампъ первый отважился заговорить:

— Во всѣхъ цивилизованныхъ странахъ, сказалъ онъ, жилище посланника считается неприкосновеннымъ. А въ мой домъ ворвались насильно солдаты и похитили дорогую мнѣ особу.

Послѣ нѣсколькихъ минутъ молчанія, вперивъ въ молодого голландца суровый взглядъ, Керимъ-Гирей отвѣтилъ:

— Вы заблуждаетесь, если полагаете, что имѣете право на преимущества, которыми пользуются посланники. Я уже объявилъ это вамъ самымъ опредѣленнымъ образомъ. Вы у меня простой гость, и въ этомъ качествѣ съ вами обращались съ должнымъ почетомъ. Я надѣялся, что вы не позволите себѣ ничего противнаго обычаямъ страны и не забудете должнаго мнѣ уваженія, а вы, между тѣмъ, оскорбили меня вашимъ поведеніемъ и нарушили данное вами слово. Поэтому, я повелѣваю вамъ оставить этотъ городъ, не сегодня, и не черезъ часъ даже, а сію же минуту и никогда не появляться впредь въ моихъ владѣніяхъ. Дѣло идетъ о вашей жизни.

Боскампъ, не говоря ни слова, вышелъ.

Тогда ханъ обратился съ благосклонной улыбкой къ Гольтцу и сказалъ, что надѣется еще долго видѣть его при своемъ дворѣ.

Но Гольтцъ тоже долженъ былъ отправиться; его миссія окончилась; король отзывалъ его.

Заключивъ союзъ съ Россіей, король болѣе не нуждался въ под-

держкѣ султана. Онъ принудилъ своихъ враговъ къ миру, и по Губертсбургскому трактату Силезія, о которой онъ такъ сильно хлопоталъ, досталось ему въ вѣчное владѣніе.

Когда онъ, наконецъ, вышелъ побѣдителемъ изъ этой борьбы и при радостыхъ кликахъ народа вступилъ въ свою столицу, то забылъ совершенно о татарскомъ владѣтелѣ, помощи котораго такъ добивался. А между тѣмъ, храбрый татаринъ, по капризу султана, лишенъ былъ его милостей, смѣщенъ съ крымскаго трона и изгнанъ въ Румелію.

Три года спустя, тотъ же султанъ возвратилъ ему всѣ его прежнія достоинства и довѣрилъ главное начальство надъ арміей, предназначенной къ нападенію на Россію.

Керимъ-Гирей мужественно кинулся въ эту новую войну, но во время одной стоянки въ Бессарабіи, умеръ отравленный.

Народное преданіе добавляетъ, что прекрасная Сейнебъ, привязанность которой стоила ему такихъ усилій, не могла утѣшиться въ его потерѣ и вскорѣ вслѣдъ за нимъ умерла отъ горести.

ИНОСТРАННАЯ ПУТЕШЕСТВЕННИЦА ПО РОССІИ [1].

Г-ЖА КАРЛА СЕРЕНА, какъ она сама объясняетъ въ предисловіи книги, заглавіе которой выписано ниже, стала писательницей случайнымъ образомъ. Она присутствовала на одномъ благотворительномъ праздникѣ въ Лондонѣ; ее просили сдѣлать описаніе этого праздника, которое затѣмъ и появилось въ газетѣ; ее пригласили сотрудничать; она, „чье время дотолѣ—по ея собственному выраженію—было раздѣлено между семейными обязанностями и требованіями свѣта“, сначала удивилась, потомъ приняла предложеніе. Вскорѣ заглавныя буквы ея имени и фамиліи, которыми она подписывала свои статейки, получили извѣстность; ей случалось слышать похвалы своимъ статьямъ, и это служило для нея поощреніемъ.

Въ 1874 году, г-жа Карла Серена почувствовала себя нездоровой; ей было предписано путешествіе; она выѣхала изъ Лондона 1-го августа, надѣясь возвратиться домой къ новому 1875 году, но путешествіе ея, по какимъ-то непредвидѣннымъ обстоятельствамъ, затянулось на долго, и даже очень на долго.

Прежде всего, она отправилась въ Швецію, оттуда въ Норвегію; въ октябрѣ 1874 года, путешественница сѣла на пароходъ, который отправлялся изъ шведской столицы въ Петербургъ, заходя по пути въ финляндскіе порты. Черезъ недѣлю она была въ Петербургѣ. Въ Швеціи г-жа Серена встрѣтила весьма радушный пріемъ, была представлена королю, осталась въ восторгѣ отъ его ума, образованности и любезности и получила дозволеніе посвятить его величеству свои путевыя замѣтки, которыя и были изданы въ Стокгольмѣ

[1] Carla Seréna. Mon voyage. Souvenirs personnels. 1-re série. De la Baltique à la mer Caspienne. Paris, 1881. Maurice Dreyfous, éditeur. 1 v. in 18. 359 p.

подъ названіемъ „Lettres scandinaves“. Видъ Петербурга нѣсколько смутилъ нашу путешественницу. Что-то ждетъ ее въ сѣверной столицѣ?—вотъ вопросъ, который она задавала себѣ.

На набережной г-жа Серена увидѣла голубей, что̀ ей напомнило площадь Святаго Марка въ Венеціи. Одинъ голубь сѣлъ на ея чемоданы, сложенные на верху кареты, и это показалось ей добрымъ предзнаменованіемъ. Дѣйствительно, путешественница осталась довольна своимъ недолгимъ, на первый разъ, пребываніемъ въ Россіи.

Какъ всюду, гдѣ она ни бывала, она вскорѣ составила себѣ обширное знакомство въ высшемъ кругу общества и была представлена многимъ высокопоставленнымъ лицамъ. Пріемъ, какъ и вездѣ, былъ самый сочувственный.

„Я пріятно проводила время, говоритъ путешественница,—днемъ осматривая все интересное, а вечеромъ—въ гостяхъ. Я не стану описывать подробно прекрасныхъ праздниковъ, ночныхъ поѣздокъ на тройкахъ большимъ обществомъ, пикниковъ, за которыми слѣдовали ужины за городомъ, оживленные пѣніемъ, танцами и шампанскимъ: въ московитской столицѣ живутъ весело. Тамошній образъ жизни, особенно зимою, можно по справедливости сравнить съ этой народной запряжкой, которая уноситъ, увлекаетъ въ своемъ бѣшеномъ бѣгѣ богатыхъ горожанъ, столь же беззаботныхъ, какъ и страстныхъ. Въ общественномъ отношеніи, Россія пріятна; тамъ нѣтъ натянутости, тонъ общества простъ. Нѣтъ страны, гдѣ бы такъ ухаживали за иностранцами.“

Москва понравилась г-жѣ Серена своимъ хлѣбосольствомъ; правда, она замѣчаетъ, будто бы „тамъ общество держится въ сторонѣ отъ иностранцевъ, особенно москвичи, приверженные къ старинѣ,“ но это, конечно, ошибочно, ибо и въ Москвѣ, какъ извѣстно,

Дверь отперта для званыхъ и незваныхъ,
Особенно изъ иностранныхъ.

Изъ Москвы г-жа Серена отправилась въ Кіевъ, который она называетъ сѣвернымъ Іерусалимомъ; знанія ея въ русской исторіи простираются до того, что ей извѣстно, что въ Днѣпрѣ произошло крещеніе Руси, но святаго Владиміра она именуетъ московитскимъ княземъ. Изъ Кіева путешественница проѣхала въ Одессу, гдѣ также весело провела время. Снѣжныя мятели задержали ее на тринадцать дней на послѣдней станціи передъ Одессой, и тутъ она развлекала пассажировъ устройствомъ живыхъ картинъ и концертовъ.

Любопытно слѣдующее вѣрное замѣчаніе г-жи Серена: „Измѣняютъ обычно только свои же. Передъ моей поѣздкой въ Россію, одинъ русскій нагналъ на меня страхъ разсказами о своей странѣ. Во время моего пребыванія тамъ, русскіе совѣтовали мнѣ скрывать, что я записываю свои впечатлѣнія. На это я отвѣчала, что слишкомъ люблю правду, чтобъ скрывать такое обстоятельство. Послѣ шестимѣсячнаго пребыванія въ Россіи, одинъ русскій опять стращалъ меня своимъ

отечествомъ. Почему же хотѣли мнѣ внушить эти страхи? Я видѣла Россію съ хорошей стороны, а меня даже о ней хотѣли заставить думать дурно". Несмотря, однако, на такія внушенія, путешественница осталась при своемъ добромъ мнѣніи о нашемъ отечествѣ.

Изъ Россіи г-жа Серена отправилась на Востокъ. Ея маршрутъ лежалъ черезъ Бессарабію, Яссы, Бухарестъ, Журжево, Рущукъ, Варну, и оттуда моремъ въ Константинополь. Затѣмъ она побывала въ Египтѣ, Греціи и снова воротилась въ Царьградъ. Мы не станемъ слѣдить за нею на этомъ пути, описанномъ, впрочемъ, весьма кратко въ ея книгѣ. Первый выпускъ „Путешествія" г-жи Серена посвященъ, главнымъ образомъ, ея двукратной поѣздкѣ по Закавказью, которое она буквально исколесила во всѣхъ направленіяхъ.

Прежде чѣмъ входить въ подробности, скажемъ нѣсколько словъ о характерѣ книги г-жи Серена. Во всемъ „Путешествіи" господствуетъ спокойный и благосклонный тонъ, даже тамъ, гдѣ г-жа Серена описываетъ свои злоключенія, о которыхъ скажемъ ниже. Книга читается легко, несмотря на нѣкоторую растянутость, сентиментальныя отступленія и повторенія. Русскій читатель встрѣтитъ въ ней мало для себя новаго, но отдастъ справедливость вѣрности и простотѣ описаній, наблюдательности и остроумію автора.

Г-жа Серена знаетъ по-русски, но не настолько, чтобы не смѣшать порою ямщика съ извощикомъ, или вѣрно разсказать содержаніе „Бахчисарайскаго фонтана"; литература наша ее, повидимому, не занимала. Она отзывается о русскомъ народѣ съ уваженіемъ, особенно о солдатахъ, но у нея порою замѣчается та надменность, которая такъ свойственна западно-европейской цивилизаціи. „Я была въ восторгѣ—замѣчаетъ она, напримѣръ, въ одномъ мѣстѣ, — что встрѣтила, противъ всякаго ожиданія, казаковъ съ человѣческой совѣстью, между людьми, которыхъ считаютъ полу-варварами". Къ мусульманамъ она относится съ меньшимъ предубѣжденіемъ и не прочь порою похвалить ихъ на счетъ христіанъ, впрочемъ, довольно осторожно и умѣренно.

Послѣ поѣздки на Востокъ, г-жа Серена намѣревалась возвратиться въ Лондонъ къ 1-му января 1876 г. Она хотѣла направиться черезъ Вѣну, но ей замѣтили, что дорога изъ Анатоліи на Кавказъ, изъ Тифлиса черезъ Владикавказъ въ Варшаву и Вѣну гораздо любопытнѣе и что такой крюкъ не займетъ слишкомъ много времени. По увѣренію г-жи Серена, такой совѣтъ ей, между прочимъ, будто-бы далъ генералъ Игнатьевъ, бывшій тогда посланникомъ въ Константинополѣ. Мы отмѣчаемъ это обстоятельство потому, что, по разсказу г-жи Серена, подобные совѣты, порою данные людьми ей мало знакомыми и даже такими, кого она видѣла въ первый разъ, заставляли ее не разъ измѣнять свой маршрутъ.

Итакъ, наша путешественница отправилась въ Батумъ, оттуда въ Поти и затѣмъ по желѣзной дорогѣ прибыла въ Тифлисъ, гдѣ ея

ждалъ обычный радушный и блестящій пріемъ. Въ тотъ годъ на Кавказѣ была поздняя весна; военно-грузинская дорога черезъ горы была несовсѣмъ безопасна по случаю обваловъ. Такова была причина, по словамъ г-жи Серена, почему она не поспѣшила въ лоно своего семейства. Вмѣсто Лондона, она отправилась на перекладной въ Кутаисъ. Такъ какъ Имеретія и Мингрелія граничатъ между собой, то нашей путешественницѣ вздумалось „увидѣть древнюю Колхиду, родину Медеи". Затѣмъ ей посовѣтовали посѣтить Абхазію, и г-жа Серена „увлеклась мыслью видѣть народъ въ его естественномъ состояніи, народъ, къ которому не проникла еще никакая цивилизація". Сдумано—сдѣлано. Наша путешественница счастливо добралась до Сухумъ-Кале. Жары и усталость утомили ее, ей слѣдовало отдохнуть; ей посовѣтовали отправиться въ Керчь, чтобъ купаться въ морѣ, но на пароходѣ она встрѣтила тифлисскихъ знакомыхъ, которые убѣдили ее остановиться въ Новороссійскѣ, гдѣ купанье будто бы лучше, чѣмъ въ Керчи. Въ Новороссійскѣ г-жа Серена столкнулась съ однимъ, несовсѣмъ ей безъизвѣстнымъ, марсельскимъ французомъ, живущимъ въ Екатеринодарѣ, и познакомилась съ его женою, русскою. Жена оставалась въ Новороссійскѣ, чтобъ купаться; мужъ же возвращался въ Екатеринодаръ, чтобъ оттуда, въ сопровожденіи переводчика, ѣхать по дѣламъ въ черкесскіе аулы. Г-жѣ Серена было предложено сопутствовать французу, на что̀ она охотно согласилась, забывъ цѣль, ради которой высадилась въ Новороссійскѣ; притомъ, у француза былъ четырехмѣстный тарантасъ, и наша путешественница охотно согласилась ѣхать съ нимъ, зная, что не стѣснитъ своего попутчика. Поѣздка по черкесскимъ ауламъ, однако, не состоялась, потому что г-жа Серена заболѣла въ дорогѣ отъ несносныхъ жаровъ.

Изъ Екатеринодара она поѣхала въ Керчь, оттуда въ Ялту, Севастополь и Симферополь, очевидно, забывъ о своемъ желаніи возвратиться въ Лондонъ.

Черезъ Лазовую и Таганрогъ г-жа Серена пріѣхала въ Владикавказъ и оттуда явилась снова въ Тифлисѣ. Что заставило путешественницу предпринять эту новую, не малую поѣздку? Ей сказали, что она еще многого не видѣла на Кавказѣ и что ея описанія поэтому будутъ неполны!

На Кавказѣ уже начались приготовленія къ войнѣ съ Турціей. Г-жа Серена видѣла Кавказъ мирнымъ, ей захотѣлось посмотрѣть на него во время войны. Изъ Тифлиса она отправилась въ Ахалцыхъ, оттуда думала проѣхать въ Александрополь; но человѣкъ предполагаетъ, а Богъ располагаетъ. Боясь обваловъ по дорогѣ, гдѣ вдобавокъ было черезъ-чуръ сильное движеніе, въ силу котораго проѣзжіе надолго задерживались на станціяхъ по недостатку лошадей, г-жа Серена снова воротилась въ Тифлисъ. На сей разъ, она „не нашла въ немъ властей, столь услужливыхъ, какъ прежде". Такую

неуслужливость она приписываетъ обстоятельствамъ. Г-жа Серена, по возвращеніи въ Тифлисъ, объѣздила во всѣхъ направленіяхъ Кахетію. Послѣ этого, казалось, ничто уже не удерживало путешественницу на Кавказѣ; ей стоило возвратиться въ Тифлисъ и, взявъ свои оставленныя у итальянскаго консула вещи, перебраться черезъ горы и отправиться въ Лондонъ. Но, по ея словомъ, „она не могла рѣшиться оставить Кавказъ, не видавъ Арарата".

Русскіе войска, между тѣмъ, перешли границу. Г-жа Серена пожелала снова отправиться въ Александрополь; для этого она сочла нелишнимъ заручиться покровительствомъ августѣйшаго намѣстника. Въ отвѣтъ на свое письмо, она получила телеграмму, гласившую „что въ виду трудности сообщеній, было бы желательно, чтобъ она отказалась отъ своего путешествія въ Александрополь". Отказъ она приняла за отсрочку и вмѣсто того, чтобъ возвратиться въ Лондонъ, вздумала посѣтить Лезгистанъ, гдѣ, кстати, ожидалось тогда возмущеніе. Безстрашная путешественница не испугалась. Она отправилась въ Лагадекъ, хотя дорога была далеко небезопасна. Тутъ она узнала, что мѣста, которыя она посѣтила ровно годъ назадъ, были опустошены: Сухумъ-Кале разрушенъ, вся Абхазія въ огнѣ и крови. По пріѣздѣ въ Лагадекъ, г-жа Серена узнала, что и возвращеніе, и движеніе впередъ равно опасны. Ея девизъ—„впередъ", и потому наша путешественница очутилась въ Закаталахъ. Черезъ нѣсколько дней послѣ ея отъѣзда изъ Лагадека, на него напали Лезгины. Они сожгли школу, казармы, дома. Возвратиться въ Лагадекъ не было никакой возможности. Движеніе впередъ было также затруднительно; чтобъ быть внѣ опасности, надо было доѣхать до мѣстностей, гдѣ живутъ татары-шіиты. „Въ силу ненависти къ туркамъ—замѣчаетъ г-жа Серена—они стали сторонниками русскихъ, хотя и для нихъ христіанинъ равенъ собакѣ".

Жизнь въ Закаталахъ была не веселая; крѣпость была на осадномъ положеніи; ворота затворены день и ночь; всюду двойные караулы. Комендантъ былъ любезенъ къ путешественницѣ; онъ ей все показалъ. „Я присутствовала при обѣдѣ солдатъ, разсказываетъ она. Я пробовала ихъ пищу, раціонъ которой состоитъ изъ полу фунта мяса, похлебки или каши и хлѣба; хорошая пища, особенно народная похлебка съ капустой (то есть щи). Порой также я пила чай съ солдатами, которые хотѣли, чтобъ я пила въ накладку; несмотря на мою нелюбовь къ сахару, они великодушно превращали мой чай въ сиропъ. Я люблю русскій народъ, особенно солдатъ. Ихъ добродушіе, веселость, наивность—замѣчательны. Ихъ привязанность къ начальству напоминаетъ собачью".

Между Закаталами и Нухой значительное торговое движеніе, но въ виду обстоятельствъ не было охотниковъ предпринимать опасную поѣздку. Г-жѣ Серена удалось, наконецъ, отправиться съ почтой, хотя, какъ она замѣчаетъ, это и запрещено закономъ. Она сумѣла обойти

законъ и прибыла въ Нуху 17-го іюня 1877 года. Изъ Нухи она перебралась въ Елизаветполь, древнюю Ганжу; оттуда въ Шушу, гдѣ пробыла нѣсколько недѣль и снова возвратилась въ Елизаветполь. Оттуда, съ разными приключеніями, добралась, наконецъ, до Александрополя, куда, какъ помнятъ читатели, начальство не совѣтовало ѣздить г-жѣ Серена. Куда ей нельзя было проѣхать прямымъ путемъ, она добралась окольнымъ. Въ Александрополѣ у нашей путешественницы были знакомые, у которыхъ она и остановилась. Она желала попасть на театръ войны, но получила изъ лагеря при Кара-Ялѣ оффиціальную телеграмму, извѣщавшую, что женщинамъ запрещено переѣзжать границу и что изъ этого правила не можетъ быть сдѣлано исключенія.

Г-жа Серена увѣряетъ, будто бы сестры „Краснаго Креста“ предлагали ей отправиться съ ними на войну переодѣтой въ ихъ платье, но что она не согласилась на это, предпочитая дѣйствовать всегда прямо и открыто.

Нашей путешественницѣ ничего не оставалось, какъ возвратиться въ Тифлисъ, но ей необходимо было свернуть на прежнюю дорогу, чтобъ захватить свои вещи, оставленныя въ Дилижанѣ. Изъ Дилижана, о чемъ разскажемъ ниже, г-жѣ Серена пришлось слѣдовать хотя и по ею избранному маршруту, но несовсѣмъ добровольно. Она возвратилась въ Елизаветполь, откуда направилась въ Баку, чтобы видѣть Каспійское море. Въ Баку она заболѣла и въ это время оттуда ушелъ послѣдній пароходъ въ Астрахань. Ѣхать въ экипажѣ въ Тифлисъ не дозволяло г-жѣ Серена состояніе ея здоровья, климатъ же Баку былъ для нея вреденъ. Ей совѣтовали отправиться въ Ленкоранъ. Помощникъ капитана парохода посовѣтовалъ ей вмѣсто того отправиться въ Мешидезеръ, одинъ изъ ближайшихъ портовъ Персіи, съ неаполитанскимъ климатомъ. Такое обстоятельство послужило началомъ путешествія г-жи Серена въ Персію. На обратномъ пути оттуда она могла надѣяться увидѣть, наконецъ, Араратъ. Возвратилась она изъ Персіи, однако, моремъ; побывала въ Ленкоранѣ и Дербентѣ и затѣмъ изъ Петровска на пароходѣ переѣхала въ Астрахань. Въ ноябрѣ 1878 г., г-жа Серена была уже въ Москвѣ, откуда черезъ Петербургъ, Варшаву, Вѣну, отправилась въ Римъ и, наконецъ, въ Парижъ, чтобъ обнародовать свои путевыя замѣтки.

Такимъ образомъ, путешествіе г-жи Серена длилось, вмѣсто нѣсколькихъ мѣсяцевъ, нѣсколько лѣтъ. Чѣмъ же обусловилось такое долгое странствованіе? На Кавказъ г-жа Серена, какъ сама говоритъ, попала почти случайно; во второй разъ, она уже поѣхала туда, впрочемъ, добровольно. Путешествіе, говорятъ, втягиваетъ. Г-жа Серена собрала по пути богатые матеріалы для этнографіи разныхъ кавказскихъ туземцевъ; эти матеріалы, впрочемъ, не составляютъ предмета разбираемой книги, посвященной, какъ уже замѣчено, личнымъ воспоминаніямъ путешественницы. Изъ этихъ личныхъ воспо-

минаній мы выберемъ самыя интересныя, по крайней мѣрѣ, для русскихъ читателей.

Въ своемъ „Путешествіи“ г-жа Серена нерѣдко вспоминаетъ о своемъ семействѣ; въ заключеніи книги, написанной въ Парижѣ, она говоритъ, что самое пламенное ея желаніе состоитъ въ томъ, чтобы увидѣть, наконецъ, семью, „гдѣ истинное мѣсто женщины“. Одна ли любознательность, случайно зародившаяся уже во время путешествія, такъ долго удерживала г-жу Серена отъ „истиннаго мѣста всякой женщины“? Не было ли иныхъ причинъ, заставившихъ ее съ такими лишеніями проѣхать всю Абхазію, желать посѣтить черкесскія аулы и, наконецъ, такъ добиваться и поѣздки въ Александрополь, и пребыванія въ русскомъ лагерѣ за турецкой границей? Г-жа Серена, въ своемъ сочиненіи, много разъ и усиленно повторяетъ, что она постоянно дѣйствуетъ прямо и откровенно; не всѣ, однако, довѣряли ей; нѣкоторые позволяли себѣ сомнѣваться какъ въ ея личности, такъ и въ цѣли ея путешествія.

Еще во время перваго пребыванія г-жи Серена въ Петербургѣ, въ 1874 году, подобное сомнѣніе мелькнуло въ умѣ генерала Потапова, тогдашняго начальника III Отдѣленія. Едва пробывъ нѣсколько недѣль въ нашей столицѣ, г-жа Серена вздумала просить о дозволеніи посвятить свои будущія замѣтки о Россіи имени покойнаго государя императора и даже удостоиться счастья быть ему представленной. Въ послѣднемъ ей было, впрочемъ, отказано. По случаю этихъ ходатайствъ, г-жа Серена была дважды въ одинъ и тотъ же день приглашаема къ генералу Потапову. При вечернемъ посѣщеніи, послѣ продолжительнаго разговора о тряпкахъ, генералъ спросилъ путешественницу: не англичанинъ ли ея мужъ?

— Англичанинъ? отвѣчала она.—Разумѣется, нѣтъ. Вѣдь его фамилія—Серена.

Генералъ согласился, и затѣмъ сознался, что вопросъ, ради котораго его высокопревосходительство пригласилъ къ себѣ вторично г-жу Серена и который онъ, будто бы, позабылъ предложить ей утромъ, былъ именно относительно національности ея мужа. Г-жа Серена, для наставленія генерала, добавила, что фамилія „Серена“ первоначально была „Сирена“.

— Слушая васъ, невольно вѣришь этому,—любезно отвѣтилъ генералъ.

Г-жа Серена не осталась въ долгу. Она любезно распространяется о томъ, что покойное III Отдѣленіе было во многихъ отношеніяхъ полезно. Любопытно, что пользу его она видитъ, между прочимъ, въ томъ, что „при посредствѣ этого учрежденія раздавались пенсіи, подъ видомъ вспоможенія, такимъ лицамъ, которыя не имѣли права просить о томъ правительство“.

Второй разъ, г-жа Серена возбудила подозрѣнія на счетъ цѣли своей поѣздки въ Екатеринодаръ, куда, какъ сказано выше, отправи-

лась съ цѣлью объѣздить черкесскіе аулы въ сопровожденіи марсельскаго француза. За болѣзнью, она осталась въ главномъ городѣ черноморскихъ казаковъ. Французъ уговорилъ нашу путешественницу дождаться его возвращенія, обѣщая ей показать затѣмъ хотя ближайшіе аулы; начальство также обѣщало ей показать черкесскій праздникъ.

Г-жа Серена, впрочемъ, уѣхала изъ Екатеринодара, не видавъ праздника. Свою неудачу она приписываетъ чиновнику атаманской канцеляріи, родомъ сербу, котораго она величаетъ „мужикомъ необразованнымъ“. Вообще спокойный разсказъ г-жи Серена въ этомъ мѣстѣ отличается раздражительностью. Исторія разыгралась въ Керчи. Секретарь итальянскаго консула отправился получать ея письма, адресованныя, по рекомандаціи екатеринодарскаго француза, на имя агента русскаго общества пароходства и торговли. Агентъ, отдавая письма, замѣтилъ секретарю: „эта госпожа искательница приключеній; она шпіонъ, а вовсе не та почтенная дама, чье имя носитъ“. Эти слова были сказаны въ присутствіи нѣсколькихъ лицъ; произошла сцена. Путешественница, узнавъ о томъ, потребовала агента къ себѣ, но онъ отказался явиться. „Я узнала“, говоритъ она, „что онъ былъ сербъ, другъ екатеринодарскаго. Я поняла все. Въ то время только и разговору было, что о войнѣ Россіи съ Турціей. Умы были возбуждены борьбою въ Сербіи. Въ Керчи большинство капитановъ и экипажа судовъ русскаго общества были сербы; тамъ существовала, поэтому, группа болѣе возбужденная, чѣмъ сами русскіе. Раздавались проклятія Турціи, и раньше чѣмъ была объявлена война Россіей, она была уже объявлена сербами“.

Благодаря нѣкоторымъ мелочнымъ обстоятельствамъ, слухи о неблагонадежности г-жи Серена разрослись. Утверждали, что она „важное политическое лицо, тайный эмиссаръ въ юбкѣ, посланный непосредственно лордомъ Дерби отъ имени его правительства; что ей было поручено, до объявленія войны, купить Кавказъ (у кого?) на имя Джона Булля, который намѣревался передать его своимъ друзьямъ оттоманамъ“. Дѣло дошло до того, что отъ г-жи Серена потребовали паспортъ; явился и неизбѣжный адвокатъ, предлагавшій путешественницѣ начать дѣло о диффамаціи, но она, зная, что въ Россіи на этотъ счетъ очень строгіе законы, пожелала быть великодушной и оставила клевету безъ наказанія. Догадываясь, однако, что въ виду будущей войны, такіе слухи могутъ навлечь на нее непріятности, г-жа Серена приняла мѣры: она написала своему другу, русскому консулу въ Лондонѣ, который счелъ долгомъ рекомендовать ее мѣстнымъ властямъ. Изъ этого можно заключить, что путешественница, попавшая проѣздомъ на Кавказъ, уже въ это время раздумала скоро возвратиться туда, гдѣ „истинное мѣсто всякой женщины“.

Третій непріятный случай выналъ на долю г-жи Серена при возвращеніи ея изъ Александрополя; тутъ ей часть дороги пришлось

проѣхать подъ стражей. Еще при отъѣздѣ изъ Александрополя, ея пріятельница итальянка, жена полковника, въ домѣ котораго она останавливалась, предупреждала путешественницу не быть слишкомъ довѣрчивой и умоляла ее не заѣзжать за вещами въ Дилижанъ, а ѣхать прямо въ Тифлисъ. Г-жа Серена не послушалась благого совѣта. Далѣе приводимъ ея подлинныя слова.

„Въ Дилижанѣ, у моихъ хозяевъ, господствовалъ ужасъ. Дамы были однѣ. Ихъ родственники, военные, стояли на постахъ вдоль Эриванской дороги, гдѣ курды таились въ горныхъ ущельяхъ, разбойничая и совершая преступленія. Они ограбили почту и убили ямщиковъ. Готовилось второе нападеніе, но оно было предупреждено властями.

„Итакъ, было предопредѣлено не видѣть мнѣ вблизи Арарата! Сила обстоятельствъ заставила меня отказаться отъ путешествія въ Эривань, да если бъ я и захотѣла превозмочь ее, то это было бы все равно невозможно: на станціяхъ не давали лошадей. Я рѣшилась завтра же отправиться въ Баку, въ Елизаветполь. Но было суждено иначе. Около полуночи, въ ту минуту, когда одна изъ дамъ семейства желала мнѣ покойной ночи, ей доложили, что жандармскій начальникъ желаетъ немедленно говорить съ нею „по дѣлу службы“. Не подозрѣвая, что дѣло касается меня, я заснула и спала сномъ праведника, безо всякой заботы о завтрашнемъ днѣ. Я проснулась чуднымъ утромъ и почувствовала, какъ всѣ мои способности возбуждены и оживлены великолѣпнымъ солнцемъ первыхъ осеннихъ дней. Ударъ, направленный злобой, поранилъ меня въ самое сердце.

„Отдохнувъ, съ улыбкой на устахъ, я пошла здороваться съ дамами, сидѣвшими за завтракомъ. Но моя улыбка какъ бы замерзла подъ взглядами тѣхъ, для кого она назначалась; такъ отъ суроваго вѣтра вянетъ только что распустившійся цвѣтокъ.

„Я искала вокругъ себя причину этой холодности. Я замѣтила за семейнымъ столомъ жандармскаго офицера. Всѣ молчали; то было затишье передъ бурей, долженствовавшей поразить меня. Быть можетъ, желали, чтобъ я собралась съ силами; быть можетъ, всѣ, желая объяснить мнѣ, не знали, кому заговорить первому. Я прервала это странное молчаніе.

„— Что съ вами со всѣми сегодня? Или вы получили дурное извѣстіе?

„— Да, отвѣчала та, которую позвали, когда я вчера шла спать. Жандармскій начальникъ получилъ приказъ арестовать васъ. Вчера онъ приходилъ за этимъ. Я настояла, чтобы васъ оставили на ночь въ покоѣ. Вотъ сегодня онъ воротился; у крыльца стоитъ тройка и казаки съ подорожней, подписанной (?) жандармскимъ управленіемъ. Они васъ свезутъ въ Тифлисъ.

„Я отвѣчала откровеннымъ взрывомъ смѣха и поздравила г-жу З..., что у нея шутливый и изобрѣтательный умъ. Я прибавила, что ради

шутки, она взяла такой вѣрный тонъ, что просто должна дѣлать чудеса, заставляя другихъ вѣрить своимъ выдумкамъ; что я сама, не будь только я увѣрена въ противномъ, могла бы повѣрить ее словамъ, сказаннымъ такимъ серьезнымъ тономъ.

„— Право, я вовсе не шучу, отвѣчала печально г-жа З... и я замѣтила на ея глазахъ слезы, которыя, какъ обледенѣвшія капли, падали на мое сердце.

„— Поглядите, вотъ доказательство того, что я сейчасъ сказала.

„И она мнѣ показала телеграмму, посланную наканунѣ изъ Александрополя и содержавшую по-русски слѣдующій приказъ начальника тайной полиціи: „Немедленно удалить г-жу Серена съ театра войны. Должна отправиться изъ Дилижана. Запрещается ѣхать въ Эривань. Выдать подорожную въ Тифлисъ“.

Здѣсь мы на минуту остановимся. Изъ словъ г-жи Серена видно, что мысль „видѣть Араратъ вблизи“ не покидала ее и послѣ недозволенія переѣхать за границу. Ясно также, что начальство увѣдомилось, что г-жа Серена повернула на Дилижанъ не за одними вещами, а съ цѣлью инымъ путемъ пробраться за границу. Вещи, по справедливому замѣчанію александропольской хозяйки нашей путешественницы, могли быть и пересланы ей въ Тифлисъ. Теперь снова предоставляемъ слово самой г-жѣ Серена.

„Придя какъ разъ ко времени моего вставанья, жандармскій начальникъ требовалъ, чтобъ я повиновалась. Мнѣ повиноваться жандармамъ! Меня арестовать! Я была точно подъ вліяніемъ страшнаго кошемара. На мгновеніе я лишилась мысли. За что меня арестовывали? Что я сдѣлала? Вмѣсто всякаго отвѣта, жандармскій офицеръ указывалъ на телеграму, твердя, что я должна повиноваться. Но я возражала, что не могу повиноваться непонятному приказу, не узнавъ о его причинѣ. Я предлагала отдаться въ плѣнъ. Я хотѣла, для полученія объясненія, телеграфировать въ Александрополь и итальянскому консулу въ Тифлисъ. Офицеръ объявилъ мнѣ, что въ Дилижанѣ мнѣ воспрещены всякія ходатайства; что по его приказу, отъ меня не примутъ телеграммъ; что я и безъ того его плѣнница и не могу сдѣлать ни шагу изъ дому, развѣ сѣсть на перекладную и возможно скорѣе удалиться съ театра войны. Дамы, боясь для себя дурныхъ послѣдствій отъ моихъ попытокъ, вслѣдъ за офицеромъ хоромъ убѣждали меня ѣхать.

„Я энергически протестовала противъ горячихъ уговариваній этого женскаго стада, лишеннаго своихъ пастуховъ. Словно трепетныя овечки окружали онѣ меня, оплакивая свою безопасность. Самая умная, полковница З, оказалась самой лучшей [1]). Вся моя энергія возвратилась въ эту минуту, когда я поняла все мое безсиліе. Въ безыс-

---

[1]) Въ этомъ мѣстѣ авторъ дѣлаетъ слѣдующее, не совсѣмъ понятное, примѣчаніе въ выноскѣ: „У полковника З... была карта Эриванской дороги“.

ходномъ, спаянномъ властью кругѣ, я дѣйствительно почувствовала себя плѣнницей. Сила надѣла кандалы на мою волю. Я хотѣла позвать себѣ на помощь начальника уѣзда, которому я была рекомендована губернаторомъ.

„На такое справедливое (?) мое требованіе, офицеръ отвѣчалъ:

„— Если вы не поѣдете добровольно, я употреблю силу.

„При этой угрозѣ, мой взглядъ далъ почувствовать слишкомъ ревностному чиновнику, что онъ зашелъ черезъ-чуръ далеко, и онъ прибавилъ:

— Пожалуйста, сударыня, уѣзжайте. Я отецъ семейства, и въ случаѣ ослушанія, лишусь мѣста.

„Я поняла, что оставаясь на мѣстѣ, я ничего не въ силахъ сдѣлать.

„Направленіе на Тифлисъ уклоняло меня отъ моего маршрута (?). У меня все еще были причины отправиться въ Баку, и я оказала сопротивленіе. Ласковыми убѣжденіями мнѣ удалось склонить на свою сторону офицера.

„Онъ, подвигнутый духомъ терпимости—да проститъ ему это его начальникъ—вычеркнулъ въ подорожной Тифлисъ и написалъ Елизаветполь. Затѣмъ онъ подалъ мнѣ руку и помогъ мнѣ вскарабкаться на перекладную".

Такъ г-жа Серена была удалена съ театра войны. Она пускается въ догадки о причинѣ такого удаленія, догадки, болѣе похожія на сплетни, чѣмъ на правду. Казаки, сопровождавшіе ея, говорили своимъ товарищамъ при смѣнахъ, что везутъ „турецкаго шпіона".

Г-жа Серена, несомнѣнно, права, утверждая въ началѣ своей книги, „что нигдѣ такъ не ухаживаютъ за иностранцами, какъ въ Россіи". Всюду, если бъ было сочтено нужнымъ удалить ее съ театра войны, это было бы сдѣлано безо всякихъ излишнихъ церемоній. Сама путешественница, надо думать, всюду, кромѣ Россіи, покорилась бы своей участи безо всякой декламаціи, и ужъ конечно ее повезли бы не туда, куда ей угодно, а въ то мѣсто, куда сочтено было бы за благо удалить ее. Зачѣмъ же г-жѣ Серена требовалось непремѣнно въ Баку?

Съ свойственной ей прямотой и откровенностью, неутомимая путешественница разсказываетъ, что въ Баку она заболѣла, пропустила чрезъ это послѣдній пароходъ, переѣздъ же въ Тифлисъ въ экипажѣ сталъ для нея немыслимъ въ виду состоянія ея здоровья: малѣйшій толчекъ могъ снова сложить ее въ постель. Такое обстоятельство не помѣшало, однако, ей отправиться въ Персію, гдѣ, надо полагать, экипажи покойнѣе и дороги ровнѣе. Прямая и откровенная путешественница тутъ, очевидно, что-то путаетъ. Вотъ что значитъ страстно желать „увидѣть Араратъ вблизи".

Д. А.

ТАЛЕЙРАНЪ НА ВѢНСКОМЪ КОНГРЕССѢ.

ИМЯ ТАЛЕЙРАНА связано съ двумя величайшими актами новѣйшей исторіи, которыми отмѣчены начало и конецъ революціонной эры въ Европѣ: „états-generaux“ во Франціи и Вѣнскимъ конгрессомъ. Здѣсь знаменитый дипломатъ былъ на первомъ планѣ и имѣлъ рѣшительное вліяніе на ходъ дѣлъ; здѣсь же обрисовалась существеннѣйшая сторона въ характерѣ этого человѣка XVIII вѣка. Но, безспорно, блестящія дипломатическія способности Талейрана развернулись въ особенности въ періодъ Вѣнскаго конгресса. Исторія его политической дѣятельности въ это время представляетъ, дѣйствительно, большой интересъ, и потому-то мы полагаемъ нелишнимъ ознакомить съ нею читателей на основаніи, доселѣ остававшейся неизданною, переписки Талейрана и Людовика XVIII въ періодъ Вѣнскаго конгресса. Переписка эта обнародована недавно Жоржемъ Пеллэномъ въ Парижѣ: „Correspondance inédite du prince de Talleyrand et de Louis XVIII“. Любопытство французскихъ ученыхъ было задѣто и раньше сознаніемъ важности этой переписки. Ею пользовались Тьеръ въ своей „Исторіи имперіи“, Вилльмэнъ въ „Воспоминаніяхъ ста дней“, де-Вьель-Кастель—въ своей „Исторіи реставраціи“, а д'Оссонвилль издалъ даже нѣкоторыя извлеченія. Но только благодаря упомянутому изданію Пеллэна ученая любознательность въ данномъ случаѣ можетъ считать себя удовлетворенной. Новѣйшая исторія въ такомъ изданіи пріобрѣтаетъ капитальные документы, а дипломатія—одинъ изъ драгоцѣннѣйшихъ образцовъ своей литературы.

Письма Талейрана изложены попреимуществу великосвѣтскимъ языкомъ восемнадцатаго столѣтія. Талейранъ, какъ собесѣдникъ,

едва ли имѣлъ себѣ равнаго. Онъ не заставлялъ себя ждать отвѣтомъ или выраженіемъ, всегда былъ находчивъ, обладалъ быстротою сообразительности и способностью въ одной фразѣ формулировать самый сложный вопросъ, въ одномъ словѣ цѣлую мысль; онъ прекрасно владѣлъ перомъ утонченнаго стилиста и тактомъ государственнаго человѣка. Въ перепискѣ своей съ Людовикомъ XVIII, который не чуждъ былъ бахвальства своимъ литературнымъ образованіемъ, Талейрану естественно приходилось заботиться о томъ, чтобы понравиться и угодить претензіямъ государя. Отсюда въ его письмахъ необыкновенная изысканность стиля, утонченность ироніи и изящество въ выраженіяхъ. Наоборотъ, ничего подобнаго не видно въ письмахъ претензіознаго короля. Драгоцѣнныя для исторіи, быть можетъ, болѣе драгоцѣнныя, чѣмъ письма Талейрана, письма Людовика XVIII не отличаются литературными достоинствами. Такъ и видно, что надъ ихъ составленіемъ слишкомъ напряженно работалъ авторъ писемъ. Посланникъ и король словно кокетничаютъ другъ передъ другомъ; но тамъ, гдѣ посланникъ кажется совсѣмъ развязнымъ и непринужденнымъ, тамъ король постоянно встрѣчаетъ затрудненія. Людовикъ XVIII всюду злоупотребляетъ латинскими цитатами, которыми и до него еще немало людей успѣли всѣмъ наскучить. Талейранъ этого не дѣлаетъ, разумѣется; такіе люди, какъ онъ, не приводятъ цитатъ, они сами пишутъ, чтобы ихъ цитировали другіе. Объ этой сторонѣ писемъ Талейрана мы считаемъ нужнымъ упомянуть, съ цѣлью показать, что настоящее изданіе представляетъ не только историческій интересъ, но и образецъ литературнаго стиля дипломата, стиля, напоминающаго красоты Вольтеровскаго языка.

Еще одна важная отличительная сторона писемъ Талейрана. Ихъ трудно читать безъ подготовки. Они писаны не для публики, а для короля, которому извѣстны были тайныя пружины дипломатическихъ переговоровъ его посланника. Цѣлый рядъ фактовъ, о которыхъ Талейранъ не упоминаетъ, представляется, однако, необходимыхъ знать, чтобы понимать эту переписку. Цѣлый рядъ идей, принятыхъ обоюдно Людовикомъ XVIII и знаменитымъ дипломатомъ, который никогда не возвращается къ нимъ, необходимо привести въ извѣстность, чтобы вполнѣ уразумѣть смыслъ ихъ переписки. Поэтому намъ кажется вполнѣ умѣстнымъ здѣсь же выдѣлить указанную сторону корреспонденціи и тѣмъ облегчить читателямъ оцѣнку значенія писемъ Талейрана. Впрочемъ, такую работу исполнилъ уже по поводу разсматриваемаго изданія извѣстный французскій публицистъ-историкъ Альбертъ Сорель и намъ остается только воспользоваться его прекрасной статьей, помѣщенной недавно въ „Temps“.

I.

Въ 1814 году, когда „союзники“, т. е. Англія, Австрія, Пруссія и Россія вошли въ Парижъ, они безусловно и формально были согласны

насчетъ условій, какія слѣдовало бы предложить Франціи при заключеніи мира. Въ результатѣ такихъ условій должно было явиться возвращеніе къ тому положенію дѣлъ, какое предшествовало войнѣ, продолжавшейся двадцать два года, т. е. къ границѣ 1792 года. Англія еще съ 1793 года объявила, что безъ этого не могъ бы состояться продолжительный миръ, Австрія поддерживала то же предложеніе со времени Люневилльскаго трактата, такова же была постоянная мысль и Меттерниха. Къ ней присоединилась и Россія послѣ 1812 года. Пруссію, которая желала отнять у Франціи, покрайней мѣрѣ, Эльзасъ и Лотарингію, убѣдили присоединиться ко взглядамъ „союзниковъ“. Было условлено, сверхъ того, что Франція не приметъ участія въ переговорахъ, которые должны послѣдовать въ виду раздѣленія ея владѣній. По отношенію къ Наполеону, устраненіе его отъ переговоровъ признавалось необходимымъ всѣми рѣшительно; относительно Бурбоновъ, считали нужнымъ сдѣлать уступку лишь формальную. Подписывая миръ, Франція предварительно должна была согласиться на главныя условія вознагражденія Европы. Только при такомъ обязательствѣ съ ея стороны рѣшались допустить ея участіе въ конгрессѣ, который имѣлъ въ виду регламентировать всеобщій миръ. Подъ тѣмъ же условіемъ допускались на конгрессъ Испанія, Португалія и Швеція, подписавшія Парижскій миръ. Такимъ образомъ, держава, съ которой намѣревались заключить продолжительный миръ, являлась на конгрессѣ связанной по рукамъ. Ей предоставлялось только росписаться въ фактахъ совершившихся. Союзники, какъ теперь уже не тайна, строго говоря, были согласны лишь въ одномъ неизмѣнно: въ стремленіи раздавить Францію, но насчетъ будущей участи Европы, единенія между ними не существовало. Рѣшившись поддерживать союзъ до тѣхъ поръ, пока онѣ не увѣрились бы въ мирныхъ намѣреніяхъ французской націи, четыре державы не желали, разумѣется, чтобы Франція подозрѣвала тайное несогласіе между ними и чтобы она воспользовалась этимъ, съ цѣлью возстановить свое вліяніе въ Европѣ, а быть можетъ—и разорвать даже ихъ коалицію.

Несогласіе, однако же, существовало и не преминуло вскорѣ обнаружиться. Дѣло въ томъ, что союзники, при составленіи своей коалиціи въ 1813 г., приняли на себя обязательства, которыя, наконецъ, приходилось привести въ исполненіе. Главное изъ обязательствъ—покрайней мѣрѣ, въ отношеніи разсматриваемаго предмета—заключалось въ томъ, чтобы предѣлы Пруссіи до 1806 года были возстановлены. Въ это время, какъ извѣстно, Пруссіи принадлежала территорія Польши вплоть до праваго берега Вислы. Наполеонъ отнялъ эти польскія земли, чтобы образовать изъ нихъ герцогство Варшавское. Возвращенію ихъ снова Пруссіи воспротивился русскій императоръ. Нѣтъ надобности останавливаться здѣсь, какія намѣренія питалъ императоръ Александръ I относительно Польши. Его непремѣнное желаніе возстановить Польшу съ либеральными учрежденіями

хорошо извѣстно и, слѣдовательно, поступиться хоть частью территоріи ея императоръ не могъ. Отсюда было необходимо вознаградить Пруссію инымъ способомъ. Комбинація не заставила себя ждать. Король Саксоніи оставался вѣренъ Франціи и его владѣнія поступили въ распоряженіе „союзниковъ“. Ихъ передали Пруссіи. Такое рѣшеніе затруднительнаго вопроса пришлось очень по вкусу Пруссіи, ибо изъ государства полуславянскаго, какимъ она была до 1806 года, новая комбинація дѣлала ее нѣмецкой, да притомъ еще первенствующимъ въ средѣ государствъ Германіи. Между королемъ Пруссіи и русскимъ императоромъ создалось формальное соглашеніе, ихъ связывала самая тѣсная дружба и интересы ихъ стали солидарными. Но послѣдніе не согласовались съ интересами ихъ союзниковъ. Австрія не могла, не компрометируя себя, допустить у самыхъ воротъ своихъ опасное для себя усиленіе Россіи, господствующей надъ славянскимъ міромъ, и Пруссіи, стоящей во главѣ нѣмцевъ. Англія соглашалась, правда, на присоединеніе Саксоніи къ Пруссіи, но ни за что не хотѣла примириться съ отдачей Россіи всей Польши. Александръ I стоялъ, однако, на своемъ рѣшительно, объявивъ, что въ данномъ пунктѣ онъ не уступитъ. Соглашеніе представилось невозможнымъ: Пруссія отдавала Варшаву только подъ условіемъ получить взамѣнъ Дрезденъ, а Россія соглашалась передать Дрезденъ не иначе, какъ получивъ Варшаву; Англія уступала Дрезденъ, но не отдавала Варшавы. Австрія противилась и тому, и другому. Такимъ образомъ составились три партіи между четырьмя союзниками. Лѣто 1814 года прошло въ напрасныхъ переговорахъ. Русскій императоръ настаивалъ на своемъ, Англія оспаривала его требованіе. Конгрессъ пришлось отложить до осени. Франція не преминула воспользоваться такимъ разногласіемъ. Главнѣйшій интересъ для нея состоялъ въ томъ, чтобы разъединить коалицію и выйти изъ положенія изолированнаго, стать въ которое ее вынудили. Но коалиція образовалась съ цѣлью задержать расширеніе Франціи, опасеніе могущества ея служило связью коалиціи. Значитъ, давать какой бы то ни было предлогъ къ новому возбужденію подобныхъ опасеній и подозрѣній для Франціи было равносильно тому, чтобы самой же содѣйствовать болѣе тѣсному сближенію между союзниками. Единственный же шансъ ихъ разъединить, это — разувѣрить ихъ насчетъ справедливости опасеній. „Союзники“ налагали на нее обязательство быть безкорыстной, и въ этомъ самомъ условіи, которымъ думали ее совсѣмъ стѣснить, Франція нашла средство сначала выпутаться, а затѣмъ возстановить въ Европѣ свое вліяніе, котораго хотѣли лишить ее. Союзники организовали ученую систему предосторожностей противъ ея честолюбія и двусмысленнаго образа дѣйствій: они запретили ей политику дѣйствія, а держались сами, такъ сказать, политики принциповъ. Людовикъ XVIII и Талейранъ это поняли и ихъ искусство сводилось къ тому, чтобы

воспользоваться трудностями положенія, въ которое поставили Францію, какъ источникомъ и орудіемъ дѣйствія, чтобы въ самыхъ обязательствахъ, предписанныхъ ей, найти себѣ права, которыхъ не могла оспаривать Европа, такъ какъ сама же она приняла ихъ за основаніе своихъ трактатовъ съ Франціей. И дѣйствительно, коалиція дѣйствовала во имя общественнаго права Европы, принудивъ Францію подписать Парижскій миръ. Во имя того же права, Франціи оставалось вмѣшаться въ конгрессъ, требуя отъ всѣхъ выполненія принциповъ, какіе къ ней примѣнялись, и доказывая свое уваженіе къ условленнымъ обязательствамъ самой энергіей, съ которою она всюду выдвигала бы важность принципа. „Франція", писалъ Талейранъ 10-го декабря 1814 г. къ Меттерниху, „не намѣрена вносить въ дѣло конгресса честолюбивые планы или личные интересы. Оставленная въ своихъ прежнихъ предѣлахъ, она не думаетъ расширять ихъ, подобно морю, которое выходитъ изъ своихъ береговъ только тогда, когда оно взволновано бурями. Но ей остается желать, чтобы дѣло возстановленія границъ исполнилось также и для всей Европы, какъ для нея самой. Это желаніе Франціи должно питать каждое изъ европейскихъ государствъ, которое не считаетъ себя ослѣпленнымъ". „Послѣдніе годы,—такъ заканчивались инструкціи Людовика XVIII,—оставили впечатлѣнія, которыя необходимо изгладить. Франція—государство настолько сильное, что другіе народы могутъ быть обезпечены лишь идеей ея умѣренныхъ желаній, идеей, которую они усвоютъ тѣмъ легче, что вмѣстѣ съ нею Франція даетъ имъ еще болѣе великую, идею своей справедливости". Такіе взгляды внушались обстоятельствами положенія и, наконецъ, самыми обязательствами, предписанными Франціи, и они же были выдвинуты ею на первый планъ во время конгресса.

II.

8-го октября 1814 года, посланники великихъ державъ собрались у Меттерниха. Рѣчь шла о своевременности объявить Европѣ объ открытіи Вѣнскаго конгресса. Рѣшили, что въ декларацiи будетъ указано 1-е ноября. Талейранъ потребовалъ, чтобы были добавлены слова: „конгрессъ будетъ устроенъ на принципахъ общественнаго права". Такое предложеніе подняло цѣлую бурю.

— Нѣтъ-съ, сказалъ Гарденбергъ, вставая, сжавъ кулаки, почти угрожая.—Нѣтъ-съ, „общественное право", это—безполезно.

— Что означаетъ здѣсь общественное право? воскликнулъ Гумбольдтъ.

— Оно означаетъ, что вы здѣсь, отвѣчалъ Талейранъ.

Оба прусскихъ посланника успокоились. Всѣ казались смущенными.

— Для чего же упоминать, что мы будемъ дѣйствовать на основаніи общественнаго права? заявляетъ Гарденбергъ. Это понятно и безъ оговорки.

— Если это ясно безъ оговорки, отвѣчалъ Талейранъ, то еще яснѣе станетъ, какъ скоро это будетъ оговорено.

Рѣшили, что можно упомянуть объ этомъ, ибо нельзя себѣ объяснить, почему бы съ самаго начала и отказываться непремѣнно отъ того, чтобы упомянуть объ „общественномъ правѣ“. Нѣсколько дней спустя, Талейранъ, отдавая Людовику XVIII отчетъ объ этомъ засѣданіи, писалъ: „предполагаютъ, что мы одержали побѣду, внеся выраженіе „общественное право“. Такое мнѣніе можетъ дать вамъ понятіе о духѣ, какой направляетъ конгрессомъ“.

Уже по этой маленькой стычкѣ, дѣйствительно, можно было судить о характерѣ предстоявшей баталіи. Дипломаты, собравшіеся у Меттерниха, всѣ были въ глубинѣ души скептики насчетъ права общественнаго. Въ тайнѣ своихъ интимныхъ преній они всѣ дешево цѣнили это право, но не могли признаться въ этомъ открыто. Тутъ-то и провелъ ихъ Талейранъ. По данному поводу, Генцъ, который насквозь зналъ этихъ опекуновъ Европы, весьма не двусмысленно о нихъ отзывается: „Широковѣщательные фразы о возстановленіи нравственнаго порядка, о возрожденіи политической системы Европы, о продолжительномъ мирѣ, основанномъ на справедливомъ распредѣленіи силъ и пр. и пр. фигурировали собственно въ видахъ успокоенія народовъ и съ цѣлью придать этому торжественному собранію обликъ достоинства и величія; но дѣйствительная цѣль конгресса заключалась въ томъ, чтобы подѣлить между побѣдителями остатки, отнятые у побѣжденнаго“. Дипломаты не вѣрили серьезно въ фразы, которыми они пользовались, чтобы возстановить народы противъ наполеоновской имперіи. Зато народы, сражавшіеся во имя этихъ фразъ, считавшіе убитыхъ и раненыхъ, вѣрили въ дѣйствительность обѣщаній и мечтали о томъ золотомъ вѣкѣ независимости, свободы, мира, какой, по предвѣщаніямъ коалиціи, долженъ былъ послѣдовать за вѣкомъ желѣза и крови, отъ котораго столько вынесла Европа. Поэтому, народы съ готовностью ввѣряли себя и свою участь въ руки правителей. Столкновеніе государственныхъ интересовъ мало занимало народы, да они и плохо понимали значеніе этихъ интересовъ. Глубоко въ своемъ сердцѣ носили они то, чему въ свою очередь правители придавали меньше всего значеніе, именно—принципъ, который регулировалъ бы право Европы и общую систему, въ ней примѣнимую. Одинъ изъ современниковъ, Прадтъ, прекрасно характеризуетъ это чувство: „европейцы не спрашивали конгресса объ употребленіи, какое онъ находилъ нужнымъ сдѣлать изъ своихъ верховныхъ правъ; но они хотѣли знать, наступитъ ли, наконецъ, спокойствіе послѣ столькихъ грозъ, будетъ ли конецъ волненіямъ, останется ли что нибудь твердымъ, послѣ столькихъ перемѣнъ, будетъ ли, наконецъ, обезпечена

безопасность собственности, послѣ столькихъ покушеній на нее... Они не только спрашивали о томъ, подъ чьимъ владычествомъ имъ придется жить, подъ какой формой правленія, но и о томъ, будетъ ли, наконецъ, какое бы то ни было правительство, какой бы то ни былъ образъ правленія, который далъ бы имъ возможность жить".

„Союзники" не переставали нарушать принципъ, во имя котораго они дѣйствовали. Когда армія Наполеона была уничтожена, а его наслѣдство осталось безъ распорядителя, они питали только одну мысль, только одно намѣреніе: продолжать дѣло императора, обративъ его противъ Франціи, идти по слѣдамъ имперіи послѣ того, какъ они же ее уничтожили. Но имъ все-таки нужно было оправдать свой образъ дѣйствій передъ Европой. И точно: Россія, Австрія и Пруссія могли третировать Европу, какъ вымороченное имѣніе, на которое они имѣли право, могли сказать себѣ: „Европа — это мы", могли втайнѣ дѣлать свои разсчеты, бросать жребіи, кому что достанется, а потомъ, когда торгъ оконченъ, отвѣчать неугомоннымъ допрощикамъ, подобно тому, какъ Талейрану отвѣтилъ императоръ Александръ I: „условія Европы составляютъ право (т. е. общественное)". Но бѣда для нихъ заключалась въ томъ, что одинъ изъ союзниковъ принужденъ былъ высказываться публично и не могъ спрятаться за циничные софизмы, какіе преобладали въ тайныхъ собраніяхъ. Это — именно тотъ изъ нихъ, которому стойкость политики, твердость въ намѣреніяхъ и во взглядахъ предоставили первое мѣсто въ союзѣ. Это—Англія. Безъ сомнѣнія и ея представитель въ Вѣнѣ, Кастльрифъ (Castleregh), подобно своимъ коллегамъ, былъ равнодушенъ и къ принципамъ, и къ общественному праву. Но не такъ относился къ дѣлу англійскій парламентъ. Въ Англіи особенно рельефно заявлялись тѣ чувства, которыя выше намѣчены Генцомъ и Прадтомъ, но заявлялись они не такъ, какъ во всей Европѣ, боязливо и въ тѣни. Они били ключемъ въ газетахъ и выражались на общественной трибунѣ. И только потому, что въ Англіи была свободная трибуна, гдѣ обсуждалась англійская политика, тайныя засѣданія Вѣнскаго конгресса имѣли по необходимости общественную санкцію; конгрессъ являлся отвѣтственнымъ передъ мнѣніемъ Европы и не могъ снять съ себя этой отвѣтственности. Это хорошо понималъ Талейранъ и это же придало силу его знаменитымъ нотамъ, которыя онъ редижировалъ не столько для дипломатовъ, засѣдавшихъ въ Вѣнѣ, сколько для обнародованія ихъ въ Лондонѣ и обсужденія ихъ въ парламентѣ.

Нужно было, однако, непремѣнно нужно было, чтобы конгрессъ, каковы бы ни были его дѣйствія, нашелъ средство сообразовать ихъ съ принципомъ коалиціи и общимъ интересомъ Европы. Здѣсь-то и обнаружились затрудненія. Не смотря на всю ловкость сторонниковъ коалиціи, имъ не удалось примирить съ принципомъ общественнаго права Европы поползновенія Пруссіи на Саксонію и Россіи на Польшу.

Коалиція объявила два принципа: право династій на традиціонное наслѣдіе, право націй—на независимость. Конгрессъ одобрилъ второй принципъ и отвергъ первый, а нарушилъ ихъ оба, отдавъ пруссакамъ Саксонію, не смотря на протесты саксонскаго народа, требовавшаго независимости, и протесты короля Саксоніи, требовавшаго своей короны. При отсутствіи принципа оставалось выдвинуть на сцену интересъ. Но этотъ мотивъ, единственный, который направлялъ дѣйствіями конгресса, былъ непохваленъ и, направляя конгрессъ, не преминулъ вызвать въ немъ расколъ. Такимъ образомъ, засѣдавшіе въ конгрессѣ могли вдвойнѣ подвергнуться упреку. „Ихъ затрудненіе," говоритъ Талейранъ, „вытекаетъ изъ иллюзіи, какой они держатся, вѣря въ возможность направлять дѣло Европы на тѣхъ основаніяхъ, которыя они насъ заставили принять и которыя, однако, не были таковыми." Самому тонкому искусству не удалось бы долго скрывать столь непримиримыя несогласія. Участники же коалиціи выказывали очень мало искусства и слишкомъ много страстности. Талейранъ употребилъ всю свою ловкость, чтобы снять съ нихъ маску. Ему удалось это, потому что онъ былъ чуждъ ихъ разногласіямъ и ничто не нарушало его хладнокровія. Онъ могъ владѣть собою, судить со стороны и свысока. Въ этомъ—преимущество его положенія.

Стараясь доказать свое безкорыстіе фактически, Франція на конгрессѣ была неуязвима. Ея роль была самая простая и лучшая изъ всѣхъ. Положеніе, ею занятое, было таково, что, несмотря на затрудненія во внутреннихъ дѣлахъ, ея политика должна была преобладать въ Вѣнѣ и, дѣйствительно, преобладала. Этимъ она обязана исключительно роли, которую принялъ на себя Талейранъ. Нужно было показать воочію правоту принциповъ, которые онъ отстаивалъ, чтобы Европа забыла, что они провозглашены имъ. Дѣло въ томъ, что Наполеонъ оставался въ глазахъ Европы одинъ виновникомъ актовъ, требовавшихъ мщенія и возмездія. Но кто же, въ самомъ дѣлѣ, изъ всѣхъ участниковъ въ Вѣнскомъ конгрессѣ могъ бросить ему въ лицо обвиненіе и упрекать его прошлымъ? Если эти акты были преступны, всѣ въ нихъ принимали участіе, или дѣйствовали, какъ онъ. Пруссіи онъ могъ бы отвѣтить Ганновером, Австріи—Венеціей, Россіи—Тильзитомъ. Одна изъ державъ еще могла бы третировать его свысока. Это—Англія, но она не желала этого. Другія молчали. Всѣ какъ бы условились набросить покрывало на свое прошлое. Теперь они преобразились въ неофитовъ общественнаго права. Въ такомъ добровольномъ перерожденіи прежній епископъ Отэня имѣлъ возможность выйти самымъ чистымъ и незапятнаннымъ. Онъ заявлялъ очень громко то, что другіе могли отрицать лишь про себя. Никто изъ нихъ не осмѣливался издѣваться надъ нимъ, потому что принципы, которые онъ провозглашалъ съ такою силою, ни одинъ изъ нихъ не могъ ни отрицать публично, ни отвергнуть. Отсюда и вышло, что Талейранъ съ первой же встрѣчи съ ними разъединилъ

ихъ совершенно. „Вмѣшательство Талейрана“, писалъ Генцъ, „нанесло серьозное пораженіе нашимъ планамъ. Князь Меттернихъ не сознаетъ, подобно намъ, всего, что только есть труднаго и даже ужаснаго въ нашемъ положеніи.“ Меттернихъ и Касльрифъ отказывались признать это, пока только могли. Они испробовали всѣ средства, чтобы разъединить Пруссію отъ Россіи; всѣ средства изсякли и, послѣ жаркаго сопротивленія, имъ пришлось прибѣгнуть къ Талейрану. Для него это было тріумфомъ. Мало-по-малу, ему удалось выйти изъ своего изолированнаго положенія, удалось разсѣять предубѣжденія и подозрѣнія, сломить упорство самыхъ недовѣрчивыхъ людей насчетъ безкорыстія и законнаго образа дѣйствій Франціи, убѣдить всѣхъ, кромѣ, конечно, Пруссіи и Россіи, что Франція должна была показать хорошій примѣръ, послѣ столькихъ дурныхъ, какъ нужно быть хорошимъ европейцемъ, примѣръ умѣренности, и добиваться лишь справедливаго равновѣсія. Въ концѣ концевъ ему удалось склонить Англію и Австрію подписать съ нимъ тайный трактатъ 9 января 1815 года, который касался главнаго предмета его политики: разорвать коалицію, пріобрѣсти союзниковъ Франціи и выдвинуть на сцену интересы, которые онъ считалъ одинаково и своими, и всей Европы. „Теперь“, писалъ онъ Людовику XVIII 4-го января 1815 г., „коалиція разорвана, и навсегда. Не только Франція не изолирована болѣе въ Европѣ, но ваше величество обладаетъ уже такой федеративной системой, какой въ пятьдесятъ лѣтъ переговоровъ не удалось бы обезпечить за ней. Она идетъ въ союзѣ съ двумя сильнѣйшими державами. Она будетъ по истинѣ главою и душою этого союза, составленнаго для защиты принциповъ, которые она первой провозгласитъ.“

Талейранъ не разсчитывалъ при этомъ на возможность возвращенія Наполеона съ острова Эльбы. Это событіе его изумило, разрушило всѣ его планы, уничтожило всѣ его комбинаціи. Главный интересъ корреспонденціи здѣсь останавливается. Роль, какую пришлось ему играть въ Вѣнѣ во время „ста дней“, была незавидная. Его сила зависѣла отъ обстоятельствъ, его преимущество заключалось въ правильной оцѣнкѣ этихъ обстоятельствъ и въ умѣньѣ воспользоваться ими. Разъ у него не было поддержки, онъ потерялъ свою силу и остался не болѣе, какъ человѣкъ съ большимъ апломбомъ, необыкновенной ловкости, которая, однако, поколеблена была въ своихъ разсчетахъ. „Талейранъ здѣсь играетъ роль министра Людовика XIV“, говорилъ русскій императоръ въ октябрѣ. Въ апрѣлѣ онъ былъ министромъ развѣ Іакова II. Въ его письмахъ этого періода, въ самомъ его стилѣ, видна двусмысленность его положенія. Его личная досада, злоба, ненависть, смѣшаны, съ весьма впрочемъ законными, опасеніями за Францію. Словомъ, страсть преобладаетъ надъ здравымъ смысломъ, и потому, быть можетъ, письма эти не отличаются тѣми качествами, о которыхъ упомянуто выше. Издатель, повидимому, не же-

лалъ оставить читателя подъ непріятнымъ впечатлѣніемъ. Въ концѣ своего сборника онъ прибавилъ статью, которая напоминаетъ лучшія страницы въ сборникѣ. Это—отчетъ, составленный въ іюнѣ Талейраномъ объ итогахъ работъ конгресса и о положеніи на немъ Франціи. Здѣсь, разумѣется, видна апологія себѣ, но апологія, въ которой общіе взгляды преобладаютъ надъ личными, дипломатъ выступаетъ въ роли историка. Какъ въ перепискѣ Талейрана въ періодъ его торжества, такъ и здѣсь, любовь къ Франціи и интересы ея выступаютъ на первомъ планѣ и, безъ сомнѣнія, заставляютъ простить ему многое. Каковы ни были личныя поползновенія и заднія мысли этого дипломата, связанныя съ его дѣятельностью, но на Вѣнскомъ конгрессѣ Талейранъ служилъ одной только Франціи и служилъ ей блистательно, успѣвъ разоблачить домогательства политики захвата, какъ всегда замаскированныя гуманными принципами и видимыми заботами о благѣ народовъ.

Ѳ. Б.

ВОСПОМИНАНІЯ О РОССІИ АРМАНА ДОМЕРГА [1].

ГЛАВА VIII.

Нарушеніе перемирія.—Раздача денегъ.—Размѣнъ денегъ. — Крестъ на колокольнѣ Ивана Великаго.—Наполеонъ оставляетъ Москву.—Генералъ Винценгероде.—Сожженіе артиллерійскаго парка.—Взрывъ Кремля. — Избіеніе отсталыхъ французовъ. — Тутолминъ и Кривцовъ. — Возвращеніе Ростопчина въ Москву.—Награжденіе поджигателей. — Осужденіе на работы. — Виллерсъ.— Указъ императора Александра.—Новыя извѣстія.—Актриса Вертейль. — Пѣвецъ Таркиніо.—Мое безпокойство о семьѣ.—Мученія въ тюрьмѣ.—Предсказанія мужика.—Макарьевская ярмарка.—Уходъ изъ тюрьмы.—Доносъ.—Наказаніе часоваго.—Характеристика нашихъ солдатъ. — Новое вымогательство.— Первая отправка арестантовъ.

НАДЕЖДЫ на миръ, которыя питалъ Наполеонъ, изчезли послѣ нарушенія перемирія... Кутузовъ, видя, что уже нельзя долѣе обманывать Наполеона, рѣшился 18-го октября сдѣлать нападеніе. Произошло дѣло при Тарутинѣ. Выведенный, но слишкомъ поздно, изъ своей непостижимой безпечности, императоръ хотѣлъ отвѣчать громовымъ ударомъ на вѣроломство своего врага. Въ ту минуту, какъ пришло извѣстіе отъ неаполитанскаго короля о нападеніи Кутузова, Наполеонъ дѣлалъ смотръ. Внезапно къ нему возвратилась энергія юныхъ годовъ. Во всѣ стороны были посланы приказанія, чтобы сосредоточить армію, которая въ тотъ же день должна была расположиться бивуаками на калужской дорогѣ. Мортье съ нѣсколькими батальонами былъ оставленъ въ Кремлѣ. Наполеонъ объявилъ, что намѣренъ дать большое сраженіе и черезъ нѣсколько дней возвратится, но не иначе, какъ уничтоживъ непріятеля. Въ этомъ не было ничего невѣроятнаго: онъ столько

[1] Продолженіе. См. „Истор. Вѣстн.“, томъ V, стр. 862.

разъ предсказывалъ свои побѣды. Но что могъ сдѣлать теперь его геній противъ грозившихъ бѣдствій!

Французская армія уменьшилась вчетверо противъ своихъ первоначальныхъ размѣровъ (около 100,000 чел.) и продолжала ежедневно уменьшаться отъ лишеній и болѣзней. Особенно кавалерія понесла невознаградимыя потери. Вмѣстѣ съ ослабленіемъ росла дерзость враговъ: казаки, рыская въ окрестностяхъ, отбивали людей и фуражъ у самыхъ воротъ Москвы. Объявляя о скоромъ возвращеніи въ столицу, не предвидѣлъ ли Наполеонъ неизбѣжность поспѣшнаго отступленія?

Можно, пожалуй, видѣть это рѣшеніе еще раньше событій 18-го октября въ большой раздачѣ денегъ, которая въ предшествовавшіе дни была произведена, по приказу императора, всѣмъ частямъ арміи. Грабежъ былъ допущенъ только въ той мѣрѣ, чтобы смягчить ропотъ. Надо было предупредить то, что могло быть вызвано отступленіемъ. Вслѣдствіе этого, кромѣ ассигнацій, арміи были розданы большія суммы мѣдною монетою, которую нашли закопанною въ подвалахъ дворца. Множество другихъ драгоцѣнностей, доставшихся солдатамъ, и невозможность унести съ собою монету, напоминавшую деньги, введенныя у спартанцевъ Ликургомъ, заставляли французовъ продавать мѣдь мужикамъ. По странной прихоти, народъ предпочиталъ ее ассигнаціямъ, серебру и даже золоту, столь рѣдкому въ Россіи. Лишь только распространился слухъ о размѣнѣ, какъ Никольская улица, гдѣ находились главныя мѣняльныя лавки, была наводнена покупателями. Это были московскіе грабители, тѣ самые, которые, пренебрегая опасностью, принимали участіе въ грабежахъ нашихъ солдатъ. Это была жадная, гнусная толпа, которую надежда на корысть вызвала и теперь изъ груды развалинъ! Размѣнъ мѣди на золото и серебро производился при 84%, 90% и даже 98% скидки для покупателей. Судите теперь о жадности, объ упорныхъ усиліяхъ народа пробраться къ мѣсту размѣна. Грызущіяся собаки, терзающія другъ друга изъ-за кости, брошенной въ ихъ голодную стаю, не представляли бы болѣе отвратительнаго зрѣлища: крики, ругань, безконечныя драки, оканчивавшіяся даже смертью слабѣйшихъ. Женщины и дѣти, отваживавшіяся кидаться въ волны черни, брались за непосильное дѣло: падая подъ тяжестью роковой добычи, онѣ погибали подъ ногами толпы. Продавцы, покупатели, русскіе, нѣмцы, французы, все это смѣшалось въ ужасной свалкѣ. Послѣдніе должны были прибѣгнуть къ мѣрамъ строгости, чтобы прекратить или сдержать волненіе. Сильные удары прикладами и нѣсколько ружейныхъ выстрѣловъ, сдѣланныхъ на воздухъ, были достаточны, чтобы разсѣять толпу. Но вскорѣ, узнавши, что это была только пустая демонстрація, она нахлынула съ новою яростію. Наши придумали тогда загородить баррикадами входъ въ Китай-городъ у Воскресенскихъ воротъ, которыя отдѣляютъ его отъ Бѣлаго-города.

Мѣдную монету разложили по мѣшкамъ, заключавшимъ въ себѣ по 25 рублей. Солдаты, получивши предварительно слѣдуемую сумму, бросали изъ оконъ дворца, или черезъ баррикады, эти громадные мѣшки въ ненасытную толпу.

Наполеонъ былъ готовъ къ отъѣзду. Садясь на лошадь, онъ узналъ отъ одного польскаго генерала, свѣдущаго въ русской исторіи, что народное повѣрье приписываетъ особую силу главному кресту Ивана Великаго. Говорили, что пока онъ стоитъ на колокольнѣ этой церкви, непріятель не можетъ войти въ Москву. Пользуясь всѣми средствами, какія только могли поразить воображеніе суевѣрнаго народа, Наполеонъ приказалъ тотчасъ же сбить крестъ.

На другой день послѣ отъѣзда Наполеона, караулы французской дивизіи, оставленной въ Москвѣ, отступили къ бульвару Бѣлаго-города. На ночь они огораживались и принимали мѣры предосторожности, какъ въ военное время. Ихъ отступательное движеніе заставило генерала Винценгероде думать, что городъ очищенъ совершенно. Онъ неосторожно проникъ до Тверской, гдѣ вмѣстѣ со своимъ адъютантомъ Нарышкинымъ былъ взятъ въ плѣнъ. Напрасно генералъ, окруженный вмѣстѣ со своими кавалеристами, хотѣлъ заставить вѣрить, что явился въ качествѣ парламентера и махалъ своимъ платкомъ... На это справедливо замѣтили, что парламентеры не ѣздятъ, подобно ему, во главѣ отряда казаковъ, что впереди долженъ быть трубачъ... Генерала не отпустили.

Отъѣздъ Наполеона совершился 20-го октября. 22-го, французскія войска, остававшіяся въ Москвѣ, сожгли артиллерійскій паркъ, расположенный на равнинѣ сосѣдней съ гульбищемъ перваго мая. При этомъ разорвало нѣсколько бомбъ. Взрывъ ихъ заставилъ иностранцевъ, которые еще были въ Москвѣ, думать, что идутъ казаки, предавая все огню и мечу. Въ страхѣ одни покидали городъ, не позаботясь запастись средствами для столь далекаго путешествія; другіе, предпочитая попытать счастія при возстановленіи прежняго порядка, чѣмъ подвергаться опасностямъ отступленія, бѣжали въ Воспитательный Домъ. Скопленіе народа здѣсь было такое, что скоро негдѣ было повернуться.

Французы, не зная того, что сами же были причиною тревоги, еще болѣе стянулись въ одно мѣсто. Усиливъ караулы по дорогамъ, которыя вели въ Бѣлый-городъ, они выслали сильные патрули въ разныя стороны для защиты передовыхъ постовъ.

Шайки московскихъ грабителей, которыхъ загналъ въ подземелья страхъ уличной стычки между двумя арміями, теперь опять появились. Они соединились съ окрестными мужиками и грабежъ начался снова. На этотъ разъ алчность грабителей обратилась на соляные магазины: всѣ другіе склады и лавки были уже разбиты. Мужики торопливо нагружали телѣги, которыя затѣмъ уѣзжали въ сопровожденіи шаекъ человѣкъ въ 15—20 мужиковъ, бабъ и ребятъ. Это

продолжалось два дня и двѣ ночи. Повторились отвратительныя сцены, бывшія при размѣнѣ денегъ. Еще нѣсколько мѣшковъ съ пятаками оставалось у солдатъ той дивизіи, которая должна была охранять городъ. Они бросали ихъ въ толпу для промѣна. Теперь насиліе и остервенѣніе народа увеличились тѣмъ больше, что никто не заботился сдерживать ихъ.

Въ четвергъ, 23-го октября, маршалъ герцогъ Тревизскій и Лессепсъ послали письмо Тутолмину, поручая человѣколюбію русскихъ раненыхъ французовъ, которыхъ приходилось оставить въ госпиталѣ Воспитательнаго Дома. Тутолминъ, какъ извѣстно, былъ директоромъ помянутаго заведенія. Этотъ почтенный человѣкъ оправдалъ довѣріе, которое имѣли къ его благородной попечительности. Принявъ эти предосторожности, герцогъ Тревизскій во главѣ молодой гвардіи вышелъ изъ Кремля, который по его приказу былъ подожженъ.

Русскій баринъ, изъ разсказа котораго мы уже заимствовали нѣкоторыя мѣста, въ тѣхъ случаяхъ, когда это могло сколько нибудь способствовать для приданія колорита изложенію, такъ разсказывалъ объ этомъ пожарѣ.

„Я искалъ убѣжища вмѣстѣ съ испуганною толпою въ Воспитательномъ Домѣ. 23-го числа, около 8 часовъ вечера, яркій свѣтъ, показавшійся въ сторонѣ Кремля, возвѣстилъ намъ о новомъ пожарѣ. Но такъ какъ онъ произошелъ въ крѣпости и не было причины опасаться, что огонь сообщится по сосѣдству, то тревога утихла. Что касается до меня, то, привыкнувъ къ этому вслѣдствіе столькихъ бѣдствій, я заснулъ въ креслѣ, стоявшемъ у окна. За восемь слишкомъ дней до этого, меня предупреждалъ одинъ честный французъ, докторъ, чтобъ я не оставался въ Москвѣ въ то время, когда изъ нея будутъ уходить французы. „Вы сами были въ военной службѣ“, сказалъ онъ мнѣ „и понимаете, что я не могу быть откровеннымъ, но ваша проницательность должна вамъ открыть, что̀ я разумѣю“. Ожидая какой нибудь новой катастрофы, я не совсѣмъ понималъ смыслъ его предсказанія. Скоро мы узнали, въ чемъ дѣло.

„Около 4 часовъ утра, страшный ударъ и стекла, посыпавшіяся на голову, внезапно меня разбудили. Домъ заколебался въ своихъ основаніяхъ. Предсказаніе хирурга сбылось. Подъ Кремль былъ подведенъ подкопъ. Пожаръ дошелъ до минъ. Одну изъ нихъ взорвало. Счастье еще, что взрывало ихъ поочередно: случись это сразу, пропали бы мы и всѣ зданія, которыя еще уцѣлѣли отъ большаго пожара въ столицѣ. Испугъ былъ всеобщій. Крики женщинъ, страхъ быть погребеннымъ подъ развалинами дома и въ то же время невозможность найти другое убѣжище, увеличивали смятеніе и ужасъ. При каждомъ взрывѣ, повторявшемся почти черезъ полчаса, мебель падала; уцѣлѣвшія стекла разбивались въ мелкіе дребезги. Послѣдній взрывъ, не столь уже сильный, какъ прежніе, случившійся подъ утро,

и крики казаковъ, которые въ безпорядкѣ проникли въ городъ, показали намъ, что французы оставили Москву.

„День едва начинался. Наиболѣе отважные пошли разузнавать. Подошли къ Кремлю, ворота котораго были заложены. Только тѣ, что вели на Петровскій мостъ, были отворены: черезъ нихъ вышли французы. Пожаръ, который все еще продолжался, и опасеніе новаго взрыва помѣшали проникнуть въ Кремль. Однако можно было уже и теперь видѣть поврежденія, причиненныя пожаромъ и послѣдовательными взрывами. Колокольня Ивана Великаго еще стояла, но дала значительныя трещины. Стѣны арсенала противъ Никольской изчезли совершенно. На мѣстѣ башни, которая была на углу Кремля у Петровскихъ воротъ, виднѣлась огромная дыра, а кругомъ валялись обломки. Двѣ небольшія башни на берегу Москвы рѣки также были разрушены. Вскорѣ казаки овладѣли всѣмъ городомъ. Соединившись съ шайками мужиковъ, они искали отсталыхъ отъ непріятельской арміи. Всѣ пойманные были безпощадно убиваемы. По примѣру французовъ, которые хоронили своихъ мертвыхъ въ колодцахъ Воспитательнаго Дома, народъ бросалъ трупы убиваемыхъ имъ въ сточныя трубы. Въ субботу утромъ, 25 октября, явилась наконецъ полиція и порядокъ сталъ мало по малу водворяться...“

Этотъ разсказъ и послѣдующія событія не оставляютъ никакого сомнѣнія насчетъ участи несчастныхъ иностранцевъ и въ особенности французовъ, которые не ушли отъ ярости мстителей.

Признательный за многочисленныя благодѣянія, которыми онъ былъ обязанъ Наполеону, Тутолминъ не ограничился тѣмъ, что собралъ инастранцевъ, оставшихся въ Москвѣ. При вступленіи русскихъ, вліяніе его и уваженіе, внушаемое благороднымъ характеромъ, помогли ему спасти немалое число жертвъ отъ мщенія народа. Благодаря его попеченіямъ, женщины были ограждены отъ оскорбленій со стороны казаковъ, а большинство нашихъ раненыхъ спасены отъ вѣрной смерти. „Французы покровительствовали моимъ дѣтямъ“, отвѣчалъ Тутолминъ Ростопчину, который порицалъ его за излишнюю заботливость. „Они пеклись о нашихъ раненыхъ наравнѣ со своими. Я обязанъ въ свою очередь оказать имъ помощь и покровительство. Никакія соображенія, никакая опасность, не отклонятъ меня отъ исполненія обязанности, забвеніе которой наложило бы печать неблагодарности и безчестія на мое чело, убѣленное годами“.

Оставаясь вѣрнымъ разскащикомъ, я долженъ былъ упоминать о преступныхъ дѣяніяхъ. Съ такою же точностью, но съ большимъ удовольствіемъ, упомянемъ о такихъ поступкахъ, которые служатъ къ чести нашихъ враговъ.

Одинъ русскій офицеръ, Кривцовъ, поручикъ Егерскаго гвардейскаго полка, благородно подражалъ рвенію Тутолмина. Раненый въ сраженіи при Москвѣ-рѣкѣ, Кривцовъ былъ отданъ на попеченіе французскихъ хирурговъ. При приближеніи казаковъ, забывая о соб-

ственныхъ страданіяхъ, онъ прибѣжалъ въ одну изъ залъ, гдѣ находилось нѣсколько сотъ французскихъ раненыхъ.

— Солдаты! воскликнулъ онъ, французская армія ушла. Будьте моими плѣнными—и вы спасены!..

— Мы не сдаемся, отвѣчали раненые, которые не поняли намѣренія благороднаго офицера.—У насъ есть еще оружіе.

Большинство ихъ, дѣйствительно, поднялись съ кроватей, одѣлись и взялись за свои сабли и ружья. Напрасно Кривцовъ противился этому отчаянному рѣшенію и указывалъ имъ на опасность, которой они подвергнутся, переступивъ за порогъ двери.

— Мы хотимъ лучше умереть, какъ храбрые, чѣмъ быть зарѣзанными въ нашихъ постеляхъ.

Съ этими словами многіе изъ нихъ выбѣжали и тотчасъ же пали подъ ударами казаковъ и народа, толпы котораго уже наполняли всѣ дворы больницы. При видѣ избіенія своихъ товарищей, сражавшихся съ безполезною храбростью, прочіе уступили, наконецъ, голосу русскаго офицера. Но опасность еще не миновала: казаки взобрались на лѣстницу, испуская ужасные крики.

— Никто не имѣетъ права входить сюда, закричалъ храбрый Кривцовъ, становясь въ дверяхъ. Крики и угрозы разъяренныхъ не испугали его. Начальникъ казаковъ хотѣлъ употребить силу. Кривцовъ схватилъ его за мундиръ и, назвавъ свое имя и званіе, сказалъ:

— Извольте сами смотрѣть, чтобъ ни одинъ изъ вашихъ солдатъ не вошелъ въ эту залу, иначе вы отвѣчаете головою за малѣйшую каплю крови, пролитую здѣсь...

Слова эти, сказанныя вдохновенно и съ рѣшимостью какого-то высшаго наитія, произвели желанное дѣйствіе. Казаки и чернь удалились и раненые французы были спасены.

16 сентября графъ Ростопчинъ возвратился въ Москву. Тотчасъ же онъ собралъ всѣхъ священниковъ, которыхъ можно было найти въ городѣ, и приказалъ имъ освятить церкви, осквернены присутствіемъ французовъ. Передъ своимъ отъѣздомъ онъ собралъ преступниковъ, содержавшихся въ острогѣ, и заставилъ ихъ поклясться передъ святыми иконами въ томъ, что они принесутъ въ жертву все, даже свою жизнь, чтобы усилить убійства и пожары. Этимъ, по его словамъ, они должны были искупить передъ Богомъ грѣхи прежней своей жизни. Теперь Ростопчинъ собралъ въ церкви Пресвятой Богородицы всѣхъ тѣхъ острожниковъ, которые пережили великую народную жертву.

— Вы заслужили передъ Господомъ Богомъ и передъ отечествомъ, сказалъ онъ имъ. Вы хорошо исполнили мои приказанія. Царство небесное и вѣчная память тѣмъ изъ вашихъ храбрыхъ товарищей, которые пали за спасеніе государства. Небо имъ наградою. Успѣхъ увѣнчалъ ваши старанія: поганые французы бѣгутъ въ безпорядкѣ, но мѣры приняты; ни одинъ не уйдетъ живымъ изъ этихъ обширныхъ

равнинъ, и священная земля нашего государства, которую они осмѣлились осквернить своимъ присутствіемъ, будетъ ихъ могилою...

Затѣмъ Ростопчинъ сталъ разыскивать тѣхъ русскихъ и иностранцевъ, особенно послѣднихъ, которые послѣ пожара занимали какую либо должность во французской администраціи. Извѣстно, что нужда заставила большинство этихъ бѣдняковъ записаться въ число лицъ, которыя получали раціоны; безъ этого они умерли бы съ голоду. Всѣхъ уличенныхъ заключали сначала въ тюрьму, откуда они выходили не иначе, какъ на уличныя работы. Если губернатору хотѣлось возбудить движеніе въ народѣ противъ тѣхъ, которыхъ онъ старался унизить, выставляя ихъ виновниками всѣхъ бѣдствій отечества, то онъ обманулся въ ожиданіяхъ. Первая минута народнаго увлеченія прошла. Привыкнувъ смотрѣть на насъ, какъ на господъ, и даже любить насъ за доброе обращеніе со слугами, рабы не выказывали ничего кромѣ сожалѣнія при видѣ несчастныхъ, которыхъ водили по улицамъ связанными.

Одинъ молодой французъ, Виллерсъ, бывшій учителемъ въ Москвѣ, исправлялъ, во время занятія города французами, должность полицеймейстера. Его посадили въ тюрьму, откуда онъ какимъ-то чудомъ вышелъ живъ черезъ нѣсколько мѣсяцевъ. Все это время онъ содержался на хлѣбѣ и на водѣ, перенося самое грубое обращеніе тюремщиковъ. Только ужъ когда генералъ Тормасовъ сдѣлался московскимъ губернаторомъ вмѣсто графа Ростопчина, несчастный былъ выпущенъ изъ гнусной тюрьмы. Обросшій бородою, съ грязными растрепаными волосами, исхудалый, онъ казался всѣмъ какимъ-то привидѣніемъ, вышедшимъ изъ могилы. Авторъ этихъ „Воспоминаній“ самъ видѣлъ его въ Москвѣ, два года спустя послѣ описаннаго случая. Самыя старательныя заботы и вся помощь искусства не могли изгладить слѣдовъ бывшихъ мученій, суровость которыхъ навсегда сломила его крѣпкое здоровье.

1812 годъ приходилъ къ концу. Русская зима давно уже наступила со своими бѣлыми спутниками—снѣгомъ и инеемъ. Начиная съ ноября мѣсяца, морозы усилились и лютость ихъ, небывалая даже въ этомъ холодномъ климатѣ, заставляла насъ съ ужасомъ представлять себѣ судьбу французовъ во время отступленія. За французскою арміею слѣдовали наши семейства. Что сталось съ ними? Обманувшись въ надеждѣ на поддержку, которая оказалась безсильною, наши жены и дѣти пали, быть можетъ, отъ казацкой пики, и снѣгъ покрываетъ ихъ трупы, лишенные погребенія. Если же онѣ остались въ живыхъ, то цѣною какихъ мученій сохранили они жизнь?

Мучась неизвѣстностью относительно того, что было намъ всего дороже, мы проводили дни въ самой ужасной тоскѣ. Взаимная трогательная заботливость избѣгать всякаго повода, который могъ напомнить о несчастіи намъ близкихъ, разбивалась объ это постоянное настроеніе нашего духа: довольно было намека, одного какого-нибудь

слова, вырвавшагося въ разговорѣ, чтобы въ глазахъ у всѣхъ заблистали слезы.

Въ это время явился императорскій указъ, объявлявшій полную амнистію даже тѣмъ изъ подданныхъ, которые обратили оружіе противъ своего отечества. Казалось, что это должно было бы облегчить, если не вовсе расторгнуть наши оковы... не тутъ-то было! Участвуя въ отступленіи французовъ, жены нѣкоторыхъ изъ макарьевскихъ плѣнниковъ находились въ Вильнѣ. Ихъ хлопоты и просьбы передъ особою императора Александра, когда государь прибылъ въ этотъ городъ, остались безъ успѣха. Одинъ только пруссакъ, товарищъ въ нашемъ несчастіи, получилъ въ видѣ милости позволеніе жить не въ тюрьмѣ, а въ самомъ городѣ Макарьевѣ. Въ довершеніе всего, точно бремя нашихъ несчастій было еще недостаточно велико, этотъ указъ объявлялъ о конфискаціи имущества всѣхъ иностранцевъ, которые покинули русскую территорію.

Извѣстіе о безплодныхъ стараніяхъ, употребленныхъ въ нашу пользу, было принесено нѣсколькими женщинами, спасшимися какимъ-то чудомъ отъ бѣдствій при отступленіи изъ Москвы. Онѣ пріѣхали съ разныхъ концевъ имперіи, но главнымъ образомъ изъ Литвы. Черезъ нихъ-то многіе изъ насъ узнали кто о спасеніи, кто о гибели близкихъ; но дурныхъ извѣстій было гораздо больше. Пріѣздъ этихъ дамъ былъ какъ бы знакомъ скорби и слезъ для несчастныхъ изгнанниковъ. Одинъ оплакивалъ судьбу жены, покинутой среди дорожныхъ снѣговъ; другой—безчестіе своей,—жертвы грубости казаковъ.

Большинство нашихъ знакомыхъ, отправившихся вмѣстѣ съ французами изъ Москвы, погибло отъ холода, голода, или меча русскихъ. Преимущественно женщины, несчастныя матери, находили смерть среди самыхъ ужасныхъ страданій. И моя жена, мой сынъ были тамъ!.. Мадамъ Вертейль, хорошенькая актриса, отважилась отправиться въ путь съ двумя дѣтьми, беременная третьимъ. Одного изъ нихъ она лишилась въ суматохѣ около Вязьмы, другой умеръ на дорогѣ отъ истощенія. Тронутый несчастнымъ положеніемъ этой женщины, виконтъ де-Тюрень взялъ ее подъ свое покровительство. Прибывши въ окрестности Смоленска, онъ скорѣе донесъ её, чѣмъ довелъ до города, но входъ въ него женщинамъ былъ запрещенъ особымъ указомъ. Когда Тюрень и госпожа Вертейль хотѣли войти насильно, безжалостный часовой пронзилъ ее штыкомъ. Смертельно раненая, бѣдняжка, сдѣлавъ нѣсколько шаговъ, упала въ сани, гдѣ выкинула и умерла...

Моя сестра, Аврора Бюрсе, выказала въ эти ужасныя минуты свой поэтическій энтузіазмъ. Она шла нѣкоторое время пѣшкомъ, когда пушечное ядро разбило ея карету. Сестра принуждена была продолжать путешествіе, помѣстившись на артиллерійскомъ ящикѣ. Первою мыслью ея, когда карета разбилась, было взять оттуда свои рукописи, которыя она затѣмъ переложила въ одинъ изъ императорскихъ фургоновъ. Но черезъ нѣсколько времени императоръ, первый подавая

примѣръ пожертвованія, отдалъ приказъ сжечь этотъ фургонъ со всѣмъ находящимся въ немъ. Аврора Бюрсе бросается тогда съ своего сѣдалища и, удерживая за руку солдата, уже вооружившагося факеломъ, восклицаетъ: „Сжальтесь, мои друзья! отдайте мое сочиненіе: „Le bonheur de la médiocrité“ съ эпиграфомъ изъ Горація „auream quisquis mediocritatem diligit...“ Рукопись въ желтой оберткѣ... прекрасный почеркъ... мой братъ, плѣнникъ Ростопчина, переписывалъ ее!..“

Знаменитый итальянскій пѣвецъ Тарквиніо, котораго можно было слышать на концертахъ въ Кремлѣ, обязанъ былъ спасеніемъ наружной неопредѣленности своего пола. Когда Тарквиніо попался въ руки казаковъ, то пріятность лица, серебристый голосъ и округлость формъ, заставили ихъ принять его за переодѣтую женщину. Между варварами произошла даже остервенѣлая драка изъ-за обладанія такими прелестями. Тарквиніо достался сильнѣйшему. Побѣдитель далъ ему лошадь и съ самою предупредительною любезностію проводилъ до воротъ Вильны. Тутъ одна изъ нашихъ дамъ видѣла его окруженнаго попеченіями и уваженіемъ башкиръ. Каждый вечеръ на дорогѣ, или на бивакахъ, Тарквиніо услаждалъ своимъ мелодическимъ пѣніемъ досугъ казаковъ, которые иногда присоединяли грубые свои голоса къ великолѣпному сопрано этого povero Calpigi.

Я узналъ объ участи моей сестры, но не имѣлъ никакого указанія, никакого извѣстія о женѣ и сынѣ. Разсчитывая возбудить болѣе довѣрія, я притворно выказывалъ спокойствіе, которое далеко было отъ моей души. Но напрасно я спрашивалъ каждую изъ нашихъ обязательныхъ вѣстницъ, напрасно я слѣдилъ за малѣйшимъ выраженіемъ въ ихъ лицѣ, стараясь прочесть въ ихъ глазахъ, насколько могъ я довѣрять ихъ словамъ: всѣ онѣ казались мнѣ чистосердечны въ своемъ невѣдѣніи. Прибавьте теперь къ мученіямъ неизвѣстности еще доходившіе до насъ ужасные слухи о результатѣ кампаніи этого года. Сверхъ того, наши тюремщики, какъ уже сказано выше, съ величайшею строгостью препятствовавшіе тому, чтобы всякое другое извѣстіе не дошло до насъ извнѣ, радовались, что могли увеличить наше горе. Остатки храброй французской арміи постепенно ретировались отъ Нѣмана къ Вислѣ, отъ Вислы къ Одеру, отъ Одера къ Эльбѣ. Отступленіе французовъ и постепенное отпаденіе ихъ союзниковъ, казалось, отдаляли срокъ нашего освобожденія.

Наступила весна 1813 года. Истощивъ всѣ ресурсы нашего досуга, мы задумали преобразить довольно просторный дворъ тюрьмы въ садъ. Съ этою цѣлью мы достали земледѣльческія орудія и, пріобрѣтя за деньги благосклонность стражей, ходили подъ ихъ присмотромъ въ сосѣдній лѣсъ за молодыми деревьями. Вскорѣ совершилось полное превращеніе: на площадкѣ двора, старательно выровненной, явились дорожки и изящныя куртины. Создавъ себѣ полезное занятіе и въ то же время прогулку, мы, такимъ образомъ, оста-

вили жителямъ Макарьева прочный памятникъ нашего плѣна и изобрѣтательности.

Вскорѣ сама природа вооружилась, повидимому, противъ бѣдныхъ плѣнниковъ. Едва наступило лѣто, какъ миріады мошекъ прогнали насъ изъ сада. Прогулка сдѣлалась невозможна. Потомъ онѣ стали преслѣдовать насъ и въ комнатахъ, гдѣ ихъ докучная назойливость противилась всякимъ куреніямъ, которыми мы пытались ихъ истребить. Насѣкомыя проникали даже черезъ занавѣски, устроенныя нами. Наконецъ, когда мы, пробывъ цѣлый день безъ свѣта и воздуха, рѣшались выдти изъ этой преждевременной могилы, то едва могли вѣтками защититься отъ ихъ опаснаго жала. Было отъ чего сойти съ ума. Глядя на этихъ разгуливающихъ людей, выходящихъ изъ себя, раздраженныхъ и яростно махающихъ вокругъ головы вѣтками, всякій сказалъ бы, что это толпа сумасшедшихъ на дворѣ больницы умалишенныхъ.

— Когда мы избавимся отъ этой невыносимой муки? спросили мы разъ у одного изъ обывателей, приносившаго намъ квасъ.

— Къ Петрову дню, отвѣчалъ онъ увѣренно.

Мы подумали, что это равносильно выраженію: „послѣ дождичка въ четвергъ“, но, къ величайшему удивленію, предсказаніе исполнилось вполнѣ точно. Мошки, которыя еще наканунѣ, казалось, удвоили свою ярость, совершенно исчезли въ Петровъ день.

Нашъ пророкъ явился къ намъ снова для продажи нѣкоторыхъ вещей.

— Да ты колдунъ! сказали мы ему.

— Нѣтъ, отвѣчалъ онъ съ обычною флегмою; но природа самая лучшая изъ всѣхъ книгъ мудрецовъ. Она пишетъ свои наставленія вокругъ насъ, и каждый годъ въ одно и то же время мы читаемъ на ея великихъ страницахъ, которыя она перевертываетъ передъ нами. Разлитіе Волги и обширные окрестные лѣса производятъ такое множество насѣкомыхъ. Вотъ, вы избавились теперь отъ этихъ мошекъ. Черезъ 15 дней ихъ смѣнятъ тучи другихъ мухъ, покрупнѣе, но безвредныхъ. За ними пойдутъ другія, весьма мелкія, но кусающія еще сильнѣе первыхъ. Наконецъ, когда вы увидите, что стѣны вашихъ комнатъ покрылись черными роями обыкновенныхъ мухъ — значитъ, зима близко.

Пророческій тонъ макарьевскаго жителя имѣлъ въ себѣ что-то поразительное. Мы спросили его, кто онъ такой. Онъ отвѣчалъ, что въ молодости былъ пастухомъ, а въ Россіи, какъ и во многихъ другихъ странахъ, опытность простыхъ людей, посвятившихъ себя созерцанію природы, считается пророческимъ даромъ и колдовствомъ.

Послѣднія предсказанія исполнились съ такою же точностью, какъ и первыя. Что̀ мы терпѣли отъ осеннихъ мухъ — невозможно пересказать! Ничто не могло спасти насъ отъ этихъ неотвязныхъ насѣкомыхъ, которыя жужжа лѣзли въ уши, въ носъ и ротъ.

Цѣлый почти годъ прошелъ съ того времени, какъ мы находились подъ арестомъ, а ничто еще не предвѣщало минуты освобожденія. Изъ оконъ тюрьмы мы печальнымъ взоромъ слѣдили за маневрами веселыхъ матросовъ, которые вдали рисовались на большихъ трехугольныхъ парусахъ судовъ, плывшихъ по Волгѣ; или дивились ловкости всадника, который галопомъ удалялся въ лѣсную просѣку. Пѣшеходы, путешественники, купцы, сновали по площади во всѣхъ направленіяхъ: въ это время была знаменитая макарьевская ярмарка. Налѣво видѣнъ былъ базаръ—громадное зданіе, крыша котораго рисовалась на горизонтѣ. Люди со всѣхъ концовъ міра сходились сюда. Какое движеніе, какая дѣятельность оживляла эту толпу! Повсюду довольство, жизнь, свобода! Но увы! Скоро всѣ покинули насъ, и давно уже они увидѣли свои семьи, свое отечество, а мы все еще оставались тутъ на одномъ мѣстѣ, лишенные свободы.

Побуждаемый желаніемъ переступить хоть разъ порогъ тюрьмы, я, подъ какимъ-то предлогомъ, пріобрѣлъ за деньги благосклонность одного изъ нашихъ татаръ, который согласился сопровождать меня на прогулку около тюрьмы. Но предвкушеніе свободы, нисколько не удовлетворивъ меня, только усилило непобѣдимую потребность прогулки и движенія. Постигнутые лѣтними бѣдствіями, которыя смѣнялись одно другимъ, мы жили взаперти въ нашихъ кельяхъ, какъ въ ящикѣ. Необходимо было расправить онѣмѣвшіе члены, а мѣста не было. Что тутъ дѣлать? Изобрѣтательность и ловкость явились намъ на выручку. Я давно уже замѣтилъ, что въ заборѣ, выстроенномъ изъ барочнаго лѣса, тамъ и сямъ были продѣланы дырки, очевидно, предназначавшіяся для болтовъ. Если бы сохранились послѣдніе, то вышло бы нѣчто въ родѣ лѣстницы, по которой легко можно было бы влѣзть. Дѣло состояло только въ томъ, чѣмъ замѣнить болты? Можно представить себѣ, съ какимъ жаромъ принялся я за работу. Новые болты, приготовленные потихоньку, замѣнили недостающіе и, такимъ образомъ, всѣ средства къ побѣгу были готовы.

Не желая пользоваться одинъ плодами своей изобрѣтательности, я сообщилъ свой планъ Ламиралю, ловкому балетмейстеру московскаго театра. Съ нимъ-то мы, послѣ полудня, во время отдыха нашей стражи, совершили первую вылазку, которая удалась, какъ нельзя лучше. Чтобы не оставить никакого знака, который могъ бы изобличить нашу шалость, мы постепенно вынимали болты, которые служили намъ для спуска на другой сторонѣ. Моя собака, свидѣтельница этихъ необычайныхъ маневровъ, чуть было не выдала насъ своимъ лаемъ, но по данному знаку замолкла. Такъ какъ ей не былъ запрещенъ обыкновенный выходъ, то она вскорѣ присоединилась къ намъ внѣ тюрьмы. Да, мы были уже не въ тюрьмѣ, а въ лѣсу, въ зелени, на травѣ, которую топтали съ наслажденіемъ. Мы были свободны. Упоенные счастіемъ, мы шалили, валялись на свѣжей травѣ съ бо́льшимъ удовольствіемъ, чѣмъ прежде на роскошныхъ диванахъ

въ Москвѣ. О! вы, которые не сидѣли подъ замкомъ, можете ли вы понять это невыразимое блаженство?

Набравъ различныхъ травъ, которыя могли освѣжить вкусъ, утомленный однообразною пищею, мы возвратились такъ же таинственно, какъ и вышли.

Новое дополненіе къ обѣду—зелень, которой завидовали всѣ арестанты, возбудила любопытство нашихъ товарищей. Откуда могъ взяться аппетитный кресс, зеленый и свѣжій щавель? Кто ихъ принесъ и продалъ? Наши простые отвѣты и хитрыя увертки никого не обманули. Изъ арестантовъ особенно одинъ такъ приставалъ съ распросами и настойчивыми просьбами, что мы поневолѣ приняли его въ свой союзъ. Это былъ неутомимый ходокъ, сгаравшій желаніемъ принять участіе въ нашихъ экскурсіяхъ, о которыхъ онъ догадывался, но не зналъ ихъ секрета. На другой день мы съ нимъ отправились въ лѣсъ наслаждаться свободою. При нашемъ возвращеніи, вторичное появленіе предательской зелени опять вызвало удивленіе въ арестантахъ. Новые распросы съ ихъ стороны и, естественно, новыя сообщенія секрета, такъ что четвертая или пятая часть плѣнниковъ узнала его, и вскорѣ, какъ въ „Панурговомъ стадѣ“, открылась манія подражанія. Всѣ захотѣли походить по полямъ. Дошло до того, что изъ опасенія быть открытыми пришлось организовать наши прогулки и раздѣлить гуляющихъ на отряды, которые поочередно перелѣзали черезъ заборъ.

Не смотря на всѣ предосторожности, случилось то, чего и слѣдовало ожидать: насъ поймали, но не глупые сторожа, и подавно не тяжелый на подъемъ городничій, а мѣстные обыватели. Разъ, во время одной изъ обычныхъ прогулокъ, мы встрѣтили нѣсколько человѣкъ мужиковъ. Они самымъ любезнымъ образомъ поклонились намъ, но затѣмъ тотчасъ же побѣжали къ городничему донести о нашемъ побѣгѣ. Привыкнувъ съ давняго времени не довѣрять этимъ хитрымъ бездѣльникамъ, мы поспѣшили возвратиться домой, такъ что, въ то время, когда нашъ главный тюремщикъ торжественно шелъ по двору, всѣ уже были на своихъ мѣстахъ. На сей разъ городничій былъ въ мундирѣ, чтобы не быть неузнаннымъ арестантами, но послѣдніе приготовили ему новую шутку.

Прежде чѣмъ начать допросъ, городничій, желая вести дѣло послѣдовательно, приказалъ выпороть сторожа, совершенно, разумѣется, неповиннаго въ нашихъ проказахъ. Покорность, рабское самоотреченіе несчастныхъ солдатъ, выказалось при этомъ вполнѣ. Ни одного слова, ни одной жалобы, не вырвалось изъ устъ бѣдняка; кажется, онъ и не зналъ, за что его бьютъ. Совершивъ наказаніе, городничій съ важнымъ видомъ направился къ намъ. Но мы, заранѣе условившись, притворились, будто заняты игрою въ перебѣжку. Надо было видѣть гнѣвъ и усилія толстяка, который переходилъ отъ одного къ другому, напрасно стараясь поймать его и заговорить, но каждый изъ насъ,

прикидываясь, будто весь занятъ игрою, убѣгалъ отъ городничаго, или быстрымъ толчкомъ заставлялъ его вертѣться на одномъ мѣстѣ. Истощивъ порядкомъ терпѣніе городничаго, мы, наконецъ, остановились и подошли къ нему, какъ бы удивляясь его присутствію, а онъ, принявъ оффиціальную позу, подбоченясь одною рукою, а другую положивъ на набалдашникъ трости, нѣсколько минутъ тяжело дышалъ.

— Вы хотѣли убѣжать? сказалъ онъ съ выраженіемъ скрытаго гнѣва.

— Никто не убѣжалъ, потому что всѣ здѣсь.

— Васъ видѣли гуляющими въ лѣсу.

— Прогулка не побѣгъ.

— Но эта прогулка можетъ завести васъ и далѣе.

— Положимъ, но не такъ далеко, чтобы нельзя было возвратиться.

— Къ чему обманывать мою бдительность?

— Должность тюремщика предписываетъ вамъ принимать всякія мѣры, чтобы устеречь насъ, наше дѣло—обманывать ихъ, какъ только возможно.

— Ей-Богу, не легкое дѣло съ десятью человѣками устеречь сорокъ настоящихъ чертей, которые лазаютъ, какъ кошки... Но я приму свои мѣры: напишу, кому слѣдуетъ, и ваша выходка даромъ не пройдетъ!..

Послѣднія слова, которыя проворчалъ городничій, нѣсколько встревожили насъ: можетъ быть, и въ самомъ дѣлѣ любовь къ свободѣ и наши проказы зашли черезчуръ далеко... Но, если мы прекратили прогулки, то не вслѣдствіе опасенія мщенія со стороны городничаго, а съ цѣлью на будущее время избавить отъ наказанія сторожей. Наше человѣколюбіе пропало, однако, попусту, какъ увидимъ впослѣдствіи. Слѣдующая черта вполнѣ характеризуетъ продажность русскихъ.

Незаслуженное наказаніе часоваго возбудило въ насъ состраданіе къ несчастному. Мы сдѣлали складчину и собранныя деньги вручили ему, чтобы до нѣкоторой степени вознаградить за то, что онъ страдалъ изъ-за насъ.

— Какой счастливецъ! воскликнули его товарищи при видѣ этого подарка.—Мы съ удовольствіемъ согласились бы, чтобы насъ каждый день пороли за такую цѣну.

И дѣйствительно, всякій разъ, какъ мы, гуляя по двору, проходили мимо воротъ, часовой отворачивался отъ насъ, говоря: „Подите, господинъ, подите, гуляйте: я васъ не видалъ“. Онъ хорошо зналъ, что будетъ за это битъ плетьми, но надѣялся на подачку деньгами.

Страшный городничій сдержалъ свое слово: онъ написалъ, кому слѣдовало, о нашихъ ежедневныхъ прогулкахъ и прибавилъ, что не можетъ препятствовать имъ съ ничтожнымъ карауломъ и въ такой плохой тюрьмѣ. Этотъ доносъ повлекъ за собою посѣщеніе двухъ губернаторскихъ чиновниковъ, которые явились собрать свѣдѣнія на

мѣстѣ происшествія. Увидя, что широкія ворота стоятъ настежь, а мы спокойно занимаемся каждый своимъ дѣломъ—одни читаютъ, или гуляютъ, другіе подрѣзаютъ деревья въ аллеяхъ, или присматриваютъ за котломъ, чиновники засмѣялись въ лицо городничему. Дѣйствительно, можно ли было сомнѣваться въ такихъ безвредныхъ и смирныхъ людяхъ?..

Чиновники оказались хоть и не такъ придирчивы, но зато корыстолюбивы. Послѣ нѣкоторыхъ любезностей, тѣмъ болѣе неумѣстныхъ, что онѣ противорѣчили цѣли ихъ порученія, они намекнули, что можно бы улучшить наше положеніе за нѣкоторое вознагражденіе... Ловушка была очевидна, даже груба: имъ просто хотѣлось денегъ. Возмущенный такимъ предложеніемъ, которое напоминало прежнія несносныя вымогательства, я поклялся, что скорѣе готовъ умереть въ ссылкѣ, чѣмъ согласиться на него. Всѣ раздѣляли мое негодованіе, но не всѣ оказались такъ тверды. Лучшая участь въ будущемъ и надежда на болѣе удобное помѣщеніе вытянули около тысячи рублей изъ наиболѣе тугихъ кошельковъ. Половина моихъ товарищей, благодаря этому, получили возможность переселиться въ Нижній-Новгородъ. На другой же день они отправились. Я глядѣлъ на ихъ отъѣздъ съ сожалѣніемъ, но безъ зависти. При мысли о томъ, какою цѣною они купили свое освобожденіе, я готовъ былъ воскликнуть, какъ римлянинъ, изгнанный изъ своего отечества: „О, Россія! продажная страна! Ты будешь продана, если только найдется достаточно богатый покупщикъ“.

IX.

Отъѣздъ изъ Макарьева. — Прибытіе въ Нижній-Новгородъ. — Мой страхъ.— Трехцвѣтная кокарда.—Соотечественникъ.—Генералъ Партуно.—Контрдансъ.— Плѣнные французы въ трактирѣ.—Крестное знаменіе.—Потеря друга.—Г. Лежаль.—Нижегородскій госпиталь.—Генералъ Вандамъ.—Человѣколюбіе императора Александра. — Графъ Толстой—мой должникъ. — Солдатъ Мартенъ.— Сто рублей.—Положеніе французовъ въ Россіи. — Мое знакомство съ г. Крюковымъ.—Переѣздъ къ вице-губернатору.—Князь Черкасскій.—Деликатность моего хозяина. — Князь Дадіанъ. — Письмо изъ Петербурга. — Русскія дамы.

Мы были уже давно свободны, по указу императора Александра, но находились въ неволѣ единственно потому, что такъ было угодно господину городничему. Въ нашемъ освобожденіи онъ нашелъ предлогъ къ новымъ вымогательствамъ, и первые, для кого открылись двери тюрьмы, были тѣ, которые пріобрѣли себѣ это право за взятку, при чемъ на долю городничаго пришлась немалая часть ея. Я считалъ долгомъ предостеречь товарищей отъ подобныхъ вымогательствъ. Твердо рѣшившись не подчиняться этимъ беззаконнымъ поборамъ и будучи притомъ увѣренъ, что не существовало никакихъ исключительныхъ

для насъ постановленій, мы стали выжидать событій. Намъ только пришлось поплатиться терпѣніемъ за то, чего не желали пріобрѣсти другимъ путемъ.

Черезъ нѣсколько дней, вторая партія арестантовъ послѣдовала за первою. Моя очередь все еще не приходила, и я безропотно покорялся этому. Такъ продолжалось до половины сентября 1813 года. Только 24 числа того же мѣсяца, городничій, утомясь тщетнымъ ожиданіемъ взятки, рѣшилъ окончательно отпустить послѣднихъ арестантовъ. Распоряженіе объ отправкѣ было принято съ восторгомъ и выраженіями безумной радости. Быть можетъ, намъ предстояло воротиться въ объятія семьи, въ отечество, на свободу!.. Надо подышать тяжелымъ воздухомъ тюрьмы, провести томительные дни въ четырехъ стѣнахъ, надо испытать власть тюремщика и всѣ лишенія, всѣ неудобства заключенія, чтобы понять слово „свобода!“

Надо признаться, отъѣздъ показалъ намъ, что и узникъ, оставляющій мѣсто своего заключенія, можетъ сожалѣть о немъ. Разумѣется, мы жалѣли не о городничемъ, не объ унтеръ-офицерѣ-татаринѣ, не о деревянномъ макарьевскомъ госпиталѣ. Мирный образъ жизни, аккуратный платежъ за потребленіе, которое поддерживало разныя отрасли промышленности въ городѣ; наконецъ, доброе отношеніе къ жителямъ—все это способствовало къ ослабленію враждебныхъ чувствъ населенія и даже пріобрѣло намъ нѣкоторое съ ихъ стороны расположеніе, такъ что нашъ отъѣздъ вызвалъ самыя горячія выраженія сожалѣнія. Намъ пріятно было забыть, что въ этихъ сожалѣніяхъ значительную долю игралъ интересъ. Но хорошо и то, что не было уже ни злобы, ни ненависти къ намъ. Мы съ своей стороны забыли бѣдствія и униженія, которымъ подвергались здѣсь: свобода примирила насъ съ нашими врагами. Прощаніе жителей Макарьева вознаграждало насъ за тотъ оскорбительный пріемъ, который былъ сдѣланъ при нашемъ прибытіи туда.

Мы покинули Макарьевъ 24 сентября 1813 года, и хотя еще не знали, что̀ ожидаетъ насъ впереди, но пока чувствовали только удовольствіе, дыша свѣжимъ воздухомъ полей. Взгромоздившись на телѣги, ужаснѣйшіе толчки отъ которыхъ не только не вызывали жалобъ, но еще возбуждали шумные взрывы веселости и радостные крики, мы оглушали другъ друга, распѣвая хоромъ веселыя пѣсни. Мы не достигли еще желанной пристани, но, какъ моряки, издали привѣтствующіе землю, мы привѣтствовали приближающееся освобожденіе. Хотя мы и не обращали вниманія на неудобства дороги, тѣмъ не менѣе она не казалась намъ отъ этого короче. Наше путешествіе совершалось подъ вліяніемъ злобнаго городничаго, который далъ свои инструкціи начальнику конвоя. Мы употребили четыре дня на переѣздъ, который обыкновенно дѣлается въ одинъ день, и прибыли, такимъ образомъ, въ Нижній-Новгородъ только 28 числа.

Начальникъ конвоя высадилъ насъ на дворѣ нѣмецкаго трактира

въ Нижнемъ-Новгородѣ. Онъ хотѣлъ уже удалиться, когда я подошелъ къ нему и спросилъ, надо ли намъ за нимъ слѣдовать.

— Нѣтъ, отвѣчалъ онъ мнѣ грубо.

Ни мало не смутясь рѣзкостью тона, къ которому мы уже привыкли, я продолжалъ:

— Куда же мнѣ идти?

— Куда хочешь, сказалъ онъ съ досадою.

Думая, что не обманываюсь ли, я до трехъ разъ повторилъ свой вопросъ.

— Не понимаешь ты меня, что-ли! отвѣтилъ полицейскій еще грубѣе.—Сказано, что ты и всѣ вы можете идти, куда хотите: ваша тюрьма—цѣлый городъ.

Слова эти произвели магическое дѣйствіе. Я не вѣрилъ своимъ ушамъ и оставался неподвижно нѣсколько минутъ на одномъ мѣстѣ. Только тогда я убѣдился въ ихъ справедливости, когда увидѣлъ, что полицейскій скрылся.

— О, скотина! вскричалъ я, приходя въ себя,—какъ пріятны твои слова!

Полный радости, я бросился на улицу.

Первыя движенія узника, вдругъ выпущеннаго на свободу, бываютъ странны. Идя по улицѣ, я украдкою поглядывалъ, желая убѣдиться, что я не во снѣ и что за мною не слѣдятъ, но, къ величайшему удивленію, никто не преслѣдовалъ меня. Я сказалъ—къ величайшему удивленію, потому что шелъ какъ во снѣ, не смѣя еще вѣрить такому счастію. Этотъ промежутокъ сомнѣнія между отчаяніемъ и счастіемъ казался мнѣ всегда полезнымъ переходомъ, необходимымъ для несчастнаго, котораго можетъ убить избытокъ радости.

По мѣрѣ того какъ я приходилъ въ себя, безпокойство уступало мѣсто любопытству: все мнѣ казалось новымъ; я шелъ, каждую минуту останавливаясь и съ жадностью смотря на самыя обыкновенныя вещи. Вдругъ, позади раздались голоса нѣсколькихъ человѣкъ, окликавшихъ меня по имени. Я оледенѣлъ отъ ужаса; на меня это произвело такое впечатлѣніе, которое долженъ испытывать преступникъ, схваченный въ ту самую минуту, когда уже считалъ себя спасеннымъ отъ рукъ палача.

Крики продолжались. Я пошелъ тише. Боязнь, что я худо понялъ, или не такъ растолковалъ слова нашего начальника, боязнь увидѣть его снова передъ собою, парализовала всѣ мои чувства и лишила силъ. Ужасъ достигъ крайнихъ предѣловъ, когда я почувствовалъ, что меня схватили за плеча и три человѣка закричали подъ самое ухо въ одно и то же время по русски, по нѣмецки и по французски: „Оглохли вы, что-ли? Ошалѣли, или съумашедшій?“

Блѣдный, дрожащій, взглянулъ я на своихъ преслѣдователей и узналъ въ нихъ извощика, привезшаго меня, трактирщика и своего попутчика. Всѣ трое совершенно основательно стали упрекать меня

за то, что я ушелъ, бросивъ свои вещи на дворѣ гостинницы. Оправившись не безъ труда отъ страха, я грубо приказалъ нѣмцу убрать поклажу, поблагодарилъ, сколько возможно вѣжливѣе, француза и отъ чистаго сердца послалъ ко всѣмъ чертямъ русскаго мужика. Далѣе меня ожидали волненія другаго рода.

Я продолжалъ путь, стараясь ободриться, какъ вдругъ, при видѣ трехцвѣтной кокарды, почувствовалъ, что слезы полились изъ моихъ глазъ. Я задрожалъ отъ восторга. Невольное чувство, независящее ни отъ какихъ политическихъ убѣжденій, но происходящее единственно отъ любви къ родинѣ, заставило меня броситься къ офицеру съ трехцвѣтною кокардою.

— Ахъ, милостивый государь, сказалъ я ему съ чувствомъ восторга,—позвольте мнѣ поцѣловать эту кокарду. При видѣ ея, я воображаю себя въ это время во Франціи. Если-бъ вы знали, какъ дорого сердцу изгнанника всякое напоминаніе объ отечествѣ!

При этихъ словахъ, офицеръ ласково протянулъ мнѣ руку. Не знаю, какая-то невѣдомая сила привлекла насъ: мы сжали другъ друга въ взаимныхъ и сладкихъ объятіяхъ. Офицеръ оказался военнопленнымъ. Много лѣтъ пронеслось надъ моей головой послѣ этой встрѣчи, но воспоминаніе о ней неизгладимо сохранилось во мнѣ, и по сіе время я не могу безъ особеннаго чувства вспомнить нижегородскаго плѣнника.

Между плѣнными, за тысячу верстъ отъ родины, знакомство завязывается скоро. Не прошло нѣсколькихъ минутъ, какъ мы уже были старыми друзьями. Рискуя быть замѣченнымъ и подвергнуться всѣмъ послѣдствіямъ этого, я, гражданскій плѣнникъ, завладѣлъ плѣнникомъ военнымъ. Держась за руки, мы спустились съ крутаго возвышенія, отдѣляющаго верхній городъ отъ нижняго и ведущаго на базаръ. Дорогою я узналъ отъ офицера, какимъ образомъ онъ попалъ въ руки русскихъ, а также подробности о послѣднихъ военныхъ операціяхъ французской арміи. Напрасно бы я старался воспроизвести разсказъ, который его рѣзкое прямодушіе, энергическая рѣчь и какая-то особенная манера выражаться дѣлали вполнѣ оригинальнымъ. Офицеръ сказалъ мнѣ, что онъ находился въ отрядѣ генерала Портуно, обреченномъ Наполеономъ въ жертву для спасенія остальной арміи: императоръ поставилъ этотъ отрядъ подъ выстрѣлы Витгенштейна, пока другая часть арміи совершала знаменитый переходъ черезъ Березину. Подавленный численностью, этотъ отрядъ принужденъ былъ положить оружіе и сдаться на капитуляцію, чтобы избѣжать поголовнаго истребленія. Мой офицеръ нарисовалъ поистинѣ ужасную картину войны.

— Представьте,—говорилъ онъ, число мертвыхъ было такъ велико на пространствѣ отъ Москвы и до самой границы, что, хотя русскіе и позаботились погребать въ глубокихъ ямахъ трупы людей и лошадей, засыпая ихъ известью, но эта предосторожность не могла, не смотря на

суровость зимы, спасти Литву отъ смертоносной эпидеміи. Прибавьте къ этому холодъ, который свирѣпствовалъ съ такою силою, что даже Кутузовъ увидѣлъ себя вынужденнымъ пріостановить движеніе своихъ войскъ.

Въ этотъ день мнѣ суждено было испытать самыя разнообразныя ощущенія; на мою долю выпали самыя нечаянныя встрѣчи. Мы съ офицеромъ зашли на базарѣ къ одному мѣнялѣ, гдѣ мой новый другъ хотѣлъ размѣнять нѣсколько золотыхъ на русскія ассигнаціи. Въ это время звуки скрипки, долетавшіе до насъ издалека, отвлекли мое вниманіе, устремленное на нашу небольшую финансовую операцію, и сладостно взволновали мою душу. Наклонивъ туловище, поднявъ правую руку, какъ бы давая знакъ молчанія мѣнялѣ, который хотѣлъ говорить, я стоялъ неподвижно, какъ статуя, внимательно вслушиваясь и силясь уловить отдаленные звуки. Я все еще думалъ, что нахожусь во снѣ подъ вліяніемъ обманчиваго очарованія.

— Слышите! вскричалъ офицеръ, хватая меня за руку,—слышите! Французскій контрдансъ!

Достаточно было этого свидѣтельства моего новаго друга, человѣка весьма положительнаго и очень мало доступнаго иллюзіямъ, чтобы удостовѣрить меня, что я не сплю и музыка эта—не сонъ.

На этотъ разъ я совершенно забылъ, что нахожусь въ плѣну, на чужбинѣ. Я торопилъ размѣномъ и стремительно увлекъ своего соотечественника въ ту сторону, откуда неслись очаровавшіе меня звуки. Они привели насъ къ русскому трактиру, въ обширной залѣ котораго находилось множество военноплѣнныхъ французовъ. Здѣсь эти бѣдняки старались въ минутномъ удовольствіи забыть страданія долгаго плѣна. Что касается меня, то я былъ такъ счастливъ, услышавъ въ кабакѣ, въ центрѣ Россіи, французскій контрдансъ, что не могъ отказать себѣ въ удовольствіи пригласить обѣдать музыканта, и считалъ, что этимъ только слабо выражу свою признательность артисту, доставившему мнѣ такое наслажденіе. Воспоминаніе объ этой минутѣ заставило меня понять все то могущество, которое заключается въ аккордахъ и пѣсняхъ, напоминающихъ далекую родину.

Вечеромъ я возвратился въ нѣмецкую гостинницу за своими вещами, и давно, болѣе двѣнадцати лѣтъ, не бывши такъ счастливъ, погрузился въ пріятный сонъ. Мнѣ казалось, что я провелъ этотъ день во Франціи.

На другой день я переѣхалъ изъ гостинницы къ одному изъ нашихъ изгнанниковъ, который предложилъ мнѣ раздѣлить съ нимъ помѣщеніе и столъ, на что я согласился, съ условіемъ раздѣлить также и расходы. Несмотря на экономію хозяйки, расходы превышали мои денежныя средства, и я, хотя и съ сожалѣніемъ, долженъ былъ оставить моего хозяина и перенести свое маленькое имущество къ одному нѣмецкому купцу, гдѣ я платилъ очень дешево.

Одно происшествіе, само по себѣ очень маловажное, доставило мнѣ особенное уваженіе со стороны моего домохозяина, русскаго. Попы шли соборовать какого-то умирающаго, въ ту самую минуту, какъ я намѣревался войти въ свою комнату. Я снялъ весьма почтительно шляпу. Этотъ поступокъ вызвалъ искренне удивленіе у домохозяина и его прислуги.

— Какъ! воскликнули они почти всѣ въ одинъ голосъ,—такъ вы не язычникъ?

— Нѣтъ, отвѣчалъ я, французы исповѣдуютъ ту же вѣру, что и русскіе.

Эти добрые люди тогда только перестали сомнѣваться, когда увидѣли, что я сдѣлалъ крестное знаменіе. Случай этотъ, какъ видите, весьма ничтожный, пріобрѣлъ мнѣ, однако, дружбу домохозяина, уваженіе прислуги и благосклонность всѣхъ женщинъ въ домѣ.

Живя долгое время въ обществѣ товарищей, я привыкъ къ нимъ и къ тѣсной связи нашихъ макарьевскихъ артелей. Уединеніе, въ которомъ я вдругъ теперь очутился, усилило глубокую тоску, причиняемую мнѣ полнымъ невѣдѣніемъ о судьбѣ близкихъ мнѣ лицъ. А тутъ ко всему прибавилось еще новое горе: я лишился своего лучшаго, послѣдняго и самаго вѣрнаго друга—того, который не покидалъ меня въ продолженіе долгихъ бѣдствій и въ самой тюрьмѣ. Я говорю о моей бѣдной собакѣ.

Ее укралъ у меня одинъ жидъ, ярморочный торговецъ, который уѣхалъ въ Арзамасъ. Потеря эта была для меня невыразимо прискорбна.

Около этого времени, счастливый случай связалъ меня тѣсною дружбою съ г. Лежалемъ, моимъ сосѣдомъ, учителемъ нижегородской гимназіи. Онъ былъ уроженецъ Люттиха, человѣкъ честный, исполненный самыхъ возвышенныхъ душевныхъ качествъ. Къ нему влекла меня симпатія. Въ этой дружбѣ я нашелъ полезное развлеченіе отъ горестей и скуки. Мало я зналъ людей, которые соединяли бы въ себѣ въ такой степени знанія и добродѣтели. Его человѣколюбіе и благодѣянія пріобрѣли ему почетъ и уваженіе со стороны несчастныхъ плѣнныхъ, для которыхъ онъ былъ истиннымъ Провидѣніемъ. Онъ въ равной степени владѣлъ всѣми прекрасными качествами и только скромность превосходила всѣ другія. О, если бы могла эта похвала, возданная его памяти и благороднымъ добродѣтелямъ, дойти до семьи его и послужить свидѣтельствомъ признательности стараго нижегородскаго друга!

Болѣе года прошло съ тѣхъ поръ, какъ французы покинули русскую территорію, а между тѣмъ съ нашими плѣнными обходились не лучше прежняго. Ихъ продолжали переводить изъ одной губерніи въ другую почти голыхъ, лишенныхъ всѣхъ средствъ, зимою, которая была столь же сурова, какъ и предыдущая. Едва половина этихъ несчастныхъ достигла по назначенію: одни умирали въ дорогѣ отъ хо-

лода, другіе, которыхъ изъ человѣколюбія помѣщали въ больницы, умирали въ нихъ безъ всякой помощи, вслѣдствіе обычнаго взяточничества русскихъ чиновниковъ. Въ нижегородскомъ госпиталѣ производили слѣдствіе, или показывали видъ, что производятъ, но воровство осталось безъ наказанія, и больные по прежнему продолжали быть жертвами гнуснаго лихоимства.

Человѣколюбіе императора Александра явилось, наконецъ, на помощь плѣннымъ. По его приказанію, офицеры получили каждый по 100 рублей на одежду. Но надо признаться, что это великодушіе не вполнѣ уничтожило источникъ ихъ бѣдствій. Щедроты, исходившія изъ монаршихъ рукъ, не останавливали непристойнаго обращенія, которое исполнители власти оказывали съ своей стороны плѣннымъ. Ссылки въ Сибирь все продолжались, и несчастные плѣнники, предоставленные въ распоряженіе неблагонамѣренныхъ властей, постоянно подвергались самому возмутительному произволу.

Но всѣ эти нарушенія человѣческихъ правъ должны же были, наконецъ, имѣть предѣлъ. Просвѣщенная заботливость, которую трудно было ожидать отъ русскаго правительства, явилась, наконецъ, на помощь военноплѣннымъ и немало способствовала замѣтной перемѣнѣ какъ во мнѣніи населенія, такъ и въ недоброжелательствѣ исполнителей власти. Рескриптъ императора назначалъ каждому офицеру по 50 копѣекъ на дневное пропитаніе. Это было почти роскошью, ибо, при небольшихъ отдѣльныхъ артеляхъ, плѣнники находили возможность жить весьма дешево въ странѣ, представлявшей богатыя средства.

Солдаты получали только 10 копѣекъ въ день, но, благодаря подобнымъ же артелямъ, и имъ было можно жить. Изобрѣтательная способность выдѣлывать кольца изъ волосъ, разныя вещи изъ соломы и тысячи другихъ бездѣлушекъ, которыя они продавали крестьянамъ, доставляла имъ, кромѣ того, возможность нѣсколько увеличить свои расходы, а иногда даже и дѣлать небольшія сбереженія. Поэтому поводу я припомню одинъ случай, который разскажу тѣмъ охотнѣе, что это дастъ мнѣ возможность посвятить нѣсколько строкъ воспоминаній одному честному солдату, преданность котораго была мнѣ не разъ полезна.

Хотя въ теченіе двухъ лѣтъ я соблюдалъ строжайшую экономію и терпѣлъ самыя ужасныя лишенія, но, не смотря на это, видѣлъ, что мои 500 дукатовъ приходятъ къ концу. Принужденный мѣнять ихъ во время моего заключенія въ Макарьевѣ, я понесъ нѣкоторую потерю, которая была тѣмъ чувствительнѣе при моихъ печальныхъ обстоятельствахъ. Мой приборъ и серебряный кубокъ были проданы. Всѣ мои требованія, обращенныя къ графу Толстому, казанскому губернатору, которому въ былое время я далъ 3000 на экипировку его сына, не повели ни къ чему. Въ такомъ затрудрительномъ положеніи, я увидѣлъ себя въ необходимости отблагодарить и отпустить отъ

себя солдата, который каждое утро приходилъ ко мнѣ для мелкихъ услугъ.

— Любезный Мартенъ, сказалъ я ему,—я съ сожалѣніемъ принужденъ отказаться отъ вашихъ обязательныхъ услугъ. Истощившіяся средства не позволяютъ мнѣ вознаграждать за услуги, и поэтому я не могу долѣе принимать ихъ отъ васъ. При этомъ я подалъ ему два рубля—всю мелочь, что оставалась у меня.

— Вы смѣетесь, возразилъ Мартенъ.—Развѣ вы принимаете меня за казака? Мнѣ отнять ту малость, которая остается у васъ?.. Возьмите назадъ ваши два рубля. Это не помѣшаетъ мнѣ приходить каждое утро исполнять свою обычную обязанность. Вотъ, прибавилъ онъ улыбаясь и засовывая руку въ карманъ, возьмите, присоедините мои два рубля къ вашимъ, а потомъ, когда выйдутъ, еще найдется. Съ этими словами онъ положилъ двѣ монеты на столъ и ушелъ.

На другой день Мартенъ явился ко мнѣ по своему обыкновенію.

— Любезный Мартенъ, весело сказалъ я ему, теперь вы нисколько не обдерете меня, подобно казаку; ваши деньги принесли мнѣ счастіе. Я ихъ вамъ возвращаю и желаю, съ своей стороны, чтобы онѣ плодились въ вашихъ рукахъ такъ же, какъ въ моихъ.

Мартенъ готовъ былъ разсердиться и обвинить меня въ гордости. Видя по его лицу, что онъ не вѣритъ моимъ словамъ, я долженъ былъ употребить всѣ усилія для убѣжденія его въ томъ, что не имѣю болѣе нужды въ деньгахъ, которыя онъ мнѣ предлагалъ. Я показалъ ему сумму въ сто рублей, и несмотря на это, мнѣ не легко было заставить его взять свои два рубля и еще небольшое вознагражденіе.

Надо объяснить читателю маленькую перемѣну въ моихъ обстоятельствахъ, которою я обязанъ былъ также благодѣянію. Это былъ одинъ изъ тѣхъ счастливыхъ случаевъ, который безъ моего вѣдома доставила мнѣ рука друга.

На другой день, послѣ того какъ Мартенъ такъ великодушно предложилъ мнѣ свои сбереженія, я былъ удивленъ, когда, убирая постель, нашелъ подъ подушкою четыре двадцатипятирублевыхъ бумажки. Я мучился, отыскивая виновника столь деликатнаго поступка. Разумѣется, это не могъ быть Мартенъ, хотя, по нравственнымъ качествамъ, былъ весьма способенъ на подобное дѣло. Но какъ можно предположить, чтобы онъ владѣлъ такою суммою? Одинъ изъ нашихъ изгнанниковъ, старикъ почти совсѣмъ дряхлый, котораго пятьдесятъ лѣтъ жизни въ Россіи и немощи не могли спасти отъ Ростопчинской проскрипціи, г. Жиле, былъ у меня. Но самъ онъ принадлежалъ къ числу тѣхъ, которымъ мы помогали. Однако, я не могъ отдѣлаться отъ сомнѣній и на всякій случай отправился къ нему. Послѣ многихъ уклончивыхъ отвѣтовъ, я увѣрился, что именно ему обязанъ этими ста рублями. Я благодарилъ его въ самыхъ искреннихъ выраженіяхъ.

— Ахъ, отвѣчалъ добрякъ Жиле, не благодарите меня! Я только

заплатилъ долгъ. Потомъ онъ прибавилъ:—я получилъ давнишній долгъ, который считалъ уже пропавшимъ, и братски подѣлился съ вами. Я не могъ лучше распорядиться своими деньгами. Это—долгъ справедливости. Развѣ вы забыли опасности, которыя презрѣла ваша супруга, принося мнѣ на барку, при нашемъ отъѣздѣ изъ Москвы, вещи, безъ которыхъ я не могъ бы вернуть и своего долга?

Я пожалъ ему руку и внутренно молилъ небо даровать мнѣ, какъ особенную милость, возможность когда нибудь достойно отблагодарить за этотъ великодушный поступокъ.

Названіе ссыльныхъ, а въ особенности страхъ навлечь неудовольствіе Ростопчина, удаляли отъ насъ дворянское населеніе Нижняго, и это удаленіе дѣлало существованіе плѣнныхъ весьма непріятнымъ. И въ самомъ дѣлѣ, оно не только лишало насъ средствъ, которыя мы могли найти около знатныхъ, предлагая къ ихъ услугамъ свои способности, но еще и побуждало тотъ классъ народа, который привыкъ сообразовать свое поведеніе съ поведеніемъ своихъ господъ, къ полному разрыву съ нами. Мы были настоящими паріями среди населенія Нижняго-Новгорода.

Но если значительное большинство дворянства было противъ насъ, то находились, какъ исключеніе, нѣкоторыя лица, столь же выдающіяся какъ по своему положенію, такъ и по образованію, которыя не гнушались поддерживать съ нѣкоторыми изъ насъ сношенія, исполненныя деликатности и благосклонности. Къ числу ихъ принадлежалъ г. Крюковъ, нижегородскій вице-губернаторъ, котораго, къ досадѣ его начальника, губернатора, всѣ осыпали заслуженными похвалами. Если репутація добраго человѣка заставила меня уважать его заочно, то я не могъ не полюбить г. Крюкова и не удивляться его добродѣтелямъ, приблизившись къ нему. О людяхъ надо судить по частной жизни. Тутъ, какъ увидимъ, я могъ оцѣнить прекрасную душу г. Крюкова.

Безпокоясь о продолженіи неопредѣленной ссылки, я началъ чувствовать опасенія за будущее, тѣмъ болѣе основательныя, что, будучи лишенъ всякаго способа добывать себѣ средства къ жизни, я видѣлъ, какъ мои сто рублей уменьшаются съ каждымъ днемъ. Я рѣшилъ спастись отъ нищеты, которая видимо мнѣ угрожала и, не медля болѣе, принялся искать мѣсто учителя. Но всѣ мои хлопоты и старанія не привели ни къ чему, вслѣдствіе вышеупомянутыхъ причинъ. Я рѣшился тогда попытать счастія въ мастерствѣ весьма невиннаго свойства и, будучи убѣжденъ, что большинство людей предпочитаетъ пріятное полезному, рѣшился забавлять ихъ, за неимѣніемъ возможности поучать. Я смастерилъ маленькій театръ и рѣшилъ поднести его г. Крюкову въ день его именинъ. Наканунѣ я отправилъ вице-губернатору посланіе въ стихахъ, въ которомъ просилъ позволенія подарить ему плодъ досуга моей ссылки. Я былъ еще занятъ окончательною отдѣлкою своей работы, какъ вдругъ двери моей ком-

натки отворились и явился г. Крюковъ, въ сопровожденіи другаго господина, Ульянина. Вице-губернаторъ съ привѣтливостью, поистинѣ трогательною, выразилъ, какъ ему пріятно мое желаніе, заставившее предпринять меня эту работу. Онъ нѣсколько разъ благодарилъ меня и пожелалъ предварительно посмотрѣть картины. Но я сказалъ ему, что это уничтожитъ дѣйствіе сюрприза, и онъ уже болѣе не настаивалъ.

Онъ непремѣнно хотѣлъ, чтобы я обѣдалъ у него въ тотъ же день, хотя я и отговаривался, подъ предлогомъ, что необходимо кончить работу. Но онъ не ушелъ, покуда не заставилъ меня дать слово, что приду на его приглашеніе. Я проводилъ его до кареты, и на прощаніе онъ любезно пожалъ мнѣ руку. Это благосклонное обращеніе при моемъ положеніи было такою честью, которая не могла укрыться отъ взоровъ толпы, собравшейся изъ любопытства, и жильцовъ дома, которые столпились на дворѣ. Подобное обстоятельство, надо полагать, высоко подняло меня во мнѣніе этихъ добрыхъ людей, потому что отъ многихъ изъ нихъ я получилъ самыя вѣжливыя привѣтствія, особенно, когда въ часъ обѣда, вслѣдствіе деликатнаго вниманія г. Крюкова, за мною пріѣхала карета четвернею, чтобы отвезти въ домъ вице-губернатора. Съ этой минуты я пересталъ быть просто m-r Арманомъ, а мгновенно превратился въ уважаемую особу съ аристократическимъ прибавленіемъ,—Антонычъ, и даже Антоновичъ. Вотъ до чего я возвысился! И надо признаться, въ этой услужливости, въ этихъ знакахъ уваженія, было что-то такое, льстившее моему тщеславію. Испытавъ нищету и перенеся много презрительныхъ насмѣшекъ отъ враждебнаго народа, я вообразилъ, что достигъ значительнаго положенія. Я наивно радовался этому случайному возвышенію, которымъ былъ обязанъ добрѣйшему г. Крюкову. Если это слабость, я не думаю оправдываться въ ней: сколько людей на моемъ мѣстѣ подверглись бы тому же самому искушенію!

Я нашелъ у г. Крюкова семейство такое же любезное и ласковое, какъ и его глава. Госпожа Крюкова, хотя и была англичанка, воспитанная въ Россіи, но не обнаруживала никакого непріязненнаго чувства, которое одушевляло обѣ эти страны противъ нашей, и въ разговорѣ избѣгала малѣйшаго выраженія, могущаго, хотя издалека, задѣть мою національную щекотливость. Самъ вице-губернаторъ, старшій сынъ котораго былъ въ военной службѣ, никогда не говорилъ объ успѣхахъ русскаго оружія, щадя, такимъ образомъ, нашу гордость, которая и безъ того страдала отъ столькихъ неудачъ. Однимъ словомъ, гостепріимство въ соединеніи съ пріятнымъ и дружескимъ вниманіемъ замѣнили собою мрачныя политическія страсти. Князь Черкасскій, незадолго передъ тѣмъ женившійся на молодой и интересной дочери г. Крюкова, одинъ, казалось, не раздѣлялъ благосклонности, которую всѣ оказывали мнѣ и Этьену, одному изъ нашихъ ссыльныхъ, котораго приняли и держали въ домѣ раньше меня въ каче-

ствѣ учителя. Но при всей холодности, манеры князя отличались деликатностью. Передъ уходомъ я получилъ новое приглашеніе на завтрашній день, отъ котораго мнѣ нельзя было отказаться. Я былъ отвезенъ домой въ каретѣ г. Крюкова.

Довольный проведеннымъ днемъ и находясь еще подъ впечатлѣніемъ двукратнаго торжественнаго выѣзда въ каретѣ четвернею, я заснулъ, лелѣемый самыми блестящими мечтами, какъ вдругъ, среди ночи, внезапно проснулся, услыхавъ сильный стукъ въ дверь. Я поднялся, чтобы посмотрѣть, какая могла быть причина этого шума. Но едва я пріотворилъ дверь, какъ, не успѣвъ отомниться, почувствовалъ себя крѣпко схваченнымъ. Это была моя собака, мой старый другъ, мой вѣрный товарищъ, которая, послѣ 15 дней отсутствія, возвратилась изъ Арзамаса, куда была уведена жидомъ, укравшимъ ее у меня.

На другой день, въ сумерки, карета г. Крюкова снова пріѣхала за мною. Я взялъ съ собою свой маленькій театръ и устроилъ его во время обѣда, извинившись передъ хозяевами въ невозможности сѣсть за столъ по случаю приготовленій, которыя долженъ былъ сдѣлать. Послѣ обѣда, все общество перешло въ залу, которую я устроилъ, какъ могъ лучше, на подобіе театральной залы, и тогда уже могъ начать показывать свои картины. Успѣхъ былъ громадный: меня привѣтствовали единодушными аплодисментами. Короче сказать, мое представленіе ни въ чемъ не уступало самымъ лучшимъ драматическимъ спектаклямъ. Пріятно было видѣть, какъ зрители вскрикивали отъ удивленія при видѣ этихъ новыхъ для нихъ диковинокъ. Самыя лестныя похвалы раздавались въ обществѣ и сопровождали каждую изъ моихъ картинъ. Портретъ императора Александра, котораго прекрасный образъ дѣйствія относительно французскихъ плѣнныхъ внушилъ мнѣ признательность, появился среди самыхъ шумныхъ возгласовъ. Но что̀ еще болѣе удивило—такъ это портретъ, весьма схожій, самого вице-губернатора. Этотъ сюрпризъ произвелъ удивительное дѣйствіе. Я долженъ сказать, какимъ образомъ добылъ себѣ этотъ портретъ.

Составивши свой проектъ, я свелъ знакомство съ вице-губернаторскимъ камердинеромъ, который, подъ предлогомъ вставить новое стекло въ рамку, взялъ портретъ и принесъ мнѣ, чтобы наскоро снять съ него копію. Г. Крюковъ и не подозрѣвалъ, что мнѣ удалось достичь такого сходства, благодаря обману, впрочемъ весьма невинному, его камердинера. Въ концѣ концовъ, успѣхъ моего произведенія былъ такъ великъ, что мнѣ пришлось, по общей просьбѣ, возобновлять представленіе до трехъ разъ.

Едва кончилось представленіе, какъ вице-губернаторъ, въ сопровожденіи нѣкоторыхъ изъ своихъ гостей, прибѣжалъ благодарить меня и звать за полученіемъ поздравленій отъ всего общества. Я просилъ позволенія надѣть только платье, которое снялъ, чтобы свободнѣе

управлять своею машиною. Но напрасно. Меня потащили безъ сюртука въ огромную галлерею, гдѣ я очутился посреди двухсотъ или трехсотъ особъ. Я извинялся, какъ могъ, ссылаясь на дружеское насиліе, мнѣ причиненное, и не могъ уже на этотъ разъ отказаться отъ участія въ ужинѣ и послѣдовавшемъ за тѣмъ балѣ.

Съ этого дня, я былъ принятъ у Крюковыхъ, какъ другъ. Черезъ нѣсколько дней, вице-губернаторъ явился ко мнѣ и сказалъ:

— Любезный г. Арманъ, я очень желалъ бы окончательно завладѣть вами, но, право, не знаю, куда васъ помѣстить. Посмотримъ, однако, и если вы не слишкомъ прихотливы (онъ посѣтилъ меня на чердакѣ), мы найдемъ, быть можетъ, маленькій уголокъ.

Мы осмотрѣли домъ, для виду, разумѣется, ибо трудно находимый маленькій уголокъ былъ не что иное, какъ просторная, прекрасная комната, заранѣе приготовленная, гдѣ, по требованію вице-губернатора, я сейчасъ же и долженъ былъ помѣститься. Этотъ великодушный поступокъ былъ тѣмъ болѣе трогателенъ, что, оказывая его въ отношеніи одного изъ сорока изгнанныхъ Ростопчинымъ, г. Крюковъ подвергался опасности навлечь неодобреніе своихъ согражданъ. И такъ, я промѣнялъ свою низенькую коморку на великолѣпный домъ вице-губернатора. Настала, наконецъ, пора, когда дружеская рука явилась мнѣ на помощь: всѣ мои средства скоро должны были истощиться, и перспектива участи, меня ожидавшей, была ужасна. И такъ, я вторично перемѣнилъ квартиру, и съ тѣмъ большимъ удовольствіемъ, что каждый день подвергался насмѣшкамъ хозяина, въ домѣ котораго жилъ. Каждое утро этотъ несносный вѣстовщикъ преслѣдовалъ меня до моей комнаты словами:

— Ну вотъ, мы теперь во Франціи, на дорогѣ въ Парижъ, мы пойдемъ въ Парижъ и возьмемъ его...

Мнѣ надоѣла хвастливость моего хозяина и однажды я ему сказалъ:

— Когда русскіе возьмутъ Парижъ, я однимъ прыжкомъ перескачу черезъ Волгу...

Черезъ нѣсколько времени мучитель явился звать меня къ обѣду.

— Ну, сказалъ онъ мнѣ, показывая газетное извѣстіе,—когда же совершится фокусъ, обѣщанный вами?

Дѣйствительно, извѣстіе о вступленіи союзниковъ въ Парижъ было возвѣщено всѣми публичными листками и сопровождалось большимъ торжествомъ на всемъ протяженіи имперіи.

Каждый день я находилъ какое-нибудь новое достоинство въ моемъ благородномъ покровителѣ, доброта котораго проявлялась въ малѣйшихъ мелочахъ. Слѣдующій случай дастъ возможность судить, съ какою деликатностью этотъ превосходный человѣкъ избѣгалъ всего, что могло оскорбить мое патріотическое чувство.

Однажды вечеромъ, одинъ изъ его служителей прибѣжалъ спросить меня, не желаю ли я ѣхать въ театръ вмѣстѣ съ его господи-

номъ. Я поспѣшилъ согласиться на любезное приглашеніе. Но въ ту минуту, когда я пришелъ къ вице-губернатору, лицо его выражало смущеніе и нерѣшительность, что̀ заставило меня призадуматься. Предполагая въ немъ заднюю мысль и боязнь дурнаго впечатлѣнія, которое произвело бы на публику мое присутствіе около него, я сейчасъ же отыскалъ предлогъ отказаться сопровождать его. Въ продолженіе нѣсколькихъ минутъ мы находились въ неловкомъ положеніи, когда, наконецъ, онъ заговорилъ первый.

— Извините ли вы меня, что я необдуманно пригласилъ васъ ѣхать въ спектакль, не сообразивъ, что даютъ пьесу, въ которой французы, ваши соотечественники, весьма дурно трактуются?

Я поблагодарилъ вице-губернатора за такую деликатность. Онъ протянулъ мнѣ руку и простился со мною, бросивъ взглядъ, исполненный доброты.

Среди доказательствъ вниманія, оказываемыхъ мнѣ семействомъ г. Крюкова, одинъ только князь Черкасскій упорствовалъ въ своей системѣ осторожности и сдержанности, когда одинъ случай произвелъ совершенную перемѣну въ его чувствахъ относительно меня.

Однажды утромъ, сидя у окна своей комнаты, я увидѣлъ князя Черкасскаго внизу, на балконѣ, разговаривающаго съ какимъ-то русскимъ офицеромъ, котораго раны заставляли опираться на костыли. Я вѣжливо поклонился князю, а онъ, по обыкновенію, холодно отвѣчалъ на мой поклонъ. Его движеніе заставило офицера поднять голову. Увидѣвъ меня, онъ закричалъ: „А, любезный!“ Тотчасъ же я сбѣжалъ съ лѣстницы, прыгая черезъ четыре ступеньки, а раненый офицеръ при помощи своихъ костылей пошелъ ко мнѣ на встрѣчу. Мы бросились въ объятія другъ къ другу. Офицеръ оказался никто иной, какъ князь Дадіанъ, съ которымъ я былъ близко знакомъ уже много лѣтъ. Эта нечаянная встрѣча, знаки дружбы, выказанные мнѣ офицеромъ, торопливые распросы о нашихъ общихъ друзьяхъ— все это способствовало тому, чтобы зять г. Крюкова возъимѣлъ лучшее обо мнѣ мнѣніе. Съ этихъ поръ князь Черкасскій постоянно оказывалъ мнѣ знаки самой искренней привязанности. Что же касается г. Крюкова, то, если эта встрѣча и ничего не прибавила къ уваженію, которое онъ питалъ ко мнѣ, по крайней мѣрѣ, она показала ему, что я пользовался нѣкоторымъ значеніемъ въ Москвѣ и не былъ недостоинъ его благосклонности.

Несчастіе, уставъ преслѣдовать меня, казалось, уступило мѣсто лучшимъ днямъ. Со времени нашего отъѣзда изъ Макарьева, я убѣдился на самомъ дѣлѣ, что суровость моей судьбы мало-по-малу смягчилась. За исключеніемъ одного только, хотя и очень чувствительнаго безпокойства, я жилъ почти счастливо среди гостепріимнаго семейства. Вдругъ, послѣ двухъ лѣтъ горя и безплодныхъ поисковъ, совершенно неожиданное счастіе довершило мое благополучіе: я по-

лучилъ случайно извѣстіе о томъ, что Провидѣніе сохранило дни моей жены и сына среди разыгравшейся великой драмы.

Письмо изъ Петербурга, которое возвѣщало мнѣ эту утѣшительную новость, пришло ко мнѣ не прямо. Нужна была не одна остроумная уловка и настоящее самопожертвованіе, чтобы обмануть бдительность правительства. Адресованное первоначально къ одной дамѣ въ Москву, это письмо было переслано въ Нижній-Новгородъ другою дамою, и уже изъ рукъ послѣдней я получилъ его. Три русскія женщины, считая при этомъ и ту, которая писала мнѣ изъ Петербурга, принимали участіе въ этомъ благородномъ поступкѣ. Чувствительныя и отважныя, онѣ презрѣли опасности, которымъ подвергала ихъ эта хитрость, для того, чтобы доставить отцу и несчастному супругу самое сладкое утѣшеніе, которое онъ только могъ испытать въ своемъ несчастіи. Мы открыто должны заявить, что во все время этой роковой московской кампаніи, русскія дамы показали себя вообще на высотѣ призванія, которое Провидѣніе назначило ихъ полу на землѣ: ангелы кротости и утѣшенія, онѣ осушили немало слезъ, и не одинъ плѣнникъ обязанъ имъ облегченіемъ своихъ мученій. Въ ту минуту, о которой мы говоримъ, всѣ наши надежды обращались только на нихъ: эти женщины однѣ могли способствовать тайной перепискѣ, которая сдѣлалась единственною отрадою плѣнниковъ. Самыя суровыя наказанія ожидали ихъ и насъ въ случаѣ, если-бы, не смотря на припятую предосторожность, наши письменныя сношенія были открыты. Но ихъ самоотверженное человѣколюбіе не отступило ни передъ какою опасностью, ни передъ какимъ самопожертвованіемъ.

(Окончаніе въ слѣдующей книжкѣ).

КРИТИКА И БИБЛІОГРАФІЯ.

Князь Н. Н. Голицынъ. Матеріалы для полной родословной росписи князей Голицыныхъ. Корректурное изданіе, не предназначенное для продажи. Кіевъ. 1880 г. 1 т. in 4°. V+224 стр.

А. П. Барсуковъ. Родъ Шереметевыхъ. Книга I-я. Спб., 1881 г., in 4°. VIII+545 стр., съ приложеніемъ герба Шереметевыхъ и 33 литограф. и хромолитограф. снимковъ съ рисунковъ изъ лѣтописныхъ сборниковъ XVI в. и съ грамотъ и актовъ того же вѣка.

РАЗРАБОТКА русской исторіи усиливается съ каждымъ годомъ; но далеко не всѣ явленія нашей прошлой жизни освѣщены съ достаточной ясностью научнымъ свѣтомъ: много еще темныхъ угловъ въ русской исторіи! Намъ не достаетъ частныхъ, монографическихъ работъ для того, чтобы должнымъ образомъ обобщить явленія, чтобы сдѣлать изъ этихъ обобщеній болѣе или менѣе правильные выводы. Сравнительно — какъ ни покажется это для многихъ страннымъ — болѣе разработанъ древнѣйшій, такъ называемый удѣльно-вѣчевой, періодъ русской исторіи, но чѣмъ ближе исторія подходитъ къ нашему времени, чѣмъ болѣе она представляетъ интереса, тѣмъ менѣе она разработана, тѣмъ менѣе въ ней ясности. Такъ напримѣръ, мы несовсѣмъ удовлетворительно знакомы со многими вопросами изъ исторіи Московскаго періода (не говорю уже объ исторіи XVIII в.). Къ числу недостаточно выясненныхъ вопросовъ принадлежитъ вопросъ о политическомъ значеніи московскаго боярства. До сихъ поръ, когда рѣчь зайдетъ о боярствѣ, мы не можемъ еще вполнѣ отрѣшиться отъ предвзятыхъ идей и съ представленіемъ о немъ у насъ неразрывно связывается представленіе о своекорыстной олигархіи, о крамолѣ, объ измѣнѣ. Между тѣмъ, боярство есть явленіе исчезнувшее, отжившее, не имѣющее никакихъ корней въ современной намъ дѣйствительности—поэтому, казалось бы, что наступило, наконецъ, время относиться къ нему вполнѣ безпристрастно

Боярство есть продуктъ исторической жизни Россіи и имѣетъ свою спеціальную исторію, въ которой свѣтлыя явленія чередуются съ мрачными, какъ вездѣ и всегда. Не безслѣдно просуществовало оно въ Московскомъ государ-

ствѣ и имѣетъ все право на серьозное научное вниманіе историка. Въ виду всего вышеизложеннаго, нельзя обойти молчаніемъ книгъ князя Голицына и г. Барсукова, подробное заглавіе которыхъ выписано нами въ началѣ статьи; онѣ представляютъ весьма важные матеріалы для исторіи боярства, открывая изслѣдователю новое освѣщеніе извѣстныхъ уже фактовъ, указывая на неизвѣстные прежде.

И Шереметевы, и князья Голицыны, принадлежатъ къ такъ называемымъ „выѣзжимъ“ московскимъ боярскимъ родамъ, т. е. не исконнымъ боярамъ Московскаго княжества, а пріѣхавшимъ туда изъ другихъ государствъ. Предокъ Шереметевыхъ, боринъ московскаго великаго князя Симеона Ивановича Гордаго, Андрей Ивановичъ Кобыла (полов. XIV в.), по позднѣйшимъ преданіямъ XVII вѣка, былъ выходцемъ изъ Пруссіи.

Предки Голицыныхъ, князья Патрикѣевы, ведущіе свой родъ отъ великаго князя литовскаго Гедимина, выѣхали въ Москву изъ Литвы въ началѣ XV вѣка. Собственно фамиліи Шереметевыхъ и князей Голицыныхъ возникаютъ почти одновременно: первая въ концѣ XV вѣка, вторая въ первой половинѣ XVI вѣка. Родоначальникомъ Шереметевыхъ былъ Андрей Константиновичъ Шереметь, родоначальникомъ князей Голицыныхъ — князь Иванъ Михайловичъ Булгаковъ-Голица († 1558 г.). Во всѣ послѣдующіе вѣка было немало замѣчательныхъ историческихъ дѣятелей и изъ князей Голицыныхъ и изъ Шереметевыхъ; имена тѣхъ и другихъ памятны и въ мрачную пору царствованія Іоанна Грознаго, и въ смутное время московскаго безнарядья, и въ правленіе первыхъ Романовыхъ, и въ тяжелую годину Петровыхъ преобразованій.

Имѣя общую задачу — представить исторію двухъ старѣйшихъ боярскихъ родовъ, книги князя Голицына и г. Барсукова существенно различаются одна отъ другой, какъ по собранному матеріалу, такъ и по плану его распредѣленія, и по степени его обработки, а слѣдовательно, имѣютъ совершенно различную, такъ сказать, научную цѣнность.

Книга князя Голицына есть лишь корректурное изданіе матеріаловъ для полной родословной росписи князей Голицыныхъ и обнимаетъ собою почти шесть столѣтій отъ Гедимина до настоящаго времени, а полная родословная роспись должна лечь въ основаніе предпринимаемаго составителемъ „Матеріаловъ“ труда по исторіи рода князей Голицыныхъ, которой князь Н. Н. Голицынъ занимается уже болѣе 20-ти лѣтъ. Онъ желаетъ, чтобы „настоящее изданіе было принято скорѣе за рядъ вопросовъ, спорныхъ пунктовъ и недоумѣній, чѣмъ за сборникъ положительныхъ фактовъ“ (Пред., с. IV) и, недѣлая его пока достояніемъ публики, разсылаетъ занимающимся русской исторіей для поправокъ и дополненій. Такимъ образомъ, книга князя Голицына— не законченный трудъ, а отпечатанная предварительная работа. Она представляетъ историку рядъ весьма любопытныхъ, но разрозненныхъ фактовъ изъ исторіи князей Голицыныхъ. Это очень интересная и полезная справочная книга. Совершенно иной характеръ имѣетъ книга А. П. Барсукова. „Родъ Шереметевыхъ“ является исполненіемъ тѣхъ pia desideria, къ которымъ только стремится князь Н. Н. Голицынъ и достичь которыхъ, кажется, не надѣется въ скоромъ будущемъ. Первымъ томомъ „Рода Шереметевыхъ“ открывается прагматическое изложеніе его исторіи; томъ этотъ заключаетъ въ себѣ событія отъ половины XIV вѣка до смерти царя Іоанна Грознаго. Г. Барсуковъ воспользовался свидѣтельствами не только общензвѣстныхъ и малопзвѣстныхъ

историческихъ источниковъ, но внесъ въ свой трудъ очень много совершенно новыхъ данныхъ, почерпнутыхъ въ рукописяхъ и въ архивныхъ документахъ, въ особенности изъ семейнаго архива одного изъ современныхъ намъ представителей фамиліи Шереметевыхъ, графа Сергѣя Дмитріевича Шереметева. Правда, иногда новыя данныя, приводимыя г. Барсуковымъ, слишкомъ спеціальны, даже мелочны, но тѣмъ болѣе они драгоцѣнны для бытовыхъ подробностей прошлой русской жизни, которыми столь бѣдна наша археологическая литература. Таковы, напримѣръ, свѣдѣнія о вотчинахъ и помѣстьяхъ Шереметевыхъ, о ихъ тяжбахъ изъ-за этихъ вотчинъ и помѣстій, и нѣсколько касающихся до нихъ новыхъ грамотъ и актовъ, приложенныхъ къ книгѣ въ фотолитографическихъ снимкахъ. Къ этому же разряду данныхъ относятся: 6 снимковъ съ картинъ изъ „Царственной книги“, — одного изъ важнѣйшихъ источниковъ для исторіи эпохи Іоанна Грознаго,—изданной въ 1769 году княземъ М. М. Щербатовымъ безъ рисунковъ, и 16 снимковъ съ раскрашенныхъ картинъ неизданнаго лѣтописца XVI в., близкаго по редакціи къ „Царственной книгѣ“. Всѣ эти 22 картины изображаютъ преимущественно военные подвиги разныхъ Шереметевыхъ, съ 1534 по 1556 годъ включительно, противъ казанцевъ, крымцевъ и шведовъ, представляя весьма важный источникъ для изученія русской живописи XVI в. и тогдашнихъ московскихъ костюмовъ и вооруженія войскъ.

Г. Барсуковъ передаетъ исторію Шереметевыхъ въ связи съ общими политическими событіями современнаго имъ Московскаго государства, вставляя въ рамки этихъ событій иногда весьма подробныя въ фактическомъ отношеніи свѣдѣнія о дѣятельности того или другаго изъ Шереметевыхъ. Къ сожалѣнію, свѣдѣнія эти не всегда очерчиваютъ съ желаемой ясностью личности, къ которымъ они относятся. По нимъ можно только догадываться, что подъ сухимъ перечнемъ разныхъ службъ и посольствъ скрывается иной разъ сильная личность, независимый и твердый характеръ. Но странно было бы винить за это почтеннаго бытописателя рода Шереметевыхъ,—онъ тщательно собралъ всѣ свѣдѣнія, какія только могъ собрать, и освѣтилъ ихъ должнымъ образомъ, на сколько позволяли ему это самые источники и пріемы исторіописанія! Источники московской эпохи представляютъ крайне скудный матеріалъ для характеристики личностей. Сказаній современниковъ—русскихъ и частной переписки даже отъ позднѣйшихъ эпохъ этого періода—отъ XVI и XVII вв.,—дошло до насъ весьма немного, да и въ томъ, что дошло, не всегда рельефно выступаетъ личность. Московскіе люди не отличались экспансивностью и въ частной перепискѣ ограничивались дѣловыми сношеніями, выражаясь притомъ крайне сжато. Переписка Іоанна Грознаго съ Курбскимъ, письма царя Алексѣя Михайловича и нѣкоторыхъ бояръ XVI и XVII в. составляютъ исключеніе. Въ оффиціальныхъ актахъ и грамотахъ московскіе служилые люди весьма естественно являются только съ внѣшней, оффиціальной стороны. Съ тенденціозной окраской заносятся повѣствованія о разныхъ отдѣльныхъ лицахъ въ московскіе лѣтописцы, которые, какъ извѣстно, велись почти исключительно людьми духовнаго званія и подъ сильнымъ правительственнымъ вліяніемъ; поэтому-то лѣтописцы удѣляютъ много мѣста подробнымъ характеристикамъ святыхъ мужей и панегирикамъ іерархамъ, князьямъ и царямъ; государственные и общественные дѣятели были, въ глазахъ составителей лѣтописцевъ, пассивными исполнителями велѣній предержащей власти, а тѣ изъ нихъ, которые проявляли независимый характеръ, представлялись имъ или „сосудомъ дья-

вола", или „строптивыми рабами" и „крамольниками". Лишь современники-иностранцы дают въ своихъ сказаніяхъ характеристики той или другой крупной личности изъ бояръ и воеводъ; но эти характеристики слѣдуетъ принимать съ большою осторожностью, потому что онѣ составлялись подъ весьма случайными и произвольными впечатлѣніями.

Первый томъ „Рода Шереметевыхъ" и „Матеріалы" князя Голицына возбуждаютъ очень много общихъ историческихъ и археологическихъ вопросовъ. Позволимъ себѣ остановиться на нѣкоторыхъ изъ нихъ.

Первымъ изъ этихъ вопросовъ будетъ вопросъ объ иноземномъ происхожденіи русскихъ „выѣзжихъ" старинныхъ родовъ.

Возвышніе Москвы и „собираніе Руси" произошло, какъ извѣстно, при взаимодѣйствіи трехъ главнѣйшихъ факторовъ: 1) личнаго характера и весьма ловкой политики московскихъ князей, „собирателей земли русской", 2) дѣятельности московскихъ митрополитовъ и монастырей, 3) роли московскихъ бояръ. Первые два фактора изслѣдованы въ русской исторической наукѣ съ достаточнымъ вниманіемъ и полнотой, послѣдній—ждетъ тщательной научной провѣрки.

Въ настоящее время мы знаемъ, что если не во всѣхъ земляхъ удѣльно-вѣчевой Руси, то по крайней мѣрѣ во многихъ изъ нихъ, кромѣ княжихъ бояръ-дружинниковъ, были бояре земскіе, не находившіеся на службѣ князя, но имѣвшіе большую силу на вѣчѣ. Въ нѣкоторыхъ земляхъ, какъ напримѣръ, въ Галичѣ-южномъ и въ Новгородѣ Великомъ, эта сила переходила нерѣдко въ главенство, въ господство на вѣчѣ. При торжествѣ той или другой вѣчевой партіи, члены и сторонники побѣжденной удалялись отъ дѣлъ, уѣзжали въ свои вотчины, или отъѣзжали въ другія земли, точно также какъ отъѣзжали отъ одного князя къ другому бояре-дружинники. Прямыхъ указаній объ отъѣздѣ изъ одного княжества въ другое земскихъ бояръ весьма немного, но есть основаніе предполагать, что въ числѣ бояръ, приходившихъ изъ разныхъ русскихъ земель къ первымъ московскимъ князьямъ, были не одни бояре княжіе, но и земскіе. Этими послѣдними были бояре, отъѣзжавшіе изъ Новгорода, или же могли быть многіе изъ бояръ, являвшихся въ Москву съ юга; въ числѣ послѣднихъ, по всей вѣроятности, находились земскіе бояре Галичскіе, какъ напримѣръ, Родіонъ Нестеровичъ, пріѣхавшій къ Ивану Даниловичу Калитѣ съ юга, съ своей собственной дружиной, или волынскій Боброкъ, главный воевода Дмитрія Донскаго на Куликовомъ полѣ. XIV вѣкъ отмѣченъ въ исторіи Россіи особенно сильными проявленіями земскихъ нестроеній.

Княжескія междоусобія осложнились вмѣшательствомъ татаръ, и въ этомъ осложненномъ видѣ въ особенности тяжело отзывались на востокѣ и юго-востокѣ Руси; усобицы вѣчевыя раздирали сѣверозападныя земли—Новгородъ и Псковъ; Галичъ, вслѣдствіе своеобразной земской организаціи, страдалъ всѣми нестроеніями заразъ: и княжеской распрей, и татарскими опустошеніями, и вѣчевой усобицей; только въ одномъ весьма небольшомъ по пространству уголкѣ средней Россіи, по выраженію лѣтописи—бысть тишина. Этимъ уголкомъ является княжество Московское, въ которое и стремятся изъ разныхъ русскихъ земель всѣ ищущіе тишины. До южнаго Галича, по всей вѣроятности, доходили смутные и преувеличенные слухи объ удобствахъ жизни въ этомъ отдаленномъ уголкѣ; южная фантазія галичанъ, быть можетъ, идеализировала „мирное житіе" у ласковыхъ хозяевъ-скопидомовъ московскихъ князей, и бояре-земцы уходили изъ Галича въ Москву искать мирной жизни. Конечно,

это только одни предположенія относительно мотивовъ земско-боярской эмиграціи изъ Галича въ Москву, такъ какъ прямыхъ свидѣтельствъ о ней мы не имѣемъ; относительно новгородской эмиграціи мы располагаемъ болѣе положительными свѣдѣніями. Двинская земля, богатая Новгородская колонія,— въ которой были особенно сильны земскіе бояре, не всегда и не вполнѣ признававшіе власть господина-Великаго-Новгорода,— имѣла издавные пограничные поземельные споры съ князьями ростовскими, а послѣ подчиненія Ростова Москвѣ, и съ московскими. Споры изъ-за земель заставляли нѣкоторыхъ богатыхъ двинскихъ вотчинниковъ, земскихъ бояръ, искать покровительства усиливающихся московскихъ князей и держать ихъ сторону какъ въ землѣ Двинской, такъ и на новгородскомъ вѣчѣ.

Въ XIV в. въ Двинской землѣ образовалось двѣ партіи среди бояръ—сторонниковъ и противниковъ Москвы; смотря потому, какая партія одерживала верхъ, Двинская земля являлась то въ дружескихъ, то во враждебныхъ отношеніяхъ къ Москвѣ. Въ послѣднемъ случаѣ, сторонники Москвы отъѣзжали въ нее и отдавались подъ руку московскаго князя съ своими вотчинами. Это обстоятельство дало поводъ московскимъ князьямъ заявлять притязанія на богатства Двинской земли и изъ всѣхъ новгородскихъ колоній прежде всего завладѣть ею, что подготовило паденіе и самаго Новгорода-Великаго.

Большинство московскихъ бояръ состояло изъ „бояръ выѣзжихъ“, такъ какъ мѣстныхъ бояръ, вслѣдствіе незначительнаго объема первоначальнаго Московскаго княжества, было, по всей вѣроятности, весьма немного. Припомнивъ, что въ Московскомъ княжествѣ вѣчевой строй былъ почти неизвѣстенъ, а дружинное начало, столь сильное на югѣ Руси, было совершенно чуждо Руси сѣверо-восточной,—не можемъ ли мы предположить, что обычай московскихъ князей „думать“ съ боярами возникъ до нѣкоторой степени подъ вліяніемъ выѣзжихъ княжихъ и земскихъ бояръ? Если принять это предположеніе, то можно допустить, въ свою очередь, другое, а именно, что „выѣзжіе“ бояре вносили въ московскій княжеско-вотчинный распорядокъ не смуту и крамолу, а дружинное и земско-вѣчевое совѣщательное начало. Поэтому-то московскіе князья и сознавали очень хорошо силу и значеніе бояръ и умѣли цѣнить ихъ по достоинству. Симеонъ Гордый завѣщаетъ братьямъ слушаться старыхъ бояръ; умирающій Дмитрій Донской говоритъ своимъ дѣтямъ: „бояры своя любите, безъ воли ихъ ничтоже не творите“, а къ самимъ боярамъ обращается со слѣдующими словами: „предъ вами родихся и при васъ възрастохъ; съ вами и царствовахъ и землю русскую держахъ 27 лѣтъ, отчину свою съ вами соблюдохъ, къ вамъ честь и любовь имѣхъ, вы же нарекостеся у меня не бояре, но князи земли моей“.

Со второй половины XV вѣка, въ московское боярство начинаютъ постепенно входить новые пришлые элементы, вслѣдствіе „собиранія“ русскихъ земель около двухъ центровъ: на сѣверо-востокѣ—Москвой, и на западѣ—Литвой; московское боярство пополняется князьями Рюриковичами медіатизированныхъ сѣверо-восточныхъ и южныхъ удѣловъ и князьями Гедиминовичами, выѣзжавшими изъ Литвы на службу къ московскимъ великимъ князьямъ по такимъ же побужденіямъ, по какимъ нѣкогда пріѣзжали къ ихъ предкамъ земскіе бояре изъ Новгорода. Князья Рюриковичи приносятъ въ Москву воспоминанія о своихъ предкахъ, еще недавно бывшихъ независимыми, владѣтельными князьями; нѣкоторые изъ князей Рюриковичей считаютъ себя и своихъ предковъ гораздо „честнѣе“, т. е. почетнѣе, великихъ князей москов-

скихъ, которымъ, вслѣдствіе обстоятельствъ, должны служить. Гедиминовичи-литовскіе заносятъ въ Москву польско-литовскіе шляхетско-аристократическія тенденціи. Такъ образуются мало-по-малу среди московскаго боярства аристократическія воззрѣнія. Іоаннъ III, вслѣдствіе брака съ византійской царевной, усвоиваетъ традиціи византійскаго монархизма, и между воззрѣніями монархическимъ и аристократическимъ возникаетъ борьба, которая достигаетъ своего апогея при Іоаннѣ Грозномъ. Подъ вліяніемъ этой борьбы, слагается среди бояръ некняжескаго происхожденія стремленіе приправнять себя къ потомкамъ Рюрика и Гедимина: они начинаютъ производить свой родъ отъ „честныхъ мужей", выѣхавшихъ на службу къ прежнимъ московскимъ князьямъ изъ Литвы и изъ „Нѣмецъ". Они скрываютъ свое настоящее происхожденіе, потому что имѣть предкомъ галичскаго или новгородскаго земскаго боярина не только не составляетъ почета, но можетъ быть даже опасно. Галичъ принадлежалъ въ то время Польскому королевству, враждебному московскому правительству, а новгородцы, съ самаго новгородскаго „взятья" Іоанномъ III, считались бунтовщиками, „вѣчниками" и „крамольниками"; знатнѣйшіе новгородскіе бояре томились при немъ въ тюрьмахъ, а Іоаннъ IV выразилъ явно свою опалу на Новгородъ въ извѣстномъ погромѣ 1570—1571 гг. [1]). Послѣ смутнаго времени, въ теченіе XVII вѣка, вслѣдствіе близкихъ сношеній съ польскими магнатами и знакомства съ польскими историческими хрониками и компиляціями, у московскаго не княжескаго боярства развивается еще болѣе склонность производить себя отъ знаменитыхъ предковъ изъ Литвы и изъ нѣмцевъ. Уничтоженіе разрядныхъ книгъ открываетъ этой склонности обширное поле для фантастическихъ родословныхъ [2]).

Какъ Родіонъ Нестеровичъ, пріѣхавшій къ Ивану Даниловичу Калитѣ съ „юга", могъ быть галичскимъ земскимъ бояриномъ, такъ предокъ Шереметевыхъ, Андрей Ивановичъ Кобыла, могъ быть земскимъ бояриномъ новгородскимъ. На новгородское происхожденіе Андрея Кобылы указываютъ, между прочимъ, большія земельныя владѣнія, принадлежавшія ему въ Новгородской области („Родъ Шереметывыхъ", стр. 15—16; 84—85). Извѣстно, какъ новгородцы усердно заботились, чтобы князья, княжившіе у нихъ, не раздавали селъ и земель новгородскихъ своимъ боярамъ и дворянамъ; раздача новгородскихъ земель московскимъ боярамъ и служилымъ людямъ произошла только при Іоаннѣ III, но тогда уже давно не было въ живыхъ не только Андрея Кобылы, но и его внуковъ, а правнуки его назывались Кошкинымъ, Голтяевыми, Беззубцовыми и т. д. Кобылинскія же вотчины близъ Вологды, перешедшія по наслѣдству къ правнукѣ Андрея Кобылы, Марьѣ Ѳеодоровнѣ Голтяевой (въ XV вѣкѣ), о чемъ подробно говоритъ г. Барсуковъ (стр. 16), еще болѣе подтверждаютъ нашу догадку о предкѣ Шереметевыхъ. Вологодскій край, колонія новгородская и его исконная волость, граничилъ

---

[1]) Ту же мысль высказываетъ въ своемъ любопытномъ рефератѣ въ археологическомъ институтѣ П. Н. Петровъ. Къ сожалѣнію, въ протоколахъ института рефератъ этотъ переданъ въ столь краткой редакціи, что нельзя подмѣтить подробностей доводовъ почтеннаго референта (Засѣданіе 6 марта 1879 г. См. „Сборн. Археолог. Института", кн. III, стр. 49—50). Весьма бы желательно видѣть поскорѣе въ печати рефератъ г. Петрова вполнѣ.

[2]) Мы ничего не говоримъ здѣсь о выходцахъ изъ татаръ, потому что это не относится къ занимающему насъ вопросу—выяснить настоящее происхожденіе лишь тѣхъ выѣзжихъ бояръ, которые являлись изъ Новгорода и съ юга.

съ Двинской землей и заключалъ въ себѣ, по всей вѣроятности, много вотчинъ двинскихъ бояръ; край этотъ постоянно былъ яблокомъ раздора между Новгородомъ и ростовскими князьями, а затѣмъ между Новгородомъ и Москвою, и окончательно былъ присоединенъ къ Москвѣ лишь при великомъ князѣ Василіи Васильевичѣ Темномъ (30 года XV вѣка), когда Андрей Кобыла уже умеръ, а боярами московскими были его внуки, сыновья Ѳеодора Кошки, которые владѣнія свои на Вологдѣ скорѣе могли бы назвать кошкинскими, чѣмъ кобылинскими.

Посмотримъ теперь, какъ, на основаніи вышеприведенныхъ данныхъ, постепенно складывается легенда объ иноземномъ происхожденіи Андрея Кобылы.

Въ XVI вѣкѣ, знаменитый политическій противникъ Іоанна Грознаго, князь Андрей Михайловичъ Курбскій, гордившійся своимъ происхожденіемъ отъ ярославскихъ князей, сообщаетъ молву, что предокъ Шереметевыхъ выѣхалъ изъ „Нѣмецкой земли“ и былъ изъ рода „Рѣшскихъ“, т. е. имперскихъ князей, называя его Михаиломъ. Въ родословныхъ XVII вѣка предокъ Шереметевыхъ называется Андреемъ Кобылой. Въ 1686 г., черезъ четыре года послѣ сожженія разрядныхъ книгъ, боярин Петръ Васильевичъ Шереметевъ подаетъ въ разрядъ поколѣнную роспись своего рода, производя Андрея Кобылу изъ „Пруссъ“ и называя его владѣтелемъ. Въ такомъ видѣ родословная Шереметвыхъ заносится въ „Бархатную книгу“ и происхожденіе Кобылы изъ Пруссъ является для послѣдующихъ генеалогистовъ несомнѣнной истиной. Въ 1722 году, герольдмейстеръ С. А. Колычовъ, происходящій также отъ Андрея Кобылы, составилъ о своихъ предкахъ „исторіографію, вкратцѣ собранную изъ разныхъ хроникъ и лѣтописцевъ“, въ которой Андрея Кобылу (Glandos Cambila) производитъ отъ прусскаго Прутено, жившаго въ IV вѣкѣ по Р. Х. Свѣдѣнія какъ объ этомъ королѣ, такъ и о его потомствѣ, до „Glandos Cambila“ включительно, Колычовъ заимствовалъ изъ хроникъ Длугоша, Кромера и разныхъ польскихъ хронистовъ-компиляторовъ XVII вѣка („Родъ Шереметевыхъ“, стр. 1—8). Разсужденія Колычова должны быть отнесены къ области историко-фантастической, потому что изъ несомнѣнныхъ историческихъ источниковъ мы знаемъ, что пруссы, даже въ XII—XIII вѣкахъ, были племенемъ совершенно дикимъ, лишеннымъ почти всякой культуры, и не могли управляться королями въ смыслѣ позднѣйшихъ государей-монарховъ, а имѣли лишь племенныхъ старшинъ и князей [1]).

Въ связи съ вопросомъ о происхожденіи боярскихъ родовъ, находится вопросъ о личныхъ прозвищахъ нѣкоторыхъ изъ ихъ членовъ. Обыкновенно принято думать, что эти прозвища выражали физическія или нравственныя качества того лица, которому давались. Г. Барсуковъ сообщаетъ любопытныя подробности о происхожденіи прозвища „Шереметъ“, родоначальника Шереметевыхъ.

Андрей Константиновичъ Шереметъ былъ вторымъ сыномъ Константина Александровича Беззубцева, побѣдителя казанскихъ татаръ въ 1450 году. Въ

---

[1]) Впрочемъ, какъ всякая легенда имѣетъ въ основаніи реальный фактъ, то и легенда о происхожденіи изъ Пруссіи какъ Шереметевыхъ, такъ и другихъ боярскихъ и дворянскихъ родовъ, въ дѣйствительности происходящихъ онъ новгородцевъ, можетъ имѣть нѣкоторое историческое основаніе. Извѣстно, что въ Новгородѣ издавна было очень много выходцевъ изъ Пруссіи—прушанъ. Очень можетъ быть, что предки Андрея Кобылы первоначально происходили изъ Пруссіи, но обрусѣли въ Новгородѣ окончательно къ XIV столѣтію, когда появляется Андрей Кобыла.

1453 г. на Балканскомъ полуостровѣ произошло міровое событіе, произведшее потрясающее впечатлѣніе на умы современниковъ: Царь-градъ былъ завоеванъ турками. Однимъ изъ военачальниковъ султана Магомета II былъ Шереметъ-бей, отличавшійся необыкновенной храбростью, но потерпѣвшій пораженіе отъ албанцевъ и взятый ими въ плѣнъ (1463 г.). По турецки слово шереметъ значитъ проворный, живой, быстрый на бѣгу. Очень возможно, что К. А. Беззубцевъ, замѣчая въ своемъ второмъ сынѣ живость и проворство, назвалъ его Шереметомъ, желая сохранить въ своемъ семействѣ память о грозномъ врагѣ христіанства, все таки осиленномъ христіанами-патріотами; при этомъ Беззубцевъ сопоставлялъ, очевидно, свои подвиги противъ невѣрныхъ съ подвигами албанцевъ. („Родъ Шереметевыхъ", стр. 45 — 47). Такимъ образомъ, въ лицѣ Андрея Шереметя мы видимъ обычай московскихъ бояръ и другихъ родовитыхъ людей давать прозвища своимъ дѣтямъ въ честь замѣчательныхъ современниковъ. Существованіе этого обычая подтверждается еще другимъ примѣромъ, приводимымъ г. Барсуковымъ, и болѣе знаменательнымъ, чѣмъ прозвище Шереметя. Современникъ и сородичъ Беззубцева, И. А. Колычовъ, намѣстникъ новгородскій, назвалъ своего сына Степана—Стенстуромъ, въ честь извѣстнаго въ XV вѣкѣ правителя Швеціи Стенъ-Стура („Родъ Шереметевыхъ", стр. 47—48). Этотъ Степанъ былъ отцомъ Ѳедора Колычова, впослѣдствіи знаменитаго митрополита московскаго Филиппа. Не наводитъ ли прозвище Степана Колычова на мысль, что не всѣ московскіе бояре даже XV вѣка были отдѣлены отъ запада китайской стѣной и что вліяніе на многихъ изъ нихъ Швеціи и шведскихъ государственныхъ порядковъ было сильнѣе и плодотворнѣе, чѣмъ обыкновенно привыкли думать? Новгородскія событія смутнаго времени показываютъ, что призваніе на престолъ московскаго государства одного изъ сыновей Карла IX шведскаго—Густава-Адольфа, или Филиппа, не было случайностью. Быть можетъ, впослѣдствіи, когда мы будемъ знать лучше подробности нашего прошлаго, когда будетъ больше выходить такихъ спеціальныхъ монографій, какъ книга А. П. Барсукова, многое выяснится изъ русскихъ событій XVI и XVII вѣковъ, между прочимъ, и западно-европейское вліяніе посредствомъ ближайшихъ нашихъ сосѣдей—Польши, Ливоніи и Швеціи. Конечно, не безъ участія этого вліянія взята, напримѣръ, боярами съ царя Михаила Ѳедоровича Романова извѣстная запись, самое существованіе которой оспаривается многими историками; но для пишущаго эти строки „запись" есть безспорный фактъ, подтверждаемый какъ самымъ ходомъ событій, такъ и несомнѣнными свидѣтельствами современными и позднѣйшими.

Позволимъ себѣ остановиться еще на одномъ вопросѣ, по нашему мнѣнію недостаточно разъясненномъ, на вопросѣ о вольномъ и невольномъ постриженіи въ монашество московскихъ бояръ.

Изъ предковъ князей Голицыныхъ видное мѣсто въ исторіи умственнаго движенія въ Россіи конца XV и первой половины XVI вѣковъ занимаетъ князь Василій Ивановичъ Патрикѣевъ, вмѣстѣ съ своимъ отцемъ насильно постриженный Іоанномъ III въ монахи Кирило-Бѣлозерскаго монастыря. Усвоивъ созерцательно-религіозное ученіе Нила Сорскаго, которое находило себѣ много послѣдователей среди монаховъ Кирило-Бѣлозерскаго монастыря, князь Василій Ивановичъ Патрикѣевъ, въ монашествѣ Вассіанъ, является рѣзкимъ противникомъ деспотизма и насилія въ дѣлѣ вѣры и совѣсти: онъ возстаетъ противъ монастырскаго крѣпостнаго права, противъ преслѣдованія еретиковъ, и требуетъ полнаго невмѣшательства государства въ дѣла церкви,

и наоборотъ — всецѣлаго отрѣшенія церкви отъ мірскихъ государственныхъ дѣлъ.

Традиціи ученія Нила Сорскаго и Вассіана Патрикѣева крѣпко держались въ Кирило-Бѣлозерскомъ монастырѣ, въ которомъ добровольно постригались бояре, желавшіе удалиться отъ ужасной московской общественной жизни XVI в. Послѣ этого понятно, почему Іоаннъ Грозный такъ злобился на бояръ, постриженниковъ этого монастыря, и распространялъ на нихъ клевету въ своемъ знаменитомъ „Посланіи въ Кирило-Бѣлозерскій монастырь". Однимъ изъ такихъ добровольныхъ постриженниковъ Кирило-Бѣлозерскаго монастыря былъ Иванъ Васильевичъ Шереметевъ, нѣкогда человѣкъ весьма близкій къ царю Іоанну IV, пользовавшійся его довѣріемъ, а затѣмъ подвергшійся опалѣ—заключенію въ тюрьмѣ и пыткѣ. Изъ фактовъ, приводимыхъ А. П. Барсуковымъ, видно, что Иванъ Васильевичъ Шереметевъ былъ сильнаго и независимаго характера; онъ не отъѣхалъ въ Литву, какъ А. М. Курбскій: онъ былъ старъ для того, чтобы искать лучшей доли на чужбинѣ, а, изнемогши подъ бременемъ страшныхъ и кровавыхъ оргій и казней Іоанна Грознаго, искалъ нравственнаго успокоенія въ поэтической обстановкѣ Кирило-Бѣлозерскаго монастыря. Незадолго до постриженія въ монашество И. В. Шереметева, былъ лишенъ сана и заключенъ въ тверской Отрочъ монастырь сородичъ Шереметева, знаменитый московскій митрополитъ Филиппъ Колычовъ, этотъ достойный и независимый пастырь церкви и рѣзкій обличитель деспотизма, кровожадности и кощунства Іоанна Грознаго.

Мы думаемъ, что отмѣченные факты достаточно указываютъ на извѣстную долю участія московскихъ бояръ въ почтенномъ служеніи великорусскаго монашества на пользу русскаго просвѣщенія и русской церкви, а также и на то обстоятельство, что среди бояръ находились личности, чуждыя олигархіи и крамолѣ.

Но мы долго бы не кончили, если бы захотѣли останавливаться на всѣхъ вопросахъ, возбуждаемыхъ книгами князя Голицына и А. П. Барсукова. Пожелаемъ отъ всей души князю Н. Н. Голицыну поскорѣе привести къ окончанію повѣрку собранныхъ имъ матеріаловъ и подарить русскую науку и литературу столь же полнымъ и обстоятельнымъ трудомъ по исторіи князей Голицыныхъ, какимъ является начатый трудъ А. П. Барсукова по исторіи Шереметевыхъ. Съ нетерпѣніемъ ожидаемъ послѣдующихъ томовъ „Рода Шереметевыхъ". Вѣроятно, второй томъ будетъ посвященъ царствованію Бориса Годунова, а третій—Смутному времени. Судя по первому тому, надо думать, что А. П. Барсуковъ представитъ немало новыхъ подробностей о борьбѣ Бориса съ боярствомъ, о царѣ Василіи Ивановичѣ Шуйскомъ, о Тушинѣ, о дѣятельности Ѳеодора Ивановича Шереметева въ Смутное время, объ избраніи въ цари Михаила Ѳеодоровича Романова.

Д. К—овъ.

Духовныя школы въ Россіи до реформы 1808 года. Сочиненіе П. Знаменскаго. Казань, 1881 года.

Едва ли можно указать не только въ Европѣ, но на всемъ земномъ шарѣ страну, гдѣ бы вопросъ о правильной постановкѣ духовнаго образованія и установленіи правильныхъ, нормальныхъ отношеній духовенства къ массѣ на-

селенія представлялъ такую глубокую, всеобъемлющую важность, какъ въ Россіи, гдѣ огромное большинство, едва ли не $^{9}/_{10}$ всего народонаселенія—составляютъ сословія не городскія, а сельскія. Россія — это по преимуществу страна селъ и деревень и только въ незначительной—относительно разумѣется—степени—страна городовъ. Села и деревни ея населены „сѣятелями и хранителями русской земли"—русскими крестьянами. Здѣсь, лишенный часто даже элементарной школы, облагораживающаго вліянія искусства, соприкосновенія съ цивилизованными сословіями и тѣхъ нравственныхъ выгодъ, которыя доставляетъ подобное общеніе, — русскій крестьянинъ имѣетъ одну только руководительницу и наставницу, одну нравственную силу, подъ вліяніемъ которой складывается и вырабатывается въ немъ вся его интеллектуальная и моральная жизнь—церковь. Религія въ жизни крестьянина—это его наука, его міросозерцаніе, кодексъ его жизненныхъ правилъ, его утѣшеніе въ скорбяхъ, наконецъ, стимулъ въ его гражданской дѣятельности. Прислушайтесь, какими побужденіями мотивируются въ большинствѣ случаевъ его поступки, чѣмъ онъ измѣряетъ нравственное достоинство дѣла, и вы увидите, что нравственность русскаго крестьянина опирается главнымъ, если не исключительнымъ, образомъ, на идеѣ наградъ и наказаній въ загробной жизни. „Богъ за это наградитъ, Богъ за это накажетъ"—эти слова крестьянскій мальчикъ безпрестанно, на каждомъ шагу, слышитъ отъ своей матери-крестьянки. Научившись благоговѣть передъ религіей съ дѣтства, привыкнувъ сообразовать съ ея предписаніями свои дѣйствія, русскій крестьянинъ сохраняетъ эту полноту религіознаго чувства до могилы. Этимъ же чувствомъ опредѣляются и всѣ его гражданскія понятія, его отношенія и дѣйствія. Русскій крестьянинъ благоговѣетъ передъ священнымъ именемъ государя, онъ видитъ въ немъ намѣстника Бога на землѣ... Какъ сложилось въ немъ такое чистое понятіе о предметѣ? Прежде всего—подъ вліяніемъ религіи. Въ церкви, при богослуженіи онъ слышитъ постоянныя молитвы за государя, онъ знаетъ, что церковь чтитъ въ его лицѣ помазанника Божія. Переводя слышанныя имъ выраженія на обыкновенный языкъ, онъ говоритъ: „царь—земной Богъ", и это убѣжденіе какъ нельзя болѣе твердо и опредѣленно выражается во всей его жизни. Посмотримъ далѣе. Русскій крестьянинъ, превратившись въ солдата, показываетъ себя героемъ изъ героевъ на поляхъ битвъ. Въ какую нибудь севастопольскую кампанію борьба Россіи съ коалиціею чуть не всѣхъ государствъ Европы, собственно говоря, была невозможна. Все было безусловно на сторонѣ союзниковъ. Превосходство численности войскъ, превосходство искусства и знанія, превосходство оружія, путей сообщенія, финансовыхъ средствъ, однимъ словомъ—безусловное превосходство во всемъ. На нашей сторонѣ было одно — сверхъестественный, невозможный героизмъ арміи, и благодаря этому одному, Севастополь одиннадцать мѣсяцевъ противостоялъ неслыханнымъ дотолѣ средствамъ разрушенія. А зимній переходъ черезъ Балканы, совершившійся на нашихъ глазахъ въ послѣднюю турецкую войну? Не вся ли Европа кричала и увѣряла до перехода, что онъ невозможенъ? И однако же, это чудо самоотверженія, совершенное русскимъ человѣкомъ—не миѳъ, а дѣйствительность, которой мы были свидѣтелями. Что же создаетъ въ русскомъ человѣкѣ этотъ геройскій духъ, какая сила движетъ имъ въ его дивномъ самоотверженіи? Поговорите съ русскимъ простолюдиномъ, сумѣйте доискаться сути дѣла въ томъ, что онъ будетъ говорить вамъ, и вы увидите, что будущій русскій солдатъ, прежде всего и выше всего, цѣнитъ „идти въ службу за вѣру". Наши добровольцы, усѣяв-

шіе пять лѣтъ назадъ русскими костями сербскую землю, сражались не по приказанію и не за дѣло родины. Что же влекло ихъ на вѣрную смерть на поляхъ чуждой имъ Сербіи? „Обижаютъ нашихъ, обижаютъ христіанъ“, говорилъ русскій простолюдинъ-доброволецъ, готовясь умереть за то, что для него дороже всѣхъ сокровищъ міра — за вѣру. Вотъ тотъ чистый, высокій, святой идеалъ русскаго крестьянина, съ которымъ онъ прожилъ столько вѣковъ своей исторической жизни, и подъ вліяніемъ котораго развивались, главнымъ образомъ, и его гражданская доблесть и его героизмъ. Міросозерцаніе нашего народа исключительно религіозное; философскихъ принциповъ въ немъ рѣшительно нѣтъ. Религія — это то начало, которое создаетъ духовную жизнь русскаго крестьянина, которое даетъ ему, такъ сказать, извѣстную нравственную форму. Онъ почтительный сынъ потому, что онъ слышалъ съ дѣтства, что уваженія къ родителямъ требуетъ религія, церковь; онъ безгранично преданъ своему государю, зная, что церковь чтитъ въ лицѣ государя помазанника Божія; онъ герой на поляхъ битвъ, прежде всего потому, что, согласно ученію церкви, „чаетъ жизни будущаго вѣка“ за труды и подвиги, понесенные имъ ради защиты святыни вѣры. При такомъ огромномъ, правильнѣе сказать, всеобъемлющемъ значеніи религіи въ жизни русскаго крестьянина, при томъ обстоятельствѣ, что исключительно церковь до сихъ поръ воспитываетъ въ немъ его природныя добрыя начала, вопросъ о степени образованія сельскаго духовенства, его нравственности, его направленіи, большей или меньшей степени его матеріальной обезпеченности, наконецъ, вопросъ о его положеніи, правахъ и значеніи въ обществѣ — все это вопросы глубочайшей, безпредѣльной важности. Такое или другое, правильное или неправильное, всестороннее или одностороннее разрѣшеніе ихъ важно не для духовенства или крестьянства только, а для государственной жизни Россіи, для всѣхъ слоевъ и классовъ русскаго общества, для разширенія и улучшенія народной производительности, для развитія экономическаго богатства страны. Какъ ни преувеличеннымъ можетъ показаться это съ перваго раза, но это дѣйствительно такъ. Въ настоящее время и правительство и печать сильно заняты вопросомъ объ экономическомъ улучшеніи быта русскаго крестьянина. Этотъ же самый вопросъ близко и горячо принимаютъ къ сердцу не только всѣ пишущіе и печатающіе дѣятели, но все, что только есть добраго, честнаго, благородно мыслящаго въ Россіи.

Глубокая благодарность правительству, глубокая благодарность литературѣ наконецъ, всѣмъ сочувствующимъ такому святому дѣлу, какъ улучшеніе быта русскаго земледѣльческаго класса. Дѣло это—одно изъ необходимѣйшихъ условій благоденствія Россіи. Русское крестьянство составляетъ $^9/_{10}$ населенія страны. Улучшить бытъ русскаго крестьянина значитъ, слѣдовательно, прежде всего улучшить бытъ огромнаго большинства русскаго народа... Но какъ достичь этого наиболѣе надежнымъ и прочнымъ образомъ? Стараясь развить въ народѣ богатство—начать прямо съ экономическихъ мѣръ, съ примѣненія къ быту крестьянина, на сколько это осуществимо, той или другой экономической теоріи? Да, пожалуй—на извѣстное время это поможетъ. Но, если мы хотимъ создать народное богатство на прочныхъ началахъ, то нужно начинать не съ заботъ о богатствѣ, которое, очевидно, составляетъ результатъ чего-то, не съ экономическихъ мѣръ, а начинать съ начала. Съ чего же? Что нужно для развитія матеріальнаго благосостоянія русскаго крестьянина? Отвѣчаемъ: для достиженія этой цѣли нужно, прежде всего, чтобы русскій крестьянинъ сдѣ-

лался умнѣе. „И это все?“—Нѣтъ, нужно, чтобы онъ еще сдѣлался добрѣе.—„Только?“—Нѣтъ, еще нужно чтобы онъ сдѣлался вообще нравственнѣе въ жизни. Добейтесь осуществленія этого, и вы непремѣнно поднимите экономическое благоденствіе народа, разовьете въ средѣ его богатство, которое есть результатъ умѣлаго, постояннаго, честнаго труда. Доказывать это едва ли нужно. Что трудъ умѣлый производитъ много, а то пожалуй и очень много тамъ, гдѣ неумѣлый даетъ мало или очень мало, это—азбучная истина. При развитіи добрыхъ свойствъ въ народѣ, крестьянинъ, очевидно, будетъ больше заботиться... ну хоть бы, положимъ, прежде всего о семьѣ, а слѣдовательно и о томъ, чтобы больше обезпечить ее, больше для нея заработать. Честность всегда вызываетъ довѣріе и къ производителю, и къ продукту его труда, а пріобрѣтеніе довѣрія со стороны общества—одно изъ важнѣйшихъ условій въ дѣлѣ промышленныхъ предпріятій. Сдѣлайте крестьянина нравственнѣе—и то, что онъ пропиваетъ, теперь будетъ идти на удовлетвореніе нуждъ его и его семьи, или же въ запасъ про черный день. Пропиваемые теперь рубли будутъ оставаться у него въ карманѣ, а пропиваемое теперь время, обращенное на трудъ, будетъ давать извѣстный продуктъ, и, слѣдовательно, увеличивать въ соотвѣтствующей пропорціи его матеріальное благосостояніе. „Ищите прежде царствія божія и правды его (т. е. заботьтесь прежде о честной, трудолюбивой жизни), и это все (такъ называемыя внѣшнія блага) приложится вамъ“—это общеизвѣстное евангельское выраженіе заключаетъ въ себѣ несравненно болѣе глубокій практическижитейскій смыслъ, чѣмъ обыкновенно думаютъ.

На основаніи всего сказаннаго нами, мы имѣемъ полное право сдѣлать слѣдующій выводъ. Улучшеніе экономическаго быта народа, увеличеніе народнаго благосостоянія, находится въ прямомъ отношеніи къ улучшенію народной нравственности. Средній уровень народнаго богатства всегда и непремѣнно будетъ обусловливаться общимъ уровнемъ развитія нравственныхъ качествъ въ народѣ—его трезвостью, честностью, трудолюбіемъ. И такъ, все-таки тотъ же вопросъ — что нужно, прежде всего, для улучшенія матеріальнаго благосостоянія народа? — Разумѣется образованіе, слѣд., прежде всего — школы, школы, школы. Но, увы! Осуществленіе этой завѣтной, дорогой для каждаго интеллигентнаго русскаго человѣка мечты, судя по всему, еще очень, очень далеко. Можетъ быть, пройдетъ еще столѣтіе, а пожалуй и больше, прежде чѣмъ теперешнія любимѣйшія, популярнѣйшія надписи нашихъ русскихъ селъ и деревень: „на выносъ и распивочно“ замѣнятся надписями: „школа для мальчиковъ“, „школа для дѣвочекъ“. Желанная эпоха, повторяемъ, судя по всему, еще очень далека. Но, если у насъ нѣтъ пока того, что въ высшей степени желательно было бы видѣть въ интересахъ нашего народа,—нѣтъ школъ, то тѣмъ болѣе нужно хранить, развивать и совершенствовать то, что у насъ есть хорошаго и что, также правильно и разумно направляемое, можетъ давать наилучшіе результаты. Совершенствованіе религіозныхъ понятій нашего народа, очищеніе ихъ отъ разнаго рода дополненій къ догматамъ, большею частію его собственнаго изобрѣтенія, очищеніе ихъ отъ крайней приверженности къ буквѣ и формѣ, наконецъ возможно большее проведеніе въ жизнь массъ, въ жизнь русскаго крестьянина нравственныхъ предписаній религіи,—вотъ въ чемъ заключается пока наша задача по отношенію къ воспитанію народа, вотъ что намъ пока нужно. Но для этого, въ свою очередь, нужно, чтобы духовенство, какъ ближайшій руководитель народа, поставлено было въ хорошія условія.

Всѣмъ, любящимъ русскій народъ, интересно и любопытно познакомиться ближе съ тѣмъ, какъ поставлено у насъ духовное образованіе, удовлетворяетъ ли принятая въ этомъ случаѣ система тому, чтобы умственное и нравственное приготовленіе будущихъ воспитателей народа—священниковъ—было цѣлесообразно. Говорятъ, что нынѣшнее состояніе нашихъ духовно-учебныхъ заведеній несравненно выше, чѣмъ это было до послѣдняго ихъ преобразованія. Мы охотно этому вѣримъ, хотя должны откровенно сознаться въ маломъ знакомствѣ нашемъ съ предметомъ именно съ этой стороны, для произнесенія самостоятельнаго сужденія. Что же касается до характера, съ какимъ являются наши духовныя училища въ прошлое время, то, не говоря уже о многомъ другомъ, я бы отмѣтилъ въ нихъ прежде всего одну черту, до того рѣзко бросавшуюся въ глаза, что не замѣтить ея было невозможно. Это—господство полнаго, абсолютнаго, безграничнаго произвола въ веденіи дѣла какъ воспитательнаго, такъ и чисто учебнаго. Произволъ былъ во многихъ случаяхъ такъ великъ, что уставъ какъ будто бы вовсе не существовалъ. Подъ вліяніемъ такого принципа, въ духовныхъ училищахъ прошлаго времени происходили иногда явленія, положительно немыслимыя, непредставляемыя, ни при какихъ условіяхъ невозможныя въ нашихъ гражданскихъ заведеніяхъ. Приведу нѣкоторые, извѣстные мнѣ изъ весьма достовѣрныхъ источниковъ, случаи, показывающіе, какъ иногда внушалась семинаристамъ религіозное чувство, преподавалась наука, наконецъ, производился выборъ преподавателей для того или другого предмета. Въ сороковыхъ годахъ, въ *** семинаріи инспекторомъ былъ одинъ іеромонахъ. Лично его, конечно, никто не будетъ винить за то, что онъ насквозь былъ проникнутъ самымъ своеобразнымъ,—аскетическимъ взглядомъ на вещи; но дѣло въ томъ, что этотъ свой исключительный взглядъ, выражавшійся притомъ иногда на практикѣ уму непостижимыми странностями, онъ всячески старался проводить въ школу, прививая его къ семинаристамъ. Въ четвергъ страстной недѣли великаго поста онъ устраивалъ обыкновенно, частнымъ образомъ, умовеніе ногъ. Но, зная напередъ, что это нѣсколько показалось бы страннымъ со стороны, онъ придавалъ этому характеръ отчасти келейный, и потому являлся къ назначеннымъ имъ напередъ юношамъ ночью, въ дортуаръ, когда тѣ уже спали. Инспекторъ будилъ и начиналъ поливать ноги проснувшихся въ испугѣ учениковъ только что принесенною изъ холоднаго коридора, слѣдовательно очень холодною, водою. Можно легко себѣ представить, что̀ должны были испытывать бѣдныя жертвы умовенія. Стоны, вопли, писк, визгъ, мольбы о пощадѣ!.. Это—по части практическаго развитія религіознаго чувства. А вотъ—слышанный много изъ самаго достовѣрнаго источника—разсказъ о томъ, какъ иногда преподавалась въ нашихъ семинаріяхъ наука. Учитель или, какъ называютъ въ семинаріяхъ семинарскихъ преподавателей, профессоръ (право, не помню чего) вздумалъ превратить свою науку въ практическое упражненіе юношей въ христіанскихъ добродѣтеляхъ. Выходя изъ положенія, что молчаніе есть добродѣтель (въ монашескомъ смыслѣ, конечно), что, по извѣстному выраженію, „хорошая рѣчь серебро, а молчаніе—золото“, онъ вздумалъ періодически превращать свой классъ въ училище молчанія. Придетъ, усядется на каѳедру и обращается къ ученикамъ съ такою рѣчью: „А что, не хотите ли сегодня поупражняться въ молчаніи?—Хорошо.—„Ну, и хорошо“. Начиналось молчаніе. Учитель молчитъ и ученики молчатъ. Проходитъ полчаса—гробовая тишина; слышно, какъ въ классѣ муха пролетитъ. Еще проходитъ полчаса—классъ по прежнему дремлетъ съ открытыми

глазами, точно въ заколдованномъ снѣ. Никто не шелохнется, никто не повернетъ въ сторону головы. Уже и полтора часа прошло, а классъ по прежнему безъ признаковъ жизни! Но, вотъ загремѣлъ звонокъ—ура! Крикъ, шумъ, гамъ, восторгамъ нѣтъ конца! Профессоръ молчанія выходитъ, наконецъ, изъ класса посреди бушующей, на всѣ возможные лады и тоны кричащей и хохочущей толпы. Это—преподованіе науки! А вотъ какъ иногда выбирались наставники на извѣстный предметъ. Одно высокопоставленное лицо, имѣвшее притомъ близкое отношеніе къ духовнымъ училищамъ, посѣтило однажды семинарію. Зашедши на лекцію математики, ревизоръ замѣтилъ, что учитель знакомъ съ предметомъ или столько же, сколько его ученики, или нѣсколько меньше. Между тѣмъ, этого самаго преподователя ревизоръ зналъ какъ превосходнаго знатока латинскаго языка, который онъ прежде и читалъ въ семинаріи. Ревизоръ обратилъ на это обстоятельство вниманіе высшаго начальника семинаріи, объявивъ ему прямо, что учитель ровно ничего не знаетъ самъ, и что напрасно у него взяли латинскій языкъ, который онъ знаетъ хорошо.

— Ваше сіятельство, сказалъ начальникъ, довольнымъ тономъ и улыбаясь,— это-то и хорошо, что онъ ничего не знаетъ; я именно по тому и перемѣстилъ его съ латинской каѳедры; я сдѣлалъ это съ весьма разумною цѣлью.

— Въ такомъ случаѣ, извините—я рѣшительно не понимаю, что̀ можетъ быть хорошаго въ томъ, что человѣкъ, который учитъ другихъ, самъ ничего не знаетъ, и какая можетъ быть разумная цѣль въ томъ, чтобы отнять у человѣка предметъ, который онъ знаетъ, и дать ему другой, котораго онъ совсѣмъ не знаетъ?

— А вотъ видите ли, графъ, профессоръ, о которомъ вы со мной заговорили, точно—хорошо знаетъ латинскій языкъ. Но онъ такъ возмечталъ о себѣ черезъ это знаніе, что ни на что не похоже. Гордыня обуяла его до того, что онъ даже начальства знать не хотѣлъ. Такъ вотъ, я и далъ ему читать математику въ послушаніе [1]). Вотъ какъ онъ покажетъ свое невѣжество раздругой въ классѣ, да увидитъ, что ничего не знаетъ, такъ и научится смиренію.

Не знаемъ, научился ли этимъ путемъ смиренію наставникъ, но что ученики его должны были отличаться безпредѣльнымъ смиреніемъ — въ математикѣ, это, разумѣется, не подлежитъ сомнѣнію.

Разсказанные мною случаи, конечно, слишкомъ исключительны; можетъ быть, соотвѣтствующихъ имъ другихъ нельзя и указать; но что духовныя училища наши прошлаго времени, то есть, до послѣдняго преобразованія ихъ, представляли немало курьезныхъ аномалій въ дѣлѣ какъ умственнаго, такъ и нравственнаго развитія кандидатовъ на духовныя должности — это неоспоримо.

Вышедшее въ нынѣшнемъ году въ Казани сочиненіе г. Знаменскаго знакомитъ насъ именно съ тѣмъ вопросомъ, правильное разрѣшеніе котораго такъ существенно важно для нашего сельскаго населенія. Я разумѣю образованіе духовенства. Книга, о которой идетъ рѣчь, не касается, впрочемъ, не только послѣдней реформы духовныхъ училищъ, но даже эпохи, предшествовавшей ей. Интересъ ея, слѣдовательно, не практическій, а чисто научный,

---

[1]) Послушаніемъ въ монастыряхъ называется исправленіе самыхъ низшихъ работъ—рубить дрова, носить воду, стряпать, etc.

историческій. Авторъ довелъ свою исторію духовныхъ школъ до 1808 года. Остановимся же, въ виду интереса самаго предмета, на его сочиненіи, и познакомимся ближе съ его содержаніемъ.

Авторъ раздѣлилъ свой трудъ на три отдѣла. Послѣ коротенькаго вступленія, въ которомъ онъ излагаетъ исторію нашихъ духовныхъ школъ до Петра Великаго (которыя, впрочемъ, не имѣли исключительною цѣлью образованіе только одного духовенства), онъ посвящаетъ весь первый отдѣлъ—исторіи духовнаго образованія въ Россіи при Петрѣ, до учрежденія и послѣ учрежденія св. синода. Второй отдѣлъ заключаетъ въ себѣ состояніе духовныхъ школъ при преемникахъ Петра; третій—состояніе духовныхъ школъ въ царствованіе Екатерины Великой. „Первоначальное открытіе духовныхъ школъ", говоритъ авторъ, „относится ко времени реформы Петра Великаго и составляетъ одну изъ важнѣйшихъ ея услугъ для православной русской церкви, дотолѣ крайне нуждавшейся въ образованныхъ кандидатахъ на церковныя должности". Приходскія школы, существовавшіе до Петра Великаго, имѣли исключительно элементарный характеръ. Сверхъ того, онѣ не имѣли спеціальнымъ своимъ назначеніемъ приготовлять къ духовной профессіи. Самые преподователи въ нихъ, или такъ называемые „мастера", были изъ мірянъ. Если эти школы и отличались по преимуществу церковнымъ характеромъ, то это зависѣло отъ преобладанія религіознаго элемента въ тогдашнемъ нашемъ воспитаніи вообще, такъ что духовными училищами въ тѣсномъ смыслѣ онѣ не были. Здѣсь учились мальчики безъ различія сословій. Само собою разумѣется, что для образованія порядочныхъ священниковъ, школы эти были крайне недостаточны, потому что курсъ ихъ, какъ мы сейчасъ сказали, былъ элементарный. Неудовлетворительность этого элементарнаго образованія для духовенства раньше всего была сознана въ юго-западной Руси, подъ вліяніемъ выпавшей въ то время на долю православія задачи — бороться съ католицизмомъ. За возвышеніе уровня этого начальнаго образованія принялись братства, вступившія сначала въ тѣсную связь съ Греціею и положившія начало преобладанію греческаго элемента въ южно-русскомъ образованіи. Обращеніе къ православной Греціи считалось тѣмъ болѣе необходимымъ, что главною цѣлью, ради которой старались поднять уровень образованія — была борьба съ латинствомъ, съ католичествомъ. Знаменитый Петръ Могила, не симпатизируя однако этому славяно-еллинскому направленію, принялъ другой путь, обратившись къ іезуитской учености и органу ея—латинскому языку. Онъ преобразовалъ кіевскую братскую школу на манеръ іезуитскихъ коллегій; разумѣется, что схоластическій элементъ сдѣлался господствующимъ. Представители юго-западнаго образованія, казаки и кіевское поспольство возстали противъ реформы, за которой признавали антинаціональный характеръ, но Могила съ твердостью отстоялъ ее, и латинское образованіе сдѣлалось господствующимъ на всемъ юго-западѣ. Но эти вновь возникшія школы, какъ и школы приходскія, не были духовными въ тѣсномъ смыслѣ. Главною цѣлью ихъ, и до и послѣ реформы кіевской коллегіи, оставалось образованіе общее а не приготовленіе молодыхъ людей къ церковнымъ должностямъ.

Въ половинѣ XVII вѣка, потребности въ болѣе широкомъ образованіи пробуждаются и въ Московскомъ государствѣ. Здѣсь явилось два типа ученыхъ—прежняго, братскаго, и послѣ-могилинскаго—схоластическаго направленія. Послѣднее, впрочемъ, и здѣсь было встрѣчено неблагосклонно, главнымъ образомъ московскими начетчиками, какъ нѣкогда въ Кіевѣ. Въ виду этого несочув-

ствія, рѣшено было войти въ ближайшее, непосредственное сношеніе съ Греціею. Въ 1682 году, для предположенной къ открытію московской академіи вызваны были изъ Греціи знаменитые братья Іоанникій и Софроній Лихуды. Латинское направленіе было окончательно заподозрѣно въ неправославіи, и представители его должны были покинуть Москву. Московская академія съ ея лихудовскимъ направленіемъ осталась единственнымъ органомъ солиднаго для того времени образованія. Но подозрительность московскихъ начетчиковъ повредила и здѣсь. Лихуды были заподозрѣны въ неправославіи и заточены въ Ипатьевскій монастырь. Но вотъ, наступаетъ эпоха Петра. Нуждаясь въ образованномъ духовенствѣ, которое могло бы служить посредствующимъ органомъ для проведенія его реформаторскихъ идей въ массы народа, Петръ остановился на мысли создать спеціально-духовное образованіе. Приверженецъ старины, патріархъ Адріанъ, преслѣдовалъ кіевскія ученія кіевлянъ въ Москвѣ. По смерти его, мѣстоблюститель патріаршаго престола Стефанъ Яворскій получилъ въ свое спеціальное завѣдываніе московскую академію. Какъ питомецъ академіи кіевской, Стефанъ сталъ вводить въ московской кіевскіе порядки и „латинскія ученія“, на что и выпросилъ у государя даже особый дозволительный указъ. Между Кіевомъ и Москвой установились самыя тѣсныя связи. Борьба прежняго еллино-славянскаго направленія съ латинскимъ тянулась, впрочемъ, еще долгое время, и при Петрѣ, и даже послѣ него. Энергія духовенства, главнымъ образомъ іерарховъ изъ малороссовъ, сдѣлала то, что духовное образованіе прочно привилось на великорусской почвѣ почти въ одно царствованіе Петра. Впрочемъ, общее направленіе школъ при Петрѣ Великомъ было профессіональное. Заботясь о московской академіи, великій „реформаторъ желалъ, чтобы ученики происходили изъ нея въ церковную службу и въ гражданскую, воинствовати, знати строеніе и докторское врачевское искусство“. Собственно говоря, законодательство того времени опредѣляло достоинство образованія соотвѣтствіемъ его одной цѣли—годностью его для той или другой профессіи, для того или другого рода службы. Понятія службы и образованія смѣшивались.

Въ полномъ и опредѣленномъ видѣ сословность духовенства, какъ извѣстно, формируется только въ 20-хъ годахъ XVIII-го столѣтія. Но еще съ 1708 г., фактическая наслѣдственность церковнаго служенія начинаетъ переходить въ юридическую, и притомъ такъ, что уже стѣсняетъ наслѣдникамъ выходъ въ другія профессіи. Для полученія той или другой церковной должности, необходимо было окончить курсъ въ греческой или латинской школѣ, которыя, такимъ образомъ, получаютъ профессіональный характеръ. Съ первыхъ годовъ XVIII-го столѣтія, по разнымъ епархіямъ стали возникать школы. Раньше всѣхъ, въ 1700 г., въ Малороссіи возникла черниговская семинарія, устроенная при каѳедрѣ черниговскимъ архіепископомъ Іоанномъ Максимовичемъ. Въ Великороссіи раньше другихъ открыта школа при архіерейскомъ домѣ въ Ростовѣ, обязанная своимъ существованіемъ знаменитому іерарху изъ малороссовъ, св. Димитрію Ростовскому. Преобладающимъ предметомъ въ школѣ былъ латинскій языкъ, усиленное занятіе которымъ не благопріятствовало даже чистотѣ русскаго и церковно-славянскаго языковъ. Курсъ своей школы лучше всего опредѣляетъ самъ Димитрій, называя ее грамматическою. Почти одновременно съ ростовской школой(въ 1703 или 1704 г.), открыта была школа другимъ архіереемъ малороссомъ, Филоѳеемъ Лещинскимъ въ Тобольскѣ. Здѣсь латинскій языкъ не преподавался до 1728 года и школа оставалась съ однимъ

славянскимъ курсомъ. Школа эта процвѣтала и при преемникахъ Филоѳея. Послѣ ростовской и тобольской, третьей великорусской школой при архіерейскомъ домѣ является новгородская, основанная уже іерархомъ великоруссомъ, митрополитомъ Іовомъ, и имѣвшая особенно важное значеніе въ началѣ XVIII-го вѣка. Любовь къ просвѣщенію и образованнымъ людямъ, которою всегда отличался новгородскій святитель, особенно обнаружилась въ томъ, что, когда въ Москвѣ воздвигнуто было гоненіе на малороссійскихъ ученыхъ и они должны были поспѣшно выѣзжать изъ Московскаго государства, онъ одинъ не гнушался ими и радушно принималъ у себя въ Новгородѣ, желая употребить ихъ образованіе и таланты на пользу своей епархіи. Начавши, вслѣдствіе нѣкоторыхъ обстоятельствъ, подозрительно относиться къ кіевскимъ школамъ, онъ устроилъ школы въ Новгородѣ съ помощію Лихудовъ, на основахъ славяно-еллинскаго образованія. Митрополитъ былъ очень занятъ своими школами и оказывалъ имъ особенное вниманіе. Отношенія его къ Лихудамъ были самыя дружескія. Понятно, послѣ этого, какъ онъ долженъ былъ огорчиться, когда, на другой же годъ по открытіи новгородскихъ школъ, у него вздумали взять въ Москву для вновь открывавшейся тамъ греческой школы самихъ Лихудовъ. Всѣ просвѣтительные планы его могли бы черезъ это рушиться окончательно; къ счастію, взяли только одного изъ братьевъ, Софронія, а Іоанникія оставили въ Новгородѣ. Послѣ смерти митрополита Іова, школы его стали упадать, несмотря на то, что онъ съ клятвой завѣщалъ управителямъ своего дома поддерживать ихъ въ заведенномъ порядкѣ.

Вслѣдъ за новгородскими школами, около 1714—1715 г., митрополитъ Дороѳей Короткевичъ открылъ школу въ Смоленскѣ. По отчету 1727 г., учениковъ въ смоленской школѣ значилось всего 19, а ученіе ихъ ограничивалось чтеніемъ, письмомъ и пѣніемъ.

Кромѣ перечисленныхъ школъ, при архіерейскихъ домахъ еще, кажется, не было открываемо ни одной для образованія духовенства за все время отъ 1700 до 1721 гг. Со времени учрежденія св. синода, распространеніе духовнаго образованія пошло успѣшнѣе. Къ этому времени правительство оправилось отъ тяжелой войны и получило возможность сосредоточеннѣе заняться дѣлами государства. Наиболѣе видными дѣятелями, двигавшими вопросъ о духовномъ образованіи, были Стефанъ Яворскій и особенно Ѳеофанъ Прокоповичъ. Послѣдній сдѣлался правою рукою Петра во всѣхъ церковныхъ реформахъ, въ томъ числѣ и въ организаціи духовнаго просвѣщенія. Весьма важнымъ дѣломъ въ этомъ случаѣ было изданіе духовнаго регламента. Для дѣтей духовенства, обязанныхъ къ духовному служенію своихъ отцовъ, духовная школа объявлена регламентомъ обязательною. „Должны всѣ протопопы“, сказано въ регламентѣ, „и богатіи и иные священницы дѣтей своихъ присылати въ академію. Мощно то-ежъ указать и градскимъ лучшимъ приказнымъ людемъ“. Сообразно съ новымъ спеціальнымъ характеромъ духовныхъ школъ, для нихъ организовалось и новое спеціальное управленіе. Прежнее подчиненіе ихъ свѣтской власти, въ формѣ монастырскаго приказа, оказалось теперь уже неумѣстнымъ, и высшее управленіе ими духовный регламентъ поставилъ въ числѣ дѣлъ, подлежащихъ новому духовному коллегіуму. Помѣщеніе школъ назначено при архіерейскихъ домахъ, и архіереи призваны къ попеченію о всѣхъ подробностяхъ школьной жизни. Издержки на школы предположены весьма значительныя. „Дабы не было роптанія отъ родителей ученическихъ“, сказано въ статьѣ объ обязанностяхъ епископскихъ, „за великій оныхъ коштъ на учи-

теля и на покупаніе книгъ, такожде и на пропитаніе сыновъ своихъ, далече отъ дому своего учащихся, подобаетъ, чтобы ученики и кормленье и ученье были туне и на готовыхъ книгахъ епископскихъ". Ѳеофанъ Прокоповичъ опредѣлилъ, между прочимъ, объемъ и составъ духовнаго курса—и въ частности академическаго. Курсъ всего ученія назначенъ былъ въ 8 лѣтъ. Изъ него на богословіе, какъ главную науку въ духовномъ образованіи, отчислено два года. Преподовать богословіе было положено въ послѣдніе годы, чтобы имъ завѣнчать весь курсъ. Изъ остальныхъ гуманныхъ наукъ болѣе всего, по году времени, назначено на тѣ, которыя считались наиболѣе свойственными духовному образованію: 1) на логику или діалектику, 2) риторику съ піитикой, 3) физику съ метафизикой, составлявшую существенную часть тогдашнихъ философскихъ системъ, 4) политику краткую пуффендорфову, наконецъ, 5) на ариѳметику съ геометріей.

Мы желали бы прослѣдить и дальнѣйшую исторію духовныхъ школъ, открытыхъ при Петрѣ Великомъ послѣ учрежденія св. синода, но объемъ статьи не позволяетъ намъ этого. Тѣмъ не менѣе, однако, читатель имѣетъ возможность познакомиться съ главнѣйшими данными, касающимися исторіи нашихъ духовныхъ школъ и вообще духовнаго образованія въ эпоху Петра Великаго. Изъ этого же коротенькаго очерка, сдѣланнаго нами на основаніи сочиненія г. Знаменскаго, мы надѣемся, читатель получитъ нѣкоторое понятіе и о его книгѣ. Вообще, надобно сказать, что трудъ г. Знаменскаго представляетъ въ высшей степени серьезный, добросовѣстный трудъ. Авторъ цитируетъ множество источниковъ, подкрѣпляя каждый сколько нибудь значительный фактъ ссылкою или указаніемъ. О полнотѣ, съ какою авторъ разсматриваетъ свой предметъ, можно судить уже по одному объему книги. Не смотря на то, что онъ довелъ исторію духовныхъ училищъ только до 1808 г., книга заключаетъ въ себѣ болѣе 800 страницъ.

Дмитрій Лебедевъ.

ИЗЪ ПРОШЛАГО.

Именные указы императора Павла I.

I.

ГОСПОДИНЪ тайный совѣтникъ и рижскій губернаторъ баронъ Кампенгаузенъ. Съ удивленіемъ извѣстился я о встрѣчѣ и другихъ почестяхъ, сдѣланныхъ мѣщанствомъ рижскимъ князю Зубову при проѣздѣ его чрезъ Ригу. Какъ подобные почести никому изъ приватныхъ людей не принадлежатъ, то я и требую отъ васъ отвѣта, для чего вы допустили дѣлать оныя мѣщанство, въ поступкѣ коего видится одна лишь подлость, что вы имъ и объявите".

26 февраля, 1797 г.

II.

„Господинъ прапорщикъ Краузе. Женившись вы безъ моего позволенія, поступили противу устава, за что и подвергли себя наказанію; но я вамъ то прощаю, а впрочемъ, до браку вашего и до тяжбы по случаю онаго мнѣ дѣла нѣтъ".

7 марта, 1797 г.

III.

„Господинъ генералъ-лейтенантъ и московскій военный губернаторъ Архаровъ. Видѣвъ изъ донесенія вашего до какой степени простираются полковницы Паниной и боровской помѣщицы Головиной жестокости къ людямъ своимъ, повелѣваю вамъ имѣть надъ ихъ поступками бдительное наблюденіе и при первомъ случаѣ, что можетъ та или другая изъ нихъ оказать дѣйствіе злости своей, взять ее безъ всякой огласки изъ дому, засадить въ какой либо женскій монастырь и мнѣ о томъ донести. Пребываю впрочемъ вамъ благосконный".

Въ городѣ Павловскѣ.
8 марта, 1797 г.

IV.

„Господинъ генералъ-лейтенантъ Апраксинъ. Я считалъ, что время исправило васъ отъ тѣхъ проступковъ, въ кои вы прежде впадали, и что наконецъ сдѣлались благоразумнѣе; но изъ просьбы, которую вы мнѣ подали, имѣю причину заключить противное тому и вижу, что тѣ, кои охуждали во многихъ случаяхъ поведеніе ваше, умѣли справедливо цѣнить оное. Я ожидаю, что вы будете стараться лучше себя впредь вести и въ семъ только упованіи сохраняю къ вамъ мое благоволеніе“.

Въ городѣ Павловскѣ.
9 марта, 1797 г.

V.

„Господинъ дѣйствительный статскій совѣтникъ и костромской губернаторъ Островскій. Съ неудовольствіемъ извѣстился я чрезъ рапортъ генералъ-лейтенанта графа Декастро-Лацерда, что вы отказали ему квартиры для кордегардіи и карауловъ Старонингермонландскаго мушкатерскаго полка; дѣлая вамъ за сей поступокъ выговоръ, надѣюсь, что вы не доведете себя до такой смѣны, какая въ Москвѣ съ вами послѣдовала, и чтобъ предупредить подобное событіе, совѣтую вамъ лучше исполнять должность вашу“.

Въ Петровскомъ дворцѣ.
27 марта, 1797 г.

VI.

„Господинъ генералъ-лейтенантъ Нумсенъ. Рапорты ваши отъ 28 марта не содержатъ ничего инаго, какъ пустые и не дѣльныя предложенія о перемѣнѣ непремѣнныхъ квартиръ кавалерійскимъ полкамъ Лифляндской дивизіи, и для того оные съ наддраніемъ возвращаю, дѣлая вамъ выговоръ за таковыя неосновательныя представленія, и повелѣвая воздержаться впредь отъ подобныхъ, ограничя себя исполненіемъ только того, что отъ меня предписано и чему васъ научаетъ уставъ военный. Что касается до гусарскаго Зоричева полка, онъ весьма поступилъ похвально, занявъ квартиры, ему назначенныя, а вы и тутъ находили сумнѣнія, совсѣмъ невмѣстныя, чтобъ имѣть лишь предлогъ тяготить меня понапрасну пустословіемъ“.

Въ Москвѣ.
12 апрѣля, 1797 г.

VII.

„Господинъ тайный совѣтникъ и курляндскій губернаторъ Ламздорфъ. Находя пустымъ представленіе ваше отъ 31 марта, я оное съ наддраніемъ вамъ возвращаю и принужденъ вамъ сказать въ послѣднее, что если вы не воздержитесь отъ подобныхъ не дѣльныхъ представленій, то сами причиною будете, лишась мѣста своего“.

Въ Москвѣ.
12 апрѣля, 1797 г.

VIII.

„Господинъ генералъ отъ инфантеріи и смоленскій военный губернаторъ Философовъ. Пріѣхавъ въ Пневу слободу, съ крайнимъ неудовольствіемъ увидѣлъ я тутъ чрезъ всю сію слободу сдѣланный безъ всякой надобности новый мостъ, на которой работѣ три недѣли находились какъ здѣшніе, такъ и окольныхъ деревень ямщики, упустя чрезъ то столь удобное время къ хлѣбопаше-

ству; да и покупка лѣсу по скорости заготовленія обошлась имъ слишкомъ въ девять сотъ рублей къ немалому ихъ отягощенію. А какъ всѣ подобныя приготовленія къ моему пріѣзду и всякія по сему случаю съ крестьянъ сборы и наряды строго были запрещены, то и повелѣваю вамъ изыскать виновныхъ, преступившихъ вышеозначенное запрещеніе, и предать ихъ суду, взыскавъ съ ихъ все то, что ямщиками на сдѣланіе въ Пневой слободѣ ненужнаго моста издержано; во ожиданіи же таковаго взысканія я приказалъ выдать имъ изъ своей казны двѣ тысячи пятьсотъ рублей; впрочемъ, кто именно заставилъ таковую производить работу, по пріѣздѣ моемъ въ Смоленскъ мнѣ донести".

Въ Пневой слободѣ.
5 мая, 1797 г.

IX.

Господинъ дѣйствительный тайный совѣтникъ и генералъ-прокуроръ князь Куракинъ. Изъ приложенной при семъ копіи указа моего къ бѣлорусскому губернатору, вы увидите, что за всѣми повелѣніями и запрещеніями моими о нечиненіи никакихъ нарядовъ по случаю путешествія моего, въ Бѣлорусской губерніи выслано было множество людей на дорогу для расчищенія оной. Имѣя справедливую причину къ негодованію на такой поступокъ, я требую чтобы для удовлетворенія обывателей, которые въ таковую ненужную работу употреблены были, у губернатора и вице-губернатора бѣлорусскихъ остановлено было у каждаго за треть жалованье, на счетъ коего выдано тѣмъ обывателямъ изъ собственной моей казны тысячу рублей".

8 мая, 1797 г.

X.

„Господинъ дѣйствительный статскій совѣтникъ и минскій губернаторъ Карнѣевъ. Во время, когда я остановился для ночлега въ деревнѣ Начѣ, жители оной во многомъ числѣ мужскаго и женскаго пола, собравшись скопомъ и заговоромъ, въ противность законовъ, подавали мнѣ въ собственныя руки какую-то бумагу. Трехъ человѣкъ изъ сего сборища я велѣлъ взять капитану исправнику подъ караулъ и отослать къ суду; а вамъ предписываю наблюсти, дабы дѣло надъ ними немедленно рѣшено было и виновные, въ страхъ другимъ, на мѣстѣ преступленія наказаны были".

8 мая, 1797 г.

XI.

„Преосвященный митрополитъ новгородскій и санктпетербургскій Гавріилъ. Нашедъ въ нынѣшнее мое путешествіе, что въ нѣкоторыхъ церквахъ, во время причастія, вмѣсто концерта, поютъ стихи, сочиненные по произволенію, желаю чтобъ отъ синода предписано было всѣмъ епархіальнымъ архіереямъ, дабы никакихъ выдуманныхъ стиховъ въ церковное пѣніе не употребляли, но вмѣсто концерта пѣли бы или приличной псаломъ, или же обыкновенный канонникъ".

Въ Минскѣ.
10 мая, 1797 г.

XII.

„Господинъ дѣйствительный статскій совѣтникъ и минскій губернаторъ Карнѣевъ. Въ проѣздѣ нашемъ чрезъ Минскую губернію, усмотрѣли мы, что хотя во многихъ селеніяхъ бывшія унитскія церкви превращены въ благочестивыя и къ нимъ опредѣлены священники, но жители въ тѣ церкви ходить

и требы священныя получать уклоняются, предъявляя при этомъ, что большая изъ нихъ часть никогда не имѣли добровольнаго желанія оставить унію. А какъ церковь наша православная не инако въ сообщество свое пріемлетъ иновѣрныхъ, какъ по непринужденному каждаго изъ нихъ въ совѣсти убѣжденію о святости закона нашего, съ другой же стороны не меньше наблюдать должно, чтобъ страхъ, или какіе либо непристойные вымыслы, со стороны духовныхъ и свѣтскихъ иновѣрныхъ не стѣсняли, наипаче простолюдиновъ въ обращеніи ихъ добровольномъ ко благочестію, для того въ предупрежденіе всякаго безпорядка признали мы за нужное, чтобъ вы самолично, а гдѣ успѣть не можете, чрезъ исправныхъ и надежныхъ изъ губернскихъ чиновниковъ природныхъ россійскихъ объѣхали всѣ тѣ селенія, въ коихъ подобныя настоятъ обстоятельства, и безъ огласки самымъ кроткимъ и ласковымъ образомъ вопросили обывателей оныхъ, для чего уклоняются они отъ церкви благочестивой, ибо легко быть можетъ, что тутъ, какъ вышесказано, содѣйствуютъ или страхъ притѣсненія, или ухищреніе иновѣрныхъ духовныхъ и помѣщиковъ, и буде между поселянами найдутся такіе, что пожелаютъ добровольно держаться благочестія, о таковыхъ снестися съ архіепископомъ минскимъ, дабы церкви ихъ снабдены были добрыми священниками, помѣщая тутъ еще и преимущественно бывшихъ унитскихъ поповъ, кои сами вѣру нашу воспріять похотятъ, а которые изъ нихъ, оставшись унитами, лишатся приходовъ своихъ, таковымъ опредѣлять пропитаніе, смотря по тѣмъ приходамъ отъ пятидесяти и до ста рублей на годъ изъ тамошнихъ доходовъ; гдѣ же найдется, что жители добровольно желанія къ присоединенію ихъ къ церкви нашей сами не объявили и всегда желали оставаться въ уніи, тамъ имъ ни препятствія, ниже принужденія никакого чинить отнюдь не дозволять; однимъ словомъ, стараться возстановить спойкойствіе каждаго въ его совѣсти и отвратить раздоръ и ссоры. О подробностяхъ исполненія сихъ нашихъ предписаній мы будемъ ожидать отъ васъ увѣдомленія".

Въ Слонимѣ.
13 мая, 1797 г.

XIII.

„Господинъ дѣйствительный тайный совѣтникъ и генералъ-прокуроръ князь Куракинъ. Надворнаго совѣтника и бывшаго могилевскаго верхняго земскаго суда стряпчаго Стахорскаго, который приносилъ намъ жалобу на бѣлорусскаго вице-губернатора, что онъ назначилъ его комисаромъ въ Рогачевскій уѣздъ, и что онъ униженіемъ мѣста огорчается, повелѣваемъ за таковыя прихотливыя желанія выключить изъ службы".

Въ Гроднѣ.
14 мая, 1797 г.

XIV.

„Указъ нашему Сенату.

„Тайнаго совѣтника графа Чернышева, который, надѣлавъ долговъ, отказывается отъ платежа оныхъ неимѣніемъ денегъ, повелѣваемъ изъ службы нашей исключить, а во взысканіи съ него долговъ поступить по закону".

11 августа, 1797 г.

XV.

„Господинъ дѣйствительный статскій совѣтникъ и с.-петербургскій губернаторъ Алексѣевъ. Видя изъ донесенія вашего, что тайный совѣтникъ графъ

Чернышевъ, признавая себя должнымъ иностранцу Гамбихлеру пятьсотъ восемь червонныхъ, отказался однако жъ отъ платежа оныхъ за неимѣніемъ денегъ, мы не можемъ инако признать таковаго поступка, какъ средствомъ противнымъ чести и совѣсти, за что и исключили его изъ службы нашей, а вамъ повелѣваемъ во взысканіи не только вышесказаннаго, но и прочихъ долговъ его, графа Чернышева, употребить законную строгость, поступя съ имѣніемъ его и съ самимъ имъ по точности законовъ".

Въ Павловскомъ.
11 августа, 1797 г.

XVI.

„Господинъ дѣйствительный статскій совѣтникъ и новгородскій губернаторъ Митусовъ. Послѣ всего того, что мною сдѣлано для Наума Чеглокова, долженъ бы онъ считать себя довольнымъ и остаться спокойнымъ; но онъ безпрестанно меня обременяетъ пустыми и не дѣльными просьбами, изъ числа каковыхъ послѣднюю мною отъ него полученную при семъ прилагаю для отдачи ему обратно. Поступки таковаго роду я не могу инако признавать, какъ началомъ тѣхъ неистовствъ, за которые онъ лишенъ былъ и вольности; и для того, сказавши ему все сіе моимъ именемъ, подтвердите, чтобъ онъ воздержался отъ всякихъ непристойностей и жилъ бы спокойно тамъ, гдѣ онъ теперь есть; а вы, съ своей съ своей стороны, не оставьте имѣть за поведеніемъ его должнаго наблюденія".

24 сентября, 1797 г.

XVII.

„Господинъ статскій совѣтникъ Поповъ. Изъ письма вашего видѣвши затруднительное состояніе ваше въ разсужденіи пятерыхъ дочерей вашихъ, не имѣющихъ приданаго, я позволяю вамъ, по мѣрѣ какъ женихи къ нимъ станутъ свататься, писать объ нихъ ко мнѣ, и тогда я обѣщаю дѣлать имъ нѣкоторое вспомоществованіе, пребывая впрочемъ вамъ благосклонный".

15 декабря, 1797 г.

XVIII.

„Господинъ генералъ отъ кавалеріи Нумсенъ. Съ удивленіемъ получилъ я рапортъ вашъ, видя изъ него, что вы осмѣлились судить неспособности къ службѣ дворянъ, которые по точному моему приказанію опредѣлены въ Стародубовскій кирасирскій полкъ эстандартъ-юнкерами. Если они не умѣютъ грамотѣ, то ваше дѣло ихъ выучить вмѣстѣ съ тѣмъ, что для службы знать имъ нужно".

22 декабря, 1797 г.

Сообщено **В. Г. Есиповымъ.**

СМѢСЬ.

ТРЕХСОТЛѢТНІЙ юбилей Сибири. Въ октябрѣ нынѣшняго года предполагается отпраздновать трехсотлѣтній юбилей культурной жизни Сибири. Съ понятіемъ о какомъ бы то ни было юбилеѣ обыкновенно связываютъ представленіе о суммѣ данныхъ за извѣстный періодъ жизни общества, учрежденія, или лица. Какія же данныя представляетъ Сибирь? Три вѣка минуло, какъ тамъ началась русская колонизація, а съ нею занялась заря просвѣщенія туземцевъ. И что же мы видимъ? Сибирь — страна взятки, страна ссылки, хотя и золотое дно пока лишь для всевозможныхъ видовъ „ташкентцевъ“. Прискорбна исторія этой страны, занимающей двѣ трети территоріи Россійской имперіи. Первые искатели земли подъ великую „осудареву“ руку являлись тамъ носителями грабежа и насилій. Водворившійся затѣмъ строй воеводскаго управленія, извѣстный своимъ лихоимствомъ и подъ Москвой, въ коренной Руси, за „Камнемъ“ былъ продолжателемъ хищенія и самоуправства. Эра петербургской бюрократіи подарила Сибири перваго губернатора (князя Матвѣя Гагарина), черезъ нѣсколько лѣтъ повѣшеннаго за должностныя злоупотребленія. Потомъ цѣлый рядъ намѣстниковъ и губернаторовъ ознаменовали свою дѣятельность не только лихоимствомъ, но и жестокостями. Посылаемые изъ Петербурга слѣдователи превосходили ихъ въ томъ и другомъ (напр., Крыловъ), а ничуть не искореняли злоупотребленій. Ихъ не могъ унять даже человѣкъ, облеченный чрезвычайною властью, притомъ умный и гуманный—Сперанскій. Составленныя имъ „Сибирскія учрежденія“, какъ и полный сводъ законовъ имперіи, представляли, разумѣется, великое дѣло, но хищники-исполнители сумѣли обратить законъ въ мертвую букву, и понынѣ продолжается безнаказанное хищничество почти во всѣхъ слояхъ сибирскаго суда и администраціи. По газетнымъ извѣстіямъ, есть слухъ о назначеніи сенаторской ревизіи въ Восточной Сибири, но подобныя ревизіи уже были въ Сибири и по Зауралью (Сперанскій, Клушинъ). Въ результатѣ получалось лишь то, что, по отъѣздѣ ревизора, назначай хоть черезъ мѣсяцъ новую ревизію. Нѣтъ сомнѣнія, что плодомъ сенаторскихъ ревизій являются нѣкоторыя преобразованія, но для Сибири, послѣ ея трехсотлѣтняго роста (въ смыслѣ русской колонизаціи), необходимы тѣ же реформы, какими пользуется Европейская Россія, даже болѣе, ибо кромѣ „взятки“, у Сибири есть еще ужасная болячка—ссылка, задерживающая и растлѣвающая нравственный ростъ громадной и богатой страны. Ссылка почти два столѣтія бурнымъ, грязнымъ и отвратительнымъ потокомъ наводняетъ этотъ благодатный уголъ нашего государства.

Чего же, однако, ждутъ сибиряки? Отвѣтить не трудно: земства, судебныхъ учрежденій, отмѣны безконечной вереницы административныхъ инстанцій, очевидно, теряющихъ смыслъ со введеніемъ судебныхъ уставовъ, облег-

ченія условій колонизаціи вообще,—переселенія въ Сибирь изъ внутреннихъ малоземельныхъ губерній, уничтоженія ссылки, улучшенія быта инородцевъ, особенно сѣверныхъ, поставленныхъ въ невѣроятно-дурныя экономическія условія, желѣзной дороги... Словомъ, цѣлой системы коренныхъ преобразованій. На все это сибиряки питаютъ надежды, ожидая отъ юбилея, что послѣ трехъвѣковаго существованія ихъ, на нихъ перестанутъ смотрѣть, какъ на малыхъ ребятъ, и дадутъ, наконецъ, права взрослаго. Исполнятся ли ихъ желанія или нѣтъ—Богъ вѣсть, а пока нельзя не отмѣтить того факта, что день празднованія 300-лѣтняго юбилея Сибири все еще не рѣшенъ и—странное дѣло—нашимъ ученымъ до сихъ поръ невѣдомо, когда бы подобало назначить это празднество. По крайней мѣрѣ, московскіе ученые собирались не такъ давно для рѣшенія такого вопроса, по просьбѣ генералъ-губернатора Западной Сибири, и не пришли ни къ какому соглашенію. Вотъ отчетъ объ этомъ любопытномъ, и для сибиряковъ, разумѣется, весьма неутѣшительномъ засѣданіи. Собраніе происходило въ архивѣ министерства юстиціи, подъ предсѣдательствомъ Н. В. Калачова. Кромѣ лицъ, служащихъ въ архивѣ, въ засѣданіи принимали участіе еще весьма немногіе, а именно: служащій въ архивѣ министерства иностранныхъ дѣлъ г. Пуцилло, библіотекари Румянцевскаго музея, гг. Викторовъ и Барсовъ, и доцентъ университета Анучинъ. Прежде всего, былъ предложенъ на обсужденіе вопросъ, къ какому году, мѣсяцу и числу всего естественнѣе пріурочить празднованіе юбилея и какому событію придавать рѣшающее значеніе въ исторіи завоеванія Сибири. Если такимъ событіемъ считать побѣду Ермака надъ Кучумомъ при Искерѣ, то юбилей долженъ былъ бы праздноваться 26-го октября нынѣшняго 1881 года, потому что упомянутое сраженіе происходило 26-го октября 1581 года; но вѣрнѣе было бы считать присоединеніе Сибири съ того времени, когда послы Ермака Тимоѳеева явились въ Москву и били челомъ Ивану Грозному царствомъ Сибирскимъ. Къ сожалѣнію, до настоящаго времени еще не найдено никакого указанія въ лѣтописяхъ, когда состоялось это принятіе Грознымъ Ивана Кольца и другихъ посланцевъ Ермака. Извѣстно только, что Ермакъ отправилъ своихъ пословъ 22-го декабря 1581 г. и велѣлъ имъ идти обходною дорогою, чтобы не попасться въ руки царскихъ служилыхъ людей, которые были посланы для поимки своевольныхъ казаковъ. Съ другой стороны, извѣстно также, что Кольцо могъ прибыть въ Москву не ранѣе конца 1582 года, потому что отъ 16-го ноября того же года была послана Иваномъ Грознымъ опальная грамота Строгоновымъ въ Пермь, съ жалобой на своеволія Ермака съ товарищами, вслѣдствіе коихъ татары, черемисы и другіе инородцы стали учинять нападенія на русскіе предѣлы. Грозный приказывалъ Строгоновымъ воротить Ермака и охранять восточную границу отъ нападеній инородцевъ. Очевидно, слѣдовательно, что 16-го ноября 1582 года Грозный еще не имѣлъ свѣдѣній о завоеваніяхъ Ермака и не принималъ отъ него пословъ. Далѣе, изъ сибирской лѣтописи видно, что послы Ермака возвратились въ Сибирь 1-го марта 1583 года, а нѣсколько мѣсяцевъ спустя, прибыли и московскіе воеводы съ войскомъ. Такимъ образомъ, оказывается, что день принятія въ подданство Сибири въ точности неизвѣстенъ, хотя и можно предполагать, что это происходило вскорѣ послѣ написанія упомянутой грамоты, т. е. въ концѣ ноября или началѣ декабря 1582 года. Впрочемъ, и тутъ является затрудненіе, именно, въ томъ, что послы Ермака вернулись, слѣдовательно, назадъ въ какіе-нибудь два мѣсяца, что при тогдашнихъ средствахъ сообщенія было едва ли возможно, тѣмъ болѣе, что въ Москву они шли около года. Засѣданіе, поэтому, пришло къ заключенію, что опредѣлить въ точности день трехсотлѣтняго юбилея Сибири, при настоящихъ свѣдѣніяхъ, затруднительно и что слѣдовало бы предварительно сдѣлать новыя розысканія въ архивахъ, не будетъ ли найдено гдѣ нибудь указанія на день принятія Грознымъ посольства Ермака. Вмѣстѣ съ тѣмъ, собраніе выразило мысль, что было бы желательно отпраздновать юбилей въ Сибири, именно въ Томскѣ, какъ центральномъ пунктѣ, гдѣ въ настоящее время воздвигается университетъ и куда могли бы быть приглашены депутаты отъ университетовъ и ученыхъ обществъ Россіи. Если бы эта мысль была принята, то всего удобнѣе было бы праздновать юбилей лѣтомъ и придать этому торжеству не только административный, но и ученый характеръ, устроить засѣданія, выставку мѣстныхъ древностей, этнографическихъ предметовъ,

продуктовъ промышленности и торговли, пригласивъ къ участію на выставкѣ всѣхъ интересующихся сибиряковъ.

Когда же нужно праздновать 300-лѣтіе Сибири? Господа ученые отказались рѣшить; сами же сибиряки убѣждены, что юбилею всего приличнѣе состояться 23 или 26-го октября нынѣшняго года. Газета „Сибирь“ стоитъ за второе изъ этихъ чиселъ, какъ за точный день занятія Ермакомъ столицы Сибири—Искера. Но „Сибирская Газета“ считаетъ день рожденія Сибири 23 октября, когда была рѣшена судьба царства Кучума, послѣ сраженія между дружиною Ермака и войскомъ Кучума на урочищѣ „Чувашскій носъ“, недалеко отъ нынѣшняго Тобольска. Мы полагаемъ, что тутъ не трудно примирить разногласіе, изъ-за котораго не подобало бы откладывать юбилей въ ожиданіи, пока господа ученые удосужатся собрать неопровержимыя доказательства въ архивахъ.

Память о Ермакѣ въ Пермскомъ краѣ. По случаю предстоящаго празднованія трехсотлѣтія со времени завоеванія Сибири, г. Калашниковъ сообщилъ намъ нѣсколько не лишенныхъ интереса свѣдѣній о тѣхъ мѣстностяхъ Пермскаго края, гдѣ донынѣ сохранилась память о Ермакѣ.

Ермаково городище на рѣкѣ Сылвѣ, гдѣ Ермакъ съ дружиною своей провелъ зиму 1578—1579 года. Объ урочищѣ съ такимъ названіемъ на Сылвѣ, въ „Сибирской исторіи“ Миллера сказано, что Ермакъ, отправляясь изъ Строгановскихъ вотчинъ въ Сибирь, вверхъ по Чусовой, своротилъ изъ нея, по ошибкѣ, въ Сылву, 26-го сентября 1578 года (по сказанію „Сибирской Лѣтописи“). „Ежели-бы Ермакъ (говоритъ Миллеръ) свое заблужденіе узналъ заблаговременно, то, можетъ быть, онъ назадъ-бы воротился и производилъ-бы надлежащій путь по рѣкѣ Чусовой; а онъ шелъ все вверхъ по рѣкѣ Сылвѣ, пока наступившая зима отъ того не удержала. То мѣсто, гдѣ онъ тогда зимовалъ, называется и понынѣ Ермаково городище“.

На рукописной лѣсной картѣ дачи Суксунскаго и Тисовскаго заводовъ значится на лѣвомъ берегу Сылвы, повыше села Тохтарева, у устья рѣчки Шатлыка, деревенька Хуторы Ермаковы. Происхожденіе этого названія неизвѣстно. Впрочемъ, можетъ быть, есть и еще гдѣ нибудь на Сылвѣ урочище, сохранившее донынѣ названіе Ермакова городища.

Ермаково городище, другое урочище этого имени, въ сѣверовосточной части Кунгурскаго уѣзда, на рѣкѣ Серебрянкѣ, при впаденіи въ нее рѣчки Кокуя. Тутъ Ермакъ съ казаками своими останавливался на зиму 1579—1580 г., а по наступленіи весны, перешедши черезъ Уралъ и идя далѣе берегомъ рѣки Жаравлика, достигъ до рѣки Баранчи, по которой уже плылъ на плотахъ въ рѣку Тагилъ.

Въ екатеринбургскомъ горномъ архивѣ хранится весьма любопытное, по заключающимся въ немъ топографическимъ свѣдѣніямъ, дѣло 1738 года: „О ѣздѣ на Кушвинскій заводъ бергмейстера Клеопина“. Никифоръ Клеопинъ, весьма дѣльный и знающій горный офицеръ, въ дневникѣ пишетъ: „Отшедъ отъ наслега (т. е. отъ мѣста ночлега) версты 4, осматривали при устьѣ Кокуя рѣчки, впадающей въ Серебрянку съ лѣвой стороны, мѣсто, по объявленіямъ работниковъ, гдѣ зимовалъ Ермакъ, когда шелъ изъ Камы вверхъ по Чусовой, и изъ нея по Серебрянкѣ, оттуда-жъ перешедъ сухимъ путемъ до рѣчки Баранчи, впадающей въ Тагилъ, для взятія Сибири. По осмотру видно, что онъ стоялъ въ крѣпкомъ мѣстѣ, между двухъ рѣчекъ въ мысу, и отъ свободной стороны было два рва, коп (и) нынѣ значатъ, шириною не меньше 3 аршинъ, глубиною 1½ аршинъ. Внутри ихъ и по всему мысу великій ельникъ и березникъ выросъ. Тутъ же копаны бывали ямы, знатно для какихъ поклажъ“.

Ермаково городище, третье урочище этого имени, въ Верхотурскомъ уѣздѣ, въ округѣ Нижне-Тагильскихъ заводовъ, на лѣвомъ берегу рѣки Тагила, въ 16-ти верстахъ отъ Нижне-Тагильска, на возвышенномъ холмѣ, 4-мя верстами ниже впаденія въ Тагилъ рѣки Баранчи, при устьѣ рѣчки Медвѣдки.

Тутъ видѣнъ ровъ, который тянется параллельно съ рѣкою на 36 аршинъ, а потомъ поворачиваетъ подъ прямымъ угломъ и идетъ въ томъ направленіи на 24 аршина. Внутри находится 5 ямъ. По преданію, тутъ было укрѣпленіе, построенное Ермакомъ съ дружиною его послѣ того, какъ онъ, перешедши че-

резъ Уралъ, поплылъ на плотахъ по Баранчѣ и достигъ Тагила. Говорятъ, что въ этомъ самомъ мѣстѣ казаки его строили, для дальнѣйшаго путешествія въ Сибирь, новые большаго размѣра плоты.

Академикъ Палласъ, во время путешествія своего, осматривалъ, въ іюлѣ 1770 года, Ермаково городище, и пишетъ о немъ: „Перешедши гору (т. е. Уралъ) и достигши Тагила, Ермакъ, для препровожденія остальныхъ дней зимы и для сооруженія себѣ новыхъ судовъ, сдѣлалъ яко-бы на томъ мѣстѣ другую крѣпостцу и нѣсколько зимовьевъ; но нынѣ на оном болѣе ничего не видно, какъ прямоугольный ровъ въ двѣ сажени шириною и нѣсколько аршинъ глубиною; онъ вырытъ на отстоящемъ отъ Тагила саженъ на пять мысѣ, такимъ образомъ, что 14-ти-саженная фланка къ сѣверу и 10-ти-саженная къ востоку проведена. Внутри рва выкопана четырехугольная двухсаженная яма полтора аршина глубиною, а двѣ, кажется, на подобіе погребовъ или подземныхъ жилищъ, вырыты одна близъ самаго рва, а другая саженяхъ въ 25-ти отъ ручья Медвѣдки и саженяхъ въ 40 отъ Тагила. Послѣдняя сажени три шириною и аршина три глубиною, конечно, кладовымъ погребомъ служила, въ коемъ при отъѣздѣ прятали добычу и тяжелые припасы.“

Но слышанное Палласомъ преданіе, будто тутъ Ермакъ провелъ часть зимы, несогласно съ лѣтописными сказаніями, по которымъ онъ зимовалъ на западной сторонѣ Урала, на рѣкѣ Серебрянкѣ, при устьѣ рѣчки Кокуя, а черезъ Уралъ перешелъ уже весною и въ рѣку Тагилъ приплылъ на плотахъ по рѣкѣ Баранчѣ.

Ермаковскій рудникъ въ западной части округа Гороблагодатскихъ заводовъ, въ дачѣ Серебрянскаго завода, по правую сторону рѣки Чусовой, на берегу малаго праваго притока ея Ермаковки. Руда — бурый желѣзнякъ. Рудникъ считается весьма хорошимъ, но не разработывается по отдаленности отъ чугунноплавильныхъ заводовъ Гороблагодатскаго округа.

Ермакъ-камень, береговая извѣстняковая скала, на правой сторонѣ рѣки Чусовой, въ 34-хъ верстахъ ниже Кыновскаго завода, при устьѣ рѣчки Ермаковки. Образуетъ вертикальную стѣну около 25-ти саженъ высотою и 30-ти саженъ длиною. По срединѣ стѣны, обращенной къ рѣкѣ, въ 10-ти саженяхъ отъ поверхности воды, находится входъ въ обширную пещеру, раздѣленную на множество гротовъ. По мѣстному преданію, Ермакъ зимовалъ въ этой пещерѣ во время похода своего въ Сибирь и похоронилъ въ ней сокровища свои. Поэтому гора и пещера носятъ названіе Ермаковыхъ. Церренеръ говоритъ, что Ермакъ-камень тянется вдоль по берегу по крайней мѣрѣ футовъ на 350, что высота его около 200 футовъ, и что въ немъ находится Ермакова пещера, въ которой онъ укрывался нѣкоторое время отъ нападеній вогуловъ. Между тѣмъ, въ „Хозяйственномъ описаніи“ Пермской губерніи, Попова, сказано, что Ермакова пещера находится не въ скалѣ, называемой Ермакъ, а въ находящейся нѣсколько западнѣе, въ Пермскомъ уже уѣздѣ, по ту же правую сторону Чусовой, въ 5-ти верстахъ отъ деревни Ермаковки, горѣ, называемою Ермаковскою-же.

Но въ справедливости словъ Попова заставляетъ усумниться слѣдующее мѣсто въ „Сибирской исторіи“ Миллера (стр. 101): „Ежели словесному преданію тамошнихъ жителей вѣрить, то Ермакъ до похода своего въ Сибирь уже такъ богатъ былъ, что онъ за потребное не разсудилъ всѣ свои сокровища съ собой вести, но оныя сохранилъ въ пещерѣ, которая въ камнѣ при рѣкѣ Чусовой около половины вышины его находится, въ томъ намѣреніи, что онъ то возметъ опять, когда изъ Сибири возвратится. Сей камень и понынѣ, для памяти того дѣла, называется Ермаковъ-камень. Онъ лежитъ по правую сторону, или на сѣверномъ берегу рѣки Чусовой, въ 3-хъ верстахъ отъ устья впадающей съ той же стороны небольшой рѣчки Сылвицы и въ 7 верстахъ ниже деревни Копчика, въ которой живутъ строгановскіе крестьяне и вогуличи Верхотурскаго уѣзда. Я спрашивалъ людей, которые въ той пещерѣ были, и получилъ объ оной слѣдующее извѣстіе: „понеже камень стоитъ утесомъ, а отверстіе пещеры есть отъ рѣки, то они сверху того камня, до самого отверстія на веревкахъ спустились, и, вошедши, нашли пещеру весьма пространну, токмо слѣдовъ находившагося тамъ сокровища никакихъ не видали“. Ясно, что Миллеръ говоритъ именно о Ермакѣ-камнѣ, а не о другой горѣ, находящейся западнѣе.

Академикъ Георги, посѣтивши въ январѣ 1771 года вогульскія деревушки Бабенки и Кончикъ, ѣхалъ оттуда въ Кусье-Александровскій заводъ мимо скалы (не названной имъ по имени въ путевыхъ запискахъ), въ которой находится Ермакова пещера. Онъ говоритъ: „Ермакова пещера заключается въ отвѣсной скалѣ изъ сѣраго извѣстняка, которая тянется по правому берегу рѣки саженъ на 50 и имѣетъ высоты 28 саженъ. Почти въ срединѣ — пещера, въ которой Ермакъ скрывался нѣсколько разъ отъ вогуловъ и которая поэтому носитъ его имя. Она находится въ гладкой стѣнѣ и попасть въ нее можно только по свѣшенной сверху веревкѣ. Да притомъ нужно имѣть ловкость и навыкъ кровельщика, чтобы влѣзть внутрь ея съ веревки, такъ какъ передъ входомъ въ пещеру нѣтъ въ скалѣ никакого уступа. Четыре года тому назадъ, ее посѣтилъ одинъ священникъ, а нынѣ студентъ Лебедевъ (спутникъ Георги). Въ ней ровно нѣтъ ничего примѣчательнаго. Въ ней сводъ, подобный своду пекарной печи, длина ея около 2 саженъ“.

Г. Чупинъ съ своей стороны полагаетъ, что временное пребываніе Ермака въ этой пещерѣ есть просто миѳъ. Какая была нужда Ермаку прятаться отъ вогуловъ, не имѣвшихъ „огненнаго бою“, (т. е. огнестрѣльнаго оружія), когда онъ шелъ съ порядочной и хорошо вооруженной ратью воевать Сибирское царство?

Нѣсколько пониже Ермака-камня, на Чусовой, находится мель, называемая Ермаковымъ переборомъ.

Столѣтіе Пермской губерніи [1]). 18-го октября текущаго года, исполнится сто лѣтъ съ тѣхъ поръ, какъ послѣдовало торжественное открытіе Перми и Пермскаго намѣстничества и раздѣленіе его на двѣ провинціи и на 15 уѣздовъ. Считаемъ не лишнимъ привести по этому поводу краткія историческія свѣдѣнія объ этой губерніи.

Впервые имя „Пермь“ упоминается въ лѣтописяхъ Нестора, при перечисленіи финскихъ племенъ, населявшихъ сѣверъ и востокъ Россіи. Но подробныхъ свѣдѣній объ этомъ не существуетъ; извѣстно только, что Пермская губернія издревле была населена племенами финскими, къ которымъ впослѣдствіи, съ юго-восточной части пермскаго края, присоединились племена турецко-татарскаго происхожденія. Элементы нынѣшняго населенія губерніи состоятъ изъ 3-хъ племенъ: 1) финскаго, которое исторія застала обладателемъ большей части края, 2) русскаго (колонисты) и 3) пришельцевъ-татаръ. Древнѣйшее финское племя называлось чудь или чудаки, которые, по преданію, вели грубую жизнь въ лѣсахъ, были богаты, сильны физически и истребили сами себя съ поселеніемъ русскихъ. Богатство края привлекло сюда новгородцевъ, которые и овладѣли имъ; но Іоаннъ III послалъ въ 1443 г. воеводу Нелидова въ Пермь, который и отнялъ этотъ край у новгородцевъ.

Утвердителемъ христіанства въ краѣ и насадителемъ православной вѣры и нравственности былъ св. Стефанъ съ своими учениками, жившій во второй половинѣ XIV столѣтія. Много употребилъ онъ усилій противъ чародѣйства и вражды язычниковъ-пермяковъ; спустя столѣтіе послѣ проповѣди Стефана, язычество еще не переставало существовать: поклоненіе кумирамъ, незаконные браки между близкими родственниками и т. п. нарушенія законныхъ постановленій были обыкновенными явленіями, и лишь съ покореніемъ края Іоанномъ III, успѣхи христіанства стали значительнѣе.

Важнѣйшимъ событіемъ, имѣвшимъ огромное вліяніе на заселеніе и распространеніе гражданственности въ краѣ, было поселеніе Строгановыхъ, которыми Іоаннъ Грозный воспользовался какъ орудіемъ прочнаго господства русскихъ въ отдаленномъ и малонаселенномъ, но богатомъ Пермскомъ краѣ. Нѣкто Аника Строгановъ, житель сольвычегодскій, торговалъ съ зауральскими народами; онъ обогатился этой торговлей и первый обратилъ вниманіе на важность солянаго богатства въ краѣ (до него солевареніе находилось въ первобытномъ состояніи); сынъ его Григорій, съ дозволенія Грознаго, началъ заводить поселенія людьми „вольными и неписьменными“. Царь подарилъ Строгановымъ землю по обѣ стороны Камы, отъ Лысвы и Пыскора до Чусовой, а затѣмъ и по Чусовой; Строгановы основали на этой землѣ нѣсколько городовъ и остроговъ. Вся почти сѣверо-западная часть края нынѣш-

[1]) Замѣтка эта доставлена намъ г. П. Калашниковымъ.

ней Пермской губерніи перешла во владѣніе Строгановыхъ и была заселена ихъ стараніями; въ числѣ поселянъ находились нѣмцы, литовцы и татары. Съ этихъ поръ, Строгановы становятся на стражѣ сѣверо-восточной Руси и играютъ самую видную роль въ ея цивилизаціи; защищая страну отъ набѣговъ инородцевъ, они способствуютъ ея заселенію, развитію въ ней торговли и промышленности, утвержденію христіанства и, вообще, упроченію гражданственности. Чѣмъ болѣе время приближается къ нашей эпохѣ, тѣмъ важнѣе становятся заслуги Строгановыхъ для Пермскаго края. Въ 1579 году, они пригласили къ себѣ волжскихъ казаковъ—Ермака съ товарищами, производившихъ разбои по Волгѣ, и затѣмъ, снабдивъ ихъ ружьями и припасами, отправили въ 1581 воевать Сибирское царство. Въ 1560 г., Аника Строгановъ основалъ Пыскорскій монастырь и около того же времени Вознесенскій и много приходскихъ церквей. Къ началу XVII вѣка, Пермская область представляла уже страну совершенно русскую, жившую общей народной русской жизнью.

Металлическое богатство края издавна обращало на себя вниманіе правительства, но начало горному дѣлу положено было Петромъ I, который въ 1701 году разослалъ многихъ иностранныхъ рудокоповъ по разнымъ частямъ Россіи. Немаловажную услугу въ разработкѣ горнаго дѣла въ Пермскомъ краѣ оказала фамилія Демидовыхъ. Никита Антуфьевъ, прозванный по отечеству Демидовымъ, тульскій оружейникъ по ремеслу, былъ посланъ Петромъ I въ Пермскій край, гдѣ и открылъ множество рудниковъ; съ тѣхъ поръ основано было много казенныхъ и частныхъ заводовъ. Сынъ Никиты, Акинфій Никитичъ Демидовъ, основалъ на Уралѣ и Алтаѣ 23 завода. Въ 1798 году въ Пермской губерніи дѣйствовало 8,339 фабрикъ и заводовъ, при 84,448 рабочихъ; производство достигало до 44.159,014 руб. Производительность каждаго рабочаго, слѣдовательно, равнялась 523 руб. Вообще, горное богатство служило однимъ изъ могучихъ двигателей благосостоянія обитателей Пермскаго края. Открытіе заводовъ содѣйствовало заселенію странъ пріуральскихъ, утвержденію христіанства, развитію промышленной дѣятельности и улучшенію матеріальнаго быта жителей.

Начало народному образованію въ Пермскомъ краѣ было положено церковью въ 1702—11 гг. Фамиліи Демидовыхъ и Строгановыхъ принимали дѣятельное участіе въ народномъ образованіи въ краѣ. Въ 1786 году въ Перми было открыто главное народное училище, преобразованное въ 1808 году въ гимназію. Въ 1800 году открыта духовная семинарія. Въ 1859 году, въ Пермской губерніи находилось до 180 учебныхъ заведеній всѣхъ вѣдомствъ, съ 11,000 учащихся. Въ настоящее время число всѣхъ училищъ въ губерніи, за исключеніемъ среднихъ учебныхъ заведеній, 621, съ 39,773 учащимися, на населеніе въ 2.435,379 человѣкъ. Изъ всего числа училищъ, собственно народныхъ до 560, съ 34,446 учащимися, изъ которыхъ 27,796 мальч. и 7,650 дѣв. Сравнивая количество учащихся въ Пермской губерніи съ другими внутренними губерніями Россіи, оказывается превышеніе въ Пермской, чему, конечно, много способствуютъ заводы, мастеровые которыхъ вообще представляютъ изъ себя народъ обтертый, смышленый, перенимчивый, готовый сочувствовать всякой реформѣ, всякому улучшенію; за то нравственность заводскаго населенія далеко разнится отъ нравственности простаго, деревенскаго мужика той же губерніи.

Родоначальникомъ гор. Перми слѣдуетъ считать бывшій Ягошихинскій заводъ, основанный въ 1723 году. Мѣстность Ягошихинскаго завода пользовалась недоброю славою: вблизи его ютился коренной притонъ разбойниковъ, шайки которыхъ громили всю провинцію. Разбойничали по камскому и чусовому прибрежью. Въ 1730 году, воевода гор. Соликамска, отправившійся противъ разбойниковъ, былъ взятъ шайкою въ плѣнъ, жестоко высѣченъ и отпущенъ подъ угрозою смерти, въ случаѣ новыхъ поисковъ. Разбойники грабили и причиняли бѣдствія монастырямъ и заводамъ, а равно и купеческимъ караванамъ, шедшимъ съ товарами по рѣкамъ Чусовой и Камѣ.

Въ іюлѣ 1773 г. былъ на Ягошихѣ академикъ Георги и вотъ что пишетъ о ней: „Ягошиха—настоящій горный городокъ. Она расположена на лѣвомъ берегу Камы, по обѣимъ сторонамъ рѣчки Ягошихи и отчасти на берегу Камы и заключаетъ въ себѣ болѣе 400 домовъ, которые всѣ деревянные; только церковь каменная. На рынкѣ до 100 торговыхъ лавокъ, гдѣ нѣтъ недостатка ни

въ какихъ болѣе требуемыхъ товарахъ. Своей значительностью Ягошиха обязана пермскому горному начальству, находившемуся въ ней до раздачи казенныхъ заводовъ частнымъ лицамъ. Теперь значеніе это поддерживается проходящею чрезъ заводъ дорогою изъ Россіи въ Сибирь, проѣзжаемою въ особенности торговыми людьми, которые здѣсь выгружаютъ на Камѣ свои русскіе и макарьевскіе товары и грузятъ сибирскіе. Жители, за исключеніемъ немногихъ заводскихъ людей, суть крестьяне и купцы. Послѣдніе занимаются торговлей и въ довольно отдаленныхъ верхнихъ камскихъ и чусовскихъ заводахъ и селеніяхъ".

Изъ архивныхъ дѣлъ видно, что въ числѣ жителей Ягошихинскаго завода были рудопромышленники, имѣвшіе свои собственные мѣдные рудники, руду съ которыхъ поставляли, за уговорную плату, на заводъ. Въ изданномъ въ Перми въ 1801 г. „Историческо-географическомъ описаніи Пермской губерніи" сказано: „Когда была оставлена дорога въ Сибирь чрезъ Соликамскъ и Верхотурье и проложена черезъ Кунгуръ, то разные товары, слѣдующіе въ оную, привозимы были на судахъ къ Ягошихинскому заводу, откуда сухимъ путемъ везены были и далѣе".

Слѣдовательно, въ 1770 годахъ селеніе Ягошихинскаго завода было уже важнымъ населеннымъ пунктомъ по своей судовой пристани и по торговлѣ. Но его ожидала еще болѣе блистательная будущность. Предположено было открыть новую губернію, Пермскую, и намѣстничество (генералъ-губернаторство) Пермское и Тобольское. Понадобилось мѣсто для главнаго города новой губерніи, который служилъ бы и резиденціей намѣстника. По преданію, еще въ концѣ 1770 годовъ казанскому губернатору князю Мещерскому понравилось мѣстоположеніе Ягошихинскаго завода (западная часть нынѣшней Пермской губерніи принадлежала тогда къ Казанской) и онъ рекомендовалъ его для переименованія въ губернскій городъ предполагавшейся губерніи. Изъ оффиціальныхъ документовъ видно только слѣдующее:

Въ 1780 г., 7-го мая, данъ императрицею Екатериною II именной указъ сенату, въ которомъ сказано: „Предполагая въ будущемъ 1781 году устроить Пермское намѣстничество, повелѣваемъ генералъ-поручику Евгенію Кашкину, опредѣленному въ должность генералъ-губернатора пермскаго, объѣхать мѣста, назначаемыя къ составленію намѣстничества; по данному отъ насъ примѣрному росписанію, удобность раздѣленія его на двѣ области, Пермскую и Екатеринбургскую, и оныхъ на уѣзды, на мѣстѣ освидѣтельствовать; и какъ о семъ, такъ равно и какіе вновь города, для приписанія къ нимъ уѣздовъ назначить нужно будетъ, намъ самолично представить". (Полн. собр. зак. № 15,013).

Кашкинъ, также какъ и князь Мещерскій, остановилъ свой выборъ для основанія губернскаго города на Ягошихинскомъ заводѣ.

27-го января 1781 г., послѣдовалъ именной указъ сенату объ учрежденіи Пермскаго намѣстничества и о раздѣленіи его на двѣ провинціи и на 15 уѣздовъ; а 18-го октября того же года происходило торжественное открытіе города Перми и Пермскаго намѣстничества.

Большая и красивая каменная церковь Ягошихинскаго завода названа была пермскимъ Петропавловскимъ соборомъ и въ 1801 и 1802 годахъ украшена, вмѣсто одной, пятью главами и покрыта желѣзомъ. Она существуетъ и въ настоящее время.

Къ 1801 г., по свидѣтельству „Историческо-статистическаго описанія Пермской губерніи", мѣсто Ягошихинскаго селенія на столько перемѣнилось, что немногіе уже дома оставались отъ стараго строенія, а всѣ вновь выстроенные расположены были по конфирмованному плану. Деревянный заводскій гостинный дворъ еще существовалъ, но былъ уже оставленъ (вѣроятно, за ветхостью). Въ 1802 г. онъ со многими, близкими къ нему, лавками и амбарами весь разломанъ.

Д. И. Планеръ въ 1859 г. писалъ: „въ настоящее время отъ бывшаго Ягошихинскаго завода остались только заводская лабораторія, расположенная за городовымъ магистратомъ, вверхъ по проулку, называемому Чердынскимъ, и плотина, требующая небольшаго возобновленія и ожидающая предпріимчиваго человѣка, для устройства на ней какого либо механическаго заведенія".

Въ настоящее время, по случаю прохода сибирской желѣзной дороги, отъ

Ягошихинскаго завода остались только однѣ воспоминанія, въ видѣ нѣсколькихъ деревянныхъ домиковъ.

Нельзя, въ заключеніе, не вспомнить изустнаго преданія про мѣстнаго литератора, учителя гимназіи, Ѳеонова, писавшаго, уже очень давно, ѣдкія сатиры на должностныхъ лицъ края. Вотъ отрывки одной изъ такихъ сатиръ, заимствованныя нами изъ „Пермскаго Сборника“, издававшагося въ Перми въ 1859 году:

„О, чудотворецъ нашъ Кириллъ!
Въ Перми ты много натворилъ:
Отъ Ягошихи и до Слудки построилъ тротуары въ сутки,
Наставилъ бутокъ среди улицъ,
Велѣлъ брать въ часть коровъ и курицъ,
Вкопалъ столбы для фонарей,
Завелъ пожарныхъ лошадей
(Возить питомицъ на гулянье),
И подавать велѣлъ сигналъ,
Когда пожаръ ужъ пересталъ...
Воздвигъ ротонды, пирамиды —
Ну, просто прелесть, что за виды!..
Неаполь, Грецiя и Римъ,
Мы знать васъ больше не хотимъ;
У насъ своихъ затѣй не мало,
Какихъ у васъ и не бывало...“

(„Пермскій Сборникъ“, 1859 г., 1 кн., стр. 1—45).

Рукописное четвероевангеліе XVII вѣка. „Общество любителей древней письменности“ получило недавно въ даръ отъ П. С. Кашменскаго рукописное четвероевангеліе, съ изображеніемъ евангелистовъ. Рукопись эта представляетъ любопытный памятникъ астраханскаго письма и искусства XVII вѣка. Въ послѣсловіи означено: „Начата бысть сіа богодухновенная книга святое евангеліе совѣтомъ Отца свыше и помощію Сына, а совершена поспѣшеніемъ святаго Духа въ лѣто 7183 (1675 г.) мѣсяца января въ 1-й день, на память иже во святыхъ отца нашего Василія Великаго, при царѣ, государѣ и великомъ князѣ Алексіе Михайловичѣ и при святѣйшемъ патріархѣ Іоакимѣ, въ пустынѣ на Марахъ, при строителѣ іеромонахѣ Игнатіи Карсаковѣ. А совершено сіе святое евангеліе въ лѣто 7186 года, маія въ 4-й день, на память святыя мученицы Пелагіи, въ царствующемъ градѣ Астрахани, въ обители живоначальныя Троицы, при великомъ архіереи Парѳеніи, а при (ар)химандритѣ Силвестрѣ во уединеніи, а писалъ себе ради и душевныя. А труды и тщаніе многогрѣшнаго и непотребнаго раба черноризца Петра, а діакона Моровскаго ради ползы“. Сверхъ того, рукопись весьма замѣчательна и своимъ наружнымъ видомъ: имѣя чрезвычайно малый форматъ (in 32°), она переплетена въ парчу; на верхней доскѣ сребропозлащенный окладъ, по угламъ котораго вычеканены символы четырехъ евангелистовъ: человѣкъ, орелъ, левъ и телецъ. Средникъ занятъ рѣзнымъ изъ слоновой кости распятіемъ, которое прикрѣплено къ окладу; за распятіемъ изображеніе города.

Кавказскій музей. Въ Тифлисѣ ожидается открытіе кавказскаго музея къ 8 сентября настоящаго года, т. е. ко дню открытія здѣсь 5-го археологическаго съѣзда. Газета „Кавказъ“ высказываетъ надежды, что этотъ музей займетъ одно изъ видныхъ мѣстъ среди музеевъ вообще и представитъ со временемъ прекрасное подспорье для лицъ, интересующихся кавказовѣденіемъ. Одно изъ главныхъ его достоинствъ будетъ заключаться въ томъ, что онъ посвященъ исключительно Кавказу, что коллекціи всѣхъ представителей животнаго, растительнаго и минеральнаго царствъ края будутъ чрезвычайно богаты и разнообразны и что самая внѣшняя отдѣлка комнатъ будетъ вполнѣ соотвѣтствовать мѣстному вкусу. Напр., мебель музея обита разнообразными матеріями мѣстнаго производства, ковры—тоже, стѣнная живопись и фрески взяты изъ древней жизни края, карнизы, оконныя украшенія, занавѣси и пр.—все представляетъ собою то или другое мѣстное произведеніе, тотъ или другой типъ мѣстнаго вкуса, создавшагося подъ вліяніемъ восточныхъ народовъ и въ послѣднее время все болѣе и болѣе утрачивающаго свой характеръ, вслѣдствіе

тяготѣнія къ Западу. Независимо роскошно обставленныхъ группъ народностей Кавказа, представителей животнаго царства, массы фотографій и научныхъ коллекцій и рисунковъ, внѣшнее украшеніе музея дополнятъ нѣсколько превосходныхъ картинъ кавказской жизни и природы.

ОТЪ РЕДАКЦІИ.

Въ Германіи предпринято изданіе обширнаго сочиненія, посвященнаго обзору важнѣйшихъ явленій въ области исторіи, искусства, науки и промышленности, въ теченіи послѣдняго столѣтія, подъ заглавіемъ „НАШЪ ВѢКЪ“. Подобнаго изданія, которое давало бы въ связномъ разсказѣ и въ ясной общедоступной формѣ полный обзоръ нашего времени и обнимало бы не только политическую и соціальную исторію, но также поэзію, искусство, важнѣйшія открытія въ области знанія и техники, развитіе журналистики и т. д., не существуетъ ни въ одной европейской литературѣ. Не ограничиваясь текстомъ, составленнымъ извѣстнымъ въ Германіи ученымъ Лейкснеромъ, издатель „НАШЕГО ВѢКА“ придалъ роскошную внѣшность этому изданію, украсивъ его множествомъ превосходно гравированныхъ на деревѣ портретовъ, картинъ, рисунковъ, автографовъ, чертежей и другихъ иллюстрацій. Понятно, что такое изданіе обратило на себя вниманіе за-границей и одновременно переводится на нѣсколько языковъ. Съ текущаго мѣсяца оно будетъ выходить и по-русски, такъ какъ А. С. Суворинъ пріобрѣлъ исключительное право на изданіе „НАШЕГО ВѢКА“ въ русскомъ переводѣ.

Мы имѣемъ въ виду помѣстить въ „ИСТОРИЧЕСКОМЪ ВѢСТНИКѢ“ нѣсколько отрывковъ изъ „НАШЕГО ВѢКА“, а къ настоящей книжкѣ прилагаемъ объявленіе о подпискѣ на это сочиненіе и два пробныхъ листа, чтобы читатели могли ознакомиться съ его внѣшностью.

свистъ; все казалось, что кто-то идетъ за вами; шаги останавливались вмѣстѣ съ вами и опять раздавались, когда вы шли дальше. Наверху была большая зала съ куполомъ, посреди котораго было продѣлано окно; ночью его отворяли и черезъ него можно было видѣть небесныя свѣтила. У графа были подзорныя трубы и онъ все наводилъ ихъ на луну, въ надеждѣ открыть на ней моря и горы. Я также много разъ смотрѣла въ эти трубы, но ничего не видѣла, кромѣ блестящаго золотаго тумана.

Обѣ дѣвушки дошли до другой стороны воротъ и вышли на небольшой дворъ, нѣкогда принадлежавшій башнѣ. Здѣсь былъ полуразрушенный колодецъ, а кругомъ среди мусора виднѣлись ступени лѣстницы, разбросанные въ безпорядкѣ балки, камни и обломки четырехъ гранитныхъ статуй, которыя, по словамъ Гедвиги, нѣкогда поддерживали куполъ.

Корона молчала, задумчиво опустивъ голову. Разсказы о старой башнѣ производили на нее впечатлѣніе чего-то сказочнаго. Она почти завидовала свѣдѣніямъ Гедвиги, которая казалась ей волшебницей, властвовавшей въ этомъ заколдованномъ мѣстѣ. Все здѣсь представлялось молодой графинѣ чѣмъ-то необыкновеннымъ: плющъ, обвивавшій своими усиками и листьями уцѣлѣвшія стѣны, шиповникъ, росшій у воротъ, по ея мнѣнію были выше и крупнѣе видѣннаго ею до сихъ поръ плюща и шиповника. Она вошла въ башню, но тотчасъ же вернулась назадъ, чтобы избѣжать сквознаго вѣтра, который охватилъ ее со всѣхъ сторонъ или, быть можетъ, отъ тайнаго ужаса, сжимавшаго ея сердце. Въ это время у конюшенъ на противоположной сторонѣ послышалось ржаніе и топотъ лошадей; Корона вздохнула свободнѣе.

— Это непріятное мѣсто, сказала она. — Я не понимаю, какъ вы не боялись оставаться здѣсь!

— Мы вѣдь не жили въ башнѣ; я только изрѣдка ходила сюда, когда здѣсь ночевалъ отецъ, по вечерамъ или утромъ, пока меня не заинтересовало узнать, что́ дѣлаютъ въ башнѣ трое мужчинъ.

— Какіе мужчины? Вы говорили мнѣ только о трехъ шутахъ?

Храбрость опять вернулась къ молодой графинѣ; дождь пересталъ, а на западѣ красноватая полоса свѣта опоясывала небосклонъ.

Лицо Гедвиги приняло насмѣшливое выраженіе, но вмѣстѣ съ тѣмъ она казалась смущенной.

— Я не знаю, имѣю ли я право разсказывать это...

— Назовите мнѣ только имена трехъ мужчинъ; надѣюсь, что въ этомъ нѣтъ ничего предосудительнаго!

— Извольте, я назову ихъ. Эти мужчины были: графъ, мой отецъ и одинъ молодой французъ, котораго графъ встрѣтилъ во время своего путешествія и привезъ съ собой. Его звали Франсуа Бланшаръ.

— Бланшаръ? Я никогда не слыхала его имени.

— Можетъ быть! Но тѣмъ не менѣе вы, графиня, два года тому назадъ отъ души восхищались имъ.

— Я! Бланшаромъ!..

— Это было за нѣсколько дней до пожара, на одномъ празднествѣ, которое устроилъ графъ. Я тогда въ первый разъ любовалась вами, графиня. Я стояла въ верхней галлереѣ около музыкантовъ и смотрѣла на разряженныхъ кавалеровъ и дамъ, среди которыхъ были и вы; я не стану распространяться о томъ, какъ вы были красивы въ этотъ вечеръ и какъ хорошо танцовали. Когда всѣ стали разъѣзжаться и вы подъ руку съ братомъ вышли на крыльцо, я побѣжала вслѣдъ, чтобы еще разъ взглянуть на васъ. Вы остановились отъ удивленія, потому что вся башня была объята зеленымъ и краснымъ свѣтомъ отъ безчисленнаго множества пестрыхъ шкаликовъ. Многіе, глядя на это, говорили, что это дурное предзнаменованіе, а вы, графиня, съ восхищеніемъ воскликнули: кто устроилъ это?

— Теперь я знаю, что это сдѣлалъ Бланшаръ! Если бы я его увидѣла въ этотъ вечеръ, то на радости обняла бы его и поцѣловала. Я навѣрно сдѣлала бы это, такъ хорошо было освѣщеніе. А теперь башня сгорѣла и бѣдный Бланшаръ лишился моего поцѣлуя. Что это былъ за чудный вечеръ! Я чуть не плачу отъ досады при мысли, что съ этого времени я состарѣлась и сдѣлалась слишкомъ серьезна...

Гедвига отворила рѣшетку сада. Дождь еще покрапывалъ изъ нависшихъ тучъ, хотя усилившійся вѣтеръ уже началъ разгонять ихъ. У входа съ обѣихъ сторонъ были лужайки; между ними стояла старая каменная ваза. Въ былыя времена она была окружена клумбами цвѣтовъ; теперь онѣ заросли сорной травой, но мѣстами еще виднѣлись астры и резеда, наполнявшая воздухъ своимъ ароматомъ. Длинная аллея сосенъ и елей, конецъ которой исчезалъ изъ глазъ при наступившихъ сумеркахъ и туманѣ, проходила черезъ весь садъ, спускаясь къ подножью холма, на которомъ стоялъ замокъ до того мѣста, гдѣ садъ соединялся съ лѣсомъ.

При вечернемъ полумракѣ и дождливой погодѣ, видъ этихъ спокойныхъ деревьевъ съ опущенными вѣтвями и верхушками, гордо поднятыми къ небу, производилъ подавляющее впечатлѣніе. Они стояли неподвижно въ своемъ серьезномъ величіи и торжественности и, казалось, оплакивали несчастную людскую судьбу. Дождевыя капли падали съ ихъ вѣтвей на лица и плечи дѣвушекъ.

Онѣ медленно шли между высокими мрачными деревьями. Корона, чувствуя непонятное для нея волненіе, взяла за руку Гедвигу и не отпускала ее.

— Такъ это былъ Бланшаръ! сказала она. — Что сталось съ нимъ?

— Вскорѣ послѣ этого праздника, и даже чуть ли не черезъ два дня, онъ уѣхалъ отсюда. Это былъ какой-то чудакъ, такъ что многіе боялись его. Злые языки утверждали, будто онъ поджегъ башню. Но

это ложь! Графъ очень любилъ Бланшара и при прощаніи обнялъ его, а Бланшаръ даже плакалъ, уѣзжая.

— Зачѣмъ же онъ уѣхалъ?

— Я слышала, какъ онъ говорилъ, что его мать при смерти въ Парижѣ и что онъ хочетъ еще разъ увидѣть ее. Онъ былъ недурной человѣкъ, и если онъ велъ иногда на своемъ языкѣ безбожные разговоры, то мы только на половину понимали ихъ, а Господь врядъ ли слушалъ эту пустую болтовню. Отецъ видѣлъ многихъ французовъ въ Росбахѣ и говоритъ, что они похожи на мѣхи: раздуются сразу, а черезъ минуту опять пусты. Французы все дѣлаютъ на вѣтеръ...

— Но они умѣютъ устраивать отличные фейрверки, которые нравятся молодымъ дѣвушкамъ и воспламеняютъ ихъ сердца, замѣтила Корона. — Я вижу, что вы были неравнодушны къ этому Бланшару, Гедвига, и втайнѣ благоговѣли передъ нимъ.

Краска неудовольствія выступила на лицѣ Гедвиги.

— Я не знаю, почему у васъ составилось такое дурное мнѣніе о моей особѣ? сказала она.

— Не сердитесь, возразила молодая графиня съ лукавой улыбкой.— Всѣ мы болѣе или менѣе самолюбивы. Если мужчины находятъ насъ красивыми, то мы невольно обращаемъ на нихъ вниманіе...

— Мысли Бланшара были заняты болѣе серьезными вещами, нежели ухаживаніемъ за бѣдной дѣвушкой! замѣтила угрюмо Гедвига, но видя, что Корона продолжаетъ улыбаться, она добавила съ досадой:—Бланшару некогда было заниматься такими пустяками; онъ хотѣлъ придумать какой нибудь способъ летать по воздуху.

— Летать по воздуху? Да вѣдь это колдовство! замѣтила Корона, широко раскрывъ глаза отъ удивленія.

— Онъ надѣялся достигнуть этого, не прибѣгая къ колдовству... Если графиня дастъ честное слово не выдавать меня...

— Нѣтъ, будь спокойна...

— Графъ и Бланшаръ хотѣли устроить такую машину въ башнѣ, чтобы съ помощью ея подниматься на высоту и летать по воздуху, какъ птицы...

— Вы разсказываете такія страшныя вещи, что я больше не хочу слышать о нихъ. Это своего рода колдовство, и вдобавокъ, самого опаснаго свойства!

— Но вѣдь дѣло не дошло до летанія; машина не была окончена... возразила Гедвига въ оправданіе графа и Бланшара.

— Разумѣется, нѣтъ! Господь сжегъ башню, въ которой подготовлялось нечестивое дѣло... Если бы Богу угодно было, чтобы мы летали, то онъ далъ бы намъ для этого крылья! Развѣ человѣкъ имѣетъ право нарушать порядокъ, установленный Всевышнимъ?

Монастырское воспитаніе пустило такіе глубокіе корни въ сердцѣ молодой графини, что всякое стремленіе переступить границы, установленныя католической вѣрой и церковными преданіями, казалось ей

предосудительнымъ и безбожнымъ. Она скорѣе готова была простить нарушеніе нравственныхъ обязательствъ и объяснить это любовью и общечеловѣческою слабостью. Въ монастырѣ послушаніе считалось первою добродѣтелью, а подчиненіе людскихъ сужденій высшимъ соображеніямъ церкви не только необходимымъ, но и пріятнымъ Богу, такъ какъ наша душа, блуждающая во мракѣ сомнѣній, только этимъ путемъ можетъ достигнуть мира и спокойствія. Въ силу этого взгляда, привитаго воспитаніемъ, Корона старалась подавить въ себѣ всякое, поползновеніе къ свободомыслію. Предпріятіе графа Эрбаха казалось ей діавольскимъ навожденіемъ, побуждавшимъ его преступить предѣлы возможнаго. Но вмѣстѣ съ тѣмъ, она невольно увлекалась его поэтической мечтой: летать по небу взапуски съ орлами и, стряхнувъ съ себя тяжесть земнаго бытія, погрузиться въ безконечное море воздуха и эѳира!.. Образъ графа Эрбаха все выше и грандіознѣе представлялся ея воображенію. Онъ не былъ похожъ ни на одного изъ тѣхъ легкомысленныхъ господъ, преданныхъ суетнымъ удовольствіямъ, которыхъ ей приходилось встрѣчать до сихъ поръ; она глубже заглянула въ его внутреннюю жизнь и почувствовала себя ослѣпленный его нравственнымъ превосходствомъ.

Дѣвушки дошли до конца сада.

Низкая стѣна, поросшая живой изгородью, отдѣляла садъ отъ лѣса, покрывавшаго равнину. Въ саду, у самой стѣны, была сдѣлана искуственная насыпь, съ которой открывался видъ на просѣку въ лѣсу и крутой склонъ горы, по которому струился ручей, стекавшій въ равнину.

Когда онѣ поднялись на вершину насыпи, то увидѣли крестьянскаго парня, который, выйдя изъ лѣсу, направился къ нимъ. Съ перваго взгляда трудно было рѣшить, очутился ли онъ тутъ случайно и хотѣлъ спуститься съ горы вдоль садовой стѣны, или поджидалъ кого нибудь въ этомъ уединенномъ мѣстѣ. Послѣднее казалось правдоподобнѣе, потому что Гедвига, увидя его, слегка вскрикнула.

— Что съ вами? спросила съ удивленіемъ Корона.

— Это Зденко! отвѣтила Гедвига дрожащимъ голосомъ.—Въ деревнѣ его зовутъ дикаремъ... Уйдемте скорѣе отсюда!

— Слишкомъ много чести для крѣпостнаго человѣка. Неужели онъ заставитъ меня обратиться въ бѣгство? отвѣтила молодая графиня, гордо закинувъ голову.

— Онъ не крѣпостной. Его отецъ Непомукъ—богатый человѣкъ и выкупился на волю при покойномъ графѣ.

— Крѣпостной или свободный, но крестьянинъ все-таки останется крестьяниномъ. Какое намъ дѣло до мужика! возразила Корона.

Она подняла сосновую вѣтку, лежавшую на землѣ, и размахивала ею по воздуху.

Гедвига встала на колѣни за стѣной въ надеждѣ, что Зденко не узналъ ее въ туманѣ. Вечерняя мгла все болѣе и болѣе увеличива-

лась. Погасла красноватая полоса на горизонтѣ; надъ равниной поднялся сплошной сѣрый туманъ, который то сгущался въ гигантскія фигуры, похожія на привидѣнія, то снова рѣдѣлъ, разгоняемый вѣтромъ.

Корона не могла разглядѣть лица крестьянина, который шелъ медленнымъ, но вѣрнымъ шагомъ. На головѣ его была надѣта шляпа съ широкими полями, закрывавшая ему лобъ. Онъ былъ высокаго роста, широкоплечій и сильнаго тѣлосложенія; въ его походкѣ и всей фигурѣ не было слѣда уничиженія и робости.

— Объясните мнѣ, пожалуйста, почему его прозвали дикаремъ,—у него такой спокойный видъ? спросила шепотомъ Корона.

— Онъ вспыльчивъ до бѣшенства и необыкновенно силенъ. Теперь онъ злится на всѣхъ, кто живетъ въ замкѣ, и поклялся отомстить за то, что ему не удалось жениться на мнѣ.

Страхъ побудилъ Гедвигу сдѣлать это признаніе, которое, однако, не произвело желаемаго дѣйствія. Вмѣсто того, чтобы скорѣе вернуться въ замокъ, куда Зденко не могъ послѣдовать за ними, Корона не только осталась на прежнемъ мѣстѣ, но еще ближе подошла къ стѣнѣ.

— Чего вы боитесь, Гедвига! воскликнула она. — Мы спровадимъ непрошеннаго жениха.

Когда Зденко подошелъ къ ней на такое близкое разстояніе, что они могли видѣть другъ друга въ лицо, Корона громко крикнула ему: „Остановитесь!“—такимъ тономъ, въ которомъ легко можно было различить привычку отдавать приказанія. При этомъ она повелительно махнула ему вѣткой, которую держала въ рукахъ, и еще плотнѣе закуталась въ свой плащъ.

Зденко, услыхавъ, что его зовутъ, быстро поднялъ голову; изъ подъ густыхъ бровей сверкнули два черныхъ блестящихъ глаза. Густая борода придавала еще большую мужественность загорѣлому лицу, верхняя часть котораго, благодаря высокому и хорошо очерченному лбу, носила на себѣ отпечатокъ благородства и сознанія собственнаго достоинства, между тѣмъ какъ большой ротъ, толстыя губы и выдающійся подбородокъ служили доказательствомъ суровой и чувственной натуры.

— Ого! крикнулъ онъ. — Ты, кажется, вздумала распоряжаться мной, незнакомая красавица! Совѣтую тебѣ уйти отсюда; мнѣ нужно переговорить съ Гедвигой.

— Гедвига въ замкѣ! Убирайся прочь!.. Чего ты шатаешься здѣсь, точно воръ? Тебѣ не видать Гедвиги, какъ своихъ ушей...

Зденко однимъ прыжкомъ очутился у стѣны. Обезумѣвъ отъ бѣшенства, онъ осыпалъ Корону бранными словами по-чешски, изъ которыхъ она не поняла и половины. Но она не двигалась съ мѣста и даже не крикнула, когда онъ ухватился рукою за стѣну, съ очевиднымъ намѣреніемъ перелѣзть черезъ нее.

— Убирайся прочь, или я ударю тебя! сказала она, возвысивъ голосъ.

Не обращая вниманія на угрозу, онъ сдѣлалъ движеніе, чтобы вырвать вѣтку изъ ея рукъ.

— Дерзкій мужикъ! вотъ тебѣ,—воскликнула Корона, и съ этими словами она ударила сосновой вѣткой по лицу своего противника.

Неизвѣстно, чѣмъ кончилась бы эта сцена, если бы Гедвига, при видѣ опасности, грозившей молодой графинѣ, не вскочила на ноги и не загородила ее собою.

Зденко заскрежеталъ зубами отъ боли и злости, но не рѣшился употребить насилія. Внутренній голосъ шепталъ ему, что рука, нанесшая ударъ, считала себя вправѣ наказать его; долгая привычка къ повиновенію удержала его отъ дикаго проявленія ярости. Это было тѣмъ болѣе кстати для него, что въ этотъ моментъ изъ лѣсу показался всадникъ, ѣхавшій крупной рысью, и топотъ лошади послышался за спиной Зденко. Въ почтительномъ отдаленіи отъ перваго всадника ѣхали двое другихъ: одинъ изъ нихъ былъ кавалеристъ, судя по длинной шпагѣ, висѣвшей у его пояса, другой — слуга. По наружному виду, трудно было опредѣлить общественное положеніе перваго всадника. Онъ осадилъ свою лошадь у садовой стѣны. Зденко быстро отскочилъ въ сторону; обѣ дѣвушки стояли прижавшись другъ къ другу. Гедвига казалась смущенной и низко наклонила голову; Корона, раскраснѣвшаяся отъ волненія, смѣло встрѣтила взглядъ своего неожиданнаго избавителя.

Незнакомецъ, въ видѣ поклона, приложилъ руку къ своей шляпѣ съ приподнятыми полями, обшитыми золотымъ галуномъ и стоячей бахрамой изъ бѣлыхъ перьевъ.

— Добрый вечеръ, прекрасная амазонка! сказалъ онъ.—Вы храбро расправились съ этимъ неучемъ!

— Тѣмъ не менѣе, я должна благодарить васъ, что вы вывели меня изъ затруднительнаго положенія, возразила Корона. — Къ несчастью, сосновая вѣтка не шпага; съ нею довольно трудно было бы защитить себя.

Говоря это, она съ невольнымъ любопытствомъ взглянула на своего собесѣдника.

Это былъ человѣкъ лѣтъ тридцати, или даже нѣсколько старше, съ тонко очерченнымъ продолговатымъ лицомъ, голубыми глазами и правильнымъ носомъ. Онъ былъ покрытъ съ головы до ногъ сѣрымъ плащемъ, на которомъ видны были слѣды продолжительной верховой ѣзды. Подъ плащемъ виднѣлся зеленый офицерскій мундиръ съ красными обшлагами и золотыми пуговицами; широкій, богато вышитый кушакъ опоясывалъ его станъ; съ боку у него висѣла шпага.

— Я не сомнѣваюсь, что вы сами защитили бы себя, если бы въ вашихъ рукахъ была шпага вмѣсто вѣтки, отвѣтилъ онъ съ улыбкой. — Но я во всякомъ случаѣ благословляю судьбу, которая свела

насъ. Странствующіе рыцари и мужественныя красавицы всегда чувствовали взаимную симпатію и выручали другъ друга изъ бѣды.

— Мнѣ не вѣрится, чтобы вамъ когда нибудь понадобилась моя помощь. Это было бы слишкомъ странно!

— Нисколько! Вы сами убѣдитесь въ этомъ... Мы сбились съ дороги и, доѣхавъ до опушки лѣса, остановились, не зная, въ какую сторону мы должны направиться. Но тутъ я увидѣлъ васъ и „вашу зеленую шпагу, прорѣзывающую со свистомъ воздухъ“...

— Вижу, что вы читали Аріосто; но я не Брадаманте и не Анжелика!

— Я также не имѣю ничего общаго съ Роландомъ... Но дѣло въ томъ, что я желалъ бы узнать ближайшую дорогу съ Лейтмерицъ.

Онъ сдѣлалъ этотъ вопросъ съ улыбкой; Корона шутя отвѣчала ему, и только тогда, когда онъ вторично спросилъ ее о дорогѣ, она убѣдилась, что онъ говоритъ серьезно. Но ей пришлось сознаться въ своемъ полномъ невѣдѣніи мѣстности; хотя она бывала въ Лейтмерицѣ съ своей бабушкой, но не обратила вниманія на дорогу, по которой онѣ ѣхали. Отвѣты Гедвиги были опредѣленнѣе; тѣмъ не менѣе, она посовѣтовала, въ виду наступавшей ночи, взять съ собой проводника и указала на Зденко, который стоялъ неподвижно въ нѣсколькихъ шагахъ отъ нихъ, скрестивъ руки на груди. Неизвѣстно, хотѣлъ ли послѣдній воспользоваться случаемъ, чтобы полюбоваться Гедвигой, или незнакомецъ имѣлъ для него такую притягательную силу, только онъ тогда пришелъ въ себя, когда услыхалъ, что Гедвига предлагаетъ его въ проводники всадникамъ, и сообразилъ, что ему придется провести два или три часа въ сырости, на мокрой дорогѣ. Чтобы избавиться отъ подобной непріятности, онъ рѣшился искать спасенія въ бѣгствѣ. Выбравъ удобную минуту, онъ неожиданно бросился къ лѣсу; но это не удалось ему: всадникъ съ длинной саблей схватилъ его за воротникъ рубашки.

— Остановись, пріятель! крикнулъ онъ:—если не хочешь попробовать палки.

На лицѣ Зденко промелькнуло неуловимое выраженіе съ такою же быстротою, какъ молнія на небѣ. Врядъ ли можно выразить на словахъ то, что происходило въ эту минуту въ его душѣ. Онъ мысленно проклиналъ свою судьбу, но долженъ былъ покориться необходимости. На то они были господа, чтобы распоряжаться имъ по своему усмотрѣнію; съ дѣтства у него составилось представленіе, что они родятся съ особенными правами и преимуществами и что назначеніе крестьянина быть вьючнымъ животнымъ. Онъ молча повиновался и ожидалъ съ равнодушнымъ видомъ, пока господамъ угодно будетъ двинуться въ путь. Одна Гедвига понимала тяжелое нравственное состояніе своего поклонника и сочувствовала ему; всѣ остальные настолько привыкли смотрѣть на простой народъ, какъ на

послушныхъ слугъ, что не обращали никакого вниманія на расположеніе духа молодаго крестьянина.

Незнакомецъ вложилъ ноги въ стремена.

— Прощайте, прекрасная амазонка, сказалъ онъ: — теперь вамъ извѣстна цѣль моего путешествія.

— Разумѣется! вы, вѣроятно, хотите провести ночь въ капуцинскомъ монастырѣ.

— Я не зналъ, что въ Лейтмерицѣ есть капуцинскій монастырь.

— Какже!

— Странно! Вы случайно подали мнѣ отличную мысль. Тамъ, у капуциновъ, я найду желанный отдыхъ, и для меня, наконецъ, наступитъ ночь и непробудный сонъ.

Онъ пристально посмотрѣлъ на молодую дѣвушку, какъ будто хотѣлъ найти на ея лицѣ отвѣтъ на свои мысли. Корона, при всей своей самоувѣренности, невольно опустила глаза передъ его смѣлымъ взглядомъ.

— Мнѣ хотѣлось бы знать имя прелестной особы, образъ которой запечатлѣлся въ моемъ сердцѣ и будетъ сопровождать меня къ капуцинамъ.

— Мою подругу зовутъ Гедвигой; а мое имя означаетъ то, что̀ есть высшаго на землѣ.

Незнакомецъ засмѣялся.

— Я постараюсь разгадать эту загадку къ моему возвращенію, такъ какъ разсчитываю вернуться сюда дней черезъ пять. Надѣюсь опять застать васъ обѣихъ на этомъ мѣстѣ. Быть можетъ, мнѣ дозволено будетъ тогда засвидѣтельствовать свое почтеніе прекрасной обитательницѣ этого замка, въ качествѣ ея гостя.

— Черезъ пять дней я буду въ Парижѣ — подумала Корона и, услыхавъ, что незнакомецъ обратился къ Зденко съ вопросомъ: какъ зовутъ замокъ? она отвѣтила, улыбаясь:

— Этотъ замокъ называется Таннбургъ, или гостинница трехъ бронзовыхъ шутовъ.

— Однако, намъ пора двинуться въ путь, сказалъ незнакомецъ, прикоснувшись рукой къ шляпѣ, въ видѣ поклона обѣимъ дѣвушкамъ.

— Счастливаго пути, странствующій рыцарь,—сказала Корона.

Зденко шелъ скорымъ шагомъ; за нимъ слѣдовали всадники. Нѣкоторое время дѣвушки смотрѣли имъ вслѣдъ, потому что дорога шла вдоль стѣны. Наконецъ, они исчезли изъ виду, а вслѣдъ затѣмъ замолкъ и стукъ копытъ.

— Кто этотъ господинъ? Какой у него величественный видъ! сказала вполголоса Корона, закрывъ лицо руками. Она была въ самомъ печальномъ настроеніи духа, такъ какъ боялась послѣдствій своего необдуманнаго поступка, и чувствовала глубокое раскаяніе, что не послушалась совѣта графа Эрбаха и вышла изъ своей комнаты. Ей

казалось опаснымъ оставаться долѣе въ этой части сада, и она пошла такъ поспѣшно по сосновой аллеѣ, что Гедвига съ трудомъ могла слѣдовать за нею. Дойдя до двора замка, она вздохнула свободнѣе и окончательно успокоилась, когда узнала, что графъ еще не возвращался. Ей не хотѣлось, чтобы онъ видѣлъ ее въ такомъ взволнованномъ состояніи. Присутствіе Гедвиги не могло стѣснять ее, потому что та была еще въ большемъ безпокойствѣ, нежели она сама, и настолько погружена въ свои размышленія, что не обращала никакого вниманія на то, что происходило вокругъ нея.

ГЛАВА IV.

Деревня, расположенная у подошвы горы, на которой стоялъ замокъ, протягивалась къ югу длиннымъ рядомъ домовъ и считалась одной изъ самыхъ большихъ и значительныхъ деревень въ окрестностяхъ. По своему красивому мѣстоположенію и плодородной почвѣ, она была поставлена въ наилучшія условія и вполнѣ заслуживала названія „земнаго рая“. Но обитатели ея только отчасти пользовались богатыми дарами природы, несмотря на льготы въ податяхъ и барщинѣ, которыми они были обязаны великодушію графа Эрбаха. До этого, они наравнѣ съ своими сосѣдями страдали подъ тяжелымъ гнетомъ крѣпостнаго права и отъ послѣдствій продолжительной войны. Тутъ проходили главныя массы войскъ послѣ битвъ при Ловозицѣ, Прагѣ и Коллинѣ. Тѣмъ не менѣе, крестьяне графа Эрбаха составляли предметъ зависти для окрестныхъ жителей, такъ какъ, по общему мнѣнію, имъ жилось лучше, нежели крѣпостнымъ людямъ другихъ чешскихъ дворянъ. Послѣдніе называли графа Эрбаха выскочкой и филантропомъ, который своими нововведенія возмущаетъ народъ и подрываетъ старые порядки. Но такой отзывъ можно было слышать только въ тѣсномъ кружкѣ завзятыхъ консерваторовъ, потому что правительство, начиная отъ бургграфа въ Прагѣ и кончая самой императрицей, относилось благосклонно къ графу Эрбаху. Ему прощали даже его лютеранско-еретическія убѣжденія, хотя, по мнѣнію благочестивой Маріи Терезіи, никакія добродѣтели и достоинства не могли спасти его душу отъ вѣрной гибели. Подобная благосклонность объяснялась, главнымъ образомъ, тѣмъ обстоятельствомъ, что предки графа Эрбаха всегда вѣрно служили Габсбургскому дому и никогда не злоупотребляли милостями императорскаго дома.

Отецъ и дѣдъ графа Эрбаха, прожившіе бо̀льшую часть жизни въ замкѣ Таннбургѣ, были въ наилучшихъ отношеніяхъ съ католическими священниками своего прихода. При всѣхъ счастливыхъ и вы-

дающихся событіяхъ въ своей семьѣ, они дѣлали богатые вклады въ церковь и при этомъ щедро награждали самого священника. Такой способъ дѣйствій принесъ свои плоды: даже самый упорный изъ борцовъ за католическую церковь, который являлся въ Таннбургъ съ твердымъ намѣреніемъ искоренить гнѣздо еретиковъ, или обратить ихъ въ католичество, черезъ нѣсколько мѣсяцевъ отказывался отъ своихъ благочестивыхъ плановъ. Примѣръ предшественниковъ и опытъ убѣждали его, что выгоднѣе быть почетнымъ гостемъ за столомъ графа, нежели хлопотать о спасеніи двадцати лютеранскихъ душъ.

Но теперь графъ узналъ отъ своего вѣрнаго Рехбергера, что дѣла идутъ далеко не такъ хорошо, какъ прежде. Во время его отсутствія, умеръ старый священникъ, а новый, присланный изъ Праги, отличался крайнимъ фанатизмомъ. Не прошло и десяти мѣсяцевъ, какъ онъ вступилъ въ свою должность, но уже успѣлъ посѣять плевелы раздора среди своей паствы. До этого католики жили въ полномъ согласіи съ лютеранскими слугами замка, съ управляющимъ и нѣсколькими ремесленниками, которые переселились изъ Франконіи по приглашенію графа. Благодаря происканъ новаго священника, уже нѣсколько разъ возникали ссоры между представителями обѣихъ вѣроисповѣданій не только по воскресеньямъ въ шинкахъ, но и во время рождественскихъ праздниковъ, а въ Троицынъ день нѣсколько человѣкъ католиковъ сдѣлали попытку помѣшать лютеранскому богослуженію въ замкѣ, хотя безъ успѣха, потому что болѣе достаточные крестьяне воспротивились этому. Все это, по мнѣнію Рехбергера, ясно доказывало, что нужно принять мѣры противъ „ядовитаго“ священника. Рехбергеръ чувствовалъ себя глубоко оскорбленнымъ тѣмъ, что какой нибудь приходскій священникъ осмѣливается стѣснять религіозную свободу имперскаго графа священной римско-германской имперіи. Хотя графъ относился гораздо равнодушнѣе къ этому вопросу, нежели его управляющій, но, тѣмъ не менѣе, счелъ нужнымъ написать письмо священнику и умѣрить его излишнее усердіе.

Священникъ, прочитавъ это письмо, расхаживалъ большими шагами по садику, находившемуся за его домомъ. Неожиданный пріѣздъ графа нанесъ чувствительный ударъ его планамъ. Онъ смѣло началъ борьбу противъ графскихъ слугъ, въ надеждѣ найти поддержку у своего начальства; но состязаться съ самимъ графомъ было гораздо труднѣе и опаснѣе. Теперь врядъ-ли его усилія увѣнчаются успѣхомъ; быть можетъ, вмѣсто славы и увеличенія церковныхъ доходовъ, его ожидаетъ участь мученика.

Григорій Гасликъ—такъ звали священника—воспитывался въ знаменитой іезуитской школѣ въ Прагѣ, извѣстной подъ названіемъ Клементинума; онъ былъ ревностный поборникъ церкви, строгій къ себѣ и настолько же нетерпимый относительно другихъ, скрывавшій подъ личиной христіанскаго смиренія чрезмѣрное честолюбіе и ненасытную жажду власти. Въ уничтоженіи іезуитскаго ордена онъ ви-

дѣлъ приближеніе царства лжи и антихриста. Не даромъ, въ минуты набожнаго созерцанія, ему представлялся Іисусъ Христосъ съ краснымъ знаменемъ войны, окруженный легіонами ангеловъ и попирающій сатану и духовъ ада. Онъ мысленно становился подъ божественное знамя и давалъ обѣтъ оставаться вѣрнымъ борцомъ Пресвятой Богородицы и Іисуса Христа. Для такой борьбы всѣ средства казались ему дозволительными: хитрость, обманъ, насиліе и слѣпой произволъ, въ одномъ случаѣ сила убѣжденія, въ другомъ мечъ. Лѣта и жизненный опытъ еще не научили Гаслика, что свѣтъ за стѣнами іезуитской коллегіи движется совсѣмъ на иныхъ началахъ и что здѣсь нѣтъ такого затишья, какъ на монастырскомъ дворѣ съ его кустами бузины и старыми тѣнистыми деревьями. Онъ считалъ своей главной задачей возвратить еретиковъ Таннбурга въ лоно церкви, а въ случаѣ надобности — изгнать ихъ изъ страны, тѣмъ болѣе, что онъ надѣялся этимъ путемъ перейти первую ступень іерархической лѣстницы, которая можетъ приблизить его къ престолу апостольскаго намѣстника.

Гаслику и въ голову не приходило, что, помимо церковныхъ постановленій, существуетъ гражданскій законъ, которому всѣ обязаны повиноваться, какъ свѣтскіе, такъ и духовные. При своемъ исключительномъ положеніи священника, отдѣленнаго отъ остальнаго міра своимъ духовнымъ саномъ, онъ считалъ своимъ долгомъ послушаніе церкви и чувствовалъ себя свободнымъ отъ всѣхъ другихъ обязательствъ. Тѣмъ не менѣе, житейскій опытъ скоро научилъ его, что, помимо государства, которое во многомъ добровольно подчинялось церкви, существуютъ еще двѣ силы, которыхъ онъ не могъ игнорировать, а именно, богатство и высшее дворянство. Напрасно расточалъ онъ свое краснорѣчіе; крестьяне, въ большинствѣ случаевъ, упорно отказывались преслѣдовать лютеранскихъ слугъ своего господина.

— Какая намъ выгода отъ этого? возражали они на его увѣщанія,—хотя и не мѣшало бы изгнать еретиковъ, но что ожидаетъ насъ, если графъ уѣдетъ отсюда и продастъ землю? Новый господинъ обложитъ насъ еще болѣе тяжелыми повинностями. Мы довольны своимъ настоящимъ положеніемъ и не желаемъ лучшаго.

Подобное антирелигіозное настроеніе, исключительно направленное къ земнымъ благамъ, по мнѣнію Гаслика, служило явнымъ доказательствомъ сильнаго распространенія невѣрія и еретическихъ воззрѣній. Онъ написалъ длинное посланіе своему покровителю, пражскому епископу, и обрисовалъ яркими красками печальное нравственное состояніе своей паствы и принятыя имъ мѣры для искорененія ереси и возстановленія церковнаго вліянія. Полученный имъ отвѣтъ былъ далеко неутѣшительнаго свойства. Приближенные архіепископа, отдавая полную справедливость его усердію и желанію обратить лютеранъ на путь истины, вмѣстѣ съ тѣмъ, просили его не переходить границъ умѣренности и избѣгать всякихъ столкновеній съ прислугой

замка. Совѣтъ этотъ мотивировался тѣмъ, что графъ имѣлъ высокопоставленныхъ друзей и покровителей, и архіепископъ не желалъ навлечь на себя ихъ непріязнь изъ-за „нѣсколькихъ еретиковъ“.

Такая неудача заставила Гаслика впервые обратить вниманіе на міръ дѣйствительности и фактовъ. Онъ увидѣлъ въ немъ полную противоположность съ прошлымъ величіемъ церкви, когда властелины на колѣняхъ вымаливали прощеніе грѣховъ у св. отца, а еретиковъ жгли на кострахъ. Эта противоположность ошеломила его на нѣкоторое время, но онъ мало-по-малу пришелъ къ сознанію, что до сихъ поръ онъ жилъ въ области пустыхъ мечтаній и напрасно разсчитывалъ на всемогущество церкви и на людей, готовыхъ всѣмъ пожертвовать во имя религіи. Мечтатель долженъ былъ обратиться въ практика и, какъ часто бываетъ въ подобныхъ случаяхъ, перейти изъ одной крайности въ другую и не видѣть иныхъ побужденій въ поступкахъ людей, кромѣ себялюбія и удовлетворенія страстей.

Но Григорій Гасликъ былъ новичкомъ на этомъ пути; онъ не умѣлъ пользоваться слабостями людей для своихъ цѣлей. Письмо графа поставило его въ величайшее затрудненіе.

Тонъ письма былъ сдержанно-серьезный: графъ Эрбахъ просилъ его не нарушать согласія между прихожанами своими совѣтами и проповѣдями и отложить всѣ попытки обращенія его лютеранскихъ слугъ въ католичество. Въ противномъ случаѣ, графъ будетъ вынужденъ лишить безпокойнаго пастыря своего покровительства и попросить архіепископа послать въ Таннбургъ другого священника.

Гасликъ не зналъ, долженъ ли онъ уступить въ настоящемъ случаѣ, или вести борьбу до послѣдней крайности. Разсерженный и недовольный, ходилъ онъ взадъ и впередъ по саду.

Это былъ худощавый человѣкъ со впалыми глазами, грубымъ, мужиковатымъ лицомъ и коротко обстриженными волосами. На немъ было поношеное домашнее платье; онъ жестикулировалъ своими большими руками, бормоталъ вполголоса невнятныя слова и, сбиваясь съ дорожки, топталъ цвѣты, растущіе въ клумбахъ. Григорій Гасликъ не былъ любителемъ цвѣтовъ, и садомъ завѣдывала его кухарка Людмилла. Когда онъ доходилъ до конца сада, онъ всякій разъ останавливался, тяжело вздыхалъ и смотрѣлъ черезъ заборъ на поле, которое растилалось на далекомъ пространствѣ сѣровато-черною степью, такъ какъ хлѣбъ былъ давно убранъ и нигдѣ не видно было и слѣда красивыхъ золотистыхъ колосьевъ.

Онъ, видимо, ждалъ кого-то, и напрасное ожиданіе еще больше усиливало его нетерпѣніе. Послѣобѣденное солнце припекало ему голову своими горячими лучами; крупныя капли пота выступали на его лбу. Наконецъ, на церковныхъ часахъ пробило четыре часа, и въ то же время на полѣ показался человѣкъ въ темномъ одѣяніи и трехугольной шляпѣ; онъ держалъ въ рукахъ книгу и весь углубился въ чтеніе. Но, когда Гасликъ отворилъ ему садовую калитку, онъ

поспѣшно опустилъ книгу въ боковой карманъ своей длинной одежды, спускавшейся до самыхъ башмаковъ, и сказалъ:

— Благословенъ Господь Богъ нашъ Іисусъ Христосъ!

Это былъ патеръ Ротганъ.

— Во вѣки вѣковъ, аминь! отвѣтилъ священникъ.

Послѣдній спѣшилъ окончить обычные привѣтствія и вопросы, чтобы заговорить о предметѣ, наиболѣе занимавшемъ его въ эту минуту. Онъ усадилъ желаннаго гостя въ бесѣдкѣ изъ дикаго винограда, гдѣ Людмилла приготовила имъ закуску.

Ротганъ отломилъ кусокъ хлѣба и медленно выпилъ стаканъ мѣстнаго краснаго вина, между тѣмъ какъ священникъ не въ состояніи былъ ѣсть отъ нетерпѣнія и только пилъ вино большими глотками.

— Извините меня, если я немного запоздалъ, началъ патеръ Ротганъ.—Но когда я займусь своими камнями, то время проходитъ для меня незамѣтно. Вдобавокъ, лошадь шла шагомъ, благодаря жарѣ, и я слишкомъ рано вышелъ изъ экипажа. Кстати, объясните, пожалуйста, почему вы потребовали отъ меня, чтобы я пришелъ къ вамъ тайкомъ черезъ поле, подобно тому, какъ нѣкогда Никодимъ ходилъ къ Іисусу Христу, изъ боязни, чтобы евреи не увидѣли его.

Григорій Гасликъ началъ длинное повѣствованіе о своей борьбѣ съ ересью и о принятыхъ имъ мѣрахъ къ ея искорененію, и особенно подробно распространился о томъ затруднительномъ положеніи, въ какомъ онъ очутился послѣ пріѣзда графа.

— Его неожиданное появленіе настолько озадачило и смутило меня, добавилъ онъ, — что я рѣшился обратиться къ вамъ за совѣтомъ, многоуважаемый патеръ, тѣмъ болѣе, что вы были моимъ неизмѣннымъ покровителемъ въ іезуитской коллегіи и всегда наставляли меня на путь истины. Не угодно ли вамъ прочитать это письмо, которое я получилъ сегодня отъ графа Эрбаха.

— Вотъ счастливое совпаденіе, отвѣтилъ съ улыбкой патеръ Ротганъ, прочитавъ письмо.—Я намѣревался надняхъ посѣтить графа и думаю, что вы не откажетесь отъ моего посредничества.

— Безконечно благодаренъ вамъ. Но я не могу придти въ себя отъ удивленія... Вы знакомы съ графомъ, съ этимъ безбожникомъ, и хотите ему сказать...

— Что я знакомъ съ вами и читалъ его письмо!.. Вы, кажется, совсѣмъ забыли все то, о чемъ я говорилъ съ вами въ тотъ самый вечеръ, когда изъ Рима получено было извѣстіе, что папа Ганганелли намѣревается уничтожить нашъ орденъ. Мы шли съ вами около императорскаго дворца; у нашихъ ногъ разстилалась Прага...

— Какъ же! Помню!..

— Если помните, то почему не слѣдуете моимъ совѣтамъ? Не папа Ганганелли, а мы сами были наихудшими врагами нашего іезуитскаго братства. Мы съ воловьимъ упорствомъ шли наперекоръ всѣмъ желаніямъ коронованныхъ особъ, между тѣмъ какъ намъ легко было

управлять ими, дѣлая нѣкоторыя необходимыя уступки. Своими мелкими интригами, хитростью, ложью, мы только раздражали противника, не нанося ему смертельнаго удара. Вотъ и теперь вы хотите утаить отъ графа наше знакомство, хотя сами убѣждены, что онъ узнаетъ объ этомъ черезъ слугъ или отъ своей возлюбленной. Вотъ вся ваша мудрость!

— Вы совершенно правы, многоуважаемый патеръ! отвѣтилъ Гасликъ, опуская голову.—Но не всякій обладаетъ вашей ловкостью и умомъ. Я не болѣе, какъ кулачный боецъ, и не гожусь въ предводители. На вашу долю выпала болѣе почетная и высшая задача...

Въ справедливости этихъ словъ могъ убѣдиться всякій, кто взглянулъ бы въ эту минуту на умную и выразительную физіономію Ротгана и сравнилъ ее съ топорнымъ и пошлымъ лицомъ Гаслика. Такую же противоположность составлялъ убѣдительный вкратчивый тонъ одного изъ собесѣдниковъ съ грубымъ крикливымъ голосомъ другого. Насколько наружность Гаслика казалась грязной и неряшливой, настолько у Ротгана все доведено было до педантичной опрятности и изящества.

Ротганъ хорошо зналъ своего прежняго ученика и тотчасъ-же замѣтилъ, что въ его униженномъ тонѣ скрывается затаенное тщеславіе и жажда почестей.

— Вооружитесь терпѣніемъ, мой другъ! придетъ и ваша очередь повелѣвать. Послѣ Моисея и Іисуса Навина власть перешла къ Самсону. Вы всего болѣе похожи на него характеромъ, и если научитесь владѣть собой, то тѣмъ выше будетъ ваша заслуга передъ Господомъ и церковью...

Патеръ замолчалъ и, вынувъ изъ кармана небольшую книгу съ золотымъ обрѣзомъ, задумчиво разсматривалъ ее; наконецъ, онъ сказалъ:

— Если вы хотите послушать моего совѣта, то вы постараетесь умѣрить себя и будете избѣгать всего, что можетъ быть непріятно графу. Вмѣсто того, чтобы раздражать его, вы поступили бы гораздо благоразумнѣе, если бы постарались заслужить его довѣріе...

— Неужели я долженъ оставить непотушеннымъ тлѣющій огонь ереси?

— Въ самомъ непродолжительномъ времени зажжены будутъ и другіе огни, и вамъ не потушить ихъ! Мы переживаемъ тяжелые годы. Скоро власть окончательно перейдетъ въ руки Іосифа II-го; дни его благочестивой матери сочтены. Какими средствами думаете вы обуздать молодаго льва?

— Если мы всѣ возвысимъ голосъ противъ новаго Юліана Отступника, то неужели христіанскіе народы не захотятъ защитить алтари Господни и нашу святую вѣру?

— Врядъ ли можно разсчитывать на это, потому что противъ насъ наука и ученые. Школа — вотъ змѣя, которую мы должны раз-

давить, но, разумѣется, не проклятіями и не отлученіемъ отъ церкви, на что вы всѣ особенно щедры. Въ теченіи нѣсколькихъ столѣтій, міромъ управляла вѣра; теперь надъ нимъ властвуетъ наука. Но и здѣсь намъ представляется исходъ. Мы ни въ какомъ случаѣ не должны бороться противъ новыхъ изобрѣтеній и взглядовъ, а напротивъ того, намъ слѣдуетъ пользоваться ими по мѣрѣ возможности. Въ послѣднее время ни одна секта не была такъ опасна для церкви, какъ масоны; почему намъ не примкнуть къ ней, не научиться ея тайнамъ и обрядамъ и не раздѣлить ея вліяніе и богатства? Нашъ императоръ молодъ, проникнутъ страстнымъ стремленіемъ къ дѣятельности; голова его переполнена разными реформами и улучшеніями; но, вмѣстѣ съ тѣмъ, онъ человѣкъ въ высшей степени своевольный и сознающій свое могущество. Какая польза раздражать его преждевременно и вселять въ немъ мысль, что мы его враги! Воздайте должное кесарю и направляйте его волю къ добру—вотъ задача, достойная ордена, который уже болѣе не имѣетъ имени...

Патеръ Ротганъ остановился. Въ порывѣ увлеченія онъ высказалъ свои затаенныя мысли, что̀ вовсе не входило въ его планы; но, взглянувъ на своего собесѣдника, онъ тотчасъ-же успокоился, убѣдившись, что тотъ не понимаетъ его. Это обстоятельство побудило его перемѣнить тонъ и перейти къ болѣе обыденнымъ предметамъ.

— Я хотѣлъ только сказать—продолжалъ онъ,—что, при настоящемъ положеніи дѣлъ, намъ необходима змѣиная мудрость. Въ данномъ случаѣ, мой дорогой другъ, вы должны поступать съ возможною осторожностью. Провидѣнію угодно было возложить на васъ великій подвигъ.

На лбу Гаслика выступили еще болѣе крупныя капли пота. Онъ не спускалъ глазъ съ патера, который безпокойно оглядывался по сторонамъ.

— Здѣсь никто не можетъ подслушать насъ. Вы можете говорить совершенно свободно, многоуважаемый патеръ,—сказалъ священникъ голосомъ дрожащимъ отъ волненія.

Въ саду царила мертвая тишина. Въ бесѣдкѣ было душно отъ палящихъ лучей солнца; птицы лѣниво перелетали съ дерева на дерево. Въ домѣ слышался стукъ перемываемой посуды, такъ что не могло быть никакого опасенія, что Людмилла можетъ подслушать ихъ.

Тѣмъ не менѣе, Ротганъ счелъ нужнымъ понизить голосъ.

— Говорятъ, что этотъ графъ Эрбахъ, съ которымъ васъ свела судьба, находится въ какихъ-то тайныхъ, но очень близкихъ сношеніяхъ съ императоромъ. Я не могу ничего болѣе сообщить вамъ, потому что, не смотря на всѣ старанія, намъ не удалось узнать, какого рода эти сношенія. Извѣстно только, что въ прошломъ году императоръ и его братъ, герцогъ Тосканскій, провели нѣсколько дней

въ Венеціи во время карнавала, когда тамъ былъ и графъ Эрбахъ.

— Прислуга замка разсказывала мнѣ, что графъ совершилъ эту поѣздку со своей молодой женой.

— Совершенно вѣрно. Супруги разстались тамъ; но мы до сихъ поръ не узнали, что́ было причиной разрыва.

Ротганъ сказалъ послѣднія слова такимъ тономъ, какъ будто ожидалъ отвѣта. Священникъ поспѣшилъ удовлетворить его любопытство съ видимымъ самодовольствомъ.

— Причина самая простая! Благочестивая Рената Шварценбергъ вышла замужъ за графа, въ надеждѣ возвратить его въ лоно католической церкви, такъ какъ графъ обѣщалъ ей отречься отъ лютеранской ереси. Когда Рената убѣдилась, что всѣ ея надежны напрасны, она отказалась отъ супружества, которое, въ сущности, было фиктивное. Наконецъ—добавилъ Гасликъ съ двухсмысленной улыбкой, придавшей его лицу выраженіе языческаго фавна, — она могла быть недовольна имъ, какъ женщина...

— Какъ женщина? спросилъ съ недоумѣніемъ патеръ Ротганъ.

— Не знаю; быть можетъ, графъ перемѣнилъ теперь свой образъ мыслей!... Насколько мнѣ извѣстно, онъ не только вольнодумецъ, но еще эпикуреецъ и сластолюбецъ. Онъ привезъ съ собой изъ путешествія молодую дѣвушку, которую скрываетъ въ замкѣ.

— Болтовня прислуги!.. Мнѣ не случалось видѣть ни одного господина, о которомъ прислуга не болтала бы всякой всячины!

— Разумѣется; Вотъ я, напримѣръ, не вѣрю, что дочь управляющаго была, когда нибудь, его возлюбленной...

— Не хотятъ ли приписать ему, что онъ содержитъ цѣлый гаремъ! Можетъ быть, мнѣ удастся убѣдить васъ съ помощью фактовъ, что все это вздоръ. Я самъ встрѣтилъ графа на границѣ, оставался съ нимъ до поздняго вечера и видѣлъ собственными глазами, какъ онъ уѣхалъ изъ города съ однимъ слугой въ легкомъ охотничьемъ экипажѣ.

— Значитъ, тутъ замѣшалась сверхъестественная сила!—возразилъ Григорій Гасликъ тономъ убѣжденія. — Вы говорите, что онъ выѣхалъ изъ города въ охотничьемъ экипажѣ, между тѣмъ какъ онъ пріѣхалъ сюда въ великолѣпной дорожной каретѣ. Таинственную красавицу видѣлъ одинъ человѣкъ, которому я вполнѣ довѣряю. У него на лицѣ царапины, такъ какъ она ударила его сосновой вѣткой...

Ротганъ обладалъ рѣдкимъ умѣньемъ скрывать свои ощущенія, но, тѣмъ не менѣе, въ эту минуту удивленіе и неудовольствіе придали еще болѣе непріятное выраженіе его лицу.

— Я не ожидалъ ничего подобнаго отъ графа,—сказалъ онъ. — Кто могъ предполагать въ немъ столько хитрости и скрытности! Я непремѣнно отправлюсь въ этотъ заколдованный замокъ. Если моя догадка справедлива, то я хорошо знаю эту красавицу... Во всякомъ

случаѣ, вы должны убѣдиться изъ этого, что графъ далеко не такъ добродушенъ, какъ кажется съ перваго взгляда. Но я все-таки надѣюсь съ его помощью заслужить милость императора и рано или поздно добиться своей цѣли! Разумѣется, я имѣю тутъ въ виду только интересы нашего ордена и церкви!..

— Изъ вашихъ словъ, многоуважаемый патеръ, можно вывести такое заключеніе, что мы должны ухаживать за еретиками вмѣсто того, чтобы карать ихъ!

— Мы только тогда овладѣемъ ими, если будемъ нѣкоторое время ухаживать за ними и говорить ихъ языкомъ. Не даромъ провидѣнію угодно было продлить жизнь благочестивой Маріи Терезіи и положить этимъ преграду широкимъ планамъ императора. Да сохранитъ ее Господь на благо намъ и всѣмъ христіанскимъ народамъ! Мы должны воспользоваться благопріятными обстоятельствами и сдѣлать попытку перемѣнить образъ мыслей Іосифа II. Онъ находится въ періодѣ нравственнаго броженія, и тѣмъ легче будетъ овладѣть имъ. Онъ ненавидитъ совѣтниковъ своей матери и ищетъ новыхъ людей для своихъ нововведеній. Графъ Эрбахъ имѣетъ за собой всѣ данныя, чтобы привлечь на себя его вниманіе; поэтому, намъ необходимо склонить его на свою сторону. Согласно правиламъ нашего ордена, вы обязаны безпрекословно исполнять волю старшихъ, но я счелъ нужнымъ объяснить вамъ причины, которыя побуждаютъ насъ принять относительно графа Эрбаха извѣстный способъ дѣйствій.

— Безконечно благодаренъ за ваше довѣріе, сказалъ Гасликъ, цѣлуя руку патера.—Священное писаніе предписываетъ намъ смиреніе, и я готовъ употребить всѣ усилія, чтобы заслужить расположеніе этого безбожника и соблазнителя невинныхъ дѣвушекъ...

— Оставьте въ покоѣ бабъ! замѣтилъ съ нетерпѣніемъ Ротганъ.—Проповѣдуйте вашу узкую мораль простому народу, но когда дѣло касается знатныхъ господъ, то на ихъ поступки нужно смотрѣть сквозь пальцы.

— Тѣмъ не менѣе, я считаю своимъ долгомъ сообщить вамъ, что въ замкѣ живетъ довольно опасная особа; она сводитъ съ ума молодыхъ деревенскихъ парней своей необычайной красотой и совершенно овладѣла волей графа. Я говорю о дочери управляющаго.

— Фамилія управляющаго Рехбергеръ, не такъ-ли?

Гасликъ съ недоумѣніемъ взглянулъ на своего собесѣдника.

— Развѣ вы знаете его? спросилъ онъ, послѣ нѣкотораго молчанія.

— Какъ зовутъ эту молодую дѣвушку?

— Гедвигой. Она очень хороша собой и велика ростомъ.

Патеръ улыбнулся. Восторженные отзывы священника о молодой дѣвушкѣ казались ему подозрительными.

— Вы не знаете, жила она въ замкѣ во время женитьбы графа?

— Да, она жила въ это время въ замкѣ.

— По моему мнѣнію, было бы весьма желательно соединить обоихъ супруговъ.

— Но вся семья и родственники Шварценберговъ благодарятъ Бога, что этотъ союзъ расторгнутъ, по крайней мѣрѣ, фактически.

— Какое значеніе имѣютъ желанія одной семьи, когда дѣло идетъ объ интересахъ церкви? Намъ необходимо обсудить надлежащимъ образомъ этотъ вопросъ. Вы должны поставить себѣ за правило распространяться о добродѣтеляхъ Ренаты всякій разъ, когда вамъ придется разговаривать съ ея супругомъ. Равнымъ образомъ, въ своихъ письмахъ къ дядѣ молодой женщины въ Версаль...

Гасликъ замѣтно поблѣднѣлъ при этихъ словахъ и хотѣлъ возражать, но патеръ Ротганъ остановилъ его повелительнымъ жестомъ руки и продолжалъ свою наставительную рѣчь:

— Мнѣ достовѣрно извѣстно, что вы пишите иногда въ Версаль; и поэтому я совѣтую вамъ избѣгать въ своихъ письмахъ всякихъ непріязненныхъ отзывовъ о графѣ. Раздоръ между супругами достаточно силенъ, и вы не должны увеличивать его своими неумѣстными замѣчаніями. Что же касается письма графа Эрбаха, то отвѣчайте ему почтительно и извинитесь въ своей горячности, объяснивъ ее полнымъ незнаніемъ мѣстныхъ условій. Затѣмъ, вы будете подробно извѣщать меня о томъ, что дѣлается здѣсь; только избавьте меня отъ всякихъ любовныхъ исторій! Глаза патера какъ-то странно прищурились при этихъ словахъ, и онъ слегка улыбнулся.

— Я не вижу, добавилъ онъ,—особенной бѣды въ томъ, если графъ, въ видѣ развлеченія, будетъ ухаживать за той или другой крестьянской дѣвушкой и, во всякомъ случаѣ, совѣтую вамъ въ точности исполнить мои приказанія; я думаю остаться здѣсь до зимы. Однако, мнѣ пора двинуться въ путь. До свиданія...

Ротганъ поднялся съ своего мѣста и взялъ свою палку. Въ эту минуту онъ казался совершенно не тѣмъ человѣкомъ, какимъ всѣ привыкли видѣть его; это былъ не прежній ловкій и утонченный священникъ, напоминающій римскаго прелата или свѣтскаго французскаго аббата. Онъ вытянулся во весь ростъ и, благодаря гордому выраженію своего морщинистаго лица и повелительному тону голоса, скорѣе имѣлъ видъ главнокомандующаго, отдающаго приказанія солдату. Григорій Гасликъ почтительно проводилъ его до воротъ своего дома; но пока они шли, строгость исчезла съ лица патера, которое опять приняло обычное ласковое выраженіе. Онъ простился съ своимъ хозяиномъ не какъ начальникъ съ подчиненнымъ, а какъ простой знакомый, и дружески пожалъ ему руку.

Григорій Гасликъ съ тяжелымъ вздохомъ вернулся въ свой садъ; онъ убѣдился, что напрасно разсчитывалъ на поддержку своего прежняго учителя.—Какой у него странный образъ мыслей,—къ чему могутъ повести всѣ эти уступки свѣтской власти? думалъ Гасликъ. — Если моя горячность и излишнее рвеніе могли показаться неумѣстными

высшему начальству, то неужели они находятъ болѣе желательнымъ равнодушіе, съ какимъ Ротганъ относится къ своимъ духовнымъ обязанностямъ? Они вѣчно толкуютъ о церкви и о своей преданности ей, а во всякомъ единичномъ случаѣ жертвуютъ ея интересами и цѣлыми годами подчиняются капризамъ деспота, въ тщеславномъ самообольщеніи властвовать надъ нимъ. Что даетъ право патеру имѣть такое высокое мнѣніе о своей мудрости? Неужели онъ считаетъ себя умнѣе святыхъ и мучениковъ, пострадавшихъ за святую церковь!..

Григорій Гасликъ тѣмъ болѣе возмущелся самонадѣянностью своего бывшаго наставника, что не менѣе его былъ зараженъ гордостью и высокомѣріемъ. Онъ не могъ забыть оскорбительнаго обхожденія Ротгана, который едва выслушалъ его и выбранилъ, какъ школьника. — Неужели, думалъ онъ, этотъ человѣкъ воображаетъ, что его ученость выше христіанскаго смиренія и простоты душевной!.. Павлинъ, который наряжается въ блестящія перья и думаетъ затмить бѣлоснѣжнаго голубя.

Эти мысли и сравненія настолько поглотили вниманіе самолюбиваго священника, что онъ совершенно забылъ о томъ, что наступилъ часъ, назначенный имъ для исповѣди. Къ нему подошла Людмилла и напомнила, что пора идти въ церковь и что „навѣрно его давно ожидаютъ тамъ“.

Между тѣмъ, патеръ Ротганъ, пройдя деревню, сталъ подниматься въ гору по широкой аллеѣ, ведущей къ замку, по обѣимъ сторонамъ которой росъ густой орѣшникъ, посаженный дѣдомъ графа Эрбаха. Никто не вышелъ къ нему на встрѣчу и онъ могъ на свободѣ обдумать планъ дѣйствій.

Графъ Эрбахъ, не подозрѣвая приближенія гостя, сидѣлъ въ это время съ Короной у окна, обращеннаго въ садъ, и велъ съ нею серьезный разговоръ.

Затруднительное положеніе, въ которое онъ поставилъ себя, давъ пріютъ молодой дѣвушкѣ въ своемъ замкѣ, усложнилось еще болѣе. Она жила шесть дней подъ его кровомъ. Вчера старая графиня послала ему сказать, что ея внучки не оказалось въ Дрезденѣ, что Росси пріѣхалъ одинъ и въ самомъ мрачномъ настроеніи духа, такъ что, по всѣмъ вѣроятіямъ, съ Короной случилось несчастіе, или она уѣхала въ Прагу. Графъ Эрбахъ хотѣлъ было немедленно увезти туда молодую дѣвушку, такъ какъ въ Прагѣ у ней были близкіе родные, у которыхъ она могла помѣститься, не возбуждая никакихъ толковъ. Но въ это время года всѣ они находились еще въ своихъ имѣніяхъ, а графъ Турмъ, отецъ Короны, уѣхалъ въ Миланъ къ своему сыну Прокопу. Между тѣмъ, графъ Эрбахъ чувствовалъ, что съ каждымъ днемъ его отношенія къ молодой дѣвушкѣ становятся все болѣе и болѣе натянутыми. Ему нужно было призвать на помощь весь свой умъ и самообладаніе, чтобы казаться равнодушнымъ

и удалить отъ этой страстной юной души мысли и ощущенія, которыя могли омрачить ея веселое настроеніе духа. Но даже это кажущееся спокойствіе не могло болѣе продолжаться. Слухъ о пребываніи Короны въ замкѣ легко могъ дойти до старой графини Турмъ, но даже въ томъ случаѣ, если тайна будетъ соблюдена, благодаря скромности Рехбергера и другихъ слугъ, то врядъ ли ему удастся оградить ее отъ празднаго любопытства и злословія сосѣдей. Могъ ли онъ разсчитать всѣ послѣдствія своего рыцарскаго поступка въ тотъ моментъ, когда спасалъ ее отъ необдуманнаго шага, съ полнымъ сознаніемъ, что исполняетъ свою прямую обязанность? Онъ надѣялся, что, послѣ двухъ-трехъ дней ея пребыванія въ замкѣ, ему будетъ не трудно отправить ее въ Прагу въ сопровожденіи Гедвиги и Рехбергера. Но вмѣсто трехъ дней, прошло цѣлыхъ шесть и, вѣроятно, пройдетъ еще столько же времени, пока представится удобный случай увезти Корону въ болѣе безопасное убѣжище. Къ бабушкѣ она не хотѣла возвращаться ни подъ какимъ видомъ. Везти ее въ Миланъ было слишкомъ далеко и затруднительно и, вдобавокъ, ходили упорные слухи о серьезной ссорѣ отца Короны съ сыномъ, и графъ считалъ себя не вправѣ подвергать дѣвушку новымъ непріятностямъ, заставляя ее быть невольной свидѣтельницей тяжелыхъ и даже, быть можетъ, бурныхъ сценъ. Что дѣлать и на что рѣшиться?—спрашивалъ онъ себя много разъ въ продолженіи послѣднихъ шести дней, глядя на граціозную фигуру молодой графини, которая беззаботно шла на встрѣчу своей сомнительной будущности. Онъ съ грустью думалъ о томъ, что, быть можетъ, ни одной изъ ея блестящихъ надеждъ не суждено осуществиться. Замокъ и садъ напоминали ему на каждомъ шагу его собственныя обманутыя ожиданія. Съ какой радостью онъ избавилъ бы ее отъ горькихъ разочарованій и подѣлился съ нею хладнокровіемъ и спокойствіемъ, которыя онъ пріобрѣлъ тяжелымъ опытомъ. Почему примѣръ другихъ не предостерегаетъ насъ и всѣ мы должны заплатить дань тѣмъ же самымъ заблужденіямъ ослѣпленной фантазіи? Что мѣшаетъ намъ во-время соразмѣрить наши желанія и требованія, вмѣсто того, чтобы отказываться отъ нихъ впослѣдствіи въ силу печальной необходимости?..

Такого рода мысли всецѣло поглощали графа Эрбаха; онъ не въ состояніи былъ думать ни о комъ другомъ, кромѣ красивой дѣвушки, присутствіе которой обаятельно дѣйствовало на него. Два года тому назадъ, увлеченный другой любовью, онъ не обращалъ никакого вниманія на Корону; теперь онъ былъ въ полномъ восторгѣ отъ ея красоты и ума. Онъ невольно сравнивалъ ее съ Ренатой, и сравненіе не всегда было въ пользу его жены. Мало по малу онъ пришелъ къ убѣжденію, что жизнь его была бы несравненно полнѣе и счастливѣе, если бы онъ женился на Коронѣ, потому что у нихъ было много общаго во взглядахъ, характерѣ и даже вкусахъ. Оба они одинаково

любили музыку, и по вечерамъ, когда она разыгрывала на фортепіано піесы молодаго композитора Гайдена, только что входившаго тогда въ славу, онъ аккомпанировалъ ей на віолончели. У Короны не было и слѣда строгаго благочестія и нетерпимости, которыми проникнуто было все существо Ренаты. Хотя многое въ разговорахъ графа казалось ей несогласнымъ съ догматами католической церкви, но она не думала упрекать его за это, или обращать на путь истины. Она съ живымъ интересомъ слушала его разсказы о чудесахъ природы, и даже нечестивая машина для летанія по воздуху, которую онъ устраивалъ съ Бланшаромъ, показалась ей не такой ужасной при его объясненіяхъ. У ней было столько вопросовъ, о которыхъ ей казалось необходимымъ переговорить съ нимъ, и она была такъ занята новизной окружавшей ее обстановки, что откладывала со дня на день длинную чувствительную, рѣчь съ которой хотѣла обратиться къ нему по поводу его ссоры съ женой. Ей было трудно произнести въ его присутствіи имя Ренаты, и всякій разъ, когда она вспоминала свою бывшую подругу, онъ тотчасъ же мѣнялъ разговоръ и старался обратить ея вниманіе на что нибудь другое.

Но сегодня они случайно разговорились на эту тему.

Корона, сидя у окна и подперевъ голову рукой, смотрѣла въ садъ. Ничто не могло быть прелестнѣе ея хорошенькаго лица, сіявшаго безмятежною радостью и весельемъ молодости.

Графъ Эрбахъ сидѣлъ въ нѣсколькихъ шагахъ отъ нея и мѣрно покачивалъ правой ногой, какъ бы въ надеждѣ, что это однообразное движеніе утишитъ мучительное безпокойство, наполнявшее его сердце.

— Какъ хороша эта мѣстность, этотъ садъ и замокъ! оказала Корона.—Еслибъ все это принадлежало мнѣ, то я не стала бы скитаться по свѣту, какъ вы, кузенъ!

— Давно ли одна знакомая мнѣ особа хотѣла уѣхать отсюда на край свѣта?

— Я тогда не имѣла никакого понятія объ этомъ домѣ! отвѣтила она съ живостью,—я не подозрѣвала, что спокойствіе—величайшее счастье для человѣка. Здѣсь я въ первый разъ въ моей жизни распоряжаюсь временемъ, какъ мнѣ вздумается. Ни утромъ, ни вечеремъ, я не обязана дѣлать то, или другое... Вы не браните меня, не принуждается молиться по четкамъ. Нѣтъ, вы не можете понять, какъ мнѣ весело и легко на душѣ! Вы мужчина, и у васъ никогда не было бабушки!

— У меня была строгая мать. Повѣрьте мнѣ, Корона, что для всѣхъ насъ рано или поздно наступаетъ день, когда мы дорогой цѣной хотѣли бы вернуть прошлое и услышать еще разъ милый бранчивый голосъ. Быть можетъ, это своего рода наслажденіе—быть независимымъ отъ родителей и родныхъ, но такая независимость большею частью идетъ рука объ руку съ полнымъ одиночествомъ, а хуже этого ничего нѣтъ въ мірѣ.

— Я помирилась бы съ одиночествомъ, если бы это могло доставить мнѣ независимость. Вы вспоминаете съ сожалѣніемъ о своей матери, но я не могу испытывать ничего подобнаго! Моя мать умерла прежде, чѣмъ я была въ состояніи обнять ее. Отецъ мой поручилъ мое воспитаніе бабушкѣ. Меня отвезли въ Прагу и отдали въ Урсулинскій монастырь, гдѣ я прожила нѣсколько лѣтъ вмѣстѣ съ другими дѣвушками, принадлежащими къ высшему дворянству. Сестры-монахини обходились съ нами ласково, но онѣ не могли сдѣлать меня ручной, и я осталась такой-же дикой птицей, какъ была въ дѣтствѣ. Когда кончилось ученіе, я опять вернулась къ бабушкѣ въ ея скучный замокъ. Вы не можете понять меня, кузенъ, потому что никогда не бывали въ подобномъ положеніи! Когда вамъ становится невыносимо, вы имѣете возможность уѣхать, куда хотите, а я, несчастная, должна была поневолѣ остаться въ замкѣ Турмъ, въ этомъ царствѣ скуки, гдѣ пѣніе было моимъ единственнымъ утѣшеніемъ. Я готова была рѣшиться на что угодно, чтобы избавиться отъ такой жизни!..

— Я желалъ бы ошибиться, моя дорогая Корона, но мнѣ кажется, что никакое положеніе не удовлетворитъ васъ. Ваше поверхностное знакомство со свѣтомъ только развило вашу фантазію. Подъ вліяніемъ самообольщенія вы, приписываете свѣту то очарованіе, какимъ онъ не обладаетъ въ дѣйствительности. Вы ищете чего-то необыкновеннаго, а васъ ожидаетъ повседневная жизнь или, другими словами, вѣчное повтореніе однихъ и тѣхъ же дѣлъ, заботъ и радостей. Я былъ бы совершенно счастливъ, если бы моя опытность могла невредимо перенести васъ черезъ пропасть, которая открывается передъ вами, и доставить васъ на другой берегъ.

— На другой берегъ?

— Гдѣ у васъ не будетъ напрасныхъ желаній, и вы не станете составлять великихъ плановъ, которые можетъ разрушить первое дуновеніе вѣтра и гдѣ, наконецъ, у васъ не будетъ неопредѣленныхъ стремленій на гибель себѣ и другимъ!

— Какъ пріятно слышать такія мудрыя рѣчи, достойныя человѣка, убѣленнаго сѣдинами! Не воображаете ли вы, кузенъ, что уже достигли „другаго берега?“

— Нѣтъ, но я употребляю всѣ усилія, чтобы устоять на пути самоотреченія...

— Я готова держать пари, что для васъ опять наступитъ время надеждъ и желаній.

— Это было бы несчастіемъ для обоихъ насъ! подумалъ графъ Эрбахъ, бросивъ на молодую дѣвушку нѣжный взглядъ, въ которомъ горе и радость выразились въ одно и то же время и придали его лицу особенную привлекательность. Занятый своими мыслями, онъ ничего не отвѣтилъ и молча любовался Короной, которая, краснѣя, отвернулась отъ него.

Въ комнатѣ на пяпуту наступила мертвая тишина, какъ это нерѣдко бываетъ съ влюбленными, разговоръ которыхъ иногда прерывается безъ всякой видимой причины.

Графъ Эрбахъ первый прервалъ молчаніе.

— Мнѣ сообщили сегодня непріятную новость, сказалъ онъ.—Его величество императоръ Іосифъ находится по сосѣдству. Сдѣлавъ смотръ войскамъ въ Пардубицѣ и Кениггрецѣ, онъ отправился верхомъ въ Лейтмерицъ.

— Въ Лейтмерицъ? спросила нерѣшительно Корона.

Она невольно вспомнила объ офицерѣ, который разговарилъ съ ней у садовой стѣны, и ей пришло въ голову, что это кто нибудь изъ приближенныхъ императора.

— Да, Іосифъ намѣревается построить крѣпость въ Лейтмерицѣ, или Терезіенштадтѣ, вѣроятно, на случай новой войны съ прусскимъ королемъ Фридрихомъ. При другихъ обстоятельствахъ, я считалъ бы за счастье увидѣть императора и привѣтствовалъ бы его съ благоговѣйнымъ уваженіемъ, но въ настоящее время его пріѣздъ встревожилъ меня, потому что изъ-за этого мнѣ придется, быть можетъ, разстаться съ вами, Корона.

Она съ испугомъ посмотрѣла на него.

— Вы хотите прогнать меня! Неужели мое присутствіе стало въ тягость вамъ? спросила она взволнованнымъ голосомъ.

— Я хочу прогнать васъ! Зачѣмъ вы употребляете такія выраженія? Дѣло въ томъ, что я считаю своей обязанностью сберечь вашу честь отъ всякихъ нареканій. Императору можетъ прійти фантазія посѣтить этотъ замокъ, или сдѣлать визитъ вашей бабушкѣ. Кто поручится, что ваше пребываніе въ моемъ домѣ останется тайной и что злые языки не объяснятъ его извѣстнымъ образомъ?..

Эти слова еще болѣе смутили Корону. Онъ тотчасъ же замѣтилъ это и добавилъ для ея успокоенія:

— Я не считаю посѣщеніе императора неизбѣжнымъ; можетъ быть, блестящая комета минуетъ насъ. Но мнѣ кажется нелишнимъ принять нѣкоторыя мѣры на случай пріѣзда императора, чтобы насъ не застали врасплохъ.

Корона печально опустила руки на колѣни.

— Мнѣ приснился чудный сонъ, сказала она. — Вотъ и конецъ ему! Я буду кротка и послушна. Какъ рѣшили вы распорядиться моей особой?

— Зачѣмъ вы говорите со мной этимъ тономъ? Какое я имѣю право распоряжаться вами! Если вы позволите, то мы обсудимъ вдвоемъ, гдѣ вамъ будетъ удобнѣе помѣститься на первое время и гдѣ вы будете чувствовать себя всего лучше.

— Гдѣ мнѣ можетъ быть лучше, чѣмъ у тебя? подсказывало ей сердце, но она не рѣшилась высказать этой мысли и молча опустила голову.

— Я хотѣлъ было увезти васъ къ графини Кински, моей большой пріятельницѣ, которая постоянно проводитъ зиму въ Прагѣ; но я узналъ, что она все еще въ своемъ помѣстьѣ. Затѣмъ я вспомнилъ о вашемъ отцѣ...

— Я всего охотнѣе поѣхала бы къ отцу; онъ проститъ мнѣ мое бѣгство, я на колѣняхъ буду умолять его не выдавать меня бабушкѣ...

— Къ несчастью, вашего отца нѣтъ въ Вѣнѣ. Онъ уѣхалъ въ Миланъ. Мы должны найти какой нибудь другой исходъ...

Корона чувствовала себя глубоко несчастной въ эту минуту; мужество уже начинало оставлять ее; но тутъ взглядъ ея случайно упалъ на стекло окна, на которомъ были ясно нацарапаны буквы, вѣроятно, рукою графа, потому что она прочитала имя Ренаты. Это незначительное обстоятельство тотчасъ дало иное направленіе ея мыслямъ; прежняя веселость вернулась къ ней; она кокетливо поправила свои локоны и, вскочивъ съ мѣста, встала передъ Эрбахомъ.

— Я нашла исходъ, кузенъ! сказала она.—Отошлите меня въ Парижъ къ Ренатѣ! Этимъ способомъ я буду удалена отъ бабушки, которая хочетъ выдать меня замужъ за отвратительнаго человѣка, или запрятать въ монастырь. Вмѣстѣ съ тѣмъ, я избавлю отъ моего присутствія добродѣтельнаго кузена, который не можетъ выносить женщины въ своемъ замкѣ. Ренета—любимая подруга моей юности; она приметъ меня съ распростертыми объятіями. Ея покровительство избавитъ меня отъ нареканій и клеветы. Я воображаю себѣ, сколько будетъ у насъ разсказовъ, жалобъ и слезъ! Я непремѣнно поѣду къ Ренатѣ. Тамъ мнѣ будетъ покойно, и я исправлюсь отъ своихъ пороковъ. Вы, кузенъ, должны уступить моему желанію, потому что, въ противномъ случаѣ, я убѣгу отсюда и на зло вамъ поступлю на сцену.

— Вы несетесь, какъ вихрь, Корона, я съ трудомъ успѣваю слѣдить за полетомъ вашей мысли! замѣтилъ графъ Эрбахъ, взявъ ее за обѣ руки.

Она стояла передъ нимъ съ веселой улыбкой, такъ какъ видѣла, что на половину заручилась его согласіемъ. Какъ ни страннымъ казалось ея предложеніе съ перваго взгляда, но графъ Эрбахъ рѣшилъ воспользоваться имъ. Отправивъ Корону въ Парижъ, онъ не только избавлялся отъ тяготившихъ его заботъ, но и отъ обвиненій, которыя были бы неизбѣжны, если бы старая графиня узнала, какую роль онъ взялъ на себя во всей этой исторіи. Вдобавокъ, онъ пріобрѣталъ въ лицѣ Короны краснорѣчивую заступницу, которая, несомнѣнно употребитъ, всѣ усилія, чтобы оправдать его въ глазахъ Ренаты.

— Я поѣду къ Ренатѣ не только съ цѣлью просить ея покровительства для себя лично, сказала она, какъ бы угадывая его мысли,— но въ качествѣ посланной отъ васъ съ оливковой вѣткой примиренія.

Онъ въ смущеніи отошелъ отъ окна, чтобы пройтись по комнатѣ. Корона остановила его.

— Скажите мнѣ, любите ли вы еще Ренату? спросила она.

— Люблю ли я ее? повторилъ онъ нерѣшительно.

Въ глубинѣ своего сердца онъ не находилъ яснаго отвѣта на этотъ вопросъ, такъ какъ образъ Ренаты въ послѣдніе дни затмился для него. Мысли его были исключительно заняты очаровательной дѣвушкой, которая стояла передъ нимъ съ ласковой улыбкой на губахъ.

— Вы задали мнѣ довольно затруднительный вопросъ! продолжалъ онъ послѣ нѣкотораго молчанія.—Что такое любовь? Съ этимъ словомъ связываютъ обыкновенно какой-то таинственный смыслъ, но каждый понимаетъ его по своему. Вы еще дитя, Корона, и любовь представляется вамъ въ видѣ поэтической прогулки по лѣсу, покрытому весенней зеленью.

— Развѣ любовь не утренняя заря жизни?

— Нѣтъ, она слишкомъ часто разражается грозой въ полдень.

— Кузенъ, у васъ есть тайна отъ меня, хотя я открыла вамъ всю мою душу. Неужели молодость можетъ внушать недовѣріе людямъ! Я скорѣе умру, нежели измѣню вамъ. Не думайте, чтобы только пустое любопытство понуждало меня спрашивать васъ о томъ, что̀ вы хотите скрыть отъ меня. Моя подруга, выходя замужъ, казалась такой счастливой; вы съ такою нѣжностью ухаживали за ней... Что могло разъединить васъ? Я не вѣрю, чтобы кто нибудь изъ васъ былъ виноватъ въ этомъ, а скорѣе предполагаю, что тутъ произошло какое нибудь несчастное недоразумѣніе. Я всегда считала Ренату благороднымъ и кроткимъ существомъ, а вы... Въ цѣломъ мірѣ не найти человѣка, у котораго было бы столько сердечной теплоты въ соединеніи съ умомъ и съ веселымъ характеромъ. Тѣмъ не менѣе, вы чувствуете себя несчастнымъ...

— Только не въ эту минуту, моя дорогая Корона!

Онъ прижалъ ея руку къ своему сердцу. Щеки ея слегка зарумянились, но она смѣло смотрѣла ему въ лицо. Въ эту минуту она была вся проникнута высокой задачей примиренія супруговъ, между тѣмъ какъ онъ мысленно отказался отъ своего намѣренія сдѣлать ее посредницей между собой и Ренатой, такъ какъ чувствовалъ, что Корона, помимо своей воли, можетъ навсегда разъединить его съ женой.

Онъ довелъ молодую дѣвушку до ея прежняго мѣста у окна и всталъ около нея, облокотившись на спинку кресла.

— Вы требуете отъ меня откровеннаго признанія, Корона, но я не въ состояніи сдѣлать его. Въ чемъ могу я исповѣдываться передъ вами? Въ поступкахъ и мыслях, которые были прямымъ результатомъ извѣстной страсти!.. Кто объяснитъ всѣ противорѣчія влюбленнаго сердца... Какъ вамъ извѣстно, я любилъ Ренату и женился на ней; въ этомъ заключалась главная причина всѣхъ моихъ позднѣй-

шихъ несчастій, потому что, по мнѣнію умныхъ людей, нужно жениться только по разсудку. Вы высказали самое лестное мнѣніе о моей особѣ; Рената, вѣроятно, не подтвердитъ и половины вашего панегирика, — она имѣетъ на это право! Въ прошломъ году я былъ не тѣмъ человѣкомъ. Постигшее меня несчастіе принесло извѣстную пользу; не даромъ говорятъ, что страданія исправляютъ людей...

— Мнѣ остается только преклониться передъ вашимъ великодушнымъ желаніемъ оправдать, во что бы то ни стало, Ренату.

— Нѣтъ, я хотѣлъ бы только поставить васъ на настоящую точку зрѣнія, чтобы вы могли составить себѣ вѣрное понятіе о нашей супружеской жизни. Въ тѣ времена мое увлеченіе ничѣмъ не сдерживалось; я твердо вѣрилъ въ непогрѣшимость моихъ мнѣній и мечталъ о преобразованіи міра и людскихъ отношеній. Я принималъ необузданность моихъ чувствъ за проявленіе божественнаго огня; сознавая честность моихъ намѣреній и мое полное безкорыстіе, я не выносилъ никакого противорѣчія и требовалъ, чтобы всѣ раздѣляли мои взгляды и убѣжденія. Существующій порядокъ вещей казался мнѣ устарѣлымъ и никуда не годнымъ, а всѣ общепринятыя правила нравственности ненужными оковами, связывающими свободу чувствъ. Рената была воспитана на совершенно иныхъ началахъ; она съ благоговѣніемъ относилась къ старинѣ и въ точности придерживалась строгихъ правилъ, внушенныхъ ей съ дѣтства. Когда я дѣлалъ попытки нарушить однообразный строй ея жизни, то это разстраивало и пугало ее. Отецъ и мать Ренаты были очень счастливы въ бракѣ, и со словъ матери, она создала себѣ идеалъ богобоязненнаго дворянскаго супружества, который намѣревалась осуществить со мной. Я оказался самымъ плохимъ актеромъ для роли, которая была назначена мнѣ! Моимъ порывамъ страстнаго увлеченія она противопоставляла умѣренность и невозможное спокойствіе. Между прочимъ, она употребляла значительную часть дня на исполненіе благочестивыхъ обязанностей, и я напрасно тратилъ свое краснорѣчіе, доказывая ей, что это несовмѣстимо съ ея молодостью и вредно дѣйствуетъ на здоровье. Она возражала мнѣ избитыми фразами, какъ будто каждый изъ насъ не знаетъ, что всѣ мы должны умереть рано или поздно и что часъ смерти можетъ застать насъ врасплохъ. Мысль о загробной жизни никогда не оставляла Ренату и отравляла ея существованіе, убивая всякое ощущеніе радости и удовольствія. Я полюбилъ земную женщину, но, вмѣсто этого, нашелъ воплощеннаго ангела, или вѣрнѣе сказать, монахиню, мечтающую о мученическомъ вѣнцѣ... Еслибы эта исторія не случилась со мной лично, то, быть можетъ, она представилась бы мнѣ только съ комичной стороны, особенно въ эту минуту, когда я гляжу на васъ, Корона, и на этотъ роскошный садъ, украшенный пестрыми красками осени. Но въ тѣ времена я переживалъ тяжелыя минуты. Мнѣ до сихъ поръ кажется невѣроятнымъ, какъ могли мы до такой степени ошибиться другъ

въ другѣ. Повѣрьте мнѣ, дорогая Корона, что свѣтъ—это та же игра въ прятки! Счастливъ тотъ, кто успѣетъ во-время снять повязку съ глазъ; это можетъ спасти его отъ неминуемой бѣды...

Корона задумчиво опустила голову. Она неожидала услышать ничего подобнаго. Благодаря своей живой фантазіи, она увѣрила себя, что какія нибудь особенно трагическія событія нарушили счастье этого супружества. Но убѣдившись, что главной причиной разрыва была существенная разница во взглядахъ и характерахъ обоихъ супруговъ, она усумнилась въ успѣхѣ своего посредничества.

— Неужели вы разошлись, не сдѣлавъ никакой попытки объясниться и сблизиться другъ съ другомъ?..

Этотъ наивный вопросъ вызвалъ улыбку на лицѣ графа Эрбаха.

— Сдѣлана была не только одна, а тысяча попытокъ къ сближенію, — отвѣчалъ онъ, — мы еще любили другъ друга. Но всѣ эти попытки оказались неудачными, потому что въ данномъ случаѣ мы изображали изъ себя неумѣлыхъ скрипачей, которые, не смотря на всѣ усилія достигнуть хорошей игры, разстраиваютъ свои скрипки. Такъ и наши старанія добиться гармоніи въ нашихъ отношеніяхъ только раздражали насъ и вели еще къ большимъ диссонансамъ. Супружеская жизнь—самая трудная музыкальная пьеса, и не всякому дано выполнить ее, а мы оба были плохіе музыканты.

— Можетъ быть, Рената, послѣ вынесенныхъ ею несчастій, пришла къ такому взгляду на бракъ, какъ и вы!

— Тѣмъ лучше. Тогда она будетъ вспоминать обо мнѣ безъ гнѣва и поймете, что главной причиной разрыва было полное несходство нашихъ характеровъ. Но вмѣстѣ съ тѣмъ, если она придетъ къ этому убѣжденію, то увидитъ всю невозможность возврата къ прежнимъ отношеніямъ. Чѣмъ мучительнѣе были пережитыя нами страданія, тѣмъ меньше можетъ быть желаніе вновь испытывать ихъ. Вѣроятно, Рената мучилась болѣе меня, потому что, въ увлеченіи своего фанатизма, она надѣялась обратить меня на путь истины и спасти мою душу отъ мукъ ада. Сначала я полушутя отклонялъ ея просьбы и увѣщанія; но она настойчиво возобновляла ихъ, такъ что, благодаря ея упорству и моему противодѣйствію, въ нашихъ отношеніяхъ произошелъ крутой поворотъ. Религіозное усердіе ея навело меня на подозрѣніе, что ея любовь была не болѣе какъ маска и одно изъ средствъ обратить меня въ католичество. Подобное подозрѣніе не могло способствовать нашему супружескому счастью. Я сдѣлался холоднѣе и сдержаннѣе въ своемъ обращеніи съ Ренатой, которая была глубоко огорчена этой перемѣной. Затѣмъ мы отправились въ Венецію и прибыли туда во время карнавала. Случайно, или на наше несчастье, мы встрѣтили тамъ ея дядю, князя Адама Лобковича, родного брата ея матери, въ домѣ котораго она жила послѣ смерти родителей и гдѣ я познакомился съ нею. Она часто бывала у него и, вѣроятно, жаловалась на меня. Старикъ и прежде

не особенно любилъ меня, а теперь мы стали открыто ненавидѣть другъ друга...

Графъ Эрбахъ замолчалъ и, быстро отвернувшись отъ своей собесѣдницы, подошелъ къ окну.

— Зачѣмъ стану я волновать васъ и разстраивать дальнѣйшимъ разсказомъ о нашей ссорѣ? сказалъ онъ отрывисто и съ видимымъ усиліемъ.—Произошли такого рода событія, которыя должны остаться тайной для постороннихъ людей. Судьбѣ угодно было бросить между нами тѣнь. Вотъ все, что я могу сообщить вамъ...

— Значитъ, мое предчувствіе не обмануло меня, прервала его молодая дѣвушка, закрывъ лицо руками. — Рената была виновницей вашей разлуки съ нею!

— Вы доброе, милое дитя, Корона, сказалъ онъ, положивъ ей руку на голову. — Но не осуждайте ни котораго изъ насъ за несчастный исходъ этой исторіи. Если мы огорчали другъ друга, то безъ всякаго предвзятаго намѣренія; мы поступали извѣстнымъ образомъ въ силу взглядовъ, привитыхъ воспитаніемъ, въ силу внѣшнихъ вліяній и разныхъ случайностей. Между тѣмъ, все сплотилось такимъ образомъ, какъ будто ходомъ событій управляла чья-то невидимая рука... Въ подобныхъ случаяхъ человѣкъ глубоко сознаетъ свое ничтожество и невольно задаетъ себѣ вопросъ о цѣли своего существованія...

ГЛАВА V.

Разговоръ былъ прерванъ приходомъ слуги, который доложилъ, что патеръ Ротганъ въ замкѣ и проситъ дозволенія представиться его сіятельству.

Корона съ испугомъ вскочила съ своего мѣста. Графъ Эрбахъ поспѣшилъ успокоить ее, говоря, что патеръ умный и ловкій человѣкъ и что его опасаться нечего; но посовѣтовалъ ей, во избѣжаніе какой нибудь непріятной случайности, удалиться наверхъ, въ свои комнаты.

Корона тотчасъ-же обратилась въ бѣгство и графъ отдалъ приказаніе слугѣ ввести патера.

Между тѣмъ, прошло довольно много времени прежде, чѣмъ патеръ вошелъ въ комнату съ извиненіемъ, что заставилъ ждать его сіятельство. По его словамъ, почтенный Рехбергеръ показалъ ему на дворѣ столько достопримѣчательностей и древностей, что онъ невольно увлекся и не замѣтилъ, какъ прошло время.

Предусмотрительность вѣрнаго слуги вызвала улыбку на лицѣ графа и привела его въ хорошее расположеніе духа.

— Добрый вечеръ, многоуважаемый патеръ, сказалъ онъ ласковымъ голосомъ, отвѣчая на поклонъ неожиданнаго гостя.—Но я несовсѣмъ доволенъ вами. Почему вы вздумали посѣтить меня вечеромъ? Я разсчитывалъ, что вы подарите мнѣ цѣлый день. Но вы можете поправить свою вину,—останьтесь ночевать у меня!

Ротганъ ничего не отвѣтилъ на приглашеніе графа, но объяснилъ свой поздній приходъ визитомъ, который онъ долженъ былъ отдать священнику Гаслику по его приглашенію.

При послѣднихъ словахъ графъ наморщилъ лобъ.

— Это невыносимый человѣкъ, сказалъ онъ;—посовѣтуйте ему умѣрить свое пастырское усердіе и не испытывать долѣе моего терпѣнія.

— Ваше сіятельство, Гасликъ не дурной человѣкъ! Я хорошо знаю его. Онъ былъ моимъ ученикомъ въ Клементинумѣ; это не болѣе какъ упрямый и суевѣрный фантазеръ, который, несмотря на свой духовный санъ, всегда останется мужикомъ. Онъ глубоко огорченъ письмомъ вашего сіятельства, и вы не можете сомнѣваться въ томъ, что я употребилъ всѣ старанія, чтобы еще болѣе усилить его раскаяніе и миролюбивое настроеніе духа.

— Благодарю васъ, патеръ. Я отношусь съ должнымъ уваженіемъ къ католической церкви и желалъ бы, чтобы мои лютеранскіе слуги пользовались въ религіозномъ отношеніи такими же правами, какъ и католики. Я ненавижу церковныя распри; всѣ порядочные люди согласны въ основныхъ чертахъ религіи. Добродѣтельные люди, по моему мнѣнію, достойны уваженія, въ какой бы формѣ и подъ какимъ бы именемъ они ни поклонялись Всевышнему; и наоборотъ, порочные люди нисколько не выигрываютъ въ моихъ глазахъ тѣмъ, что ежедневно посѣщаютъ святые алтари.

Ротганъ одобрительно кивнулъ головой. — Не подлежитъ сомнѣнію, сказалъ онъ,—что безупречная нравственность выше наружнаго благочестія. Къ сожалѣнію, люди слишкомъ долго пренебрегали ею, забывая, что именно она должна служить основой семьи и государства, а не одни сухіе догматы. Я, разумѣется, говорю о просвѣщенной части общества. То, что прилично господину, не всегда дозволительно слугѣ. Даже Аристотель проводитъ разницу между человѣкомъ благороднаго происхожденія и рабомъ; одного можно убѣдить доводами, другого только палочными ударами.

— Я не сторонникъ тѣлеснаго наказанія, возразилъ графъ сухимъ тономъ,—хотя, быть можетъ, оно необходимо, когда имѣешь дѣло съ такимъ дикимъ народомъ, какъ чехи.

— Мы отстали отъ другихъ странъ чуть-ли не на цѣлое столѣтіе, сказалъ патеръ. — Человѣку, который такъ много путешествовалъ, какъ вы, графъ, разница эта должна казаться еще поразительнѣе, нежели кабинетному ученому. Но теперь, по крайней мѣрѣ, есть надежда, что мы нагонимъ исполинскими шагами потерянное время.

— Вы, вѣроятно, намекаете на молодаго императора. Его вступленіе на престолъ можно считать началомъ новаго столѣтія; но врядъли онъ будетъ въ состояніи провести свои широкіе планы, потому что у него нѣтъ достойныхъ помощниковъ!

— Такой помощникъ былъ-бы найденъ, еслибы императоръ зналъ всѣ тѣ улучшенія, какія сдѣланы графомъ Эрбахомъ въ его помѣстьяхъ.

— Надѣюсь, вы не намѣрены осудить меня на государственную службу. Я не способенъ исполнять роль придворнаго лакея...

— Я не говорилъ о придворной службѣ и имѣлъ въ виду только одно государство. Если дворяне будутъ оставаться въ бездѣйствіи, то кто же поддержитъ молодаго императора въ его великихъ начинаніяхъ и приведетъ насъ къ желанной цѣли? Неужели человѣкъ знатнаго происхожденія можетъ думать, что онъ исполняетъ свой долгъ гражданина, управляя патріархальнымъ образомъ своими помѣстьями?

— Многоуважаемый патеръ, я всегда придерживался того мнѣнія, что на долю каждаго изъ насъ выпали разныя задачи, какъ въ мелкихъ, такъ и великихъ дѣлахъ. Государство вправѣ требовать извѣстныхъ услугъ отъ всѣхъ гражданъ, но другія могутъ быть выполнены только по собственной иниціативѣ. Одинъ, поступая на государственную службу, думаетъ только о своей выгодѣ, другой—объ удовлетвореніи тщеславія. Вамъ угодно жертвовать своей личностью для общаго блага; я считаю себя неспособнымъ на такое самоотреченіе. Я хочу располагать своими поступками по собственному усмотрѣнію — дѣлать добро, когда найду нужнымъ, а не по предписанію законодателя. Я дорожу свободой выше всего на свѣтѣ! Быть можетъ, — добавилъ онъ шутя — я годился бы для роли кесаря, но роль перваго министра мнѣ не по душѣ.

— Если не ошибаюсь, то вы лично знакомы съ императоромъ? спросилъ патеръ послѣ нѣкотораго молчанія.

— Да, отчасти. Я видѣлъ его молодымъ человѣкомъ въ Франкфуртѣ, гдѣ онъ короновался въ качествѣ римско-германскаго императора. Затѣмъ я имѣлъ честь представляться ему въ Вѣнѣ...

— Странно! замѣтилъ Ротганъ съ удивленіемъ, которое онъ не старался скрыть.—Я былъ увѣренъ, что вы часто встрѣчались съ его величествомъ во время своего путешествія по Италіи. Если вы позволите мнѣ сдѣлать одно замѣчаніе, то я долженъ сказать, что нахожу рѣдкое сходство въ чертахъ лица между вами и императоромъ, которое поразило меня при нашей первой встрѣчѣ. Въ часы досуга я занимался физіономикой; въ настоящее время это самая модная наука; всякій рисуетъ носы, вырѣзываетъ силуэты. Сравнивая профили выдающихся личностей, выгибъ бровей, форму лба, я стараюсь объяснить себѣ ихъ характеры и взаимныя отношенія. Теперь я убѣждаюсь, насколько обманчива эта наука. Благодаря вашему сходству

съ императоромъ, я вывелъ заключеніе, что между вами обоими съ первой встрѣчи должна была завязаться самая тѣсная дружба.

— Можетъ быть, патеръ, ваши наблюденія были совершенно правильны, и я не сошелся съ императоромъ, вслѣдствіе несчастной случайности. Кто поручится, что ваше предсказаніе не исполнится въ будущемъ...

Разговоръ продолжался на эту тему. Собесѣдники высказали свое мнѣніе относительно новомодной науки, о той незначительной долѣ правды, какая могла заключаться въ ней, и той массѣ лжи, преувеличеній и сумасбродствъ, которая грозила заглушить эту науку въ самомъ зародышѣ. Графъ Эрбахъ, во время своего пребыванія въ Цюрихѣ, посѣтилъ изобрѣтателя и главнаго жреца новаго вѣрованія, Лафатера; впослѣдствіи, во время своихъ путешествій, онъ также имѣлъ немало случаевъ познакомиться съ его учениками и приверженцами. Это знакомство было не въ пользу физіономистовъ и сильно поколебало вѣру графа Эрбаха въ искусство распознавать характеръ людей и ихъ будущее по ширинѣ переносья, очертанію губъ, или строенію скулъ. Сумасброды и обманщики своими откровеніями дурачили людей, пользуясь ихъ легковѣріемъ. Графъ, по этому поводу, разсказалъ много комическихъ случаевъ. По его мнѣнію, новѣйшіе физіономисты только замѣнили собою астрологовъ прошлаго столѣтія, которые такъ долго обманывали людей своими гороскопами.

Патеръ Ротганъ, занятый своими научными изслѣдованіями и высшими соображеніями, ничего не слыхалъ о приверженцахъ Лафатера, странствовавшихъ въ западной Германіи, ихъ безчинствахъ и о томъ вліяніи, какое они имѣли въ окрестныхъ бюргерскихъ кружкахъ.

Нѣсколько мѣсяцевъ тому назадъ, онъ впервые познакомился съ книгой Лафатера, которую купилъ въ Дрезденѣ, и не подозрѣвалъ, что выводы и взгляды физіономистовъ могли проникнуть изъ кружковъ знати и ученыхъ въ народъ и что цѣлыя толпы ходятъ на поклоненіе въ Цюрихъ, какъ въ Римъ или Мекку. Странствующіе проповѣдники и учителя, масоны и представители другихъ тайныхъ обществъ, которые стали обычнымъ явленіемъ въ Германіи, были совершенно неизвѣстны въ Австріи. Между тѣмъ, всѣ путешествія патера Ротгана ограничивались Австріей, Богеміей и сѣверной Италіей, и онъ зналъ только понаслышкѣ объ умственномъ движеніи за предѣлами этихъ странъ. Теперь онъ получилъ ясное понятіе о размѣрахъ и силѣ этого движенія изъ безпристрастнаго разсказа очевидца. Онъ видѣлъ въ словахъ графа подтвержденіе своихъ опасеній и еще болѣе убѣдился въ правильности своего взгляда, что церковь должна себя поставить въ уровень стремленій новаго времени. Безплодное сопротивленіе нововведеніямъ казалось ему безумнымъ и гибельнымъ, тѣмъ болѣе, что государственная власть, которая до сихъ

поръ поддерживала колеблющееся зданіе церкви, отшатнулась отъ нея.

Патеръ Ротганъ, принимая живое участіе въ разговорѣ, въ то же время внимательно осматривалъ комнату, чтобы составить себѣ возможно полное представленіе о характерѣ хозяина дома. Обстановка, среди которой мы живемъ, нерѣдко выдаетъ болѣе рельефнымъ образомъ тайны нашего внутренняго міра, нежели выраженіе лица, которому каждый изъ насъ умѣетъ подчасъ придать тотъ оттѣнокъ, какой считаетъ нужнымъ.

Между тѣмъ, патеръ не нашелъ ничего особеннаго въ обстановкѣ графскаго кабинета.

Стѣны были обиты кожаными обоями съ потемнѣвшими золотыми арабесками; шкафы и письменный столъ выложены разноцвѣтнымъ деревомъ и украшены вычурными золотыми замками. На каминѣ, какъ во всѣхъ дворянскихъ домахъ того времени, стояли китайскія вазы и расписанныя фигуры; между ними пастухъ и пастушка изъ саксонскаго фарфора, панъ, играющій на флейтѣ, и другія дорогія вещицы, принадлежавшія, повидимому, матери графа Эрбаха, Аннѣ Шёнбрунненъ. Ея эмалевый портретъ красовался надъ диваномъ, обтянутымъ шелковой зеленой матеріей съ золотыми кистями. На письменномъ столѣ стояли красивые бронзовые часы. Въ углу поставлена была віолончель. Кромѣ дивана, въ комнатѣ находилось еще нѣсколько креселъ и табуретовъ безъ спинокъ, также обтянутыхъ зеленой матеріей. На противоположной стѣнѣ висѣли большіе портреты покойнаго графа и графини, писаные масляными красками.

Изъ всего этого патеръ Ротганъ не могъ вывести никакихъ заключеній, потому что, кромѣ превосходной гипсовой головы Аполлона Бельведерскаго, придѣланной къ стѣнѣ и, очевидно, привезенной изъ Италіи, кабинетъ графа Эрбаха имѣлъ самый обыденный характеръ. Единственно, что̀ обратило на себя его вниманіе,—это полное отсутствіе портретовъ графини Ренаты, доказывающее отчужденіе супруговъ. Патеръ мысленно рѣшилъ, что онъ долженъ быть остороженъ относительно этого пункта въ разговорѣ съ графомъ. Тѣмъ не менѣе, этотъ пунктъ всего болѣе занималъ его. Все, что онъ слышалъ отъ приходскаго священника, въ высшей степени возбудило его любопытство. Ему казалось несомнѣннымъ, что Корона скрывается въ замкѣ и что дочь управляющаго играла непослѣднюю роль въ супружеской трагедіи графа и Ренаты. Патеръ былъ слишкомъ далекъ отъ того, чтобы осуждать знатнаго человѣка за слабости и пороки, какъ его бывшій ученикъ Гасликъ, но онъ всегда старался уяснить ихъ, чтобы при случаѣ воспользоваться этимъ для своихъ цѣлей. Настойчивость, съ какой Рехбергеръ задержалъ его на дворѣ, подъ предлогомъ указать ему разныя особенности въ архитектурѣ замка, навели его на мысль, что управляющій намѣренно занимаетъ его разговорами, изъ боязни, чтобы онъ не засталъ врасплохъ хозяина замка.

Взволнованное лицо графа еще болѣе утверждало его въ догадкѣ, что онъ помѣшалъ нѣжному свиданію своимъ неожиданнымъ приходомъ. Онъ еще разъ оглядѣлъ комнату и увидѣлъ въ углу на креслѣ небрежно брошенную соломенную шляпу съ зеленымъ вуалемъ. На несчастье патера, графъ Эрбахъ взглянулъ въ ту же сторону и увидѣлъ шляпу, забытую Короной. Глаза ихъ невольно встрѣтились.

Графъ Эрбахъ сохранилъ полное присутствіе духа и улыбаясь продолжалъ свой разсказъ. Но патеръ чувствовалъ себя пристыженнымъ и сдѣлалъ нѣсколько вопросовъ, чтобы доказать свое усиленное вниманіе и изгладить непріятное впечатлѣніе, которое онъ долженъ былъ произвести на графа своимъ неумѣстнымъ любопытствомъ. Тѣмъ не менѣе, онъ былъ очень доволенъ, когда графъ всталъ съ своего мѣста и, ссылаясь на душный комнатный воздухъ, пригласилъ его прогуляться по саду.

— Вы увидите, какія у меня превосходныя сосны и буковыя деревья! сказалъ графъ. — Я убѣжденъ, что вы придете отъ нихъ въ полный восторгъ. Тамъ, на чистомъ воздухѣ, мы можемъ продолжать нашъ споръ о томъ, гдѣ кончается грань земнаго и начинается область сверхъ-естественнаго...

Съ этими словами они вышли изъ комнаты. Графъ, встрѣтивъ въ корридорѣ слугу, отдалъ ему приказъ приготовить комнату для гостя, но тотъ вѣжливо отказался отъ этой чести:

— На-дняхъ я воспользуюсь гостепріимствомъ вашего сіятельства—сказалъ онъ—и явлюсь къ обѣду; но сегодня я обѣщалъ приходскому священнику ночевать у него и не желалъ бы измѣнить данному слову.

Въ то время, какъ графъ Эрбахъ и патеръ вошли въ калитку, Гедвига уже стояла на другомъ концѣ сада. Она видимо ожидала кого-то на томъ самомъ мѣстѣ, гдѣ, нѣсколько дней тому назадъ, Корона разговаривала съ проѣзжавшимъ офицеромъ. Она пришла сюда не по собственному желанію, потому что послѣ того вечера она ни разу не была въ этой сторонѣ сада, отчасти изъ боязни встрѣтить Зденко, и частью вслѣдствіе робости, которая находила на нее при воспоминаніи о статномъ всадникѣ. При встрѣчѣ съ нимъ она была настолько смущена, что едва пробормотала нѣсколько словъ, и онъ, занятый Короной, мелькомъ взглянулъ на нее своими голубыми, ясными глазами; но съ тѣхъ поръ весь міръ получилъ для нея новое значеніе. Теперь, когда взглядъ ея разсѣянно блуждалъ по полянѣ и деревьямъ, растущимъ на опушкѣ лѣса, она невольно вспомнила тотъ вечеръ со всѣми подробностями. Она не могла дать себѣ яснаго отчета въ волновавшихъ ее чувствахъ и въ глубинѣ души завидовала Коронѣ, которая такъ спокойно разговаривала съ незнакомцемъ и такъ скоро забыла объ его существованіи, а сегодня, по какому-то странному капризу, отправила ее въ садъ сторожить его.

Въ сущности, Корона вспоминала о приключеніи у садовой стѣны

только вслѣдствіе разговора съ графомъ и, вернувшись въ свою комнату, съ ужасомъ думала о томъ, что слухъ объ ея пребываніи въ Таннбургѣ можетъ дойти до ея бабушки. Императоръ въ Лейтмерицѣ!.. можетъ быть, этотъ незнакомый офицеръ одинъ изъ его адъютантовъ!.. Тогда она имѣетъ еще больше поводовъ для опасеній, такъ какъ старая графиня Турмъ, вѣроятно, уже написала всѣмъ своимъ знакомымъ въ Вѣну объ исчезновеніи ея внучки. Корона хотѣла сначала сама идти въ садъ, чтобы удостовѣриться собственными глазами, не проѣдетъ ли обратно незнакомый офицеръ въ назначенный имъ вечеръ, такъ какъ это должно было ускорить ея отъѣздъ изъ Таннбурга. Но она не рѣшилась на это, изъ боязни встрѣтить патера Ротгана, и упросила Гедвигу отправиться вмѣсто нея и ожидать у насыпи загадочнаго незнакомца.

Хотя Гедвига не раздѣляла опасеній своей подруги, но чувствовала какой-то неопредѣленный страхъ. Минутами она желала никогда не видѣть человѣка, нарушившаго ея душевное спокойствіе, но вслѣдъ затѣмъ ей хотѣлось крикнуть и вызвать его изъ глубины лѣса. Она знала заранѣе, что отвѣтитъ на его вопросы заикаясь и даже, быть можетъ, ничего не скажетъ ему. Тѣмъ не менѣе, томленіе ея усиливалось съ каждой минутой и она не могла представить себѣ бо́льшаго счастья, какъ вновь увидѣть его.

Прямая и стройная, стояла она у стѣны, съ лицомъ, обращеннымъ къ лѣсу. Окружающія ее сосны и ели образовали мрачный фонъ, на которомъ рельефно выдѣлялась ея высокая фигура въ свѣтломъ платьѣ, съ густыми, бѣлокурыми волосами, освѣщенными вечернимъ солнцемъ. Она была необыкновенно эффектна въ этой позѣ, и всякій, кто увидѣлъ бы ее въ эту минуту, невольно залюбовался бы ею. Она стояла нѣкоторое время неподвижно, но потомъ быстро бросилась въ сторону, чтобы спрятаться за стѣной. Однако, это не удалось ей, потому что было слишкомъ поздно, если она желала остаться незамѣченной. Какъ и въ тотъ вечеръ, изъ лѣсу выѣхалъ статный всадникъ, на бѣлой лошади, которая мѣрно выступала впередъ, какъ бы гордясь своимъ сѣдокомъ. Сзади ѣхали двое провожатыхъ. Они держались въ почтительномъ отдаленіи отъ перваго всадника, который въ своемъ зеленомъ мундирѣ съ золотыми пуговицами и богатомъ кушакѣ, украшенномъ драгоцѣнными камнями, сверкавшими на солнцѣ, казался еще красивѣе, нежели въ сѣромъ плащѣ, при мрачной дождливой погодѣ. Онъ узналъ издали Гедвигу и, приложивъ руку къ шляпѣ въ видѣ поклона, пронесся въ карьеръ по полянѣ и осадилъ лошадь около садовой стѣны.

— Вотъ я опять пріѣхалъ къ вамъ! сказалъ онъ съ веселой улыбкой.—Отцы капуцины не сдѣлали мнѣ никакого зла; тебѣ нечего бояться меня, глупая дѣвочка... Подыми голову и взгляни на меня. Гдѣ твоя барышня?

— Она не могла придти сегодня, отвѣтила краснѣя Гедвига, дѣ-

лая надъ собой усиліе, чтобы взглянуть на всадника. Но она не могла выдержать его пристальнаго взора и опять опустила глаза.

— Какая ты хорошенькая! сказалъ онъ. — Но что съ тобой? ты чѣмъ-то смущена. Не случилось ли какого нибудь несчастія съ твоей барышней?

— Да, она нездорова, отвѣтила Гедвига, пользуясь тѣмъ, что нашелся благовидный предлогъ объяснить отсутствіе Короны.—У ней болитъ голова...

Всадникъ сдѣлалъ недовольную мину и недовѣрчиво посмотрѣлъ на молодую дѣвушку и на мрачную сосновую аллею, ведущую въ глубину сада. Онъ увидѣлъ издали двухъ мужчинъ, которые медленно шли по аллеѣ.

— Жаль, продолжалъ онъ,—что мнѣ не удастся проститься съ твоей барышней. Но я долженъ былъ бы знать, что женщины рѣдко держатъ свое обѣщаніе и что ихъ расположеніе духа мѣняется, какъ вѣтеръ, безъ всякой видимой причины.

— Надѣюсь, вы не говорите серьезно, сказала Гедвига, задѣтая за живое этимъ замѣчаніемъ.

— Прости меня, я былъ несправедливъ относительно тебя, сказалъ всадникъ и его лицо приняло прежнее привѣтливое выраженіе. — Ты не забыла моей просьбы. Носи это въ память о всадникѣ, которому ты указала дорогу въ Лейтмерицъ. Я привезъ тебѣ этотъ подарокъ изъ города.

Съ этими словами онъ вынулъ изъ кармана небольшой золотой крестикъ, осыпанный брилліантами и рубинами, висѣвшій на шелковой лентѣ, и ловко накинулъ его на шею Гедвиги.

— Да благословитъ тебя Господь! — сказалъ онъ, любуясь смущеніемъ молодой дѣвушки и густой краской стыдливости, покрывавшей ея щеки. Затѣмъ, кивнувъ ей слегка головой, пришпорилъ свою лошадь и крикнулъ провожатымъ:—Въ деревню! У шинка мы дадимъ отдыхъ нашимъ лошадямъ!

Гедвига наклонилась черезъ стѣну, чтобы еще разъ взглянуть на всадника. Въ эту минуту она почувствовала, что кто-то слегка прикоснулся до ея плеча.

— Кто этотъ офицеръ? спросилъ графъ Эрбахъ, который подошелъ къ ней вмѣстѣ съ патеромъ.

Они видѣли издали, что молодая дѣвушка разговаривала со всадникомъ.

Первымъ движеніемъ Гедвиги было схватиться за золотой крестъ, какъ бы изъ боязни, что у ней отнимутъ эту вещь, которая имѣла для нея двойную цѣну. Она была въ такомъ волненіи, что не могла выговорить ни одного слова, и только случай вывелъ ее изъ затрудненія. Всадникъ, улыбаясь, повернулся къ ней лицомъ.

— Я не ошибся! сказалъ графъ Эрбахъ.—Это императоръ!

Слова эти странно отозвались въ сердцѣ Гедвиги; но ей некогда

было обдумывать ихъ, потому что она должна была сосредоточить все свое вниманіе, чтобы выслушать распоряженія графа. Онъ приказалъ ей открыть парадныя комнаты, приготовить спальню для императора, на случай, если его величеству угодно будетъ принять его приглашеніе и переночевать въ замкѣ.

Сдѣлавъ всѣ необходимыя распоряженія, графъ обратился къ патеру и сказалъ:

— Прошу извинить меня, если я оставлю васъ на нѣкоторое время. Садъ и библіотека къ вашимъ услугамъ; я вернусь сюда черезъ нѣсколько минутъ и буду опять мучить васъ своимъ разговоромъ. Императоръ на моей землѣ; я обязанъ явиться къ нему, въ качествѣ вассала; надѣюсь, что онъ снизойдетъ на мою просьбу остановиться въ замкѣ.

— Развѣ ваше сіятельство не позволитъ мнѣ удалиться на сегодняшній вечеръ? спросилъ патеръ. — Моя одежда не достаточно прилична для такого высокаго посѣтителя и, вдобавокъ, при моемъ неповоротливомъ умѣ и неловкости, я буду только стѣснять васъ своимъ присутствіемъ.

— Что за фантазія! Неужели вы добровольно упустите случай, который можетъ доставить вамъ положеніе, соотвѣтствующее вашему уму и знаніямъ? Я долженъ предупредить васъ, что намѣренъ познакомить съ вами императора, и увѣренъ, что его величество поблагодаритъ меня со временемъ за такую рекомендацію.

— Ваше сіятельство!..

— Если императоръ ненавидитъ іезуитскій орденъ, то изъ этого не слѣдуетъ, чтобы онъ не могъ оцѣнить единичной вполнѣ достойной личности, хотя бы она принадлежала къ обществу іезуитовъ. Онъ долженъ желать, чтобы въ его государствѣ было побольше такихъ духовныхъ лицъ, какъ вы, многоуважаемый патеръ...

Съ этими словами графъ Эрбахъ поспѣшно вышелъ изъ садовой калитки, а патеръ молча направился къ сосновой аллеѣ съ равнодушнымъ видомъ человѣка, который отдаетъ себя на произволъ судьбы и не намѣренъ сдѣлать ни одного шага для улучшенія своей участи.

Въ это время невольный виновникъ суеты, происходившей въ замкѣ, доѣхалъ до деревенскаго шинка и, соскочивъ съ лошади, бросилъ поводья конюху. Другой, сопровождавшій его пожилой всадникъ въ офицерскомъ мундирѣ, почтительно отворилъ ему дверь гостинницы, но онъ, окинувъ бѣглымъ взглядомъ первую комнату, сказалъ:

— Прикажите хозяну принести сюда кружку краснаго вина, я останусь на дворѣ подъ этимъ орѣшникомъ.

— Ваше величество...

— Не забывайте, что меня зовутъ графъ Фалькенштейнъ! Мы отдохнемъ здѣсь немного. Какъ для насъ, такъ и для лошадей, это будетъ не лишнее.

Пожилой офицеръ вошелъ въ домъ, а тотъ, который называлъ себя графомъ Фалькенштейномъ, остался на дворѣ, гдѣ подъ вѣтвистымъ деревомъ, покрытымъ спѣлыми орѣхами, поставленъ былъ длинный деревянный столъ и двѣ скамьи. На одной изъ нихъ расположился только что прибывшій путешественникъ, щедро заплативъ деревенскому парню, который несъ его тяжелый чемоданъ. Увидя незнакомаго офицера, онъ вѣжливо поклонился ему и, подвинувшись на скамьѣ, уступилъ ему свое мѣсто. Этотъ поблагодарилъ его легкимъ наклоненіемъ головы и сѣлъ у стола, не спуская глазъ съ молодаго путешественника, который заинтересовалъ его съ перваго взгляда. Для странствующаго ремесленника онъ былъ слишкомъ хорошо одѣтъ и, судя по щедрой платѣ носильщику, не нуждался въ деньгахъ. Покрой его голубаго суконнаго сюртука съ блестящими стальными пуговицами представлялъ нѣчто среднее между дорожнымъ пальто и городскимъ платьемъ. На немъ былъ длинный жилетъ изъ полушелковой матеріи съ большими затканными цвѣтами, желтые нанковые панталоны, только что вошедшія тогда въ моду, и черные башмаки съ стальными пряжками. Изъ кармана, какъ бы для соблазна дорожныхъ бродягъ, висѣла серебряная цѣпочка съ печатью; но путешественникъ, вѣроятно, разсчитывая на свою физическую силу, чувствовалъ себя въ безопасности отъ какихъ бы то ни было нападеній. Спокойствіе, съ какимъ онъ взялъ чемоданъ изъ рукъ деревенскаго парня и положилъ на скамью вмѣстѣ съ плащемъ и палкой, бросилось въ глаза офицеру, называвшему себя графомъ Фалькенштейномъ. Вѣжливый поклонъ, съ которымъ встрѣтилъ его путешественникъ, навелъ его на мысль, что онъ, вѣроятно, изъ Саксонскаго курфиршества, гдѣ жители славились своей учтивостью, между тѣмъ какъ желтоватые волосы незнакомца, старательно заплетенные въ косичку, связанную черной лентой, его сѣрые глаза, сильная фигура и добродушное выраженіе лица, носившаго отпечатокъ духовной жизни, ясно указывали въ немъ сѣвернаго уроженца. Но что могло привести его сюда, въ далекую чешскую деревню? Этотъ вопросъ особенно занималъ офицера, но онъ не рѣшался заговорить съ незнакомцемъ, пока не пришелъ хозяинъ со стаканами и двумя бутылками, такъ какъ путешественникъ также приказалъ подать себѣ вина. Вслѣдъ затѣмъ появился спутникъ офицера и, обмѣнявшись съ нимъ многозначительнымъ взглядомъ, молча сѣлъ рядомъ.

Офицеръ налилъ себѣ вина и, взявъ стаканъ, сказалъ:—Извините меня, милостивый государь, но, по моему мнѣнію, вино особенно пріятно, когда оно приправлено разумной бесѣдой.

— Само собою разумѣется! отвѣтилъ путешественникъ съ привѣтливой улыбкой.—Но я не зналъ, угодно ли будетъ знатному господину разговаривать съ человѣкомъ, занимающимъ скромное положеніе въ свѣтѣ...

— Пью за его благополучное прибытіе въ Богемію, отвѣтилъ

офицеръ, чокаясь съ незнакомцемъ, который поблагодарилъ его почтительнымъ поклономъ.

— Желаю вамъ успѣха въ дѣлахъ, которыя побудили васъ посѣтить нашу страну. Вы изъ Саксоніи?

— Я выѣхалъ вчера водой изъ Дрездена и, по прибытіи въ Теченъ, рѣшилъ продолжать свое путешествіе пѣшкомъ, чтобы немного ознакомиться съ мѣстностью.

— Вы, вѣроятно, любитель природы?

— Да. Къ тому же это первыя горы, которыя я вижу въ моей жизни. Съ ранняго дѣтства я мечталъ когда нибудь побывать въ нихъ. Я уроженецъ Бранденбурга, и мнѣ постоянно приходилось видѣть однѣ равнины.

— Вы изъ Бранденбурга? слѣдовательно, подданный прусскаго короля! По странному стеченію обстоятельствъ, ваши соотечественники до сихъ поръ не иначе являлись въ Богемію, какъ въ качествѣ враговъ.

— Война давно окончилась, а нашъ король и австрійскій императоръ—друзья и союзники. Я не понимаю, почему австрійцы и пруссаки должны ненавидѣть другъ друга? Говоримъ мы на одномъ языкѣ, и чего не достаетъ одной странѣ, то находимъ мы съ избыткомъ въ другой.

— Вы убѣждены въ этомъ?

— Подобный вопросъ можетъ всякаго поставить въ затрудненіе. Быть можетъ, я слишкомъ откровенно высказываю свое мнѣніе; простому бюргеру неприлично разсуждать о политикѣ... Я пріѣхалъ сюда съ цѣлью усовершенствованія въ моемъ ремеслѣ, такъ какъ Австрія въ этомъ отношеніи пользуется заслуженной славой...

— Я съ удивленіемъ слушаю васъ! Насколько мнѣ извѣстно, пруссаки глубоко убѣждены въ своемъ превосходствѣ надъ другими націями.

— Въ каждой странѣ можно встрѣтить самодовольныхъ глупцовъ, но умные люди смѣются надъ ними и не придаютъ этому особеннаго значенія. „И по ту сторону горъ живутъ такіе же люди, какъ мы,“ говаривалъ мой покойный отецъ... Однимъ словомъ, во избѣжаніе всякихъ недоразумѣній, я долженъ сказать вамъ, милостивый государь, что намѣренъ совершить путешествіе въ Ломбардію для изученія способовъ разведенія шелковичныхъ червей въ Миланѣ и на Комо.

— Неужели вы думаете, что разведеніе шелковичныхъ червей возможно въ Бранденбургѣ? спросилъ офицеръ тономъ, въ которомъ слышалось искреннее участіе. Онъ почувствовалъ невольное уваженіе къ молодому человѣку, который ради жажды знанія рѣшился совершить такое далекое и небезопасное путешествіе изъ равнинъ своей холодной песчаной родины въ гористую Италію. — Хотя вашъ король и назначилъ серебряныя медали въ видѣ награды луч-

шимъ шелководамъ, но я слышалъ, что дѣло это идетъ несовсѣмъ успѣшно на вашей родинѣ.

— Вы правы, милостивый государь,—до сихъ поръ все это не болѣе, какъ попытки. Тутовыя деревья плохо ростутъ у насъ, и мы не имѣемъ никакого понятія объ уходѣ за шелковичными червями. Мы должны предварительно изучить это дѣло. Вотъ причина, побудившая меня ѣхать въ Италію. Я надѣюсь, что пріобрѣтенныя мною свѣдѣнія принесутъ пользу, если не мнѣ лично, то моему отечеству.

— Какъ счастливъ вашъ король, что у него есть люди, которые ставятъ общее благо выше своей собственной выгоды. Только при этомъ условіи можетъ процвѣтать государство. Сильно ошибаются тѣ монархи, которые возлагаютъ всѣ надежды на чиновниковъ и ничего не ждутъ отъ остальныхъ подданныхъ, среди которыхъ только и могутъ быть истинные граждане.

— Я самъ нахожу, что въ Пруссіи не мѣшало бы предоставить больше свободы бюргерскому сословію. Нашъ король слишкомъ строгъ и хочетъ всѣхъ держать на помочахъ. Но торговля и промышленность, насколько я могъ убѣдиться изъ собственнаго опыта, слѣдуютъ своеобразнымъ законамъ, требующимъ изученія. Королевскіе декреты безсильны въ этомъ случаѣ.

— Можетъ быть, вы и правы, но люди не могутъ обойтись безъ руководителя. Этимъ только и поддерживается порядокъ, хотя я самъ нахожу, что вашъ король немного суровъ. Случалось ли вамъ видѣть его?

— Много разъ! Наши сады и фабричныя строенія находятся по близости его дворца въ Потсдамѣ. Онъ былъ настолько милостивъ, что позвалъ меня къ себѣ, когда услыхалъ о моемъ намѣреніи совершить путешествіе. Ему все извѣстно, и онъ постоянно вмѣшивается въ чужія дѣла...

Послѣдняя фраза вызвала тѣнь неудовольствія на лицѣ офицера. Онъ сдѣлалъ видъ, что не слышалъ ее.

Въ нѣсколькихъ саженяхъ отъ гостинницы была небольшая деревенская церковь. Изъ дверей ея неожиданно появился человѣкъ съ всклоченными волосами и разстроеннымъ лицомъ; ломая руки, онъ побѣжалъ вдоль деревни.

— Если не ошибаюсь, это тотъ самый крестьянинъ, который провожалъ насъ въ Лейтмерицъ? спросилъ офицеръ своего товарища, сидѣвшаго рядомъ съ нимъ на скамьѣ.

— Да, это тотъ самый. Его не скоро забудешь!

— Что вы хотите сказать этимъ, Гаррахъ? Говорите прямо, безъ обиняковъ.

— Лицо этого крестьянина и тогда произвело на меня самое непріятное впечатлѣніе; я убѣжденъ, что онъ способенъ совершить какое угодно преступленіе. Онъ не безъ умысла вывелъ насъ тогда на

ложную дорогу. Вѣроятно, и теперь у него на умѣ какое нибудь злодѣяніе.

— Какъ могло это вамъ придти въ голову! Онъ, вѣроятно, только что вышелъ отъ исповѣди.

— Одно другому не мѣшаетъ. Развѣ не бываютъ такіе примѣры? отвѣтилъ Гаррахъ вполголоса.

— Изъ васъ вышелъ бы самый строгій судья. Но я вижу, вы чѣмъ-то недовольны.

— Личная безопасность и лежащія на насъ обязанности побуждаютъ насъ зорко слѣдить за подобными субъектами. А въ томъ исключительномъ положеніи, въ которомъ я нахожусь въ настоящее время, я долженъ всѣми способами охранять священную особу...

Офицеръ громко захохоталъ.

— Такъ вы не шутя воображаете, что мы были въ опасности, или...

Онъ не окончилъ своей фразы, и лицо его приняло прежнее задумчивое выраженіе.

— Особенно, когда мы подвергаемъ себя опасности безъ малѣйшей необходимости, отвѣтилъ сухо Гаррахъ.

— Не хотите-ли осмотрѣть церковь? спросилъ офицеръ, вставая съ мѣста и сдѣлавъ нѣсколько шаговъ по дорогѣ въ церковь. — Развѣ вамъ не угодно идти съ нами? спросилъ онъ, обращаясь къ путешественнику, сидѣвшему у стола.—Впрочемъ вы, безъ сомнѣнія, лютеранинъ!..

— По моему убѣжденію, каждая церковь одинаково обязываетъ насъ относиться къ ней съ уваженіемъ.

— Ну, такъ пойдемте вмѣстѣ съ нами и, вдобавокъ, не обращайтесь со мной такимъ церемоннымъ образомъ. Мы оба ничто иное какъ путешественники, и неизвѣстно, которому изъ насъ предстоитъ совершить труднѣйшій путь. Скажите мнѣ ваше имя?

— Фрицъ Бухгольцъ, отвѣтилъ молодой бюргеръ, слѣдуя за своимъ новымъ знакомымъ.

Церковь была пуста. Церковный сторожъ сметалъ пыль съ алтаря; вечернее солнце ярко свѣтило въ окна; золотыя полосы свѣта протягивались по полу. Дверь исповѣдальни, устроенной въ темномъ углу около ризницы, была открыта настежь.

Офицеръ и молодой бюргеръ дошли молча до алтаря. Первый набожно перекрестился, но вслѣдъ затѣмъ, сдѣлавъ нетерпѣливое движеніе, онъ указалъ своему спутнику на картину, висѣвшую на стѣнѣ. На ней былъ изображенъ Спаситель, умершій на крестѣ; голова его была опущена на грудь; изъ облака выступали ликъ и рука Бога Отца, которая прикасалась къ ранѣ, нанесенной Спасителю копьемъ римскаго воина. Алая кровь текла изъ раны въ золотую чашу, поддерживаемую ангелами, и лилась черезъ ея края въ глубину ада, гдѣ души грѣшниковъ, горѣвшія въ огнѣ, съ открытыми ртами, жадно ловили падающія капли.

— Можетъ ли быть что безобразнѣе подобнаго извращенія святыни!—сказалъ офицеръ взволнованнымъ голосомъ. — Какія нелѣпыя представленія должна возбуждать эта картина въ воображеніи бѣднаго народа. Какъ охотно сорвалъ бы я ее со стѣны и бросилъ въ кучу сора. Посмотрите на всѣ эти безполезныя украшенія, на которыя такъ щедра наша католическая церковь. Необходимо вымести все это, но другой метлой, чѣмъ та, которую держитъ въ рукѣ этотъ церковный сторожъ! Кто повѣсилъ эту картину? спросилъ онъ, обращаясь къ послѣднему.

— Нашъ новый священникъ выписалъ ее изъ Праги, отвѣтилъ съ гордостью сторожъ, опираясь на метлу.—Самъ архіепископъ Антонъ освящалъ ее! Сколько бы вы ни путешествовали, ваша милость, но вамъ нигдѣ не удастся увидѣть такой картины. Посмотрите, какъ томятся эти души въ огнѣ! Языкъ повисъ у нихъ изо рта, точно у собакъ въ жаркій лѣтній день. Что почувствуетъ каждый изъ насъ, когда наступитъ часъ страшнаго суда! Сколько голосовъ будутъ съ воплемъ молить Господа, чтобы онъ ниспослалъ имъ каплю святой крови, хотя при жизни никто изъ нихъ не хлопоталъ о спасеніи души путемъ покаянія и воздыханій...

Потокъ краснорѣчія благочестиваго сторожа былъ неожиданно прерванъ, такъ какъ въ дверяхъ ризницы показалась голова священника, который позвалъ его къ себѣ, хотя, повидимому, съ единственною цѣлью узнать, кто такъ громко разговариваетъ въ церкви? Но въ то время, какъ съ одной стороны выглянуло широкое, грубое лицо Гаслика, изъ противоположныхъ дверей появилась величественная фигура имперскаго графа въ голубомъ бархатномъ кафтанѣ, вышитомъ серебромъ, съ богато украшенной шпагой и крестомъ св. Стефана на красной лентѣ съ зелеными полосами. Гаррахъ первый замѣтилъ его и поспѣшно подошелъ къ нему; они вполголоса обмѣнялись нѣсколькими словами, и графъ Эрбахъ, снявъ шляпу, подошелъ къ офицеру послѣ трехъ почтительныхъ поклоновъ.

— Дозволено ли мнѣ будетъ привѣтствовать графа Фалькенштейна на моей землѣ? спросилъ онъ.

На лицѣ офицера выразилось удивленіе и какъ бы тѣнь недовѣрія и досады. Наступила минута молчанія; онъ провелъ рукой по лбу и сказалъ:

— Если не ошибаюсь, вы графъ Эрбахъ? Нѣсколько лѣтъ тому назадъ, во время моей поѣздки въ Франкфуртъ, я встрѣтилъ васъ въ Гейссенштамѣ у графа Евгенія Шенборна... Очень радъ, что опять встрѣтился съ вами! Мы осматривали церковь; нѣкоторыя вещи намъ не особенно понравились въ ней.

— Слѣдовательно, я могу разсчитывать, что ваше сіятельство не откажетъ мнѣ въ своемъ содѣйствіи, если мнѣ придется жаловаться архіепископу на здѣшняго священника?

— Разумѣется!.. Чѣмъ скорѣе выметемъ мы весь этотъ соръ, тѣмъ лучше!..

Онъ произнесъ эти слова съ видимымъ усиліемъ. Съ самаго момента, когда графъ Эрбахъ вошелъ въ церковь, онъ чувствовалъ непреодилимое желаніе разспросить его о нѣкоторыхъ вещахъ и уяснить одинъ вопросъ, но чувство собственнаго достоинства и боязнь оскорбить графа не позволяли ему коснуться прошлаго. Два раза встрѣтилъ онъ этого человѣка въ Венеціи. Въ первый разъ онъ увидѣлъ графа Эрбаха, идущаго рядомъ съ дамой, которую велъ подъ руку старикъ черезъ толпу масокъ, наполнявшихъ площадь св. Марка. Во второй разъ они встрѣтились ночью передъ однимъ дворцомъ на лѣстницѣ, ведущей къ каналу. Одинъ изъ нихъ, при видѣ другаго, ухватился за рукоятку своей шпаги. „Неужели графъ не узнаетъ меня“? спрашивалъ онъ себя съ безпокойствомъ, „или онъ забылъ ту памятную для меня ночь“!

Графъ Эрбахъ, какъ бы угадывая его мысли, сказалъ:

— Я узналъ отъ конюха въ гостинницѣ, что ваше сіятельство остановились здѣсь проѣздомъ. Меня привела къ вамъ не только обязанность вассала засвидѣтельствовать свое почтеніе властелину, но и надежда, что ваше сіятельство снизойдетъ къ моей просьбѣ и согласится провести ночь въ моемъ замкѣ.

Офицеръ видимо колебался и въ первую минуту хотѣлъ отвѣтить отказомъ, но, послѣ нѣкотораго раздумья, сказалъ:

— Очень благодаренъ вамъ, графъ, за ваше любезное приглашеніе и съ удовольствіемъ принимаю его. Вашъ замокъ славится своимъ красивымъ мѣстоположеніемъ. Я найду въ немъ тишину и спокойствіе, которыя всегда полезны такому безпокойному человѣку, какъ я.

Съ этими словами онъ подалъ руку графу Эрбаху, который почтительно поцѣловалъ ее.

— У вашего сіятельства много преданныхъ вамъ вассаловъ, но ни одного изъ нихъ вы не могли болѣе осчастливить, чѣмъ меня, принявъ мое приглашеніе! сказалъ графъ Эрбахъ.

— Не думайте, чтобы ваше приглашеніе не налагало на васъ нѣкоторыхъ обязательствъ, сказалъ офицеръ съ веселой улыбкой.—Я не одинъ здѣсь. Помимо Эрнеста Гарраха, который, повидимому, знакомъ съ вами, я хочу навязать вамъ еще одного гостя. Но куда дѣвался мой новый знакомый? Пойдемъ отыщемъ его.

Они нашли молодаго бюргера на прежнемъ мѣстѣ подъ орѣшникомъ. Онъ говорилъ съ хозяиномъ гостинницы относительно лошадей и экипажа для своего дальнѣйшаго путешествія. Но теперь ему пришлось поневолѣ уступить настоятельному приглашенію знатныхъ господъ, которымъ онъ видимо понравился, за исключеніемъ Гарраха, смотрѣвшаго на него съ недовѣріемъ.

Графъ Эрбахъ ласково протянулъ ему свою руку и немного смутился, когда молодой бюргеръ, намѣренно или случайно, отвѣтилъ ему

многозначительнымъ пожатіемъ руки. Онъ ласково улыбнулся своему новому знакомому и въ свою очередь крѣпко пожалъ ему руку.

ГЛАВА VI.

Австрія переживала смутное время. Все еще царствовала умная Марія Терезія, которая, послѣ смерти Фердинанда II, сплотила въ одно государство обширныя земли, различные племена и народы, и держала ихъ подъ властью католической церкви и аристократіи. Но въ этомъ государствѣ не было внутренней связи; составныя его части, насильственно соединенныя между собою, распадались все болѣе и болѣе. Шаткость общественнного строя была не столько ощутительна для сельскаго населенія, гдѣ масса, угнетенная крѣпостнымъ правомъ, жила безсмысленной жизнью день за день, и также не для городскихъ ремесленниковъ, которые были почти исключительно поглощены своими матеріальными интересами. Всего болѣе сознавалъ ее интеллигентный классъ, къ которому принадлежало большинство дворянъ, и бюргеры, выдающіеся своимъ образованіемъ, какъ то: доктора, юристы, богатые купцы, владѣльцы фабрикъ и пр.

Рядомъ съ приверженцами старины, можно было встрѣтить и новаторовъ, которые пока выражали свой образъ мыслей въ разговорахъ и письмахъ, такъ какъ время дѣятельности еще не наступило для нихъ. Броженіе охватило все населеніе обширной имперіи, предвѣщая близкій переворотъ, настоящіе поводы къ которому оставались тайной для большинства. Въ то время, какъ одни открыто высказывали свое недовольство существующимъ порядкомъ вещей, другіе были убѣждены, что скоро наступитъ золотой вѣкъ и что стоитъ только терпѣливо выждать его. При этомъ весьма немногіе понимали, чего собственно могутъ они ожидать отъ будущаго и въ чемъ должна состоять новизна, къ которой всѣ такъ жадно стремились. Либеральные дворяне не подозрѣвали, что камень, который они хотѣли выломать изъ стѣны, повлечетъ за собой паденіе всего зданія, и что, въ силу новаго порядка вещей, имъ придется пожертвовать всѣми своими правами. Равнымъ образомъ, несчастные поденщики и крестьяне, страдавшіе подъ гнетомъ крѣпостнаго права, вѣроятно, прокляли бы то блестящее будущее, къ которому они такъ жадно стремились, еслибы знали, что они мѣняютъ свое жалкое существованіе еще на худшее и что плодами реформъ воспользуются только ихъ внуки и правнуки!

Всѣ были въ томительномъ ожиданіи и вѣрили въ исполненіе своихъ несбыточныхъ надеждъ, всѣхъ одинаково ослѣпляла далекая туманная картина земнаго рая, гдѣ люди, руководимые разумомъ и

нравственностью, будутъ наслаждаться невозмутимымъ счастьемъ и спокойствіемъ. Еще непригляднѣе казалась тяжелая дѣйствительность, гдѣ на каждомъ шагу встрѣчались остатки средневѣковаго варварства, которые нужно было искоренить, во что бы то ни стало, хотя никто не зналъ, какъ приняться за дѣло и съ чего начать. Для всѣхъ было ясно, что Австрія, въ смыслѣ прогресса, далеко отстала даже отъ незначительной Пруссіи, къ которой она относилась всегда съ такимъ пренебреженіемъ, и что она должна теперь идти гигантскими шагами, чтобы занять свое прежнее мѣсто на материкѣ.

Упорные приверженцы политическихъ традицій, освященныхъ многолѣтнею давностью, жаловались, что Марія-Терезія уже не такъ милостива къ нимъ, какъ въ былыя времена, и что она недостаточно довѣряетъ мудрости почетныхъ представителей духовенства. Но что значили эти жалобы сравнительно съ тѣмъ безпокойствомъ и боязнью, которыя внушалъ имъ сынъ Маріи-Терезіи, римско-германскій императоръ Іосифъ II. Пока онъ довольствуется скромнымъ титуломъ сопровителя и не осуществилъ насильственно ни одной реформы изъ опасенія возбудить неудовольствіе своей матери; но въ мелочахъ онъ уже проявилъ такія черты характера, которыя наполнили тяжелымъ предчувствіемъ сердца старыхъ придворныхъ и совѣтниковъ Маріи-Терезіи. Въ немъ замѣтна была ненасытная жажда дѣятельности и отвращеніе отъ наружнаго блеска, этикета и пышности, которые считались обязательными при австрійскомъ дворѣ. „Страсть къ нововведеніямъ, которая впервые появилась у насъ послѣ смерти Карла IV“, писалъ своему пріятелю князь Кевенгиллеръ, одинъ изъ приближенныхъ Маріи-Терезіи, „возрастаетъ теперь съ каждымъ днемъ, и настолько сильна въ молодомъ императорѣ, что скоро мы дойдемъ до полнаго отсутствія порядка или этикета при австрійскомъ дворѣ. Одна мать имѣетъ извѣстное вліяніе на этого господина, который считаетъ старые обычаи за пустые предразсудки; она могла бы помѣшать многимъ сомнительнымъ реформамъ, но она сама отчасти склонна къ нимъ, а съ другой стороны, ей часто недостаетъ для этого необходимаго мужества и настойчивости...“ Придворные съ неудовольствіемъ покачивали головами, когда Іосифъ II отмѣнилъ торжественные пріемы, сталъ запросто бесѣдовать съ народомъ и въ офицерскомъ мундирѣ принималъ иностранныхъ пословъ. Вѣна приходила въ ужасъ отъ подобныхъ нововведеній; между тѣмъ, это были только слабые проблески тѣхъ реформъ, которыми была полна голова императора.

Здѣсь, въ Богеміи, вдали отъ чопорнаго двора императрицы-матери и непріязненныхъ и любопытныхъ взоровъ, онъ не считалъ нужнымъ соблюдать какія бы то ни было правила придворнаго этикета, тѣмъ болѣе, что путешествовалъ инкогнито, подъ именемъ графа Фалькенштейна. Сознавая превосходство своего ума, онъ не боялся унизить свое императорское достоинство и охотно вмѣшивался въ народную

толпу, чтобы узнать ея привычки нужды и потребности, увѣренный въ томъ, что онъ не останется незамѣченнымъ.

Ему нравилось общество, которое случайно собралось вокругъ него въ богемскомъ замкѣ; здѣсь онъ чувствовалъ себя свободнѣе, нежели среди своей обычной обстановки въ императорскомъ дворцѣ. Уваженіе, съ какимъ относился къ нему имперскій графъ и его гости, болѣе льстило самолюбію Іосифа II, нежели всѣ увѣренія въ вѣрности и преданности, которыя онъ такъ часто слушалъ отъ своихъ придворныхъ, не обращая на нихъ никакого вниманія.

Пріятная прохлада царила въ небольшой залѣ, гдѣ былъ приготовленъ роскошный ужинъ. Легкій вѣтеръ, врываясь время отъ времени въ открытыя окна, проносился надъ восковыми свѣчами, горѣвшими въ канделябрахъ; пламя наклонялось то въ ту, то въ другую сторону, и поперемѣнно освѣщало лица собесѣдниковъ. Патеръ Ротганъ незамѣтно овладѣлъ вниманіемъ небольшаго общества, благодаря своему краснорѣчію и разнообразнымъ свѣдѣніямъ. Графъ Эрбахъ представилъ его высокому посѣтителю съ лестнымъ отзывомъ объ его достоинствахъ и учености.

Іосифъ вѣжливо отвѣтилъ на поклонъ патера и заговорилъ съ нимъ.

— Когда я встрѣчаю представителя католическаго духовенства въ миролюбивыхъ отношеніяхъ съ лицами другого исповѣданія, сказалъ онъ,—то это обстоятельство всегда располагаетъ меня въ его пользу!..

Патеръ употребилъ всѣ усилія, чтобы поддержать пріятное впечатлѣніе, которое онъ произвелъ на императора. Онъ старался дать такое направленіе разговору, чтобы послѣднее рѣшительное слово оставалось за Іосифомъ, который охотнѣе слушалъ, нежели говорилъ, и всегда высказывалъ свое мнѣніе короткими отрывистыми фразами. Предстоящее путешествіе Бухгольца въ Ломбардію послужило богатой и разнообразной темой для бесѣды случайно собравшагося общества; говорили о городахъ, чрезъ которые будетъ проѣзжать молодой бюргеръ, объ его родинѣ, достопримѣчательностяхъ Берлина, великомъ королѣ и возможности новой войны съ Пруссіей.

— Я признаю необходимость войны въ извѣстныхъ случаяхъ, сказалъ Іосифъ,—но, къ несчастью, не гожусь въ полководцы.

— Не одна война даетъ безсмертіе монархамъ, скромно замѣтилъ патеръ. Многіе изъ нихъ, по справедливости, считаются благодѣтелями своего народа, благодаря тому, что издали хорошіе законы и заботились о благѣ своего государства. Послѣ воинственнаго Трояна, слѣдовили миролюбивые императоры, которые пользуются не меньшей славой: Адріанъ, Антоній и Маркъ Аврелій. Такому незначительному монарху, какимъ былъ прусскій король до своихъ побѣдъ, ничего не оставалось, какъ взяться за шпагу. Но властелинъ обширнаго, хорошо устроеннаго государства, найдетъ и въ мирныхъ заня-

тіяхъ источникъ неувядаемой славы и полную возможность дѣлать добро.

— Я вполнѣ согласенъ съ вами, почтенный патеръ, но, къ сожалѣнію, не мы одни управляемъ міромъ,—и у насъ есть молодые безпокойные сосѣди! сказалъ Іосифъ, указывая на Бухгольца, который въ это время безпокойно поворачивался на стулѣ.

Это замѣчаніе вызвало громкій смѣхъ остальнаго общества и увеличило смущеніе молодаго бюргера; но, сдѣлавъ надъ собой усиліе, онъ отвѣтилъ съ улыбкой:—Что касается меня лично, то я, въ качествѣ скромнаго ремесленника, искренній врагъ всякой войны. Въ воинственномъ государствѣ рабочая сила всегда играетъ самую жалкую роль. Я считаю это вполнѣ естественнымъ. Солдаты, защищая отечество, жертвуютъ своей жизнью, и по этому едва ли можно ставить имъ въ вину, что они всюду желаютъ быть первыми и относятся съ презрѣніемъ къ шелкопрядамъ.

— Да здравствуютъ шелкопряды! сказалъ Іосифъ, чокаясь съ Бухгольцемъ.

— Это слово имѣетъ у насъ растяжимое значеніе, сказалъ графъ Эрбахъ.—Не даромъ сравниваютъ ученыхъ съ шелковичными червями. Они также прядутъ нити драгоцѣнной ткани, которой пользуются отдѣльныя личности. Я не разъ задавалъ себѣ вопросъ: для кого собственно существуютъ искусства и науки? Изъ милліоновъ людей едва ли тысячи наслаждаются ихъ сокровищами; они недоступны ни для крестьянъ, ни для бѣдняковъ вообще, а составляютъ достояніе однихъ богачей и такъ называемаго образованнаго класса...

— Я нахожу такой порядокъ вещей абсолютно вреднымъ, замѣтилъ патеръ Ротганъ.—Мы должны устранить его по мѣрѣ возможности. Не подлежитъ сомнѣнію, что высоты и пропасти существуютъ вездѣ и горы не могутъ сдѣлаться долинами. Но, по примѣру нашего Спасителя, который не дѣлалъ различія между богатыми и бѣдными, мы обязаны употребить всѣ усилія, чтобы знаніе получило наибольшее распространеніе въ народѣ.

— Дайте намъ какъ можно больше школъ! воскликнулъ Іосифъ. Школа—наше единственное спасеніе! Если бы всѣ духовные думали, какъ вы, патеръ. Но, къ сожаленію, наше католическое духовенство видитъ въ каждомъ школьникѣ будущаго еретика. Вотъ главная причина, почему Австрія отстала въ дѣлѣ образованія отъ другихъ нѣмецкихъ земель. Нашъ календарь переполненъ праздничными днями, которые способствуютъ лѣни и невоздержанію. Наша жизнь должна представлять, прежде всего, непрестанный трудъ.

— Для большинства—несомнѣнно, но не для отдѣльныхъ личностей: съ досугомъ связано творчество! возразилъ патеръ Ротганъ. Но и помимо этого, неужели вы не признаете за человѣкомъ права бѣжать отъ суеты мірской и жить созерцательной жизнью?

— Нѣтъ! отвѣтилъ Іосифъ рѣзкимъ тономъ.—Кто живетъ въ го-

сударствѣ, тотъ обязанъ служить ему. Немало такихъ занятій, гдѣ работа не мѣшаетъ созерцанію и гдѣ, молясь Богу, можно помогать меньшей братіи. Въ монастыряхъ подъ словомъ созерцаніе обыкновенно скрывается лѣнь и бездѣліе!..

— Мнѣ кажется, что служеніе Богу, прежде всего, должно состоять въ заботѣ о благѣ людей и облегченіи ихъ страданій, сказалъ графъ Эрбахъ.—Неужели заслуги врача, который съ опасностью жизни посвящаетъ все свое время чумнымъ больнымъ, менѣе угодны Всевышнему, чѣмъ молитва, которую безсознательно бормочетъ монахъ, или проповѣдь нашего католическаго священника передъ заспанной паствой?

— Я вполнѣ раздѣляю ваше мнѣніе, сказалъ Іосифъ, пожимая руку хозяину дома.—Кто любитъ людей, тотъ любитъ Бога!

— Если такой взглядъ будетъ когда нибудь осуществленъ монахомъ, то это доставитъ счастье милліонамъ людей! сказалъ патеръ.— Даже въ самомъ стремленіи его подавить зло и доставить побѣду добру я вижу своего рода героизмъ и преклоняюсь передъ нимъ.

Іосифъ всталъ съ своего мѣста и съ волненіемъ прошелся по комнатѣ.

— Человѣкъ самъ по себѣ безсиленъ, сказалъ онъ;—чтобы сдѣлать что-либо, онъ долженъ имѣть за собою большинство. Въ противномъ случаѣ, онъ встрѣчаетъ на каждомъ шагу всевозможныя препятствія, которыя парализуютъ его волю и способность дѣйствовать. Что было хорошо и полезно сто лѣтъ тому назадъ, то теперь кажется намъ безсмысленнымъ, хотя въ то же время мы не рѣшаемся сдвинуть одинъ камень ветхаго зданія, изъ боязни, чтобы оно не обрушилось на насъ. Въ этомъ весь трагизмъ нашего положенія, мой дорогой графъ!

— Развѣ мы не переживаемъ то же самое въ нашей личной жизни? отвѣтилъ графъ Эрбахъ.—Рано или поздно каждый изъ насъ вынужденъ отказаться отъ понятій и отношеній, съ которыми было связано его личное счастье, и мы испытываемъ такое же тяжелое чувство, какъ будто сами зажигаемъ нашъ собственный домъ. Но проходятъ годы, и когда мы спокойно оглянемся на прошлое, то видимъ, что пережитая драма была необходима и что въ этомъ заключается прогрессъ. Какъ въ частной жизни, такъ и въ жизни цѣлаго государства, ничто не дается безъ труда и тяжелыхъ жертвъ.

— Совершенно вѣрно, подтвердилъ Іосифъ вполголоса и, замѣтивъ, что молодой бюргеръ слушалъ рѣчь графа съ усиленнымъ вниманіемъ, онъ ласково спросилъ его:

— Что скажете вы на это, г. Бухгольцъ? Случалось ли вамъ испытывать то, о чемъ говоритъ графъ или, другими словами, приходилось ли вамъ самому наносить раны своему сердцу въ силу необходимости?

— Да, я испытывалъ это два раза въ моей жизни, отвѣтилъ съ

смущеніемъ Бухгольцъ. — Но можетъ ли интересовать моя темная судьба такихъ знатныхъ и образованныхъ господъ!..

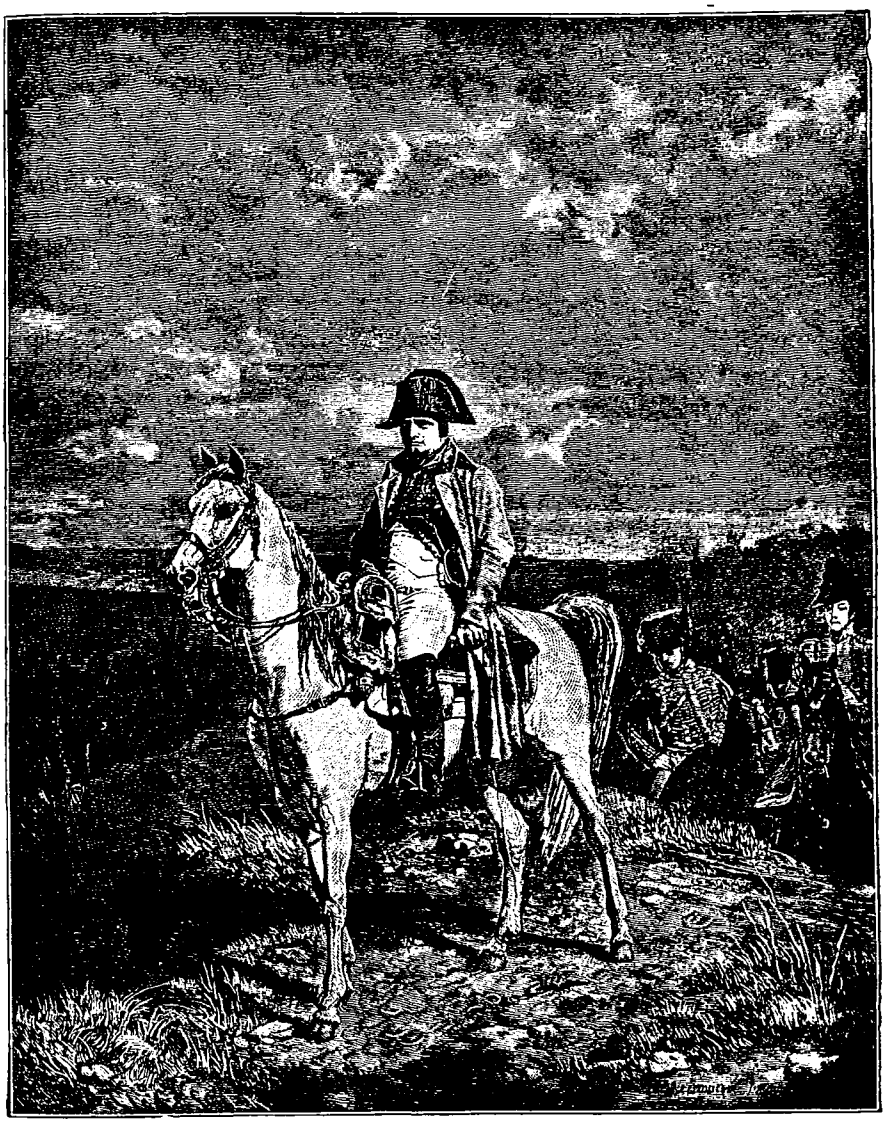
— Вы не должны стѣсняться этимъ, замѣтилъ съ живостью графъ Эрбахъ.—Вдобавокъ, я убѣжденъ, что въ вашей жизни нѣтъ такихъ тайнъ, которыя вы считали бы нужнымъ скрывать. И такъ, начинайте свой разсказъ!

— Я готовъ исполнить ваше желаніе, сказалъ Бухгольцъ,—хотя мнѣ придется въ короткихъ словахъ разсказать вамъ мою біографію. Мой отецъ былъ достаточный человѣкъ и, замѣтивъ во мнѣ хорошія способности, рѣшилъ посвятить меня ученой карьерѣ. Между тѣмъ, съ дѣтства моей любимой мечтой было сдѣлаться живописцемъ, или скульпторомъ, но отецъ и слышать не хотѣлъ объ этомъ, такъ какъ считалъ всякое искусство пустымъ препровожденіемъ времени, не приносящимъ доходу. Онъ также не особенно уважалъ ученыхъ, но видѣлъ, по крайней мѣрѣ, что нѣкоторые изъ нихъ достигаютъ чиновъ и почета. Такимъ образомъ, на семейномъ совѣтѣ рѣшено было, что я сдѣлаюсь юристомъ, хотя я не имѣлъ къ этому ни малѣйшей склонности. Избѣгая ссоры съ отцомъ, я рѣшился навсегда отказаться отъ карьеры художника и, бросивъ живопись съ отчаяніемъ въ сердцѣ, отправился въ университетъ въ Галле. Это былъ мой первый искусъ. Второй наступилъ скорѣе, чѣмъ я могъ ожидать. Мой старшій братъ помогалъ отцу въ дѣлахъ; два года все шло хорошо. Въ надеждѣ доставить радость отцу и современемъ приносить пользу государству, я работалъ усердно, несмотря на то, что законовѣдѣніе по прежнему нисколько не занимало меня. Но тутъ пришло извѣстіе, что братъ поссорился съ отцомъ и уѣхалъ изъ Бранденбурга; дѣла были разстроены; силы начали измѣнять отцу, онъ не въ состояніи былъ заботиться одинъ о многочисленной семьѣ... Я рѣшился вторично пожертвовать собой, такъ какъ увидѣлъ необходимость разстаться съ моими умственными занятіями, и обратиться въ дѣловаго человѣка. Новая непривычная работа ждала меня; я долженъ былъ обуздать свое сердце и покориться долгу. Мнѣ не пришлось раскаяться въ принесенныхъ жертвахъ, но я не знаю, хватило ли бы у меня силъ пережить вновь тѣ мученія, которыя я испыталъ въ этихъ двухъ случаяхъ...

Простой разсказъ молодаго бюргера глубоко тронулъ присутствующихъ, хотя въ немъ было много недосказаннаго.

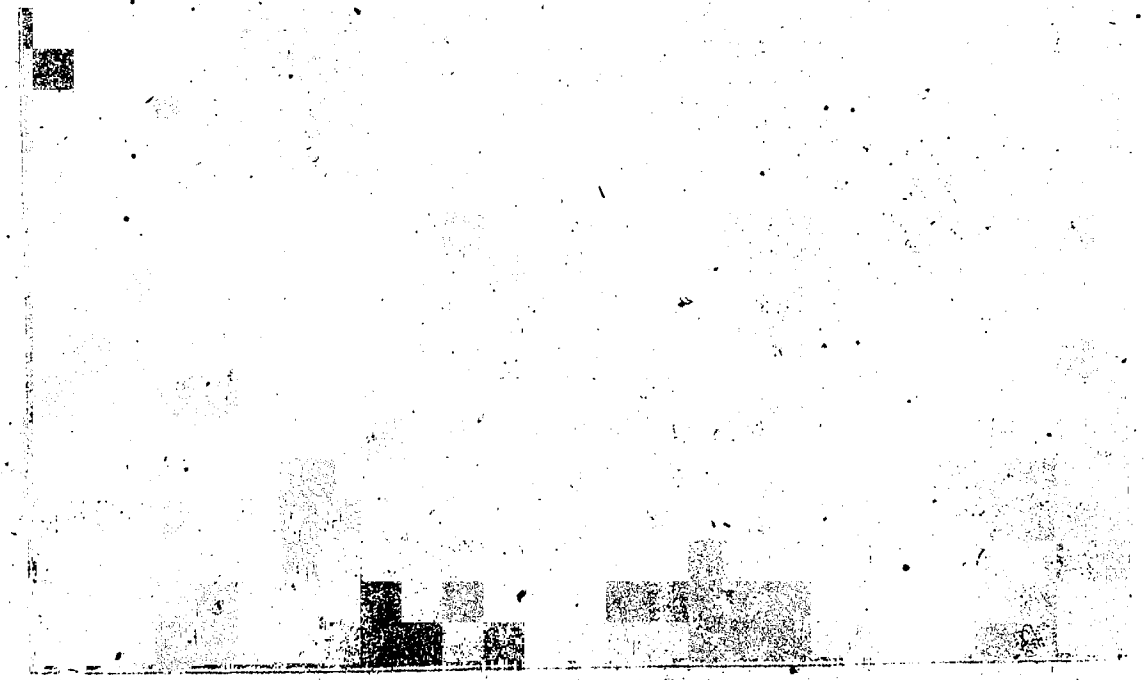
— Я радуюсь за васъ, сказалъ Іосифъ,—что вы теперь ѣдете въ Италію. Прежняя страсть къ живописи, вѣроятно, не оставила васъ. Вы тамъ насмотритесь на картины и статуи, которыхъ не забудете во всю свою жизнь. Какая дивная природа будетъ окружать васъ! голубое небо, море...

— Какъ счастливы тѣ, которые имѣютъ возможность путешествовать! добавилъ графъ Эрбахъ.—Я всегда жалѣлъ бѣдняковъ, которые всю жизнь должны оставаться на какомъ нибудь клочкѣ земли. Мо-

1814

ВВЕДЕНІЕ.

Изображеніе какого бы то ни было историческаго періода времени въ настоящее время должно представлять картину культурнаго развитія. Давно прошло то время, когда войны и мирные договоры, жизнеописанія правителей и полководцевъ, придворныя празднества и интриги составляли исключительное содержаніе исторіи; съ прошлаго столѣтія все больше и больше созрѣваетъ убѣжденіе въ томъ, что дѣйствительная и настоящая исторія человѣчества, такъ же какъ и отдѣльныхъ народовъ, состоитъ главнымъ образомъ въ изображеніи ихъ духовнаго развитія. О вѣчномъ мирѣ могутъ говорить пока только утописты, которые разсматриваютъ человѣческую природу и условія, при которыхъ образуются тѣ или другія формы государственной жизни, сообразно тому идеалу хорошаго, осуществленіе котораго они желали бы видѣть, или же просто подъ вліяніемъ какихъ нибудь сумасбродныхъ теорій, имъ

самимъ неясныхъ. Какъ бури составляютъ физическую необходимость, такъ неизбѣжны войны, потому что онѣ имѣютъ основаніе въ жизни народовъ, вліяютъ на эту жизнь, и потому будутъ представлять постоянно, или по крайней мѣрѣ долгое еще время, нѣкотораго рода ударъ, разрѣшающій то или другое историческое хитросплетеніе. Но чѣмъ больше возрастаетъ сознаніе достоинства духовныхъ пріобрѣтеній, тѣмъ больше будетъ утверждаться воззрѣніе, что благосостояніе всего общества обусловливается возросшею духовною мощью индивидуума, что эта мощь можетъ выказываться разнообразнымъ образомъ въ мирномъ трудѣ. Въ области науки и искусства, въ промышленной дѣятельности, въ учрежденіяхъ, которыхъ требуетъ человѣчество и человѣчность, въ уединенномъ кабинетѣ мыслителя, въ лабораторіи ученаго, изслѣдующаго таинственныя проявленія силъ природы, въ огромныхъ мастерскихъ и на выставкахъ, куда стекаются народы со всѣхъ концовъ міра на мирное состязаніе,—повсюду сказывается въ настоящее время исторія человѣческаго прогресса. Многія открытія нашего столѣтія болѣе измѣнили отношенія народовъ и видъ земнаго шара, чѣмъ это могло бы совершиться съ помощію цѣлой сотни войнъ и конгрессовъ; наконецъ, они создали „духъ времени“, который, не смотря на всѣ свои болѣзненныя явленія, тѣмъ не менѣе однако приведетъ человѣчество къ лучшему состоянію. По мѣрѣ того какъ возрастаетъ оцѣнка каждаго духовнаго пріобрѣтенія, каждой новой плодотворной идеи, по мѣрѣ того какъ эта оцѣнка получаетъ болѣе и болѣе широкое распространеніе въ массахъ, по преимуществу среди нѣмцевъ *), — стремленіе къ духовнымъ интересамъ увеличивается. Ни одна научная область не можетъ въ настоящее время оградить себя настолько высокими стѣнами, чтобы за ними въ идиллическомъ покоѣ предаваться изслѣдованіямъ и чувствамъ. Публичность пріобрѣла значеніе огромной рѣшающей силы, которая отъ каждаго труда требуетъ отчета и съ неутомимою жаждою любознательности допытывается отвѣта на тысячи вопросовъ. Исторія въ смыслѣ „исторіи войнъ“ не удовлетворяетъ уже болѣе даже малообразованныя сословія; даже эти послѣднія стремятся теперь—пріобрѣсти болѣе

*) Это говоритъ авторъ-нѣмецъ, и говоритъ, пожалуй, не безъ основанія. Примѣч. перев.

Луиза, королева прусская (изъ 3-го выпуска).

широкій взглядъ на культурную жизнь и внести извѣстный порядокъ въ массу единичныхъ явленій, напирающихъ со всѣхъ сторонъ.

Черта естественная и вполнѣ законная въ такой вѣкъ, который во всѣхъ сферахъ жизни произвелъ такія глубокія перемѣны. Сколько личностей представляетъ намъ одна государственная жизнь съ начала нынѣшняго столѣтія!

Отъ Наполеона I до императора Вильгельма, въ относительно короткій періодъ времени, проходятъ одинъ за другимъ ряды необозримаго множества замѣчательныхъ людей; новыя идеи—истинныя и ложныя—поднимаются на поверхность изъ кипящаго котла революціоннаго періода исторіи, тревожатъ и возмущаютъ, направляютъ и объединяютъ жизнь и стремленія народовъ. Быстро обнаруживающійся повсюду прогрессъ, напряженныя политическія стремленія, неясныя мечты и возобновляемое повременамъ движеніе назадъ—всѣ эти явленія смѣняются одно другимъ и приводятъ къ благодѣтельнымъ перемѣнамъ, такъ же какъ къ безумнымъ дѣйствіямъ. Старыя государственныя формы рушатся для того, чтобы уступить мѣсто новымъ; опошленная идея всемірнаго гражданства исчезаетъ подъ вліяніемъ пробуждающагося національнаго самосознанія, сила котораго, медленно освобождаясь отъ оковъ, большія государства потрясаетъ до глубины, малыя уничтожаетъ, и соединяетъ все тѣснѣе и тѣснѣе одноплеменные народы. Нѣкогда чтимое „царство нѣмецкой націи“, представлявшее въ послѣднее время поблекшій, лишенный силы и значенія образъ прошлаго, распадается; борьба за національное главенство между старой Австріей, на сторонѣ которой въ данномъ случаѣ—авторитетъ преданія, и преслѣдующей тѣ же цѣли Пруссіею тянется въ томъ или другомъ видѣ черезъ цѣлые десятки лѣтъ, разрѣшаясь иногда дипломатическими бумагами, а иногда на поляхъ сраженій *). Дважды сталкиваются Германія и Франція въ кровопролитныхъ битвахъ; на югѣ возникаетъ, — больше благодаря пораженію, нежели побѣдамъ — объединенная Италія; Турецкая имперія,—нѣкогда ужасъ всего Запада,—становится привидѣніемъ, страшнымъ только для дѣтей, и вмѣстѣ съ тѣмъ источникомъ раздоровъ и

*) Въ настоящее время эта борьба, какъ извѣстно, уже рѣшенный и покончennый вопросъ. Примѣч. перев.

Юлія Ренамье (изъ 5-го выпуска).

войнъ, исхода которыхъ, въ смыслѣ разрѣшенія вопроса, невозможно предвидѣть; короче сказать, куда бы мы ни обратились, всюду намъ представляется нѣчто незаконченное, кружащееся въ видѣ какого то хаоса, масса фактовъ и явленій, внушающихъ опасенія.

Глубокія политическія движенія не могутъ совершаться безъ того, чтобы не возбудить сочувствія въ другихъ сферахъ жизни. Борьба различныхъ воззрѣній среди одного народа, точно такъ же какъ среди многихъ, оказываетъ свое вліяніе на то или другое временное настроеніе умовъ; это послѣднее вліяетъ, въ свою очередь, такъ или иначе на фантазію и мысль современниковъ. Поэзія и образовательныя искусства, религія и философія, даже науки, имѣющія болѣе реальную почву, какъ, напр., исторія и естествознаніе, неминуемо подвергнутся вліянію господствующихъ воззрѣній, и отнесутся къ нимъ дружелюбно, или враждебно. Такъ съ начала нынѣшняго столѣтія образовались глубокія теченія, которыя, подобно романтизму, увлекли въ свою область всѣ культурные народы и опредѣлили всѣ проявленія творческаго духа, въ какомъ бы то ни было родѣ. Вліяніе одного народа на другой должно увеличиваться, по мѣрѣ того какъ изобрѣтательность человѣческаго духа открываетъ новыя средства облегчать общеніе народовъ и идей и расширять обмѣнъ всякаго рода произведеній. Паръ, электричество и пресса наиболѣе содѣйствовали тому, чтобы уничтожить искусственныя племенныя грани и привести народы во взаимное общеніе, которое въ настоящее время не можетъ уже больше быть стѣсняемо ничѣмъ. Все это расширяло болѣе и болѣе кругозоръ послѣднихъ поколѣній и создало множество общихъ всѣмъ воззрѣній и интересовъ, которые, несмотря на развивающееся больше и больше національное самосознаніе, сглаживаютъ особенности расъ,—явленіе, которое совершается съ возрастающимъ успѣхомъ въ каждое новое десятилѣтіе. Какъ въ политической жизни, такъ точно въ области искусства и поэзіи, изобиліе произведеній духа человѣческаго поразительно; оно дѣлаетъ все болѣе и болѣе необходимымъ отдѣленіе прочнаго отъ эфемернаго, дѣлаетъ необходимымъ внесеніе порядка въ хаосъ явленій.

Естественныя науки могутъ указать на громадные результаты; съ самаго начала нашего столѣтія одно богатое слѣдствіями открытіе слѣдуетъ за другимъ; ученые всѣхъ странъ всецѣло отдались научной дѣятельности и работаютъ все глубже и глубже,

имѣя въ виду положить твердыя основы изученію природы на началахъ наблюденія. Усилія практиковъ, стремящихся примѣнить общіе принципы къ нуждамъ и пользамъ жизни, являются только отчасти въ зависимости отъ чисто научныхъ изслѣдованій. И въ самомъ дѣлѣ, колоссальное развитіе техники и приложеніе машинъ, благодаря которымъ десятки тысячъ человѣческихъ рукъ сдѣлались свободны, произвело излишекъ капитала человѣческой силы, который, однакожъ, не можетъ долго оставаться безъ обращенія, не сдѣлавшись силою, враждебною существующему общественному порядку.

Въ тѣснѣйшей связи со всѣми великими и мало-примѣтными движеніями находятся многія другія, которыя ускользаютъ отъ взора поверхностнаго наблюдателя, или же обращаютъ на себя вниманіе его только тогда, когда какое нибудь историческое событіе, или стеченіе особеннаго рода обстоятельствъ, выдвигаетъ ихъ на сцену. Движенія подобнаго рода въ настоящемъ столѣтіи совершились въ церкви, такъ же какъ и въ области соціальныхъ явленій; стремленія іерархіи снова получить нѣкогда принадлежавшее ей владычество надъ умами, постепенное образованіе четвертаго сословія и многія другія явленія относятся къ этой категоріи. Всѣ подобнаго рода движенія развиваются въ теченіе цѣлыхъ десятилѣтій—невидимыя, или мало примѣчаемыя, какъ противники, или, наоборотъ, какъ порожденія духа времени, имѣющія серьезное значеніе, или же никуда не годныя, какъ созидающія, или разрушающія силы,—развиваются до той минуты, пока не вступятъ, во всеоружіи силы, въ жизнь народовъ, для того, чтобы пробудить друзей и враговъ и вызвать борьбу, которой никто не предвидѣлъ.

Какъ послѣдній результатъ всѣхъ культурныхъ движеній является образованіе опредѣленнаго міросозерцанія, которое въ извѣстный данный періодъ времени удовлетворяетъ большую часть рода человѣческаго, облагораживая и направляя такъ или иначе его духовное и нравственное бытіе и полагая въ основу для всего міра и человѣчества какой нибудь возвышенный принципъ. Наше время доселѣ не выработало себѣ міросозерцанія, которое могло бы удовлетворить всѣ болѣе серьезные и глубокіе умы и которое находилось бы въ согласіи со всѣми несомнѣнными истинами новой науки. Новое міросозерцаніе все еще ищетъ для себя опредѣленной формы; едва-едва выступаютъ замѣтныя очертанія

изъ этого носящагося передъ нашими глазами тумана. Исторически извѣстныя религіозныя вѣрованія всѣхъ родовъ, естественно, должны были развиться въ опредѣленныхъ формахъ и тѣмъ сильнѣе должны были оказывать вліяніе на умы вѣрующихъ, чѣмъ менѣе уступали прогрессивно развивающимся идеямъ времени. Твердость, кажущаяся законченность всѣхъ этихъ внѣшнихъ религіозныхъ формъ, кажущаяся неопровержимая достовѣрность, съ какою было выражено въ догматахъ то, что по глубинѣ своей сущности не можетъ быть доказано съ полною очевидностью, которая исключала бы всякое сомнѣніе,—все это взятое вмѣстѣ составляетъ причину продолжительности существованія каждой отдѣльно взятой религіи. Особенно въ тѣ времена, когда человѣческій духъ,

Маіоръ фонъ-Шилль (изъ 3-го выпуска).

съ его движущей силой—сомнѣніемъ, пріобрѣлъ массу познаній, которыя оказываются несогласными съ какимъ нибудь церковнымъ преданіемъ, милліоны людей, слишкомъ слабыхъ для того, чтобы самимъ составить себѣ ясныя убѣжденія въ руководство для своей нравственной жизни, удаляются отъ этой путаницы отовсюду проникающихъ въ жизнь идей въ безопасную гавань историческихъ преданій, которыя разрѣшаютъ неразрѣшенные вопросы съ помощью успокоивающей вѣры. Съ другой стороны, самыя вѣроисповѣданія,

Пій VII (изъ 5-го выпуска).

для утвержденія своего владычества надъ умами, стараются о томъ, чтобы изгнать изъ обращенія и опровергнуть каждую мысль, которая угрожаетъ ихъ основнымъ воззрѣніямъ, причемъ они хватаются иногда за такія средства, которыя должны пріобрѣсти имъ враговъ въ ихъ собственномъ лагерѣ, точно такъ же какъ умножить число противниковъ ихъ лагеря. Этимъ путемъ долженъ былъ развиться въ извѣстной степени грубый матеріализмъ, который принималъ за неоспоримую истину все, что легкомысленные или поверхностные естествоиспытатели выдавали за без-

условно достовѣрное, и на этомъ основаніи требовали отъ большинства, не обладающаго въ подобныхъ случаяхъ самостоятельнымъ сужденіемъ, той же самой „слѣпой вѣры", которую они такъ осмѣивали въ церковныхъ вѣрованіяхъ; этимъ путемъ должно было образоваться гибельное равнодушіе ко всякаго рода внутренней религіозной жизни,—равнодушіе, которое получило такое широкое развитіе въ человѣческомъ родѣ; этимъ путемъ долженъ былъ, наконецъ, образоваться пессимизмъ, который относится враждебнымъ образомъ къ жизни во всѣхъ ея сферахъ и потребляетъ нѣкоторую часть здоровой народной силы.

Въ глубокой связи съ этою невидимою духовною борьбою находится пренебреженіе идеальныхъ жизненныхъ воззрѣній, склонность къ пріобрѣтенію безъ труда и чувственному наслажденію жизнью,—склонность, которая въ настоящее время является господствующею въ немалой части европейскаго общества, и только въ самое послѣднее время начинаетъ постепенно уступать болѣе серьезному направленію; въ тѣсной связи съ этими духовными проявленіями находится полуобразованіе, составляющее отличительную черту большинства общества. Духъ человѣческій произвелъ въ теченіи послѣдняго столѣтія слишкомъ много новаго, и народы не были въ состояніи все это воспринять и переработать въ плоть и кровь; тысячи людей должны были довольствоваться опаснымъ полузнаніемъ и дѣлали на основаніи его гибельные выводы, которые полагали потомъ въ основу своей нравственной жизни.

Рядомъ съ матеріалистическимъ направленіемъ постепенно развилось другое, которое, находясь въ противорѣчіи съ ложными воззрѣніями перваго, искало удовлетворенія сверхъестественныхъ стремленій человѣка—въ суевѣріи. Это—спиритизмъ, развитіе котораго относится именно къ тому самому времени, когда апостолы самаго поверхностнаго матеріализма торжествовали самые блистательные свои тріумфы; суевѣріе, которое съ каждымъ новымъ десятилѣтіемъ пріобрѣтало новыхъ послѣдователей и будетъ пріобрѣтать еще, такъ какъ люди, уклонившись отъ зова науки, отдались разнаго рода мечтаніямъ, вслѣдствіе чего оказываютъ честь и уваженіе тому, что само по себѣ очень сомнительно и неясно.

Каждому, кто хочетъ достичь пониманія нашего вѣка, необходимо обнять во взаимной связи всѣ наиболѣе замѣчательныя явленія его во всѣхъ сферахъ. Авторъ настоящаго сочиненія задался

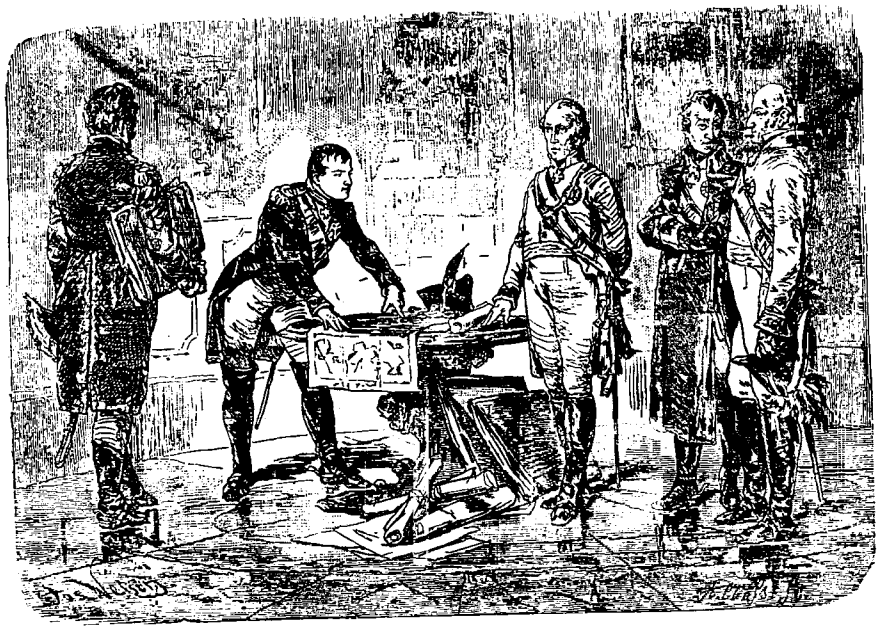
трудною задачею—представить всѣ подобнаго рода явленія въ ясномъ и, насколько только это возможно, краткомъ изложеніи. Нѣтъ недостатка въ сочиненіяхъ, имѣющихъ содержаніемъ своимъ этотъ самый предметъ и трактующихъ о немъ съ огромнымъ запасомъ ума и учености, но въ сочиненіяхъ этихъ преобладаетъ научный интересъ. Всѣ эти труды въ своемъ родѣ превосходны, но предполагаютъ уже предварительно въ читателѣ болѣе или менѣе значительную массу свѣдѣній; они слишкомъ обширны для того, чтобы могли получить доступъ въ обширный кругъ общества; они требуютъ постояннаго, часто труднаго занятія *).

Авторъ настоящаго сочиненія имѣлъ въ виду написать книгу, которая обнимала бы важнѣйшіе факты и явленія различныхъ сферъ знанія, представила бы все это въ формѣ, доступной даже для малообразованнаго круга читателей, дала бы ему перечень всего этого и руководящую нить, которая могла бы вести его въ лабиринтѣ явленій. Въ сочиненіи не опущено ничего, что наиболѣе вліяло на развитіе нашего вѣка вообще, но авторъ избѣгалъ слишкомъ большимъ количествомъ матеріала утомлять и затруднять читателя. Къ изображенію политическихъ отношеній, въ разные періоды времени, будутъ присоединяться въ особыхъ отдѣлахъ измѣненія и успѣхи въ области литературъ, образовательныхъ искусствъ, наукъ, изобрѣтеній, открытій, прессы, всемірной торговли и т. д.

Какъ въ деревѣ мы видимъ стволъ, вѣтви, листья и цвѣты, но не видимъ корня, такъ точно бываетъ и въ эпохахъ исторіи. Числа, которыми мы обозначаемъ столѣтія, представляютъ только чисто внѣшнее раздѣленіе времени, вызываемое необходимостью, но они не отдѣляютъ дѣйствительнымъ образомъ одинъ періодъ времени отъ другого. То же самое нужно сказать и о настоящемъ столѣтіи: корни его утверждаются прочнымъ и несомнѣннымъ образомъ въ предъидущемъ, которое произвело такое сильное и богатое послѣдствіями возбужденіе во всѣхъ сферахъ общественной жизни. Періодъ времени 1800—1880 гг. не можетъ быть понятенъ, если не уяснить себѣ значенія предшествующей эпохи. Полное пониманіе нашего, современнаго намъ, настоящаго возможно только при условіи пониманія ближайшаго къ нему прошедшаго, потому

*) Не надо забывать, что это говоритъ нѣмецъ. Русская литература не имѣетъ подобнаго рода сочиненій. Примѣч. перев.

что не только начало нашего столѣтія, но очень многія мысли настоящаго имѣютъ корень въ томъ полномъ возбужденнаго движенія періодѣ, который обнимаетъ время между Сѣверо-американскою войною за освобожденіе и концомъ Французской революціи. Такимъ образомъ, для насъ было дѣломъ безусловной необходимости изобразить политическія и умственныя движенія той эпохи. Мы можемъ ограничиться всего нѣсколькими словами относительно исходной точки, принятой авторомъ. Онъ старается не приставать ни къ одной партіи (strebt nach Parteilosigkeit), насколько это ми-

Наполеонъ и императоръ Францъ въ Пресбургѣ (изъ 2-го выпуска).

рится съ его собственными убѣжденіями, и стоитъ на почвѣ свободы, доколѣ она не переходитъ въ необузданность и не удаляется отъ законовъ разума.

Наше время запечатлѣно характеромъ, который во многихъ отношеніяхъ представляетъ нѣчто прямо враждебное всему идеальному. Болѣе серьезные умы различныхъ націй задались задачею—вооружиться противъ него для того, чтобы спасти идеалы человѣчества отъ напора новѣйшаго варварства. Германія также приняла

участіе въ этой благородной борьбѣ, которую продолжаютъ и донынѣ наиболѣе замѣчательные умы. Располагая небольшимъ запасомъ знаній и при небольшихъ силахъ, авторъ „Нашего Вѣка“ тѣмъ не менѣе считаетъ себя обязаннымъ сражаться съ подобнымъ врагомъ,—съ духомъ безсодержательнаго матеріализма, который рѣшительно не имѣетъ должнаго уваженія ко всѣмъ вообще художественнымъ, какъ и нравственнымъ идеаламъ, который въ послѣднихъ своихъ результатахъ долженъ привести къ яростной борьбѣ всѣхъ противъ всѣхъ, и достояніе человѣчества, добытое исторіей,

Наполеонъ въ Москвѣ (изъ 3-го выпуска).

похоронить подъ пустынными развалинами. Точно также должно вести борьбу противъ того несчастнаго пессимизма, который, точно ракъ, глубоко въѣлся въ образованные круги общества и уже совершенно овладѣлъ одною частью молодежи. Поколѣніе, которое сомнѣвается въ самомъ себѣ, такъ же какъ въ цѣломъ мірѣ, должно совершенно потерять живую силу дѣятельности, непоколебимое чувство долга, способность съ радостію приносить жертвы, и жалкимъ образомъ пасть, когда неумолимый духъ исторіи возложитъ на его плечи трудныя задачи. Вслѣдствіе этого, всегда и во

всѣхъ случаяхъ необходимо вести борьбу съ этимъ пессимистическимъ духомъ времени, который, точно такъ же какъ и духъ матеріализма, сдѣлался болѣзнью вѣка и который тѣмъ опаснѣе, что эгоизмъ отдѣльныхъ личностей, такъ же какъ и партій, во всѣхъ сферахъ достигаетъ огромныхъ размѣровъ. Не только каждый отдѣльно взятый человѣкъ, но и цѣлые народы могутъ достигать величія только тогда, когда они стараются подавить въ себѣ эгоизмъ, подавить равнодушіе къ идеаламъ духовной и нравственной жизни и съ неослабѣвающей энергіей посвящать себя задачамъ своего времени. Исторію часто называютъ предсказательницей, но, къ сожалѣнію, она слишкомъ часто является Кассандрой, зова которой не хотятъ слушать; обязанность культурныхъ народовъ настоящаго времени состоитъ въ томъ, чтобы дѣйствительно научаться чему нибудь изъ прошедшаго, чтобы достичь умѣнья распознавать безуміе и гибельныя стороны такого умственнаго движенія, которое въ настоящее время разрушаетъ спокойствіе государствъ, чтобы, въ противуположность этому, вызвать изъ состоянія дремоты всѣ благородныя и возвышенныя мысли человѣчества протекшихъ вѣковъ и осуществить ихъ въ дѣлахъ, за которыя когда нибудь ихъ поблагодарятъ самые отдаленные потомки.

отъ
1770
до
1820
1813
1815
Книга
первая
РЕАКЦІЯ

I.

Отъ Сѣверо-американской войны за независимость до провозглашенія Наполеона I императоромъ французовъ.

Въ 1760 году, на англійскій престолъ вступилъ Георгъ III,—человѣкъ упорный въ религіозныхъ взглядахъ и домогавшійся присвоить себѣ права самодержавія, что меньше всего было согласно съ преданіями англійской исторіи. Въ царствованіе его обнаружилось сильное демократическое движеніе, которое нашло поддержку не только въ большинствѣ народа, но и въ общемъ духѣ времени. Довольно незначительный самъ по себѣ случай сдѣлался причиною событій первостепенной важности. Еще весною 1764 г. нарламентъ и министерство Гренвиля сдѣлали постановленіе—измѣнить положеніе сѣверо-американскихъ колоній относительно метрополіи. Торговля и промышленность подвергались разнаго рода стѣсненіямъ; многіе привозимые изъ-за границы товары были оплачиваемы пошлиною, высокій размѣръ которой вредилъ нѣкоторымъ отраслямъ торговли, начинавшимъ процвѣтать. Въ слѣдующемъ году была установлена новая штемпельная пошлина, которая подала поводъ къ серьезнымъ усложненіямъ. Представители главнѣйшихъ штатовъ союза, собравшись на конгрессъ, высказались энергически противъ новой мѣры

и твердо рѣшили оказать ей сопротивленіе. Новое министерство, съ маркизомъ Рокингемомъ во главѣ, ввело въ свою министерскую программу отмѣну новой пошлины, чтобы успокоить колоніи, и въ этихъ видахъ избрало посредникомъ Веніамина Франклина, который, въ качествѣ депутата Пенсильваніи, находился въ это время въ Лондонѣ. Франклинъ, сынъ бѣднаго мыловара, родившійся 17-го января 1706 года въ Бостонѣ, пользовался большимъ вліяніемъ въ колоніяхъ. Его практическій взглядъ на вещи, равно какъ и его знакомство съ сѣверо-американской жизнью дѣлали его въ глазахъ маркиза человѣкомъ, наиболѣе способнымъ возстановить миръ. Въ одномъ изъ засѣданій парламента Франклинъ представилъ взаимныя отношенія метрополіи и колоній и этимъ склонилъ правительство къ отмѣнѣ пошлины. Но такой образъ дѣйствій министерства и парламента очень мало соотвѣтствовалъ видамъ короля и придворной партіи. Рокингемъ долженъ былъ удалиться отъ дѣлъ; образовалось новое, болѣе сговорчивое министерство, въ которомъ вмѣстѣ съ Питтомъ Старшимъ, получившимъ теперь титулъ графа Чатама, засѣдали уклончивые царедворцы и котораго главою сдѣлался герцогъ Графтонъ. Но это министерство встрѣтило сильную оппозицію какъ въ новой сессіи парламента, такъ и въ народѣ, особенно по выходѣ въ отставку Чатама. Среди разгара этого движенія, въ лондонской газетѣ „Public advertiser“ появились статьи, съ именемъ „Юніуса“, изъ которыхъ первая была напечатана 21-го января 1769 г., а послѣдняя — около трехъ лѣтъ спустя. Съ возрастающей смѣлостью и остроуміемъ, представлявшимъ всевозможныя ступени и оттѣнки, отъ легкой насмѣшки до язвительнаго сарказма,— полнымъ прелести, бойкости и ясности языкомъ, изображалъ неизвѣстный авторъ событія той эпохи, нападалъ на вліятельныхъ лицъ, не исключая самого короля, и защищалъ права англійской конституціи противъ самовластнаго нарушенія ея правящими сферами, и особенно—неприкосновенность выборнаго начала, свободу прессы и судъ присяжныхъ. Въ этихъ письмахъ,—авторомъ которыхъ, какъ это положительно доказано только въ послѣднее время, былъ сэръ Филиппъ Франсисъ (род. 1740, ум. 1818 г.),—господствовалъ нерѣдко революціонный тонъ; въ нихъ говорилось рѣшительнымъ образомъ о равноправности гражданъ, о правильномъ распредѣленіи налоговъ; все это получило тѣмъ большее значеніе, что идеи автора встрѣтили живой отголосокъ не только въ обществѣ, но, благодаря Чатаму, въ самомъ парламентѣ. Первымъ послѣдствіемъ возникшаго движенія былъ выходъ въ отставку кабинета Графтона; въ концѣ января 1770 года лордъ Нортъ сталъ во главѣ новаго министерства, но разногласіе между свободолюбивыми горожанами

(Bürgerthum) и народомъ—съ одной стороны, и королевской и аристократической партіей съ другой не только сохранило свою суровость, но еще больше обострилось. Въ это время вмѣстѣ съ Юніусомъ выступилъ на сцену другой политическій писатель Эдмундъ Бурке, родившійся въ 1730 г., съ 1765 г. членъ парламента. Въ 1770 году онъ издалъ сочиненіе, въ которомъ съ крайней рѣзкостью нападалъ на стремленія абсолютизма обратить парламентъ въ учрежденіе, лишенное значенія, и уничтожить конституціонную англійскую свободу.

Равнымъ образомъ и въ колоніяхъ волненіе не прекращалось. Старанія Графтона—навязать имъ новый налогъ—не имѣли успѣха; Нортъ возобновилъ попытку. Налагая небольшую пошлину на чай, онъ думалъ, по крайней мѣрѣ, защитить подобнаго рода материнское право Англіи относительно ея дочери—Америки. Первое проявленіе народнаго возбужденія было въ Бостонѣ, гдѣ вооруженные граждане сбросили въ море чайный грузъ, находившійся на нѣсколькихъ корабляхъ (18-го декабря 1773 г.). Тогда Англія заперла бостонскую гавань и послала войска, предводитель которыхъ генералъ Гедонъ, уполномоченный королемъ и парламентомъ, уничтожилъ демократическую конституцію Массачуссета и распустилъ его законодательное собраніе. Слѣдствіемъ этой мѣры былъ конгрессъ въ Филадельфіи, на который почти всѣ колоніи прислали своихъ депутатовъ. На конгрессѣ было рѣшено, что колоніи вправѣ защищаться, что онѣ въ этомъ случаѣ вступаются за древнюю англійскую конституцію противъ покушеній на нее короля и, слѣдовательно, могутъ разсчитывать на участіе англійскихъ гражданъ. Отдѣльно изложенная статья трактовала о томъ, что неотъемлемо принадлежитъ человѣку по природѣ; статья была названа „права человѣка“—понятіе до такой степени эластическое и скользкое, что врядъ ли можно найти другое подобное. Еще до окончанія этого конгресса было рѣшено созваніе второго; народъ въ штатѣ Массачуссетъ вооружился; въ февралѣ и апрѣлѣ 1775 года, дошло до столкновенія съ англійскими войсками. Естественно, что при такихъ обстоятельствахъ рѣшенія конгресса, встрѣтившія большое сочувствіе въ Европѣ, были приняты неблагосклонно Георгомъ и министерствомъ. Второй филадельфійскій конгрессъ послалъ новую просьбу королю, но въ то же время выставилъ союзное войско, предводителемъ котораго былъ назначенъ Георгъ Вашингтонъ; вѣрность долгу и сила характера составляли его отличительныя черты. Задача была не легка—вывести въ поле противъ дисциплинированныхъ войскъ массы, которымъ по большей части не доставало военной выправки. Ненависть къ Англіи и твердая рѣшимость сѣверо-американцевъ не доставили бы имъ,

впрочемъ, побѣды, несмотря на военныя дарованія ихъ предводителя, если бы самонадѣянность англійскихъ полководцевъ не явилась на этотъ разъ ихъ союзницей. Эта самонадѣянность испытала униженіе уже въ половинѣ іюня 1775 года, при Бункергиллѣ.

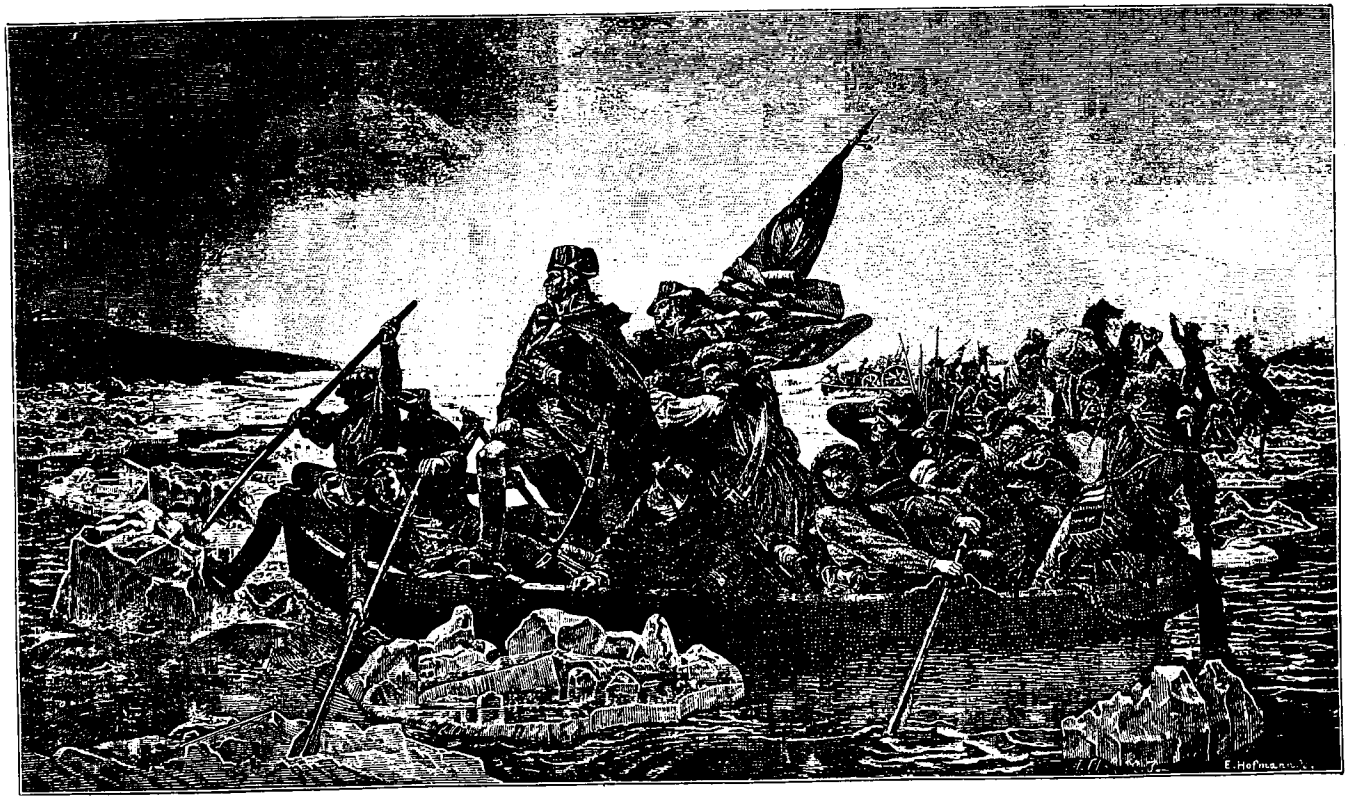
Но ни кабинетъ, ни обѣ палаты парламента не хотѣли даже слышать о примиреніи. Это вполнѣ отвѣчало тайнымъ видамъ Франклина, который желалъ придать этой борьбѣ съ Англіей характеръ вынужденной самозащиты. Кромѣ того, онъ имѣлъ въ виду воспользоваться въ благопріятную минуту симпатіями, которыя питали къ дѣлу колоній во Франціи. Высшее французское общество мечтало въ это время о свободѣ и всемірномъ гражданствѣ; настроеніе умовъ очень благопріятствовало американскому дѣлу. Въ маѣ, еще до сраженія при Бункергиллѣ, Франклинъ возвратился домой и настаивалъ на продолженіи борьбы. Весною 1776 года Вашингтонъ принудилъ запершагося въ Бостонѣ генерала Гоуэ къ сдачѣ; въ іюнѣ собрался новый конгрессъ, а 4-го іюля была торжественно провозглашена независимость Соединенныхъ Штатовъ Сѣверной Америки. Основаніемъ для этого провозглашенія были положены упомянутыя уже „права человѣка“. „Всѣ люди равны между собою; Творецъ даровалъ имъ безгранично высокія права — право жизни, свободы и стремленія къ счастію. Законно только то правительство, которое охраняетъ эти права, а законное правительство является только вслѣдствіе согласія управляемыхъ. Если правительство не отвѣчаетъ этой цѣли, то народъ имѣетъ право смѣнить его“. Этими положеніями былъ подготовленъ вѣкъ революцій.

Въ сентябрѣ, американское войско потерпѣло сильное пораженіе, но Вашингтонъ, нѣсколькими удачными стычками послѣ перехода черезъ Делаваръ, покрытый пловучимъ льдомъ, придалъ новую бодрость союзникамъ. Между тѣмъ конгрессъ послалъ своего сочлена Франклина въ Парижъ, чтобы онъ употребилъ тамъ всѣ усилія для заключенія союза съ Франціей. Франклинъ былъ всюду принимаемъ съ величайшимъ восторгомъ. Дворянство ухаживало за нимъ; ученые и писатели, вскормленные тѣми идеями, которыя теперь въ Америкѣ были прилагаемы къ дѣлу, смотрѣли на этого умнаго и такъ просто державшаго себя гражданина, какъ на оракула: наивно и беззаботно шутили съ огнемъ революціонныхъ идей. Немногіе были дѣйствительно убѣждены въ глубинѣ души въ истинности этихъ идей; къ числу этихъ немногихъ принадлежалъ молодой маркизъ Марія Жозефъ де-Лафайетъ (род. въ 1757 г.) Еще за нѣсколько мѣсяцевъ передъ этимъ онъ снарядилъ на собственныя средства отборный отрядъ вмѣстѣ съ фрегатомъ, на которомъ въ апрѣлѣ пустился въ море и благополучно достигъ

цѣли. Вашингтонъ принялъ его дружески; конгрессъ произвелъ юношу въ генералъ-майоры, впрочемъ больше по чувству вѣжливости, нежели по убѣжденію. Осенью 1777 года, война приняла благопріятный для союза оборотъ; англійскій отрядъ вынужденъ былъ сдаться при Сараточѣ (10 окт.). Этотъ счастливый случай рѣшилъ образъ дѣйствій французскаго министерства, которое 8 февраля 1778 года подписало, наконецъ, два договора съ Франклиномъ, въ силу которыхъ Франція признавала независимость сѣверо-американцевъ и обѣщала имъ дѣятельную помощь для достиженія полной независимости. Спустя двѣ недѣли послѣ заключенія договора, Франклинъ и его спутники были торжественно представлены ко двору. Этотъ моментъ принадлежитъ къ числу самыхъ замѣчательныхъ въ историческомъ смыслѣ. Въ среду общества, которое, при всѣхъ своихъ теоретически-отвлеченныхъ мечтахъ о всемірномъ гражданствѣ и свободѣ, не уступило бы самой незначительной доли изъ своихъ аристократическихъ преимуществъ и держало себя высокомѣрно относительно народа,—въ эту среду вступали три простыхъ гражданина, въ простыхъ, длинныхъ сюртукахъ, не напудренные, но у которыхъ выражались во всемъ разсудительность и прямота, такъ непохожія на легкую и легкомысленную, хотя и блестящую внѣшность парижскаго двора. Когда они приближались къ королю черезъ блестящіе ряды придворныхъ, ихъ встрѣтили рукоплесканія. Но еще оживленнѣе былъ восторгъ, съ которымъ народъ, сновавшій взадъ и впередъ передъ Тюльери, привѣтствовалъ трехъ американцевъ. Все это, взятое вмѣстѣ, представляло невинную, повидимому, прелюдію къ великой революціи, потому что въ народѣ жили уже тѣ идеи, которыя въ тиши подготовляли такую опасность.

Война тянулась съ перемѣнчивымъ счастіемъ, пока Вашингтону не удалось, наконецъ, нанести англичанамъ рѣшительный ударъ тѣмъ, что онъ отрѣзалъ отъ сообщеній и взялъ Іорктаунъ. Это было какъ нельзя болѣе кстати, такъ какъ жертвы, которыхъ требовала война, до крайности истощили силы колоній, особенно въ финансовомъ отношеніи, чему главнымъ образомъ способствовали неблагоразумный выпускъ бумажныхъ денегъ и тѣсно связанный съ войною застой въ торговлѣ.

Англійское министерство увидѣло, наконецъ, невозможность снова подчинить своей власти колоніи, тѣмъ болѣе, что невозможно было разсчитывать на одинаковый повсюду успѣхъ, такъ какъ приходилось въ то же время бороться съ Франціею и держать себя на-готовѣ противъ болѣе и болѣе возраставшей оппозиціи внутри государства; наконецъ, стала грозить еще бо́льшая опас-

Переходъ Вашингтона черезъ Делаваръ, картина Лейце.

(Съ гравюры, изданной Гупилемъ въ Парижѣ).

ность, когда Карлъ III испанскій принялъ сторону Франціи. Положеніе дѣлъ сдѣлалось еще труднѣе, когда, по иниціативѣ Россіи, проектированъ былъ союзъ нейтральныхъ морскихъ государствъ; союзъ этотъ имѣлъ цѣлью охрану торговыхъ русскихъ и нидерландскихъ судовъ отъ нападеній воюющихъ державъ. Тогда Англія объявила войну Нидерландамъ. Такимъ образомъ, британскому могуществу въ Европѣ стали грозить трое противниковъ. Внутри государства больше и больше развивалась оппозиція противъ Норта, во главѣ которой стояли Ричардъ Бринслей Шериданъ, сынъ актера, родившійся въ 1751 году въ Дублинѣ, извѣстный, между прочимъ, какъ поэтъ, Вильямъ Питтъ Младшій, третій сынъ лорда Чатама, оба избранные въ 1780 году въ члены парламента. До марта 1782 года продолжалась борьба оппозиціи противъ Норта, пока, наконецъ, этотъ послѣдній, будучи не въ силахъ болѣе отражать удары, не вышелъ въ отставку. Георгъ III поставленъ былъ въ необходимость образовать новое министерство изъ членовъ ненавистной ему партіи. Въ составъ его вошли: Рокингамъ, Шериданъ и Бурке—люди, которые давно уже высказывались въ пользу признанія независимости колоній и внесли разрѣшеніе этого вопроса въ этомъ смыслѣ въ свою программу. Морская война между тѣмъ принесла англичанамъ много потерь: островъ Минорка былъ отнятъ у нихъ Испаніею; только Гибралтаръ, гарнизономъ котораго начальствовалъ лордъ Элліотъ, удержался, несмотря на всѣ нападенія, а равно и попытки французскаго флота овладѣть островами въ Вестъ-Индіи не удались. Въ послѣднее время войны, въ Парижѣ начались переговоры о мирѣ, которые, наконецъ, 3 сентября 1783 года, окончились Вестфальскимъ миромъ. Франклинъ добился теперь признанія независимости колоній даже со стороны Англіи; Испанія удержала за собою часть завоеваній, но должна была отказаться отъ Гибралтара. Франція получила вознагражденіе. Въ самомъ дурномъ положеніи очутилась Голландія. Хотя такимъ образомъ Англія уничтожила усилія европейскихъ морскихъ державъ—поколебать ея могущество на морѣ, тѣмъ не менѣе однако миромъ были недовольны, и борьба противъ министерства снова началась, прежде чѣмъ послѣдовало подписаніе Версальскаго договора. Это движеніе повело къ образованію такъ называемаго коалиціоннаго министерства, въ которомъ рядомъ съ лордомъ Нортомъ занялъ мѣсто республиканецъ Чарльсъ Джемсъ Фоксъ, нѣкогда бывшій его противникомъ. Цѣли коалиціи были однако эгоистичны и разоблачились скоро; 19 декабря 1783 года Георгъ отставилъ министерство; во главѣ управленія сталъ теперь Питтъ, противникъ коалиціи и демократическаго движенія, поборникъ аристократиче-

скихъ правъ, человѣкъ, кажется, родившійся государственнымъ дѣятелемъ и дипломатомъ, обладавшій ровностью въ характерѣ, разсудительностью и самообладаніемъ. Въ Англіи такимъ образомъ одержало побѣду консервативное направленіе въ то самое время, когда въ государствахъ континента Европы—во Франціи, Бельгіи и Голландіи, началъ развиваться революціонный духъ и все больше и больше овладѣвалъ умами.

Періодъ нѣмецкой литературы, обнимающій время пробужденія народнаго самосознанія и борьбы противъ установившихся понятій въ поэзіи, также какъ въ сферѣ общественной жизни и нравственности, можетъ быть обозначенъ именемъ драмы поэта Максимиліана Клингера Sturm und Drang. Это названіе, въ большей или меньшей степени, можетъ быть примѣнено къ настроенію всѣхъ культурныхъ народовъ Европы въ періодъ времени, предшествовавшій французской революціи. Въ началѣ XVIII столѣтія, духовная жизнь великихъ европейскихъ народовъ или почти замерла, какъ это было у южно-романскаго племени, или, какъ въ Англіи, Франціи и Германіи, была проникнута духомъ трезвой разсудительности, которая однако-жъ, вмѣстѣ съ тѣмъ, соединялась съ неестественностью, господствовавшей всюду — въ поэзіи, въ образовательныхъ искусствахъ, въ пріемахъ обращенія. Собственно такъ-называемый народъ стоитъ больше или меньше вдали отъ духовной и политической жизни націй; князья, дворянство, духовенство и ученые представляли почти единственные круги общества, обладавшіе правами; масса же народа, за исключеніемъ Англіи, стояла какъ бы внѣ духовной и политической жизни. Но уже мало по малу подготовлялась перемѣна во взглядахъ, которая частію шла изъ Англіи. Англійскій мыслитель Джонъ Локкъ (ум. 1704 г.), въ главномъ сочиненіи своемъ, указалъ на чувственное воспріятіе и рефлексію, какъ на единственные источники человѣческаго знанія, и рѣшительно отрицаетъ знаніе, которое не основано на опытѣ или умозаключеніи отъ частнаго къ общему. Точно такъ же онъ боролся съ ученіемъ о божественномъ происхожденіи монархической власти, указывалъ, какъ на основу всего — на первоначальную свободу человѣка и требовалъ не только полной терпимости религіозныхъ мнѣній, но и гражданской равноправности для всѣхъ исповѣданій. Мысли, которыя высказываетъ философъ въ ученомъ сочиненіи, естественно не могутъ оказать скораго дѣйствія онѣ нуждаются для этого во времени и въ популярной формѣ, которая сдѣлала бы ихъ доступными. Эту задачу относительно Локка

выполнилъ отчасти Антони, графъ Шефстбюри (ум. 1713 г.), который въ сочиненіяхъ своихъ, отличающихся популярнымъ и яснымъ изложеніемъ, слѣдовалъ ученію Локка. Но онъ рѣзче, чѣмъ Локкъ, возставалъ противъ религіи, отрицалъ обязательное значеніе откровенія и требовалъ совершенной свободы во всѣхъ родахъ изслѣдованія. Такъ какъ онъ отличался увлекательнымъ изложеніемъ, часто глубокомысліемъ, являясь въ то же время остроумнымъ и насмѣшливымъ, то сочиненія его пріобрѣли обширный кругъ читателей въ высшихъ слояхъ общества, изъ среды котораго вышло потомъ еще два вліятельныхъ писателя: лордъ Генрихъ Болингброкъ (ум. 1751 г.) и графъ Филиппъ Честерфильдъ (умеръ 1773 г.). Первый еще болѣе язвительно издѣвался надъ религіею; онъ не отрицаетъ божества, но видитъ въ религіозныхъ вѣрованіяхъ не больше какъ орудіе государственныхъ цѣлей. Народъ, по мнѣнію его, должно воспитывать на вѣрованіяхъ государственной религіи, но для людей развитыхъ, то есть для высшаго класса гражданъ, всякаго рода предразсудки стѣснительны и лишены значенія. Отсутствіе всякаго нравственнаго идеала отличаетъ его еще больше, чѣмъ Честерфильда.

Почти одновременно съ этими учеными дѣйствовала серьезнымъ научнымъ образомъ фаланга людей, которые защищали деизмъ—вѣру въ единаго Бога, но вѣру, которая отвергаетъ всякое сверхъестественное откровеніе и основываетъ свое вѣроученіе только на разумѣ. Многіе изъ этихъ деистовъ, или „свободныхъ мыслителей“, доходили до отрицанія религіи вообще. Понятно, что подобнаго рода воззрѣнія встрѣчали сильное противодѣйствіе какъ со стороны строгихъ ревнителей вѣры, такъ и со стороны болѣе спокойныхъ, но тѣмъ не менѣе убѣжденныхъ послѣдователей какого нибудь вѣроисповѣданія; этимъ способомъ однако воззрѣнія не были уничтожаемы въ умахъ, потому что преслѣдованія создаютъ мучениковъ, а мученики находятъ себѣ адептовъ даже въ томъ случаѣ, когда они проповѣдуютъ полуистины, или поверхностное ученіе.

Несмотря однако на все, движеніе этого рода ограничилось тѣснымъ кругомъ общества и совершенно не коснулось народа. Во Франціи идеи этого рода впервые получили ту форму, благодаря которой они скоро могли проникнуть и въ низшіе слои общества. Изъ другихъ родовъ англійской литературы огромное вліяніе на континентѣ производили нравоучительныя еженедѣльныя газеты, изъ которыхъ одну Ричардъ Стиль издавалъ одинъ, а другую—очень замѣчательную—„Зритель“, вмѣстѣ съ поэтомъ Іосифомъ Аддиссономъ; еще большее значеніе пріобрѣли сантиментальные и юмористическіе романы и сочиненія цѣлаго ряда поэтовъ, которые

FRANÇOIS, MARIE,
AROUET, DE VOLTAIRE.
Né a Paris le 21 Novembre 1694.

Вольтеръ.

были направлены противъ вялыхъ и холодныхъ подражаній классическимъ образцамъ и высказывали ту мысль, что поэзія должна обратиться къ природѣ и слѣдовать только такимъ образцамъ, которые представляютъ вѣрный отпечатокъ природы, какъ напримѣръ у грековъ Гомеръ. Въ 1760 году поэтъ Макферсонъ издалъ отрывки мнимыхъ пѣсенъ „Оссіана“, а нѣсколько лѣтъ позже епископъ Перси—остатки старинныхъ англійскихъ пѣсенъ и балладъ. Больше и больше развивалось стремленіе къ естественности; больше и больше предъявлялись на нее требованія. Съ другой стороны раздавался призывъ къ освобожденію отъ устарѣвшихъ, установленныхъ преданіемъ правилъ; чувство должно быть свободно отъ всякаго стѣсненія. Съ глубокимъ убѣжденіемъ указывали на старинныхъ поэтовъ — Шекспира и Мильтона, автора „Потеряннаго Рая“. Много писали о „геніѣ“ и его правахъ на свободу.

Особеннаго упоминовенія заслуживаетъ то, что фантазія писателей отвернулась отъ прежнихъ сюжетовъ. Пастушескій міръ и греко-римскій Олимпъ, аллегорическія стихотворенія съ сатирическими намеками въ нихъ на политическія замѣшательства того времени, декламаторскія героическія трагедіи—остатки рыцарской поэзіи,—всѣ подобнаго рода произведенія сдѣлались слишкомъ модными и потому долго держаться не могли. Затѣмъ измѣненіе эстетическаго вкуса явилось въ тѣснѣйшей связи съ политическими отношеніями: чѣмъ больше пробуждалось въ Англіи самосознаніе гражданъ, тѣмъ болѣе дѣлалась гражданская жизнь предметомъ поэзіи, хотя на первыхъ порахъ съ моральными тенденціями, которыя высказывались прямо. Вмѣстѣ съ развитіемъ вкуса къ изображенію семейной жизни, чувство должно было получить бо̀льшую глубину, которая на первыхъ порахъ однако стала выражаться „сантиментальностію“. Въ 1740 году, вышелъ романъ „Памела, или награжденная добродѣтель“ Самуила Ричардсона (род. 1689 г.). Произведеніе это обратило на себя всеобщее вниманіе безпримѣрной правдивостью разсказа, тщательнымъ, до малѣйшихъ оттѣнковъ, изображеніемъ чувствъ, наконецъ, строго нравственнымъ принципомъ, который всюду руководилъ авторомъ. Успѣхъ второго, еще болѣе чувствительнаго произведенія того же писателя: „Кларисса“, превзошелъ успѣхъ перваго. Но въ томъ и другомъ романѣ добродѣтель и порокъ являются въ преувеличенномъ изображеніи—первая въ черезчуръ ангельскомъ, второй—въ черезчуръ демонскомъ видѣ; въ обоихъ сантиментальность доведена до послѣднихъ границъ; въ обоихъ господствуетъ нравственная точка зрѣнія и исправительная тенденція до забвенія всего остальнаго. Всѣ эти недостатки еще рѣзче выступаютъ въ третьемъ и послѣднемъ ро-

манѣ Ричардсона: „Сэръ Чарльсъ Грандиссонъ“ (1753 г.). Здѣсь герой является невозможнымъ образцомъ всѣхъ возможныхъ добродѣтелей, а черезъ это романъ, несмотря на прекрасное развитіе цѣлаго, лишенъ истины въ самой основѣ.

Эти романы съ жадностью поглощались публикой и открыли собою тѣ потоки сантиментальныхъ слезъ, которыми вскорѣ залились почти всѣ литературы Европы. Несмотря на успѣхъ этихъ романовъ, параллельно съ этимъ развилось и другое направленіе эстетическаго вкуса, которое явилось отчасти въ противорѣчіи съ мѣщанской моралью Ричардсона и строгостью его воззрѣній. Сначала это направленіе выступило съ средствами комизма, какъ это было у Генриха Фильдинга, котораго главныя произведенія являются сознательнымъ осмѣяніемъ его современниковъ и поэтому въ основѣ своей являются несравненно болѣе истинными. Но и въ этихъ романахъ заключается всетаки не малая доля сантиментальности. Еще болѣе стояли на почвѣ дѣйствительности сатирическіе романы Георга Смоллэ (род. 1721 г.), изъ которыхъ первый, „Родерикъ Рендомъ“, вышелъ въ 1746 году. Хотя онъ изображаетъ свои характеры въ чертахъ нѣсколько преувеличенныхъ, тѣмъ не менѣе однако въ основѣ у него является дѣйствительность.

Но наиболѣе оживленнымъ образомъ выступаетъ для насъ эта эпоха въ произведеніяхъ живописца Уильяма Гогарта († 1764 г.), который въ язвительно сатирическихъ листкахъ своихъ изобразилъ частную жизнь той эпохи („Жизнь развратной женщины“, „Жизнь развратнаго человѣка“).

Каждая эпоха, богатая противуположностями, даетъ обильную пищу сатирѣ и юмору. И здѣсь на ряду съ язвительными сатириками встрѣчаются люди болѣе мягкіе, какъ представители въ основѣ серьезнаго и потому слегка улыбающагося юмора. Этимъ направленіемъ по преимуществу отличался Лоренцъ Стернъ (1713—1768), котораго слава основана на двухъ романахъ: „Тристрамъ Шанди“ и „Сантиментальное Путешествіе“. Предметъ разсказовъ крайне скученъ; самые разсказы слишкомъ обременены эпизодами, замѣчаніями,—правда, иногда остроумными,—всякаго рода разсужденіями, трогательными, иногда даже слезливыми, разнаго рода придѣлками и причудливыми уклоненіями отъ предмета. Стернъ, давъ второму изъ своихъ романовъ заглавіе „Сантиментальное Путешествіе“, ввелъ въ литературу слово, которымъ впослѣдствіи стали обозначать цѣлый періодъ.

Намъ необходимо нѣсколько обстоятельнѣе остановиться на умственномъ движеніи въ Англіи, такъ какъ оно въ разныхъ отношеніяхъ имѣло громадное значеніе какъ для Франціи, такъ и для

Германіи. Идеи начинаютъ бродить и ищутъ для себя новаго отечества, гдѣ одушевляются его духомъ, который часто значительно видоизмѣняетъ ихъ первоначальную форму.

Развитіе духовной жизни въ Англіи указывало на склонность—подвергнуть критикѣ анализирующаго ума всякаго рода преданія въ области политики, философіи и религіи; съ другой стороны оно указывало на постепенное пробужденіе индивидуальнаго чувства. Первое изъ этихъ двухъ главныхъ направленій явилось прежде всего во Франціи, подъ непосредственнымъ вліяніемъ идей, развившихся въ Англіи, гдѣ оно нашло представителя во Франсуа, Мари, Аруэ де-Вольтерѣ (род. 1694 г. въ Шатенѣ, ум. 1778 г. въ своемъ помѣстьѣ Ферней, въ Швейцаріи). Онъ не былъ творческимъ геніемъ, но былъ однимъ изъ самыхъ даровитыхъ и остроумныхъ писателей, какихъ только представляетъ вся вообще исторія всемірной литературы. Остроумный, иногда до наглаго цинизма непримиримый врагъ религіозныхъ вѣрованій и суевѣрій, отвергавшій всякій авторитетъ, опиравшійся исключительно на преданіе, деистъ, но при этомъ смертельный врагъ положительнаго христіанства и духовенства, легкомысленный и жадный къ пріобрѣтенію, развратный и, несмотря однако-жъ на все это, — особенно въ послѣдніе годы своей жизни,—великодушный, онъ былъ неутомимымъ бойцомъ за свободу духа и защитникомъ всѣхъ невинно угнетенныхъ.

Какъ Вольтеръ направлялъ свои острыя стрѣлы главнымъ образомъ противъ господствовавшей церковной системы, такъ Шарль де-Монтескье (ум. 1755 г.) возставалъ противъ тогдашняго политическаго устройства Франціи. Въ „Персидскихъ письмахъ“ онъ въ формѣ романа раскрылъ съ безпощадною откровенностью гнилость всего тогдашняго государственнаго и общественнаго строя. Въ другомъ сочиненіи своемъ онъ указывалъ на общественныя отношенія Англіи и превозносилъ учрежденія этой страны, которая обезпечивала народу самоуправленіе. Онъ порицалъ деспотическій образъ правленія, какъ причину упадка человѣчества, порчи нравовъ, и указывалъ на конституціонные порядки, какъ на такія учрежденія, къ которымъ должны стремиться всѣ народы Европы. Остроуміе и ясность изложенія содѣйствовали очень много распространенію его идей, которыя всѣ вообще заключали въ себѣ революціонныя начала. Совершенно въ другомъ родѣ были сочиненія Жанъ Жака Руссо (род. 1712 г. въ Генфѣ, ум. 1778 г.), явившіяся плодомъ не столько сатирическаго ума, сколько переполненнаго сердца. Но и въ немъ жило глубокое негодованіе противъ существующихъ отношеній, и рядомъ съ нимъ фанатическое увлеченіе природой. Преданіе разсказываетъ, что онъ даже въ послѣднія

минуты своей жизни приказалъ открыть окно своей комнаты въ Эрменонвиллѣ, чтобы насладиться видомъ мѣстности. Онъ выходилъ изъ той точки зрѣнія, что въ культурѣ коренится всякаго рода зло, и что спасеніе возможно только черезъ возвращеніе къ природѣ Въ испорченности рода человѣческаго заключается причина безправности угнетенныхъ и произвола господствующихъ. Если эти идеи дѣйствовали увлекательно, благодаря тому энтузіазму, съ которымъ выражались, то онѣ тѣмъ сильнѣе должны были проникать въ массы, что Руссо облекалъ ихъ въ форму романовъ. И въ нихъ также онъ противополагалъ искусственныя отношенія требованіямъ природы, показывалъ противоположность между пошлостью и ложью и простымъ человѣческимъ благонравіемъ. Наиболѣе глубокое впечатлѣніе произвелъ его романъ „Эмиль“, трактовавшій о воспитаніи и религіи. Руссо остроумно нападалъ на неестественность господствовавшей въ его время системы воспитанія дѣтей и ставилъ на мѣсто ея свой собственный идеалъ. Съ глубокимъ энтузіазмомъ превозносилъ онъ религію, которая коренится въ тайникахъ души, какъ нѣчто возвышенное и священное, хотя не признавалъ ни откровенія, ни чудесъ.

Матеріалистическое воззрѣніе достигло своей вершины у составителей „Энциклопедіи“—сборника, который, по мысли издателей, долженъ былъ сдѣлать лишними всѣ другія книги. Духъ, которымъ проникнута „Энциклопедія“, представлялъ начало, отрицающее все старое. Онъ отвергалъ всякое религіозное преданіе, какъ скоро не подвергался предварительному изслѣдованію вопросъ—можетъ ли оно быть оправдано въ основѣ или нѣтъ; онъ отрицалъ дѣйствіе какого бы то ни было духовнаго принципа въ жизни человѣчества, какъ и отдѣльнаго лица, не имѣя, однако-жъ, возможности поставить на мѣсто этого что-нибудь твердое. Сообразно такому взгляду, нравственность энциклопедистовъ и ихъ кружка имѣла совершенно матеріалистическій характеръ. Мѣсто нравственнаго чувства и долга заступили эгоизмъ и погоня за наслажденіями.

Добродѣтель, нравственность, нравственная свобода, обузданіе пошлыхъ стремленій были признаны глупостями. Нѣтъ нужды говорить, какое вліяніе должны были производить подобнаго рода идеи на высшіе; уже и безъ того глубоко деморализованные, классы общества. И въ этихъ сочиненіяхъ также слышится тихое вѣяніе революціи, такъ какъ въ нихъ нанесены были тяжкіе удары тиранніи и совершенно открыто высказываются демократическіе принципы. Чѣмъ больше подготовляли революцію политическія отношенія, тѣмъ рѣзче проявлялись разрушительныя тенденціи въ литературѣ. Съ одной стороны въ обществѣ развилось легкомысліе,

ЕСТЕСТВЕННАЯ ИСТОРІЯ
ПЛЕМЕНЪ и НАРОДОВЪ

ФР. ГЕЛЬВАЛЬДА.

Со множествомъ иллюстрацій художника Келлеръ-Лейцингера.

Сочиненіе это заключаетъ въ себѣ исторію развитія культуры племенъ и народовъ земного шара. Авторъ, строго придерживаясь географической группировки и сравнительнаго метода, описываетъ послѣдовательно обитателей Австраліи, Америки, Африки, Азіи и Европы, со всѣми особенностями ихъ жизни, и вездѣ ссылается на источники, которыми пользовался, что̀ значительно облегчаетъ трудъ дальнѣйшаго изученія любопытныхъ матеріаловъ, имъ собранныхъ.

„ЕСТЕСТВЕННАЯ ИСТОРІЯ ПЛЕМЕНЪ И НАРОДОВЪ“ иллюстрирована **художникомъ Келлеръ-Лейцингеромъ,** изобразившимъ не только типы расъ (преимущественно по фотографическимъ снимкамъ съ натуры), но также и разнообразные предметы ихъ домашняго быта, о которыхъ нельзя составить себя полнаго представленія безъ соотвѣтствующихъ рисунковъ.

Право перевода и изданія въ Россіи **„ЕСТЕСТВЕННОЙ ИСТОРІИ ПЛЕМЕНЪ И НАРОДОВЪ“** пріобрѣтено **А. С. Суворинымъ.**

„ЕСТЕСТВЕННАЯ ИСТОРІЯ ПЛЕМЕНЪ И НАРОДОВЪ“ въ русскомъ переводѣ, со всѣми иллюстраціями нѣмецкаго оригинала, **выходитъ выпусками отъ двухъ до трехъ каждый мѣсяцъ. Всѣхъ выпусковъ будетъ приблизительно тридцать пять, что составитъ два большихъ тома, со множествомъ рисунковъ. Цѣна каждому выпуску 30 коп., а всѣмъ выпускамъ вмѣстѣ 10 р. 50 коп.**

Лица, желающія подписаться на **„ЕСТЕСТВЕННУЮ ИСТОРІЮ ПЛЕМЕНЪ И НАРОДОВЪ“,** пользуются уступкой и разсрочкой, а именно: **вносятъ 3 руб. при подпискѣ, 3 руб. по выходѣ десятаго выпуска и 3 руб. по выходѣ двадцатаго выпуска.**

Два первыхъ выпуска поступятъ въ продажу въ октябрѣ мѣсяцѣ.

Подписка на **„ЕСТЕСТВЕННУЮ ИСТОРІЮ ПЛЕМЕНЪ И НАРОДОВЪ“** принимается исключительно **въ книжномъ магазинѣ „Новаго Времени“,** С.-Петербургъ, Невскій пр., д. № 60.

НАШЪ ВѢКЪ

ОБЩІЙ ОБЗОРЪ ВАЖНѢЙШИХЪ ЯВЛЕНІЙ ВЪ ОБЛАСТИ ИСТОРІИ, ИСКУССТВА, НАУКИ И ПРОМЫШЛЕННОСТИ, ВЪ ТЕЧЕНІЕ ПОСЛѢДНЯГО СТОЛѢТІЯ.

ОТТО ФОНЪ-ЛЕЙКСНЕРА.

Со множествомъ портретовъ, рисунковъ, автографовъ и другихъ иллюстрацій.

ПЕРЕВОДЪ СЪ НѢМЕЦКАГО БЫВШАГО ДОЦЕНТА НОВОРОССІЙСКАГО УНИВЕРСИТЕТА

Д. П. ЛЕВЕДЕВА.

Столѣтній періодъ, начиная съ послѣдней четверти XVIII вѣка и до нашихъ дней, принадлежитъ къ наиболѣе плодотворнымъ въ исторіи. Со времени Сѣверо-Американской войны за независимость и французской революціи, въ политической жизни народовъ совершилось много замѣчательныхъ событій: всемірное господство Наполеона и его паденіе, война за освобожденіе, періодъ революцій, американскія войны, памятная Европѣ борьба 1870—1871 годовъ и т. д.

Въ тѣсной связи съ историческимъ ходомъ событій находится движеніе и развитіе соціализма въ разнообраныхъ его проявленіяхъ, начиная отъ зародышей коммунистическихъ утопій до соціалъ-демократіи и нигилизма включительно. Вмѣстѣ съ тѣмъ, сдѣлала огромные успѣхи и наука, въ особенности естествовѣдѣніе. Изобрѣтенія ученыхъ переносятся въ практическую жизнь, благодаря техникѣ, исполинское развитіе которой стало отличительной чертой нашего времени. Въ искусствѣ и поэзіи также живо проявились новыя стремленія, испытавшія въ теченіе столѣтія разнообразныя измѣненія.

Рядомъ съ обстоятельнымъ знакомствомъ со всѣми этими явленіями въ отдѣльности, чувствуется потребность въ такомъ обзорѣ нашего вѣка, который давалъ бы въ ясной, всѣмъ доступной формѣ, общее понятіе о немъ и **въ связномъ разсказѣ обнималъ бы политическую и соціальную исторію, дѣятельность выдающихся личностей, поэзію, искусство и науку, важнѣйшія завоеванія въ области знанія вообще, и техники въ частности, развитіе журналистики и т. д.** Въ ученыхъ исторіяхъ культуры нѣтъ недостатка; но сочиненій, предназначаемыхъ, подобно настоящему, къ широкому распространенію въ обществѣ, не существуетъ ни въ одной странѣ Европы.

Обширный матеріялъ, естественно, принудилъ автора этого сочиненія исключить вещи, представляющія второстепенный интересъ; но зато имъ не упущено изъ виду ни одного явленія, такъ или иначе благотворно вліявшаго на нравственное развитіе народовъ. Авторъ вездѣ остается поборникомъ здраваго, правильно понимаемаго прогресса. Его выводы вполнѣ независимы тамъ, гдѣ онъ самъ могъ провѣрить ихъ и вездѣ опираются на неопровержимые авторитеты.

Особенное вниманіе обращено на иллюстраціи, которыя тщательно исполнены по оригиналамъ знаменитѣйшихъ художниковъ. Въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ это необходимо, текстъ поясняется чертежами, рисунками машинъ и т. п. Кромѣ того, приложены въ точныхъ снимкахъ музыкальные и другіе автографы.

Исключительное право перевода и изданія **„Нашего Вѣка“** въ Россіи пріобрѣтено **А. С. Суворинымъ.**

Все сочиненіе будетъ состоять изъ 50 выпусковъ, каждый отъ $1^1/_2$ до $2^1/_2$ печатныхъ листовъ, съ нѣсколькими портретами, рисунками и снимками.

Цѣна каждаго выпуска **35** коп. сер., а всѣмъ выпускамъ вмѣстѣ **17** р. **50** к.

Лица, желающія подписаться на это изданіе, пользуются уступкой и вносятъ **5** руб. при началѣ подписки, **5** руб. по выходѣ 15-го выпуска, и **5** р. по выходѣ 30-го выпуска.

Первые выпуски печатаются и поступятъ въ продажу въ октябрѣ мѣсяцѣ.

Подписка принимается исключительно въ книжныхъ магазинахъ **„Новаго Времени“** въ С.-Петербургѣ, Невскій проспектъ, № 60; въ Москвѣ, Никольская, домъ Ремесленной управы.

ИМПЕРАТОРСКОЕ

ЧЕЛОВѢКОЛЮБИВОЕ ОБЩЕСТВО.

ПОПЕЧИТЕЛЬСТВО ДЛЯ СБОРА ПОЖЕРТВОВАНІЙ НА

ВОСПИТАНІЕ БѢДНЫХЪ ДѢТЕЙ.

Въ С.-Петербургѣ, Кабинетская ул., домъ № 2-й, квартира № 10.

ПОПЕЧИТЕЛЬСТВО имѣетъ честь заявить, что оно принимаетъ всякого рода пожертвованія, какъ то: **битое стекло, старыя тряпки, коробки, пробки, клочки бумаги, исписанныя тетради, катушки, старое, хотя бы совершенно поношенное, бѣлье и платье, старыя книги и карты, старую мебель, битую посуду** и вообще вещи ненужныя, которыя въ отдѣльности не имѣютъ не только никакой цѣны, но часто въ семействѣ стѣсняютъ — образуютъ пыль и грязь и занимаютъ мѣсто; между тѣмъ эти-то вещи, повидимому, ничего не стоющія, даютъ въ массѣ почтенныя цифры, на которыя Попечительство имѣетъ возможность **одѣвать и воспитывать круглыхъ сиротъ или дѣтей бѣднѣйшихъ родителей.**

Во второе полугодіе дѣятельности Попечительства помощію его пользовались 76 дѣтей.

Для удобства жертвователей, которые не могутъ сами послать вещи, Попечительство предлагаетъ заявить о своемъ намѣреніи по почтѣ и назначить день и часъ, въ какой оно можетъ прислать своего артельщика принять жертвуемыя вещи и выдать установленную росписку.

Попечительство приглашаетъ къ пожертвованію также гг. иногородныхъ жителей.

Подробныя разъясненія, а также и отчеты дѣятельности Попечительства, выдаются въ помѣщеніи Попечительства, а также высылаются гг. иногороднымъ жертвователямъ.

Письма просятъ адресовать: *Въ С.-Петербургъ. Въ Попечительство для сбора пожертвованій на воспитаніе бѣдныхъ дѣтей. Кабинетская ул., д. № 2, кв. № 10.*

У ВСѢХЪ КНИГОПРОДАВЦЕВЪ ПРОДАЕТСЯ НОВАЯ КНИГА

Н. А. ЛЕЙКИНА

ГУСИ ЛАПЧАТЫЕ.

1881 г., 300 стр., 65 разсказовъ. Ц. 1 руб. 50 коп., безъ пересылки.

ТАМЪ ЖЕ ПРОДАЮТСЯ СЛѢДУЮЩІЯ КНИГИ

Н. А. ЛЕЙКИНА:

МУЧЕНИКИ ОХОТЫ.

1880 г., 268 стр., 53 разск. Ц. 1 р. 50 к., безъ пер.

МѢДНЫЕ ЛБЫ.

1880 г., около 300 стр., 65 разск. Ц. 1 р. 50 к., безъ пер.

СОВРАСЫ БЕЗЪ УЗДЫ.

1880 г., около 300 стр. убористой печати, 72 разск. Ц. 1 р. 50 к., безъ перес.

НАШИ ЗАБАВНИКИ.

1879 г., 78 юмор. разск., 300 стр., Ц. 1 р. 50 к.

РАДИ ПОТѢХИ.

1879 г., 63 юмор. разск., 308 стр., Ц. 1 р. 50 к., безъ пер.

НЕУНЫВАЮЩІЕ РОССІЯНЕ.

(изд. 2-е, дополненное).

1881 г., 42 юмор. разск., 300 стр., Ц. 1 р. 50 к.

ШУТЫ ГОРОХОВЫЕ.

(Изданіе 2-е, дополненное).

1880 г., 87 юмор. разск., 320 стр. Ц. 1 р. 50 к.

Лица, выписывающія на сумму не менѣе 4 р. 50 к., хотя бы и книгъ разныхъ названій, отъ автора (С.-Петербургъ, Николаевская, № 48), за пересылку ничего не платятъ.

ИСТОРИКО-ЛИТЕРАТУРНЫЙ

ЖУРНАЛЪ

„ИСТОРИЧЕСКІЙ ВѢСТНИКЪ“.

Подписная цѣна за 12 книгъ въ годъ **десять** руб. съ пересылкой и доставкой на домъ.

Главная контора въ **Петербургѣ,** при книжномъ магазинѣ **„Новаго Времени“** (А. С. Суворина), Невскій просп., д. № 60. Отдѣленіе главной конторы въ **Москвѣ,** при московскомъ отдѣленіи книжнаго магазина **„Новаго Времени“,** Никольская, д. Ремесленной управы.

Программа **„Историческаго Вѣстника“:** русскія и иностранныя (въ дословномъ переводѣ, или извлеченіи) историческія сочиненія, монографіи, романы, повѣсти, очерки, разсказы, мемуары, воспоминанія, путешествія, біографіи замѣчательныхъ дѣятелей на всѣхъ поприщахъ, описанія нравовъ, обычаевъ и т. п., библіографія произведеній русской и иностранной исторической литературы, некрологи, характеристики, анекдоты, новости, историческіе матеріалы и документы, имѣющіе общій интересъ.

Къ **„Историческому Вѣстнику“** прилагаются **портреты и рисунки,** необходимые для поясненія текста.

Статьи для помѣщенія въ журналѣ должны присылаться по адресу главной конторы, на имя редактора **Сергѣя Николаевича Шубинскаго.**

Редакція отвѣчаетъ за точную и своевременную высылку журнала только тѣмъ изъ подписчиковъ, которые доставили подписную сумму непосредственно въ главную контору или ея московское отдѣленіе съ сообщеніемъ подробнаго адреса: имя, отчество, фамилія, губернія и уѣздъ, почтовое учрежденіе, гдѣ допущена выдача журналовъ.

Издатель А. С. Суворинъ. Редакторъ С. Н. Шубинскій.

ТИПОГРАФІЯ А. С. СУВОРИНА. ЭРТЕЛЕВЪ ПЕР., Д. № 11—2.